ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 5

МАЙ

К XVI С'ЕЗДУ ВКП(б)

Издание газеты „ПРАВДА"
МОСКВА 1930

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

МАЙ № 5 1930

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

К XVI С'ЕЗДУ ВКП(б).

Годы великого перелома.

(К XVI с'езду ВКП(б)).

Каждый с'езд нашей партии составляет особую веху в истории. От с'езда к с'езду можно проследить рост большевистской партии, рост влияния партии на массы, успехи упрочения диктатуры пролетариата и строительства социализма в нашей стране. Каждый с'езд партии является выражением воли и разума всей партии, всего революционного рабочего класса; каждый с'езд подводил итоги мировому революционному движению пролетариата, намечал дальнейшие его пути, давая новые директивы и лозунги.

XVI с'езд ВКП(б) войдет в историю как один из важнейших с'ездов партии. XVI с'езд призван подвести итоги важнейшему и ответственнейшему этапу социалистического строительства. Перед ним стоит задача определить лозунги дальнейшего движения по пути построения социализма в нашей стране.

XVI с'езд ставит новую веху в истории. Ко времени его созыва мы имеем законченную картину основных линий реконструктивного периода. Социалистическое строительство достигло значительных успехов. Обобществленная промышленность, в значительной мере реконструированная, занимает бесспорно главенствующее и руководящее положение в хозяйстве страны. Успехи коллективизации, лозунг сплошной коллективизации и на основе ее ликвидация кулачества как класса, определяют пути дальнейшего развития сельского хозяйства по пути к социализму. Энтузиазм, проявленный передовой частью рабочего класса и широчайших трудящихся масс в социалистическом строительстве, культурные сдвиги, растущие с каждым годом, выявили свое колоссальное значение в деле выполнения в кратчайший срок генерального плана социалистического переустройства страны.

Никогда еще непосредственное строительство социализма не было так делом сегодняшнего дня как сейчас. Мы на последнем перевале. Страна ждет от XVI с'езда партии указаний для дальнейшей борьбы за социализм, для преодоления трудностей, для новых побед.

Весь реконструктивный период отмечен упорной борьбой партии против оппортунизма «слева» и справа.

Троцкизм об'винял партию в «минимализме». То, что предлагал троцкизм, грозило разрывом союза с середняком. Исходя из антагонизма классовых интересов пролетариата и крестьянства в целом (как класса капиталистического), троцкизм предлагал сделать основным источником социалистического накопления эксплоатацию крестьянства. Исходя из неизбежности крушения диктатуры пролетариата в условиях отсталой аграрно-промышленной страны, троцкизм толкал партию на путь такого «сверхиндустриализма», который неизбежно вызвал бы обострение классовых противоречий между середняком и рабочим классом.

Мелкобуржуазная природа троцкизма была указана еще XIII с'ездом партии. К моменту XV с'езда троцкистская оппозиция вместе с присоединившейся к ней «новой оппозицией» XIV с'езда докатилась до социал-меньшевистских позиций во всех основных вопросах политики. XV с'езд партии постановил исключить из партии троцкистскую оппозицию как течение, выросшее в самостоятельную партию с программой и тактикой, глубоко отличающейся от программы и тактики нашей партии.

После XV с'езда в партии явно обнаружились другого рода колебания. Оформилось правое течение.

Правая оппозиция выдвинула против партии обвинения, по форме прямо противоположные троцкизму. Правые стали об'винять партию в военно-феодальной эксплоатации крестьянства. Правые на всех углах и перекрестках кричали о непосильных темпах пятилетки, об истощении всех резервов, о непосильных тяжестях для крестьянства. Правые об'являют линию Коминтерна вспышкопускательством, большевизацию братских партий называют политикой разложения партий.

И правых и «левых» об'единяет одно—борьба против руководства партии и внутрипартийного режима. Но такова уже участь всякой оппозиции, что борьбу против линии партии оппозиция начинает с борьбы против внутрипартийного режима и партийного руководства.

Впрочем, и у «левой» и у правой оппозиции имеются и более существенные пункты соприкосновения, а именно: оппортунистическое содержание всех их позиций. Действительно, троцкизм подвергает сомнению социалистический характер нашей революции, троцкизм не верит в возможность успешного построения социализма в стране с отсталой техникой, в стране, где преобладающей формой хозяйства является мелкотоварное сельскохозяйственное производство. Но и правый уклон, оспаривая темпы индустриализации, не веря в колхозное и совхозное строительство (колхозы—«музыка будущего»), тоже выражает неверие в творческие силы революции, тоже капитулирует перед силами, враждебными социализму.

Этим и об'ясняется та легкость, с которой «левые» лозунги превращаются в правые.

Вот почему партия проводит лозунг борьбы на два фронта. ЦК ленинской партии на ноябрьском пленуме 1928 г. так формулировал задачу борьбы на два фронта:

«1. Всплывает правый (откровенно оппортунистический) уклон, который находит свое выражение в стремлении снизить темп и задер-

жать дальнейшее строительство крупной индустрии, в пренебрежительном или отрицательном отношении к колхозам и совхозам, в недооценке и затушевывании классовой борьбы, в частности борьбы с кулаком, в бюрократическом невнимании к нуждам массы, в недооценке борьбы с бюрократизмом, в недооценке военной опасности и т. д. 2. В то же время оживают социал-демократические, антисереднякие, сверхиндустриалистские тенденции, скрывающие под левой фразеологией полуменьшевистское правое содержание и ведущее на деле к тем же гибельным результатам, как и открыто правый уклон. Отсюда задача борьбы на два фронта как против правого, откровенно-оппортунистического уклона, так и против социал-демократического, троцкистского «левого», т.-е. по существу того же правого, но прикрывающегося левой фразой уклона от ленинской линии. Само собой понятно, что преодоление этих уклонов предполагает систематическую борьбу с обывательски-беспринципной терпимостью по отношению к ним (примиренчество)».

С переходом к усиленному наступлению на капиталистические элементы правая опасность в партии становится главной опасностью.

Перед XVI партконференцией лидеры правых выступали с декларативными заявлениями, формулировавшими их позицию по ряду спорных вопросов и обвинявших ЦК в неправильном руководстве. К этому же времени относятся выступления ряда товарищей с «левыми» настроениями (Шацкин, Стэн, Костров и др.), признавшими затем свои ошибки.

Вскрывая классовую природу правого уклона и «левых» заскоков, мобилизовав всю партию на выполнение пятилетнего плана, на активизацию трудящихся масс, на проведение четкой классовой линии во всех областях строительства, на усиление обороноспособности страны, ленинский ЦК дал быстрый и решительный отпор правому и «левому» уклону и обывательско-примиренческому к нему отношению.

Однако этим не кончилась борьба на два фронта. Вся борьба против лидеров правого уклона, как и против отдельных товарищей с «левыми» заскоками, велась партией так решительно и последовательно потому, что те и другие отражали настроения определенных социальных группировок. Заявлениями правых и «левых» опасность правых и «левых» настроений в стране и партии не снимается. Остается попрежнему боевым лозунг борьбы на два фронта. «Левые» перегибы, с одной стороны, пассивность, теория «самотека» и т. д., с другой стороны — выявившиеся в деле коллективизации деревни, являются лучшим подтверждением того, что ни правая, ни «левая» опасность не миновали и что основной из них на данном этапе переходного периода является правая опасность.

Опыт партийной борьбы неоднократно доказывал, что из борьбы с уклонами партия выходит очищенной, более закаленной и монолитной. Массы рабочего класса, проверяя в борьбе и на живом деле строительства лозунги партии, проникаются еще большим доверием к партии, ибо воочию видят победу партии, успехи социалистического строительства, верность ленинским заветам.

XVI с'езд партии, который подведет итоги борьбы на два фронта за период от XV до XVI с'езда поведет партию и рабочий класс по пути новых побед, на захват новых подступов к социализму.

* * *

В борьбе против «левых» заскоков и правого уклона во весь рост был поставлен вопрос о значении марксистско-ленинской теории. Уклоны от генеральной линии партии вправо, и «влево» в области тео-

рии имеют предпосылку одного и того же порядка—замену диалектики абстрактно-схоластической, механистической, эклектической методологией. Антисередняцкие тенденции троцкизма, как отметил XV с'езд партии, в сфере теории являются результатом перенесения «закономерности развития крестьянского хозяйства при капитализме целиком и полностью на эпоху диктатуры пролетариата». Та же механистическая концепция лежит в основе всех позиций правого уклона.

Таким образом, борьба с правым и «левым» уклонами была одновременно в области теории борьбой за марксистско-ленинскую диалектику, за живое действенное подлинно-ленинское применение теории к практике. Все вопросы политической борьбы партия подняла на высоту марксистской теории, все политические колебания и извращения ленинской линии партия вскрыла и осветила светом революционной диалектики, втянув, как никогда, широчайшие массы партии и рабочего класса в борьбу за практику и теорию ленинизма.

Не на словах, а на деле партия показала, что она доподлинно владеет методом Маркса-Ленина. Партии приходится сейчас в совершенно новой обстановке итти без Ленина по ленинскому пути. «По-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о колхозах, об экономике переходного периода» (Сталин). Жизнь требует новых лозунгов, неотложного разрешения новых вопросов. А между тем, мысль часто цепляется за старое, отжившее, за механические аналогии, за буржуазные предрассудки. Под руководством своего Центрального Комитета партия сумела по-новому поставить и решить вопрос о нэпе и о классовых взаимоотношениях, и о колхозах, и об экономике переходного периода. XVI с'езд, подытоживая практические результаты социально экономической политики партии за период с XV с'езда должен будет это констатировать. «Но если мы имеем основание гордиться *практическими* успехами социалистического строительства, то нельзя то же самое сказать об успехах нашей *теоретической* работы в области экономики вообще, в области сельского хозяйства в особенности. Более того: надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли» (Сталин).

Прокатившиеся со времени XV с'езда теоретические дискуссии в политической экономии, у историков, в области литературоведения в педагогике и в области философии, подтвердили правоту слов тов Сталина. Эти дискуссии явились своеобразным отражением в области теоретической мысли той борьбы, которая развернулась в практических вопросах социалистического строительства. Как и там, здесь марксистско-ленинская теория должна вести борьбу на два фронта: против механистических и идеалистических извращений теории марксизма. Как и там, здесь механистические и идеалистические взгляды, теории и теорийки представляют не что иное, как защиту регрессивных, антинаучных и реакционных положений. Как и там, борьба в теории на два фронта об'ективно и политически означала борьбу за классовую пролетарскую линию в теории против мелкобуржуазных и капиталистических апологий.

Особое значение приобретает в наших условиях борьба диалектиков-материалистов против механистов, с одной стороны, и различных идеалистических шатаний (Лукач, «марксисты», смыкающиеся с фрейдистами, формалистическое понимание диалектики, и т. д. с другой стороны). Эта борьба ведется за основы марксистско-ленинской теории — за *диалектику*. Задача разработки материалистической

диалектики, ограждение ее от искажения является важнейшей теоретической задачей нашего времени, поскольку все вопросы практического строительства социализма и классовой борьбы могут быть правильно поняты и разрешены только с помощью этой испытанной революционной теорией.

Борьба с механистами велась на протяжении ряда лет. Особенной остроты она достигала на новом этапе нэпа, в период обострения классовой борьбы и оживления как открыто враждебных марксизму-ленинизму идейных течений, так и различных ревизионистских отклонений от него. Не случайно именно в этот период механистическая концепция послужила методологической основой правого уклона.

Некоторый итог борьбе диалектиков с механистами был подведен на II конференции марксистско-ленинских учреждений, вынесшей вполне определенное осуждение механистическому течению и той группе, которая возглавляет это течение (Аксельрод, Тимирязев, Варьяш, Сарабьянов и др.).

В последнее время опять замечается оживление на фронте механистов. Их письмо в газету «Безбожник» является повторением нападок на теорию материалистической диалектики. Таким образом, борьба с механистами не прекратилась и неуклонно должна продолжаться. Необходимо также продолжать разоблачать шатания идеалистического характера, формализма и вести борьбу против эклектизма всякого рода.

В эпоху всемирно-исторических классовых боев, свидетелями и участниками которых мы являемся, философия диалектического материализма должна стать остроотточенным орудием революционного пролетариата и идущих за ним широчайших трудящихся масс. Систематическая и упорная борьба против открыто враждебных марксизму течений, не менее упорная борьба против механистических и идеалистических искажений марксизма, широчайшая пропаганда марксизма,— должны быть знаменем диалектиков-марксистов. Непримиримо бить по идеализму и поповщине во всех ее проявлениях, теоретически разоблачать сущность контрреволюционной социал-демократии и троцкизма, вскрывать методологический отход от ленинизма «левого» и правого уклонов, чутко наблюдать за всеми явлениями на идеологическом фронте, вооружать частные науки, методом Маркса-Ленина, популяризировать идеи диалектического материализма—вот основные задачи марксистской философии в настоящее время, указанные в резолюции фракций ОВМД и Ин-та Философии, напечатанной в № 4 «Под Знам. Марксизма» за этот год.

Приветствуя XVI партийный с'езд, собирающийся в год великого перелома, редакция журнала «Под Знаменем Марксизма» помещает ряд статей, подводящих итоги проделанной на философском фронте работе, отмечающих имевшие место в ней успехи, недостатки и ошибки.

К XVI с'езду партии философская мысль диалектического материализма накопила богатый опыт идеологической борьбы. Изучение и разработка идейного наследства Маркса — Энгельса — Ленина, растущие кадры философов из рабочего класса, прямая, последовательная, принципиальная большевистская самокритика являются условиями дальнейших успехов и достижений на философском фронте.

Опыт борьбы нашей партии за классово-четкую линию во всех областях социалистического строительства послужит верным руководством в дальнейшем развитии теории диалектического материализма и в борьбе за коммунизм.

Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте.

А. Деборин.

Новый этап строительства социализма, характеризующийся практическими мероприятиями, направленными к ликвидации материальной основы кулачества, к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства, переходом от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса, представляет собою огромный шаг вперед в деле строительства социализма, величайший поворот в деле создания бесклассового общества. Наивно было бы думать, что лозунг ликвидации кулачества как класса явился чем-то неожиданным и неподготовленным всем предшествующим ходом развития нашей революции. Напротив того, вся предшествующая политика партии постепенно подводила к переходу на эту новую ступень, которая представляет собою качественно отличную от политики «вытеснения и ограничения» ступень в процессе развития строительства социализма. Политика партии в целом, во всей ее совокупности, естественно подготовила все условия, необходимые для перехода к ликвидации кулачества как класса.

Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть продолжение классовой борьбы пролетариата в новых формах. Эти формы классовой борьбы в течение всего переходного периода постоянно меняются, вплоть до уничтожения классов, т.-е. до того момента, когда диктатура пролетариата становится излишней, и сам пролетариат, как класс, прекращает свое существование.

Социализм есть уничтожение классов. Историческая задача пролетариата, пришедшего к власти, состоит в том, чтобы уничтожить классы, чтобы превратить всех в работников.

Для перехода к социализму требуется целый ряд переходных мер и ступеней. Крупных капиталистов и земледельцев пролетариат просто экспроприирует; по отношению же к мелким производителям и мелким земледельцам пролетариат вынужден прибегать к совершенно иным приемам и методам. Основной вопрос революции, — говорил Ленин, — вращается у нас вокруг вопроса об отношении пролетариата к последнему капиталистическому классу, представляющему «глубочайшую основу капитализма».

Мелкая собственность, простое товарное производство исторически явилось основой для развития капиталистического товарного производства. Процесс превращения капиталистического производства в социалистическое совершается

путем уничтожения прежде всего капиталистического товарного производства. Простое товарное производство остается на некоторое время существовать. Но до тех пор, пока остается простое товарное производство, сохраняется «глубочайшая основа» капитализма, которая является главным препятствием для перехода к социализму. После экспроприации капиталистов и помещиков перед пролетариатом встает задача ликвидации капиталистических элементов деревни, задача ликвидации кулачества как класса, которая может быть осуществлена только посредством социалистической переделки простого товарного хозяйства, посредством перевода на социалистические рельсы середняцких и бедняцких хозяйств путем обобществления средств производства и человеческого труда.

Диктатура пролетариата имеет своей исторической задачей ликвидировать классовое общество путем классовой борьбы, формы которой в этот переходный от капитализма к социализму период меняются в зависимости от достигнутого социалистическим строительством уровня развития. Пролетариат в отношении середняцкого и бедняцкого крестьянства осуществляет свое руководство посредством опоры на бедноту, союза со средним крестьянством и беспощадной борьбы с кулачеством. Конечной целью пролетарского руководства в деревне является переделка бедняцко-середняцкого хозяйства, а вместе с ним и всей его психологии, всех навыков, всего его быта.

Руководить крестьянством, — говорит Ленин, — это значит вести линию на уничтожение классов, а не на сохранение мелкого производителя. «Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченным лишь тогда, — говорит Ленин, — когда пролетарская государственная власть, окончательно подавив всякое сопротивление эксплоататоров и обеспечив себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы. Только это даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и распыленной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких земледельцев силой примера и ради их собственной выгоды переходить к крупному, коллективному, машинному земледелию»[1]).

Возможность осуществления социализма неразрывно связана с реорганизацией промышленности на началах крупного коллективного производства и новейшей технической базы. Социализм предполагает также планомерную организацию, подчиняющую десятки миллионов людей единому руководству в деле производства и распределения продуктов. Социалистическое переустройство сельского хозяйства стало возможным у нас лишь со времени под'ема и небывалого роста и развития социалистической индустрии. Ленин предполагал, что минимальный срок, в течение которого можно будет наладить крупную промышленность, чтобы «она создала фонд для подчинения себе сельского хозяйства», исчисляется в десять лет. Этот прогноз был поставлен Лениным в 1921 году. И удивительное дело. Этот прогноз Ленина, как и вся начертанная им «программа» социалистического развития нашей страны, осуществилась полностью. Социалистическая

---

[1]) Ленин, Соч., 2-е изд., т. XXV, стр. 276.

индустрия, благодаря правильной политике партии, сделала за последние годы такие грандиозные успехи, что она действительно оказалась в состоянии преобразовать также деревню. Разумеется, этот процесс радикального социалистического преобразования деревни находится еще только в самом, так сказать, начале, но необходимые для этого предпосылки уже имеются налицо, и чем дальше, тем больше процесс этот будет ускоренным темпом развиваться.

Коренной поворот крестьянских масс к социализму, выразившийся в небывалом росте колхозного движения, имеет громадное принципиальное значение. При всех ошибках и перегибах, совершенных в деле коллективизации местными партийными и советскими органами, всемирно-историческое значение происшедшего в текущем году перелома в развитии нашего социалистического строительства исключительно велико. Подтвердился великий кооперативный план Ленина. На практике доказана возможность некапиталистического развития простого товарного хозяйства. Почти впервые за все время существования советской власти фундамент капиталистического производства, глубочайшая основа капитализма, стал заменяться социалистическим фундаментом даже в деревне.

Несомненно, что мы стоим перед новыми классовыми боями, поскольку сопротивление со стороны кулачества и капиталистических элементов вообще будет увеличиваться, в связи с процессом упрочения и развития социализма. Но с другой стороны, так же несомненно, что мы сделали уже огромный прыжок в будущее, что мы вплотную подошли к решению основной задачи социалистической революции: к уничтожению классов и к созданию бесклассового общества.

Социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата — это переходный период классовой борьбы, которая неизбежна, пока существуют классы и которая направлена сама на уничтожение классов, ибо этот период классовой борьбы есть период ликвидации самих классов. Для полного уничтожения классов необходимо уничтожение всякой частной собственности на средства производства. Это возможно лишь в процессе ожесточенной классовой борьбы, которая в период диктатуры пролетариата продолжается, но,—как говорит Ленин,— в иной обстановке, в иной форме, иными средствами. Взаимоотношение классов на каждом новом этапе диктатуры пролетариата принимает своеобразные формы. Изучение форм и особенностей классовой борьбы, в связи с данным этапом революции, изучение закономерностей всего переходного периода, составляет первейшую задачу в целях осмысливания путей развития социалистического строительства в целом.

Для полного уничтожения классов, — говорит Ленин, — надо отменить всякую частную собственность на средства производства, надо «уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и умственного труда». Маркс и Энгельс считали, что самым крупным разделением материального и духовного труда является отделение города от деревни. Они полагали далее, что «противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности».

Уничтожение противоречия между городом и деревней является, по мысли Маркса и Энгельса, одним из первых условий коллективности (Gemeinschaft) условием, которое, в свою очередь, зависит от массы материальных предпосылок и которое, как всякий видит сразу же,

не может быть осуществлено одной только волей (эти условия должны еще быть развиты)». На такой же точке зрения в отношении вопроса об уничтожении противоположности между городом и деревней стоит Ленин. Что касается проблемы коллективности (Gemeinschatt) в противоположность, повидимому, обществу (Gesellschatt) и всем суррогатам коллективности, как государство, семья и проч., то об этом будет речь ниже. В этой же связи нам важно подчеркнуть, что для полного уничтожения классов и для возможности создания настоящей коллективности (Gemeinschaft) «надо отменить всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое — говорит Ленин. — Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками[1]).

Таким образом, можно установить определенную последовательность ступеней, ряда переходных мер, осуществляемых диктатурой пролетарната в деле строительства социализма. Экспропрнация помещиков и капиталистов является первым мероприятием пролетарского государства. Но это мероприятие является лишь частью стоящей перед диктатурой пролетарната задачи. «Чтобы уничтожить классы, — говорит Ленин, — надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать в с е х р а б о т н и к а м и. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне.

Чтобы решить вторую, труднейшую часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника, — крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта.

В этом разграничении в с я с у т ь социализма»[2]).

Эти строки написаны Лениным в 1919 году. В них с гениальной простотой намечены основные линии социалистического строительства, которую партия неуклонно и твердо проводила в течение последних лет уже без Ленина, одерживая блестящие победы на фронте строительства социализма.

Партийное руководство взяло твердый курс на усиленное и ускоренное развитие социалистической индустрии, которая на определен-

[1]) Ленин, Соч., т. XVI, стр. 249.
[2]) Там же, стр. 351—352.

ной ступени развития могла стать базой для организационной перестройки всего народного хозяйства, и в особенности сельского хозяйства, для перехода к коллективному, обобществленному, социалистическому хозяйству в деревне. Политика ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, составляет основное содержание текущего момента, основное содержание нынешнего этапа революции. До тех пор, пока сохраняется мелкое крестьянское товарное производство, сохраняется основная база капитализма. Поэтому процесс обобществления, коллективизации мелких крестьянских хозяйств на основе новой техники, означает уничтожение самого фундамента капитализма и превращение крестьянина в работника. Наша страна вступила, таким образом, в новую фазу развития, которая связана с ожесточенными классовыми битвами, поскольку кулацкие и капиталистические элементы деревни и города будут оказывать бешеное сопротивление политике пролетарского государства, ставящего себе ближайшей целью организацию в общенациональном масштабе социалистического земледелия. Организация же социалистического сельского хозяйства на основе новейшей техники подводит нас вплотную к проблемам уничтожения противоположности между городом и деревней, находящейся в связи с противоположностью материального и духовного труда. Уничтожение этой последней противоположности возможно лишь на очень высокой ступени развития социалистического производства. Оно является тем звеном, которое определяет решающий переход от социализма к коммунизму. «Экономической основой полного отмирания государства, — говорит Ленин, — является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного общественного неравенства и при том такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя» [1]).

Всякое общественное неравенство покоится на подчинении человека разделению труда. Поэтому Маркс и Ленин говорят о «разрыве с разделением труда», каковой разрыв доведет и до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом. В основе деления на классы лежит закон разделения труда. Вместе с разделением труда даны все противоречия современного общества. «Разделение труда и частная собственность,—говорит Маркс,— представляют собою тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом случае говорится по отношению к продукту деятельности». Вместе с разделением труда дано также противоречие между интересом отдельного индивида и совокупным интересом коллектива. «Именно благодаря этому противоречию частного и общего интереса, — продолжает Маркс, — совокупный интерес, в виде государства, принимает самостоятельную форму, отличную от реальных, частных и совокупных интересов».

Совокупный интерес существует в действительности как взаимная зависимость индивидов, между которыми разделен труд. Противоположность между гражданским обществом и государством выражается в том, что первое является «истинной ареной всей истории» и совокупностью реальных отношений между людьми, в то время

[1]) Ленин, Соч., т. XVI, стр. 375.

как второе есть иллюзорная совокупность или «суррогат коллективности, как выражается Маркс. «Иллюзорная» совокупность, разумеется, опирается на реальную совокупность, на реальную основу, покоящуюся на разделении труда и порожденном последним разделении классов

«Наконец, разделение труда представляет нам первый пример того, что пока люди находятся в естественно развившемся обществе, следовательно, пока существует раскол между частным и совокупным интересом, следовательно, пока деятельность распределяется не добровольным, сознательным образом, а естественным, стихийным образом, собственное дело человека становится какой-то чуждой, противостоящей ему силой, которая подчиняет его себе, вместо того, чтобы он господствовал над нею.

Согласно происходящему разделению труда, каждый имеет определенный, исключительный круг деятельности, который навязан ему и из которого он не может выйти: он оказывается охотником, рыбаком или пастухом (рукой Маркса: или критическим критиком) и должен остаться им, если он не хочет потерять средств к существованию; в коммунистическом же обществе, где каждому индивиду не отведен исключительный круг деятельности и каждый может развиваться в любой отрасли труда, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность сегодня делать одно, а завтра другое, утром охотиться, после обеда ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством или же критиковать еду — как моей душе угодно, — при чем я не становлюсь от этого охотником, рыболовом, пастухом или критиком.

Это утверждение социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то объективную силу над нами, которая ускользает от нашего контроля, идет вразрез с нашими ожиданиями и сводит на-нет наши расчеты, является одним из главных моментов в историческом развитии прошлого»[1]).

Разделение труда порождает всестороннюю взаимную зависимость и взаимодействие людей, как и раскол между частным и совокупным интересом, при чем специфическая деятельность каждого отдельного индивида навязывается ему стихийным процессом развития производительных сил. Таким образом, собственные силы человека *отчуждаются* от него и *противостоят* ему как внешние чуждые силы, господствующие над ним. Коммунистическая революция впервые освобождает человека от гнета довлеющих над ним и давящих его собственных сил. Жизненные условия и силы, господствовавшие до сих пор над ним, подпадают под власть и контроль человека. Стихийный и бессознательный процесс развития общества с переходом средств производства в общественную собственность принимает *плановый* и *сознательный* характер. В той мере, в какой люди становятся господами своих собственных *общественных* отношений, они становятся также господами *природы*. «Всесторонняя зависимость, эта первая натуральная форма *всемирно-исторического* сотрудничества людей, — говорит Маркс, — превращается, благодаря этой коммунистической революции, в контроль и сознательное господство над этими силами, которые, порожденные взаимодействием людей, до сих пор господствовали над ними, как совершенно чуждые силы»[2]).

---

[1]) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, стр. 222—223.
[2]) Там же, стр. 226.

Натуральная форма всесторонней зависимости, всемирно-исторического сотрудничества состоит в том, что законы собственных общественных действий людей противостоят людям, как *законы природы*, господствующие над людьми. В коммунистическом же обществе законы собственных действий людей, будучи сознательно применяемы ими, подчиняются сами коллективу. «Общественный строй, до сих пор являющийся людям как бы дарованным свыше природой и историей, будет тогда их собственным, свободным делом. Об'ективные, внешние силы, господствовавшие над историей, поступят под контроль человека. И только тогда люди начнут вполне сознательно сами создавать свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемые действия. И это будет скачком человека из царства необходимости в царство свободы»[1]).

Переходная эпоха характеризуется постепенным переходом от господства стихийных процессов над людьми к господству коллективного, общественного сознания и действия над об'ективными силами. Пролетариат — единственный класс в истории, ставящий себе задачу *планового общественного хозяйства*, сознательного, целевого руководства всем процессом производства, обмена и распределения. В переходную эпоху особенно остро встают перед теоретической мыслью *проблемы установления* нового отношения между об'ективным и суб'ективным факторами, между стихией и планом, между необходимостью и свободой, между об'яснением и изменением мира.

Специфические закономерности переходного периода, переход их друг в друга, взаимная их связь и смена одних другими составляют основное содержание общественной науки, которая имеет вместе с тем своей задачей научное руководство процессом развития одной социально-экономической формации в другую, новую, социалистическую. Перед теоретической мыслью стоят в высшей степени важные и ответственные задачи. *Роль науки приобретает все большее значение*, ибо впервые в истории человечество начинает жить по-новому, руководясь во всей своей деятельности *научным познанием*. Пролетариат переводит, так сказать, общество на новые рельсы, перестраивает его на началах науки, подводит под него научный фундамент.

Сама наука приобретает новый смысл и новое назначение. Из частного дела *она становится делом непосредственно общественным*. Поэтому она должна быть *перестроена* в связи с коренным изменением ее назначения и роли. Она все больше и больше теряет свой «академический» характер, становясь более практической, смыкаясь все теснее и теснее с общественной практикой в самом широком и глубоком смысле слова. С развитием социализма и коммунизма *отмирают* целые научные дисциплины, особенно это относится к так называемым государственным, юридическим и проч. наукам. Но этот процесс отмирания захватывает и более широкие области *идеологии*: в архив истории сдаются философские, религиозные, этические и даже логические системы старого мира, которые делаются предметом «исторического» знания, но которые перестают играть роль в новом мире. На ряду с процессом отмирания ряда научных дисциплин, являвшихся выражением общественных отношений старого мира, нарождаются *новые науки*, которые отражают

[1]) Энгельс. Анти-Дюринг, изд. Ин-та Маркса и Энгельса, стр. 268.

новые общественные отношения, и перед которыми стоят совершенно новые задачи. «Общественное сознание всех веков, — говорят авторы Манифеста коммунистической партии,—несмотря на все различия и на все разнообразие, вращалось до сих пор в известных общих формах, формах сознания, которые исчезнут совершенно лишь с полным уничтожением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый радикальный разрыв с существующими имущественными отношениями; неудивительно, что она самым радикальным образом разрывает с традиционными идеями.

Переходная эпоха становится эпохой формирования нового общественного сознания. Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы сознательно руководить этим процессом изменения форм сознания, который получит свое относительное завершение в коммунистическом обществе, где история превратится во всемирную историю и где, стало быть, освобождение отдельного индивида зависит от этого превращения истории во всемирную историю. Только в коммунистическом обществе общественное сознание, базирующееся на действительной коллективности, приобретает форму всеобщности. Противоречие между всеобщим интересом и особенным интересом в классовом обществе сводится к необходимости для данного господствующего класса представлять свои особенные, частные интересы как всеобщие интересы, он вынужден «придать своим мыслям форму всеобщности, представить их как единственно разумные, общезначимые», — говорит Маркс.

Уничтожение частной собственности и связанного с ней господства классов устраняет необходимость представлять особенные интересы в качестве всеобщего и всеобщего интереса в качестве особенного. В коммунистическом обществе противоположность между всеобщим и особенным исчезает. Отсюда и новое отношение между этими формами сознания вообще, как и новое отношение между индивидом и обществом.

Формирование коммунистического сознания начинается с момента установления диктатуры пролетариата и завершается лишь в коммунистическом обществе. Для массового порождения коммунистического сознания, т.-е. для того, чтобы коммунистическое сознание стало всеобщим, как и для завершения коммунистической революции вообще, «необходимо, — как говорит Маркс, — массовое изменение людей, которое возможно лишь в практическом движении, в революции; следовательно, революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество» [1]).

Человеческое сознание, как и различные его формы, является продуктом общества, подобно тому, как общество, в свою очередь, производится человеком, его деятельностью. Маркс отличает, как уже было замечено, суррогаты коллективности или иллюзорные коллективности от реальной, действительной коллективности.

Не имея возможности развить здесь мысли Маркса о противоположности между истинной формой коллективности и мнимыми ее формами, подчеркнем лишь, что, согласно мнению Маркса, только в действительной коллективности, т.-е. в коммунистическом обществе, возможна реальная свобода человека, как человека, и подчинение че-

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», кн. I, стр. 226—227.

ловеку вещественых сил, являющихся отчуждением его личных сил, чувств, деятельности и проч. В то время, как мнимые коллективности (как, например, государство) являлись лишь оковами и организациями угнетения эксплоатируемых и подчиненных классов, в истинной коллективности индивиды достигают свободы, при том не как члены определенного класса, а как личности, как индивиды.

До сих пор мало или почти вовсе не уделялось внимания вопросу, имеющему громадный теоретический и практический интерес, а именно: вопросу о взаимоотношении человеческих чувств и общественной организации. Эта проблема поставлена Марксом в его «Подготовительных работ для Святого семейства» и заслуживает детальной и серьезной разработки. Те замечания, которые имеются у Маркса, вполне достаточны, между прочим, для того, чтобы поставить на совершенно новые основания психологию. Впрочем, нас в этой связи интересует не психология, как таковая, а эволюция органов чувств и самого чувственного содержания в их связи с общественно-историческим развитием человек. Разве «обработка» и развитие органов чувств не является весьма важной задачей в деле формирования нового человека.

Мы стремимся воздействовать не только на мышление человека, на его разум, но и на его чувства. То, что освоено чувствами, привычкой, то образует часто наиболее глубокий и прочный пласт в человеке. Человеческий быт связан с отвердевшими, откристаллизовавшимися привычками, чувствами, предрассудками, выросшими на основе системы определенных производственных отношений. Об огромной консервативной силе привычки говорит постоянно Ленин. Но «привычка» есть прежде всего результат сращения человеческих чувств, аффектов, свойств с определенным социально-экономическим укладом. «Человек,— говорит Маркс,— утверждается в предметном мире не только через посредство мышления, но и через посредство всех чувств». Не только формы сознания, но и формы чувствования определяются общественными отношениями. Но и взаимоотношение между человеческими чувствами и его сознанием, его мышлением также изменяется в зависимости от тех же общественных условий.

Между чувствами и мышлением не существует той метафизической противоположности, о которой говорят многие философы. Без чувств нет вообще никакого мышления. «Образование пяти чувств,— говорит Маркс,— это продукт всей всемирной истории». Чувства общественного человека иные, чем у необщественного, несмотря на то, что, вообще говоря, чувства или, вернее, одинаковые органы чувств присущи даже человеку и животному. Однако человеческий глаз, человеческое ухо воспринимают иначе, чем глаз и ухо животного. Симфония Бетховена доступна только человеку, а не свинье. Чувства человека вовсе не так слепы, как это думают философы-идеалисты. Мы, материалисты, говорим о чувственном сознании, подчеркивая этим, что сознание человека неразрывно связано с его чувствами. Даже самое отвлеченное мышление уходит своими корнями в чувства, в реальную чувственную действительность.

Революция отвлеченного мышления предполагает также и революцию чувственного сознания. Правда, изменение чувственного сознания — процесс длительный, тем не менее это изменение происходит и составляет часть общего процесса изменения всего нашего жизненного уклада. Маркс подчеркивает, что ошибочно противопоставлять метафизически общество индивиду или индивид обществу. «Индивид, говорит он, есть общественное

существо. Поэтому его проявление жизни (если бы оно даже не выражалось в непосредственной форме коллективного, происходящего одновременно с другими, выражениями жизни) есть проявление и выражение общественной жизни». Не только мышление, но и чувства человека носят общественный характер, несмотря на всю их индивидуальную, так сказать, природу, несмотря на индивидуальную, частную форму проявления этой общественной жизни.

Человек раскрывает и развивает свою собственную природу в процессе своей деятельности, своего воздействия на внешний мир. Но это воздействие на внешний мир есть также освоение человеком самого мира через посредство его органов. «Каждое из его человеческих отношений к миру,— говорит Маркс,— зрение, слух, обоняние, вкус, чувство, мышление, созерцание, ощущение, хотение, деятельность, любовь,— словом, все органы его индивидуальности, равно как и те органы, которые даны непосредственно в форме общественных органов, являются в своем предметном отношении, или в своем отношении к предмету, присвоением последнего» [1]). Но в обществе, основанном на частной собственности,— продолжает Маркс,— предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда мы им непосредственно владеем, когда мы его потребляем. Чувство обладания стало единственным чувством, ставшим на место всех физических и духовных чувств. Этим самым частная собственность опустошает человека, кастрирует его. «Поэтому уничтожение частной собственности представляет полное освобождение всех человеческих чувств и свойств», — как говорит Маркс. Это значит, что на место одного лишь чувства обладания станет все богатство человеческих чувств и свойств.

В обществе, в котором предметы не находятся в частном обладании, а сами стали общественными предметами, сам человек также становится в более высоком и глубоком смысле общественным существом, т. е. все формы его отношения к миру, все формы освоения мира приняли чисто-общественную форму. Человеческие чувства и мышление освобождаются от власти частной собственности, они приобретают другой характер, что дает возможность полному развитию всего богатства человеческой жизни. Человеческие силы, чувства — физические и духовные—по мере освобождения от власти над ними вещей, предметов, присвоивших себе человеческие силы, будут все больше очеловечиваться и социализироваться.

Вещественный мир будет действительно освоен и присвоен человеком, когда он станет господином этого мира. Вместе с тем, в силу всей совокупности условий в коммунистическом обществе, изменится взаимоотношение между естествознанием и обществознанием. В данной связи нет надобности и возможности остановиться на этом вопросе. Достаточно лишь подчеркнуть две весьма существенные мысли, которые были уже высказаны Марксом и Энгельсом. Прежде всего, напомним, что с точки зрения основоположников марксизма коммунистическая организация общества открывает новую историческую эпоху, когда «люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание (разрядка моя. *А. Д.*), сделают такие успехи, что все совершенное до того покажется только слабой тенью» [2]).

---

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», кн. III, стр. 254.
[2]) Энгельс, Диалектика природы, «Архив Маркса и Энгельса», кн. II. стр. 173.

С другой стороны, Маркс в терминах, правда фейербаховских, формулирует взаимоотношение природы и общества в следующих выражениях. История человечества есть действительная часть истории природы, история становления природы человеком. Так как коммунизм является уничтожением человеческого самоотчуждения, выражающегося в частной собственности, то он означает, вместе с тем, возвращение человека к самому себе, как к общественному человеку. Выражаясь в терминах Фейербаха опять-таки, но по существу развивая самостоятельную идею, Маркс утверждает, что в коммунизме «законченный натурализм совпадает с законченным гуманизмом», т.-е. что коммунизм дает истинное решение спора между природой и обществом, равно как и между человеком и человеком,— «истинное решение спора между существованием и сущностью, между об'ективированием, опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом».

Общественная жизнь человека не оторвана метафизически от естественной жизни, от природы, хотя она и составляет совершенно новую ступень в эволюции мира, будучи качественно отличной от природы. Природа сама «входит» в общественную жизнь; она видоизменяется соответствующим образом, становясь общественным предметом, предметом воздействия, обработки и господства человека. Человек из естественного, биологического только существа превращается в общественное, т.-е. человеческое, существо. Все его естественные силы приобретают общественный характер. Только в обществе,—говорит Маркс,—естественное бытие человека есть его человеческое бытие. И, наоборот, его человеческое бытие есть его естественное бытие. Общество есть «законченное существенное единство человека с природой» [1]).

Естествознание, есть теоретическое отношение человека к природе, производство есть практическое отношение человека к природе. Практическое естествознание в виде индустрии преобразовало человеческую жизнь, революционизировало ее, подготовив условия для человеческого освобождения. Индустрия, промышленность, согласно мнению Маркса, есть действительное, практическое и историчское отношение природы (след. и естествознания) к человеку. Маркс хулит как философов, так и историков за их пренебрежительное отношение к естествознанию как теоретическому, так и практическому. В «Святом семействе» Маркс, критикуя Бауэра и К° за их отношение к естествознанию и индустрии, пишет след.: «Или критическая критика думает, что она дошла хотя бы даже до начала познания исторической действительности, исключив из исторического движения теоретическое и практическое отношение человека к природе, естествознание и индустрию? Или она думает, что действительно познала какой бы то ни было исторический период, не познав, например, индустрии этого периода, непосредственного способа производства самой жизни? Правда, спиритуалистическая, теологическая, критическая критика знакома лишь (знакома, по крайней мере, в своем воображении) с политическими, литературными и теологическими важнейшими событиями истории. Подобно тому, как она отделяет мышление от чувств, душу от тела, себя самое от мира, так точно она отрывает историю от естествознания и индустрии, усматривая основную причину исторического развития не в

---

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», кн. III, стр. 253.

грубо-материальном производстве на земле, а в туманных облачных образованиях на земле»[1]).

Материальное производство составляет основу общественной жизни. Поэтому, кто исключает это материальное производство, т.-е. общественное отношение людей к природе и людей между собою, тот вырывает пропасть между природой и историей. Однако взаимоотношение между природой и историей в коммунистическом обществе приобретает иной характер, чем в обществе, основанном на частной собственности. В то время, как в буржуазном обществе между теоретическим естествознанием, практическим естествознанием (материальным производством, индустрией) и непосредственной общественной жизнью существует разрыв, вызываемый, с одной стороны, разделением умственного и физического труда, с другой стороны, отношениями собственности, в коммунистическом обществе между этими тремя членами устанавливается гармоническое единство. В нашу переходную эпоху мы постепенно, отчасти бессознательно еще, отчасти уже сознательно, приближаемся к этому гармоническому единству, ко все большему проникновению и «сближению» между природой и историей. Только сознательный контроль коллектива и планомерная организация им производства могут разрешить эту проблему полностью.

Господство человека над природой через коммунистическую организацию общества необходимо приводит к тому, что «люди будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой», но что станет невозможным «бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом» (Энгельс).

Проблема соотношения теории и практики также получает иное, новое разрешение. В буржуазном обществе существует разрыв между теорией и практикой. Этот разрыв есть одно из наиболее крайних выражений противоположности между умственным и физическим трудом. Поэтому школа, образование, воспитание, наука носят особый специфический характер. «Академизм» и «отвлеченность» выражают оторванность мысли и знания от реальной, материальной жизни. Конечно, в капиталистическом обществе нет абсолютного разрыва между ними, или нет такого разрыва, какой существует в феодальном обществе. Тем не менее, разрыв достаточно глубок. С другой стороны, в капиталистическом обществе, вследствие широко проведенного разделения труда, приобретает особую остроту проблема специализации в противопоставлении ее проблеме универсализации, об'единения, синтеза знания и творческой деятельности в области практики. Все эти проблемы встают также и в области управления.

Государственная организация, как и гражданское общество, «построена по принципу иерархии». Вся эта организация общества и государства вытекает из классового строя, который требует «специалистов» по осуществлению целей и задач господствующих классов, «специалистов» по угнетению эксплоатируемых классов. Современное общество представляет собою по существу милитаристическую организацию, в основе которой лежит принцип господства и подчинения. В коммунистическом обществе эти отношения в корне сменяются. Там господствует принцип свободной координации. Формы связи и отношения, как в производстве, так и в управлении, носят иной характер, чем в обществе, основанном на частной собственности.

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., под ред. Д. Рязанова, т. III, стр. 180.

Первым делом социалистического строя общества является такая организация производства, при которой все граждане являются работниками одного всенародного «синдиката», как выражается Ленин. В переходную эпоху пролетарское государство осуществляет целый ряд переходных мер, обеспечивающих развитие общества к коммунизму.

Пролетарское государство постепенно вовлекает в управление государством всех граждан. Пролетариат разбивает буржуазную государственную машину: полицию, чиновничество, старую армию и создает новый тип государства, в котором широкие трудящиеся массы впервые в истории становятся действительными хозяевами жизни. Мы имеем здесь новую форму демократии, ибо диктатура пролетариата создает демократию для трудящихся, для эксплоатируемых.

Можно сказать, что наша страна сделала уже по указанному Лениным пути огромный шаг вперед. Управление государством в социалистическом обществе все более и более принимает форму управления общественным производством, т.-е. экономические функции заменяют политические функции государства. Таким образом, имманентная диалектика развития новых общественных отношений с необходимостью ведет к полному отмиранию государства, поскольку его функции становятся совершенно иными и поскольку они выполняются всеми гражданами.

Государство существует до тех пор, пока есть необходимость в подавлении сопротивления капиталистических, собственнических элементов общества. Государство на протяжении своего пути изменяется в связи с изменением экономических отношений, являясь в то же время орудием изменения этих отношений. Государство принимает различные формы, проходит в этом развитии ряд ступеней — вплоть до полного отмирания. В переходную эпоху государство само становится «переходным».

В капиталистическом обществе «мы имеем,—как говорит Ленин,— государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим», большинства меньшинством. В переходную эпоху государство становится организацией подавления большинством меньшинства, эксплоатируемыми эксплоататоров. С другой стороны, функции государства на протяжении этого пути развития видоизменяются, поскольку они из политических превращаются в экономические, в управление общественным производством.

При помощи своей материалистической диалектики,—говорит Ленин,—Маркс дает «анализ ступеней экономической зрелости коммунизма». В первой фазе коммунизма, т.-е. при социализме, сохраняется еще государство, хотя уже не в старом смысле слова, ибо его функции изменяются, вследствие изменения экономической структуры общества. На первой ступени коммунизма средства производства составляют уже общественную собственность и в меру этих изменений, этого экономического переворота отмирает государство и в то же время еще сохраняется. Полного равенства мы здесь еще не имеем. На этой стадии осуществлен только социалистический принцип: «за равное количество труда, равное количество продуктов». Государство охраняет равенство труда и равенство дележа продукта (Ленин).

Государство отмирает полностью только при развитом коммунизме. «Государство сможет отмереть полностью,—пишет Ленин,— тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способно-

стям; каждому по потребностям»), т.-е., когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям»*).

В обществе, основанном на частной собственности, — говорит Ленин, — господствует «проклятое правило: каждый за себя, один бог за всех». Необходимо внедрить в сознание масс коммунистические привычки и коммунистическую дисциплину. На основе новых форм производства, новых общественных связей вырастает постепенно новый жизненный уклад, новое сознание, новые привычки.

Теоретическая мысль должна ставить себе задачей изучение новых процессов социалистического развития и строительства новых форм. Но она не должна ограничиваться только тем, что дает нам в этом отношении сегодняшний день, а обязана на основании изучения тенденций и законов изменения нового общества выяснить условия и перспективы дальнейшего его развития.

На ряду с изменением материальных условий существования в результате классовой борьбы и творчества новых форм хозяйства, изменяется, прежде всего, сам субʼект, т.-е. пролетариат и те слои крестьянства, которые вовлекаются постепенно в процесс социалистического строительства. Новые формы производственных отношений — товарищества по совместной обработке земли, артель и коммуна — образуют ступени в строительстве социализма. «Природа» колхозника, его привычки, его сознание, вся его установка на мир и общество постепенно изменяются, достигая в развитой коммуне новой ступени сознания, понимая под последним всю совокупность его представлений и понятий о мире.

Пролетариат с самого начала находится на неизмеримо более высокой ступени умственного и культурного развития, чем крестьянин. Но и он постепенно формируется в социалистического человека, в зависимости от успехов, развития, роста материальных условий социалистической индустрии, так и от социалистической реконструкции сельского хозяйства. Неправильно было бы, однако, думать, что без сознательного руководства процессом изменения человеческой «природы» все совершится само собой. Напротив того, проблема культурной революции на известном этапе развития социализма становится одной из важнейших задач нового общества. Под культурной революцией следует понимать коренную «реформу» человеческого сознания, навыков, привычек, поведения, всего быта и проч., поскольку такая «реформа» необходимо требуется коммунизмом. Пролетариат в переходную эпоху не есть уже пролетариат в старом смысле слова. Он становится собственником средств производства, господствующим классом, руководящим всем процессом строительства социализма. В ожесточенной классовой борьбе он превращает всех граждан общества в работников, переставая сам быть «пролетарием» и становясь социалистическим человеком — не в идее только и не по своим стремлениям, а в действительной практической жизни общества.

Формирование коммунистического сознания в указанном нами широком смысле слова, как основная задача культурной революции, предполагает сознательное руководство в области воспитания, образования и научной деятельности. Коммунизм становится центральной «категорией», которая должна лечь в основу всей нашей деятельности, как практической, так и теоретической.

*) Ленин, Соч., т. VI, стр. 375—376.

Различные типы мышления, формы сознания и поведения являются выражением различных форм социальной организации. В нашем обществе, где сохранились остатки различных жизненных укладов, мы имеем еще пережитки соответствующих им типов мышления — мифического, магического, религиозно-мистического, идеалистического, метафизического и проч. и связанных с ними форм поведения. На всей нашей современной науке, поскольку она находится в зависимости от классовых взаимоотношений, также лежит печать устарелых форм мышления.

Строительство социализма дает могучий толчок дальнейшему развитию *научного типа мышления*, преобразовав его вместе с тем, согласно требованиям материалистического миропонимания и материалистической диалектики. Вся же «идеология» в условиях капиталистического общества проникнута «духом» этого общества, являясь выражением господствующих в нем общественных отношений. Поэтому, в той мере, в какой эти общественные отношения создают *продукты отчуждения*, последние противостоят человеку в виде *потустороннего мира*, вносящего элементы иррационализма в его сознание. Капиталистическое общество не может не быть проникнуто даже остатком мифически-магического сознания с его «персонификацией вещей», с признанием фиктивных реальностей и проч. Что же касается *религии и морали*, то капиталистическое общество сохраняет и отчасти создает *мир призраков*, где угнетенный человек находит «упокой» для своей души.

Гениальный анализ капиталистического общества, данный Марксом в его «Капитале», вскрыл с необычайной глубиной *фетишизм и мистицизм* товарного мира, специфическую форму христианства с его культом абстрактного человека, присущую буржуазным разновидностям христианства. Таким образом, в капиталистическом обществе имеются все «реальные основания», которыми порождаются и сохраняются первобытно-местические, мифические, фетишистские формы мышления. «Категории буржуазной экономии, — говорит Маркс, — это общественно значимые, следовательно об'ективные формы мысли в рамках производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства,—товарного производства.

Весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие продукты труда при господстве товарного производства,— все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства» [1]). Сказанное Марксом относительно специфической формы *религии*, свойственной буржуазному обществу, в одинаковой степени относится к буржуазной *философии, морали*, — словом, ко всей *идеологии в целом*. Вся она проникнута элементами мифическими, мистическими и фетишистскими. И по мере того, как буржуазное общество разрушается и на его развалинах создается социалистическое общество, вырастают новые «категории», т.-е. новые об'ективные формы мысли, как выражения новых производственных отношений. «Религиозное отражение действительного мира, — говорит далее Маркс, — может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и природой. Строй общественного жизненного процесса, т.-е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободно

[1]) *Маркс*, Капитал, т. I, изд. 14-е, 1929 г., стр. 34—35. Разрядка моя.

обобществившихся людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем»[1]).

В переживаемую нами переходную эпоху происходит смена одних об'ективных форм мысли (категорий) другими, новыми, происходит процесс «линяния», разрушения «мистического туманного покрывала», окутывающего человеческое сознание. По мере того, как общественные отношения людей становятся «прозрачно ясными» как в производстве, так и в распределении, происходит процесс очищения человеческого сознания от всех фетишистских и мистических элементов. Оно также становится прозрачно ясным. Поэтому сознательная, теоретическая работа в области «идеологии» должна иметь своей задачей критику под отмеченным углом зрения всех форм мысли, являющихся пережитком старых общественных отношений, критику всей старой культуры с точки зрения нового миропонимания, новых об'ективных форм мысли, новых категорий, рождающихся вместе с новыми общественными отношениями. Полностью мифическое, мистическое, магическое, религиозное, идеалистическое сознание и миропонимание исчезнет лишь в развитом коммунистическом обществе, но уже в переходный период все эти пережитки старых общественных формаций постепенно разрушаются и исчезают, но необходима активная и сознательная борьба в этой области в свете широких перспектив новой культуры, порождаемой новым миром. Перед нами стоит огромная задача научной критики старых мировоззрений и устарелых форм мышления. Но эта научная критика, на широком историко-материалистическом базисе обогатит вместе с тем нашу марксистскую науку, выявив все ее несравненное научное превосходство над всеми другими учениями.

Новое коммунистическое сознание является лишь теоретической формой реальной коллективности, как выражается Маркс. В то время, как в буржуазном обществе всеобщее сознание враждебно противостоит действительной жизни, в коммунистическом обществе всеобщее сознание, во-первых, приобретает иной характер, вследствие изменения об'ективных форм мысли, во-вторых, оно есть лишь форма реального коллективного содержания и практически, стало быть, сращивается с реальной действительностью. Личное, индивидуальное сознание расширяется до универсального, вследствие процесса обобществления, социализации людей. Подлинный всемирно-исторический горизонт становится возможным только в коммунистическом обществе, где всемирно-историческая жизнь людей становится реальностью, действительной формой жизни.

Всеобщее сознание становится подлинно-социальным, общественным, коллективным сознанием, и в то же время об'ективным в смысле максимального адэкватного отражения внешнего мира. Дуализм между суб'ектом и об'ектом, между миром и человеком, между индивидом и обществом, который является существенной формой мышления в современном обществе, как выражение «разорванности» самого общества, как выражение противоположности между миром отчужденных вещей и непосредственным человеческим трудом, его силами, его личностью, его творческой деятельностью, этот дуализм и разрыв в коммунистическом обществе совершенно исчезает.

На основе новых производственных отношений создается органическое единство, взаимосвязанность и взаимопроникновение всех элементов жизни, деятельности и мысли, образуя единое целое,

[1]) Маркс, Капитал, т. I, стр. 37.

коллективность, где каждый отдельный элемент составляет лишь часть этого целого. Коммунистическая революция несет с собою, стало быть, великий переворот, знаменующийся перенесением центра тяжести от единичного, индивидуального, отдельного к общему, к целому, к коллективности, от дуализма к подлинному монизму, к высшему единству противоположностей. «Только целое есть истина», — говорит Гегель. Эта глубочайшая идея приобретает смысл в истинной коллективности, где исчезает реальная, материальная основа для раскалывания действительности, для всякого рода дуализма и в особенности для идеалистических и всевозможных религиозно-мистических мировоззрений.

Коллективный целостный мир сплачивает все «части», которые в старых условиях как бы ведут изолированное существование, в *гармоническое единство*. В коммунистическом коллективе об'ективные формы мысли сами приобретают резко выраженный «*целостный*», «*синтетический*» характер. Здесь впервые прочно утверждается единство бытия и мышления, природы и культуры, индивида и общества, теории и практики, философии и науки и проч. Вместе с тем, система человеческого знания, благодаря рациональной классификации науки на основе об'ективных форм движения и их переходов друг в друга явится подлинным выражением процессов единого материального мира.

Коллективность становится принципом всей жизни, деятельности, науки и мышления; она становится фундаментальной «категорией», преобразуя тем самым в корне всю установку человека. Она порождает новые, *коллективные формы мышления*, которые являются реальным отражением и выражением действительной жизни, проникнутой целиком коллективизмом. В буржуазном обществе, как в классовом обществе вообще, *отношение эксплоатации* есть единственное отношение, которое существует ради себя самого, как выражается Маркс. Сознание взаимной эксплоатации, как всеобщего отношения между всеми индивидами, есть господствующее, определяющее сознание. «Культ понятий», как выражается Маркс, возникает на основе об'ективирования реальных отношений, выражением которых являются эти общности или понятия. Понятия приобретают вследствие этого характер таинственных сил, противостоящих человеку и порождающих, якобы, все существующее и все реальные отношения. При этом надо, однако, подчеркнуть, что и в самом процессе познания, там, где имеют место *переходы*, также заложены отчасти основы разобщения, разрыва, дуализма и проч.

Всякий *переход* в сознании ли, в познании ли реальных форм движения дает до поры до времени, пока не выяснен и не раскрыт реальный процесс этого перехода от одной ступени к другой, известные основания для идеалистических выводов. Ленин по этому поводу делает в высшей степени глубокое замечание. Он пишет следующее: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (*совершенно в том же роде*) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и *идеи* стола и стула; мир и идея мира (бог); вещь и «нумен», непознаваемая «вещь в себе»; связь земли и солнца, природы вообще — и закон, бог. Раздвоение познания, человека и *возможность* идеализма (религии) *даны* уже *в первой элементарной абстракции* («дом» вообще и отдельные дома).

Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (понятия с нее *не есть* простой, непосредственный зеркально-мертвый

акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность превращения (при том незаметного, несознаваемого человеком превращения абстрактного понятия, идеи в фантазию (в последнем счете — бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) есть известный кусочек фантазии»[1]).

В самом процессе познания человека, в раздвоении этого познания заключена возможность идеализма. Раздвоение же познания мы имеем в каждой элементарной абстракции, где имеются отношения общего и отдельного, понятия и созерцания, ощущения, восприятия Ленин поэтому подчеркивает важность перехода от ощущения к понятию. Необходимо вскрыть, выяснить процесс этого перехода, что для диалектики познания имеет огромное значение.

Диалектика познания, поскольку она выражается в переходе от отдельной вещи к понятию, представляет собою довольно сложный процесс, раздвоенный акт, по самой своей сущности включающий в себя возможность превращения абстрактного понятия в фантазию, ибо в самом простом обобщении имеется уже «известный кусочек фантазии». Поэтому раскрытие связи и перехода отдельного в общее, чувственного созерцания в понятие, идею устраняет максимально возможность идеалистических концепций. То же самое относится и к диалектике сущности и явления, вещи в себе и вещи для нас, мира и идеи мира, природы и законов природы и т. п. Все эти противоположности, будучи неправильно поняты, оставаясь вне взаимной связи, где не раскрыты еще переходы, создают почву для фантастических, идеалистических и мистических выводов.

Возвращаясь к проблеме коллективности, которая открывает новые горизонты перед теоретической мыслью, необходимо подчеркнуть, что новые формы связи, нарождающиеся новые закономерности коллективности, дают могучий толчок человеческому познанию вообще. Диалектика коллективности (Gemeinschaft) поднимает материалистическую диалектику на новую, более высокую ступень. Коммунистический строй общества, уничтожая анархию производства и атомистическое ращепление целого, порождает новое взаимоотношение между целым, общим и единичным, между общиной и индивидом, как ее «частью». Поведение отдельного индивида определяется в большей степени, чем при старых условиях, общими интересами целого, коллектива, но с другой стороны индивид, личность в коммунистическом обществе располагает большей свободой, чем раньше. Общность целей, мыслей, идей, стремлений является здесь определяющим мотивом для каждого отдельного индивида; но в то же время порядку целого индивиды подчиняются добровольно, свободно. Взаимоотношение свободы и необходимости в коммунистической коллективности получает иное практическое разрешение, чем в буржуазном обществе.

Всеобщность и единство пополняются в коммунистической коллективности конкретным содержанием, т. е. всем богатством человеческих отношений. В буржуазном обществе единство целого, всеобщность есть по существу пустая формальная абстракция, как отчужденное, отдельное от реального содержания понятие. В коммунистической коллективности, где взаимная связь, всесто-

[1]) «Ленинский Сборник» XII, стр. 337 — 338.

рожная солидарность, общность целей и стремлений составляют основу всех общественных отношений, единство целого приобретает конкретный характер. Науки, искусства, мораль, теория, практика, умственный и физический труд и пр.,— все это «сращивается» с реальными формами жизни, с «непосредственными» общественными отношениями. Таким образом, формальная логика и метафизический способ мышления самим развитием коммунистической коллективности лишаются реальной почвы, которая их питала до сих пор.

Подчеркивая сказанное, необходимо с особой силой подчеркнуть, что изучение закономерностей переходного периода в свете открывающихся перед нами перспектив будущего коммунистического общества, является задачей первостепенной важности. Все бегло намеченные выше проблемы теоретического порядка могут быть разрешены лишь при условии дальнейшего развития и разработки материалистической диалектики, ибо только материалистическая диалектика является тем незаменимым теоретическим орудием, при помощи которого мы можем овладеть процессом реального мира.

Наше социалистическое строительство протекает в обстановке обостренной классовой борьбы, из которой рождается бесклассовая коммунистическая коллективность. Поэтому необходимо диалектически увязать процессы и закономерности переходного периода с возникающими из них закономерностями коммунистического общества.

Итоги работы и задачи в области теории исторического материализма.

Ник. Карев.

Огромное значение теории исторического материализма для практики классовой борьбы пролетариата не нуждается в доказательствах. Исторический материализм как наука о законах возникновения, развития и гибели различных общественно-экономических формаций, сменяющих друг друга на протяжении истории человеческого общества, является важнейшим применением метода диалектического материализма Маркса, Энгельса и Ленина и дает в руки пролетариата могучее орудие изучения условий и путей его освобождения, борьбы за коммунизм. Материалистическое понимание истории (или исторический материализм—что то же самое) было для Маркса тем методом, опираясь на который, он вскрыл тайну капиталистического способа производства, показал раздирающие его противоречия, определил неизбежность перехода от капитализма к социализму через диктатуру пролетариата.

Поэтому по самому существу своему теория исторического материализма представляет собой глубоко партийную науку. Именно Ленину принадлежит заслуга восстановления в этом пункте—как и в целом ряде других—подлинного содержания учения Маркса. Либеральная буржуазия пыталась в свое время приспособить учение Маркса к своим нуждам, выхолостив из него революционное содержание, превратив его в безобидный «экономический материализм», подчеркивающий в бесстрастном изучении общественной жизни значение «экономического фактора». В критике Струве Ленин показал, что материализм Маркса требует не только об'ективного изучения происходящих явлений, но и того, чтобы становиться при этом на точку зрения определенного класса, участия в борьбе этого класса. Тем самым уже тогда Лениным было выдвинуто требование партийности в философии и в теории исторического материализма. Ревизионисты, вслед за либеральной буржуазией, пытались «приспособить» к своим целям марксовское учение об общественно-историческом процессе, толкуя его в смысле признания наличия в обществе классовой борьбы вообще. В ответ им Ленин раз'яснил отличие марксистского от либерального понимания классовой борьбы. Если ревизионист, идущий по следам либеральной буржуазии, ограничивается признанием наличия в обществе классов и классовой борьбы вообще и ищет путей их примирения, то марксист доводит признание наличия в обществе классовой борьбы до признания необходимости неизбежно следующей отсюда диктатуры пролетариата.

Поэтому между теорией исторического материализма Маркса и идеей диктатуры пролетариата существует самая непосредственная

связь. Признание неизбежности диктатуры пролетариата есть необходимое следствие приложения метода исторического материализма к изучению развития капитализма, и тот, кто ее отвергает, не может считаться марксистом. Теория исторического материализма Маркса представляет необходимое составное звено в деле превращения пролетариата из класса в себе в класс для себя. Именно она, указывая основу развития общества в развитии исторически данного способа производства, доказала ограниченность капиталистических отношений определенным отрезком времени, показала, как из них вырастают противоположные классы, буржуа и пролетариев, почему непримиримы интересы этих классов, показала необходимость политической организации пролетариата в самостоятельную, коммунистическую партию для осуществления его исторической миссии—могильщика капитализма. Именно она позволяет пролетариату в сложнейшем переплетении форм экономической, политической и идеологической борьбы распознавать выступающие в ней классы, находить верный путь к победе. В эпоху диктатуры пролетариата гигантское значение для него теории исторического материализма особенно явственно. Выкорчевывая остатки капитализма, строя социалистическое общество, пролетариат должен руководствоваться такой теорией общественного развития, которая позволяла бы ему ясно видеть основные движущие силы, сорвать маски со всех врагов, находить союзников, которая позволяла бы трезво учитывать обстановку и в то же время давала бы глубокую уверенность в неизбежности конечной победы, которая, будучи чуждой всякой схоластике и шаблону, учила бы видеть новое и то, как это новое рождается в борьбе из старого. Именно такой теорией и является теория исторического материализма.

Но поэтому же процессы, происходящие в стране пролетарской диктатуры, не только осмысливаются посредством применения теории исторического материализма, но и находят себе выражение в борьбе за нее самое. Классовая борьба, происходящая в стране, борьба, которую ведет большевистская партия за построение социализма в нашей стране и за международную революцию, находит себе в области революционной теории выражение в борьбе за ее чистоту против всевозможных извращений, лжетолкований и отклонений от нее.

В нашу задачу сейчас не входит давать положительное изложение содержания теории исторического материализма. Нашей целью является показать, как в ее области находит себе выражение борьба, которую ведут революционный класс и его партия.

Первым врагом, с которым приходится вести борьбу в области исторического материализма, является международный меньшевизм во всех его выражениях и оттенках от Кунова и Каутского до Дана, Реннера, Отто Бауэра и Макса Адлера. Теория «исторического материализма» в ее понимании современной социал-демократией ничего общего не имеет с историческим материализмом Маркса и Энгельса. Важнейшими отличительными чертами меньшевистского, социал-демократического «марксизма» в этой части являются: 1) отрицание необходимой внутренней связи между философским мировоззрением Маркса и Энгельса и историческим материализмом, 2) механическое понимание соотношения между производительными силами и производственными отношениями, антидиалектическая точка зрения, согласно которой производственные отношения являются пассивным отражением данного—независимо от условий времени и места—уровня развития производительных сил (при этом в производительных силах на задний

план отодвигается сам революционный класс), 3) отрицанием насильственного, революционного перехода от капитализма к социализму через посредство установления диктатуры пролетариата.

Этих трех важнейших пунктов достаточно, чтобы показать, что от марксизма в социал-демократической теории не осталось ничего, ибо нет марксизма без материалистической диалектики, без признания активной роли революционного класса и идеи диктатуры пролетариата.

Критика социал-демократической идеологии в целом и ее влияния в наших условиях составляет первую критическую задачу теории исторического материализма в переходный период.

Следующая задача, непосредственно соприкасающаяся с первой — критика троцкистского понимания движущих сил и характера революции. Типичной для Троцкого и его методологии является позиция, занятая Троцким в отношении колхозного строительства и нынешнего этапа развития мировой революции. Исходя из своей теории невозможности построения социализма в нашей стране, Троцкий приходит к заключению, что обобществление крестьянского хозяйства и переведение его на социалистические рельсы представляет неосуществимую, утопическую задачу. Колхозы возможны лишь там, где есть налицо готовая, вполне обеспечивающая их, полностью соответствующая им техническая база. Дать ее пролетарская диктатура якобы не сможет в ближайший промежуток времени. Вследствие этого, полагает Троцкий, надежда на преодоление затруднений осуществления диктатуры пролетариата в отсталой стране, опираясь на союз с крестьянством, тщетна.

Более реальным, чем движение вперед в союзе с крестьянством, Троцкому представляется достижение экономического соглашения с западно-европейскими капиталистами. Развивающийся ныне кризис мирового хозяйства должен якобы сделать их более сговорчивыми. Они нам дадут кредиты для того, чтобы преодолеть развивающуюся у них безработицу. Подтолкнут же их к этому социал-демократы, с которыми мы должны-де вступить для осуществления этой цели в переговоры. Отсюда Троцкий с бешеной злобой нападает на обвинения социал-демократии в фашизации и проповедует тактику единого фронта, понимая ее в смысле сговора с социал-демократией вообще. Таков «гениальный» план, развитый Троцким в частности в недавно появившейся его статье «Пятилетка и безработица». Можно только удивляться, с какой быстротой Троцкий и методологически, и политически целиком оказался в лоне П. Б. Аксельрода. Политически весь «план» Троцкого есть полная капитуляция перед социал-демократией. Понимание тактики единого фронта, как соглашения с социал-демократией вообще, есть чистейший оппортунизм. Большевистская тактика единого фронта есть тактика единства рабочих масс **против** предательства социал-демократических вождей. Отрицать наличие реальной тенденции к социал-фашизму в социал-демократии значит забыть о всем кровавом опыте 1914—1930 гг. и в особенности не видеть **новейшей** эволюции социал-демократии, как активного проводника антисоветской кампании, подавления коммунистов и империалистической политики в целом. Надеяться на воздействие социал-демократии на свою буржуазию в направлении экономического соглашения с СССР — значит самому стать социал-демократом. Это все равно, что надеяться на то, что лакей Гинденбурга заставит своего хозяина помочь германскому союзу фронтовиков. А ведь если бы господин президент вступился бы — счастье было бы так возможно!..

Надеяться на то, что для смягчения своей безработицы капиталисты дадут нам кредиты в достаточных размерах — наивно, и строить на этом свою политику не только глупо, но и было бы преступно. Конечно, надо раз'яснить каждому рабочему, что связь с СССР дала бы выход из безработицы, из кризиса, но вместе с тем надо раз'яснять, что по-настоящему осуществить ее можно лишь «убрав» с дороги и свою буржуазию, и социал-демократию. И, наконец, полагать, что союз с бедняцко-середняцкими массами крестьянства и движение вперед на его основе менее реальны, нежели движение на основе экономического соглашения с империалистическими хищниками,— значит отвергнуть ленинский план социалистического строительства у нас в самой его основе. Борьба за получение кредитов на Западе не только не исключает необходимости укрепления союза со средним крестьянством, при опоре на бедноту, но, наоборот, предполагает его, ибо в нем — одно из важнейших звеньев и нашей экономической, и нашей политической устойчивости. Теоретически Троцкий в данном случае делает три фундаментальных ошибки, обнаруживающих совершенно неправильное понимание самых основ метода Маркса и Ленина. Во-первых, он неправильно понимает задачи диктатуры пролетариата в нашей стране в отношении построения социализма. Во-вторых, он неправильно характеризует взаимоотношения рабочего класса и крестьянства, этих двух важнейших, крупнейших, основных классов переходного периода. В-третьих, он стоит на меньшевистской точке зрения на соотношение производительных сил и производственных отношений, не понимая их взаимодействия, становясь в оценке возможностей колхозного строительства на узко-техническую позицию, не понимающую значения активного воздействия обобществленных производственных отношений на развитие самого производства. К этому необходимо прибавить забвение Троцким классов в его учении о культуре переходного периода и пассивно-эстетский подход к ней, его увлечение фрейдизмом и некритическое отношение к рефлексологии, — чтобы э к л е к т и з м методологии Троцкого в понимании исторического материализма был очевиден.

В борьбе за чистоту революционной теории в области исторического материализма прошедшие годы были в значительной части заняты критикой методологии правых оппортунистов. Ежели классический оппортунизм характеризовался либеральным пониманием классовой борьбы до диктатуры пролетариата, в у с л о в и я х к а п и т а л и з м а, то правые в наших условиях характеризуются л и б е р а л ь н ы м п о н и м а н и е м к л а с с о в о й б о р ь б ы в э п о х у д и к т а т у р ы п р о л е т а р и а т а. Методологической основой для правых являются общефилософские механистические воззрения. Либеральное понимание классовой борьбы в переходный период нашло себе выражение в учении о мирном врастании кулака в социализм, в забвении р а з л и ч и я между рабочим классом и крестьянством, в отождествлении их роли в построении социализма, в непонимании смены форм классовой борьбы при диктатуре пролетариата и т. д.

Было бы однако неправильно, критикуя меньшевиков, троцкизм, правых, забыть и об опасности с у б ' е к т и в и з м а в понимании закономерностей переходного периода, а б с о л ю т н о г о о т р ы в а производительных сил от производственных отношений в применении к переходному периоду, забвения значений орудий труда, техники, и н д у с т р и а л и з а ц и и, э л е к т р и ф и к а ц и и страны в деле социалистического строительства,—в том числе и в деле обобществления

крестьянского хозяйства, и в деле самой подготовки и собирания революционного класса. Не трудно было бы показать, что в основе имевших место за последнее время «левых» шатаний на почве «головокружения от успехов» методологически лежали суб'ективизм и схематизм, перескакивающие через реально подготовленные формы движение игнорирующие конкретный анализ конкретной обстановки в данных условиях.

Лишь твердо держась основ учения Маркса, Энгельса и Ленина, можно сочетать совершенную трезвость в оценке обстановки и путей борьбы с непоколебимой уверенностью в конечном успехе.

Быть верным проводником в сложнейшей мозаике явлений переходного общества исторический материализм может лишь при правильном понимании его содержания, задач его и законов. Нет ничего более чуждого материалистической диалектике Маркса и Ленина, как абстрактные, бессодержательные схемы и шаблоны. В области исторического материализма мертвый схематизм находит себе наиболее удобное выражение в виде такого его понимания, когда законы исторического материализма превращаются в пустые отвлечения от реального исторического развития, когда его содержание сводится к «общим законам общества вообще» на манер буржуазной социологии. Рассуждениями об обществе вообще отодвигается на задний план исследование конкретных условий и форм перехода от одного общества к другому, в том числе от капитализма к социализму. Из живого метода изучения классовых взаимоотношений для нашей эпохи и различных общественно-экономических формаций вообще истмат превращается при таком понимании в мумию талмудических формул и саморазвивающихся понятий. Основной идеей марксового материалистического понимания истории, со всей силой выдвинутой Лениным — и только им из всех крупнейших представителей марксизма после Маркса — была идея общественно-экономической формации. Именно сопоставив законы развития капитализма с законами других форм общества, выяснив их ограниченность и показав своеобразие законов движения и внутренних связей каждого способа производства вместе с вырастающими на его основе классовыми, политическими и идеологическими отношениями, Маркс мог притти к научному коммунизму.

Борьба против абстрактного социологизма за истекшее время была необходимой предпосылкой приложения метода исторического материализма к изучению закономерностей переходного периода и обогащения его опытом революции.

Пять задач стоят перед марксистско-ленинской теоретической мыслью в области исторического материализма: 1) разработка его на основе опыта революции и применение его для осмысливания опыта революции, 2) обогащение содержания исторического матерализма на основе данных, даваемых всей совокупностью современного знания, исторической науки в первую голову, 3) пропаганда основных положений его в самых широких массах, 4) неустанная борьба с врагами всех толков и направлений, 5) проникновение его в различные специальные общественные науки и подчинение их единой марксистской методологии. Само собой разумеется, что эти задачи не отгорожены друг от друга китайскими стенами, а непосредственно соприкасаются одна с другой и предполагают друг друга. Что сделано за истекшие годы по линии их выполнения?

Уже с самого начала следует сказать, что сделанного совершенно недостаточно по сравнению с тем, что следовало бы сделать. Наибольшие успехи достигнуты в деле выполнения третьей и четвертой задач, наименьшие—в отношении первых двух. Здесь наша теоретическая мысль отстает от требований практики классовой борьбы пролетариата в целом и здесь сейчас необходимы особые усилия для того, чтобы теория выполняла свою задачу—быть прожектором, освещающим путь практике.

О критике врагов марксизма-ленинизма и всевозможных отклонений от него речь шла уже выше. Несомненно, что критика в этом отношении способствовала и положительной разработке ряда важнейших идей исторического материализма, прежде всего, проблемы классовой борьбы в переходный период. Критика буржуазной социологии и методов буржуазной исторической науки за прошедшие годы насчитывает целый ряд работ. Были подвергнуты критике некоторые буржуазные учения на Западе (учение Дюркгейма, Вормса, наследие О. Конта и Спенсера и т. д.). Был дан отпор попыткам у нас со стороны остатков буржуазной реакционной профессуры противопоставить марксизму учение Виндельбанда—Риккерта и М. Вебера. Необходимо, однако, отметить, что их идеи, так же, как и идеи некоторых современных буржуазных историков, в роде Допша, проникают к нам, усиленно популяризируются, находят себе приверженцев даже среди молодежи. Внимание наше на этом участке и уровень антикритики явно должны быть подняты. Критика буржуазной социологии также носит эпизодический характер. Между тем именно у нас историки и философы-марксисты должны были бы систематически следить за всеми новыми явлениями за границей, давать их разбор, знакомить с ними и вооружать против них научные кадры нашей страны и помогать в борьбе с ними братским компартиям. Критика социал-демократической идеологии велась более систематично. Наиболее значительные выступления ревизионизма этого типа подвергались у нас необходимой критике (статьи Гильфердинга, капитальные работы Кунова и Каутского, книга де-Мана, религиозный социализм, статьи и работы Реннера, выступления М. Адлера и т. д.). Вышел специальный сборник статей, посвященных ревизионизму такого рода под редакцией тов. И. Луппола. Появилось несколько книг, посвященных критике Каутского (Разумовского и Пашуканиса, Месина, Миронова, Альтера). Но этого, конечно, совершенно недостаточно, и недостаточно главным образом по линии противопоставления теории современного ревизионизма систематического изложения взглядов революционного марксизма.

Огромные достижения, обусловленные самим наличием у нас пролетарской диктатуры, мы имеем в области пропаганды исторического материализма. Миллионы людей знакомятся с выводами самой передовой теории нашего времени. Движение вширь колоссально. По всей стране нет вуза, в котором не преподавались бы основы марксовского учения об историческом процессе, тысячи кружков изучают его, вся система нашего партпросвещения пропитана им. К сожалению, однако работа вширь отстает от работы вглубь. У нас не хватает капитальных работ по истмату и отдельным вопросам его. Изучение в значительной степени вынуждено опираться на хрестоматии. Нет ни одного общепризнанного учебника ни для одного рода школ. Удовлетворение теоретических запросов масс явно отстает от их роста.

Кадры, работающие по линии исследовательской и популяризаторской, очень слабы и абсолютно недостаточны. Здесь создаются крайне опасные ножницы. Работники загружены до крайности и не могут в должной степени работать над дальнейшим развитием теории, без которого невозможна и добросовестная популяризация. Необходимо, с одной стороны, быстрое расширение кадров работоспособных выдержанных партийцев в этой области, с другой—выделение в качестве ударной задачи—исследовательской и систематизаторской, если так можно выразиться, работы с прикреплением к ней специально освобожденных для нее работников. Только таким способом мы подойдем к разрешению тех задач, которые совершенно недостаточно, разрабатывались за истекшее время.

Прежде всего речь идет об обогащении теории исторического материализма опытом революции и об осмысливании опыта революции с точки зрения истмата.

Наибольшие достижения в этой области были связаны с критикой различных отклонений от ленинской позиции в общеполитической борьбе в стране. Борьба партии с троцкистской оппозицией с одной стороны и борьба с правыми с другой дала чрезвычайно много для обогащения марксистско-ленинской теории и уяснения особенностей переходного от капитализма к социализму общества. Наша теория в этом отношении отстает очень часто даже от того, что уже создано в практике борьбы, не успевает регистрировать и систематизировать открытое в повседневной работе партии. Между тем она не только должна «регистрировать и систематизировать», а помогать предвидеть, вскрывать общие закономерности развития. Опыт революции в этом смысле совершенно недостаточно учтен до сих пор и для обогащения и развития теории исторического материализма. Марксовская теория исторического материализма была создана на основе опыта Великой Французской революции и классовой борьбы периода превращения пролетариата из класса в себе в класс для себя. Марксистско-ленинская теория исторического материализма для нашего времени, включая в себя все открытое Марксом на основании опыта ~~его эпохи,~~ должна быть обогащена опытом эпохи империализма и пролетарских революций, всем опытом классовой борьбы пролетариата, нашедшим себе высшее выражение в теоретических работах и практической деятельности Ленина и ленинской партии.

На ряду с этим теория исторического материализма должна быть обогащена всем тем материалом, который собран современной (в том числе—в извращенной обработке—и буржуазной) исторической наукой. В частности, вопросы происхождения различных общественных установлений, форм общественного сознания, классов, государства, религии, искусства и т. д. должны быть разработаны на основе учета всей совокупности современного знания. То же самое касается изучения различных минувших общественных форм, ушедших и уходящих с исторической сцены способов производства и т. д.

Должно признать, что за прошедшее время разработка теории исторического материализма в этом отношении находилась на очень низком уровне. Больше всего сделано в отношении изучения происхождения и классовых корней религии. В отношении более общих вопросов спор, начатый у историков по поводу «азиатского способа производства», носил, к сожалению, схоластический характер, поскольку в нем почти отсутствовало изучение самого предмета, реальных отношений на основе совокупности современных данных о них,

Между тем потребность в марксистском освещении новейшего материала, добытого археологами, этнологами, историками, огромна. В этой области, маскируясь ее кажущейся отдаленностью от злобы дня, пытаются найти себе место под советским солнцем теорийки, подчас являющиеся рабским повторением поповских проповедей за границей. В учении о первобытном коммунизме, о происхождении искусства, религии, государства, классов, в ряде исторических работ о феодализме и генезисе капитализма мы имеем воскрешение и пропаганду антимарксистских теорий откровенно буржуазного склада.

С этой задачей неразрывно связана и проблема участия философов, занимающихся разработкой теории исторического материализма, в работе отдельных общественных наук. Следует признать, что оно совершенно недостаточно, как бы ни были перегружены наличные партийные философские кадры.

В области политической экономии в имевшей место дискуссии философы, наряду с защитой ряда теоретически правильных и существенных положений, допустили и некоторые ошибки. Правильно было то, что философы были единственными, до конца последовательными защитниками точки зрения Маркса, Энгельса и Ленина на предмет политической экономии, защищая необходимость включения в ее предмет не только капиталистических производственных отношений. Правильно был дан отпор механистам и механистической, по сути дела правооппортунистической, теории советского хозяйства. Правильно наряду с механистической опасностью была указана формалистическая, ведущая к идеализму, опасность и правильно было выдвинуто марксистское понимание соотношения логического и исторического в системе категорий политической экономии, извращение которого явилось одним из краеугольных камней системы взглядов в политической экономии, развивавшейся И. И. Рубиным. Неправильным было недостаточно резкое отмежевание от взглядов Рубина, недостаточная критика его, то, что его статья без примечаний была напечатана в «Под Знаменем Марксизма», то, что вопросы экономической дискуссии рассматривались изолированно от общих задач социалистического строительства и осмысливания закономерностей развития переходного периода.

В ближайшее время в области политической экономии задача заключается в том, чтобы вместе с экономистами сосредоточить внимание на критике враждебных марксизму открыто буржуазных и меньшевистских теорий, на изучении диалектики «Капитала», закономерностей эпохи империализма и советского хозяйства, на дальнейшей критике механистической точки зрения.

В области литературоведения, в дискуссии, имевшей там место, философы в лице журнала «Под Знаменем Марксизма» занимали правильную позицию. Однако основные философские кадры сами в ней в печати не участвовали. Аналогичное положение мы имеем в области права, истории и педагогики. Непосредственная связь исследовательской работы со всеми конкретными науками должна быть параллельно росту и расширению философских кадров значительнейшим образом усилена.

Известные успехи были достигнуты в области наук о поведении человека, под именем которых об'единились психология, патология, педология, рефлексология и физиология высшей нервной деятельности, в связи с имевшим место в январе этого года их всесоюзным с'ездом.

Этот с'езд, собиравший на свои пленарные заседания аудиторию до 3.000 человек, об'единивший крупнейших специалистов Союза в области психоневрологии и физиологии нервной системы, был первым специальным научным с'ездом, прошедшим под непосредственным руководством марксистов. На с'езде был дан отпор как остаткам суб'ективной психологии, фрейдизму, витализму, так и вульгарно механистическим воззрениям, попыткам отождествить законы биологии с законами общественной жизни, попыткам говорить об обществе вообще, забывая о наличии к л а с с о в в нем. Два чрезвычайно знаменательных явления обнаружил с'езд. Во-первых, с'езд воочию показал, что борьба, которую вела марксистско-ленинская философия за подчинение своему методологическому руководству естествознания, не пропала даром. Под влиянием общих условий пролетарской диктатуры и побуждаемые логикой синтетических задач, возникающих на данном уровне развития самой науки, многие и многие исследователи раньше и слышать ничего не желавшие о диалектическом материализме, все более и более прислушиваются к его представителям и начинают понимать, что без философских выводов теоретическому естествознанию не выйти из того кризиса, который оно сейчас переживает. А плодотворными эти выводы могут быть лишь в том случае, если они будут итти по линии усвоения материалистической диалектики. С'езд прекрасно показал, что борьба за диалектический материализм в естествознании есть вместе с тем и важнейшая п о л и т и ч е с к а я задача, ибо она помогает обеспечить нам вполне советские кадры специалистов и научных работников. Вместе с тем с'езд показал и другое. Только материалистическая диалектика дает нам тот стальной стержень, опираясь на который можно организовать и направить по верному пути наши собственные коммунистические кадры и обеспечить иммунитет им от влияния различных буржуазных школ. Опыт этого с'езда поэтому должен быть изучен и учтен во всей дальнейшей работе в области специальных наук.

В области разработки отдельных проблем исторического материализма за истекшие годы необходимо отметить следующее. В «Под Знаменем Марксизма» появилась работа Виттфогеля, посвященная так наз. «географическому материализму». В «Вестнике Комм. Академии» прошла дискуссия о понятии производительных сил и производственных отношений, главным образом в плоскости истолкования определений, данных классиками марксизма (статьи Ефимова, А. Бернштейна, Горохова, Карафовой, Лебедева, Разумовского). Появилось несколько работ о классах, в частности о крестьянстве как классе (К. Попова, О. Танхилевич, Борзенко). Следует упомянуть спорные в ряде пунктов «Очерки марксистской социологии» Оранского. Необходимо указать на полемику вокруг так наз. «простых законов права и нравственности», в которой была подвергнута критике социал-шовинистическая, кантианская концепция этики у Г. Плеханова и Л. Аксельрод.

Как уже отмечалось раньше, для разработки теории истмата на основе материалистической диалектики и опыта революции больше всего было сделано в связи с критикой «Теории исторического материализма» Бухарина, оказавшей огромное влияние на разработку и понимание исторического материализма в целом ряде общественных наук.

Переходя к тем задачам, которые стоят перед теорией исторического материализма теперь, надо выделить прежде всего задачи,

непосредственно связанные с разработкой материала, даваемого внешним этапом революции. Огромные достижения в деле индустриализации страны, опирающаяся на них сплошная коллективизация сельского хозяйства и на ее основе лозунг ликвидации кулачества как класса, работа по выкорчевыванию самых глубоких корней капитализма в нашей стране, осуществляемая большевистской партией, требуют теоретического изучения и анализа их. Необходимо подчеркнуть значение материалистической диалектики для построения теории исторического материализма, не опираясь на которую теория исторического материализма не может выполнить требований, пред'являемых ей нашей эпохой.

Далее, необходимо поставить изучение соотношения стихии и плана в нашем хозяйстве, путей замены стихийных закономерностей общественного развития плановым их регулированием, изучение перерастания одного типа законов в другой. Проблема диалектики производительных сил и производственных отношений должна быть изучена на основе данных революционной эпохи. И здесь блестяще подтвердилось, что наша теория—не догма, а руководство к действию, не абстрактная схема, а материалистический метод конкретного изучения различных общественно-экономических формаций и их перехода от одной к другой. Различие типа противоречия между производительными силами и производственными отношениями у нас и в странах империализма, соотношение городской промышленности с сельским хозяйством, роль самого рабочего класса в производительных силах общества—вот проблемы, на которых в этом отношении должно быть сосредоточено внимание.

Далее должно быть поставлено широкое изучение классов и форм классовой борьбы в переходный период. У нас делается совершенно недостаточно для изучения отдельных классов переходного общества, динамики их развития, различных прослоек в них, форм их переделки и перехода на социалистические рельсы. Проблема отмирания классов должна быть разработана на основе ленинского наследства и опыта борьбы за построение социализма в противовес оппортунистическому и троцкистскому ее истолкованию. Далее следует огромный комплекс вопросов, теоретически очень мало разработанных, связанных с культурной революцией. За истекшее время ему были посвящены работы тт. Луппола, Авербаха, Столярова. Здесь со всей остротой стоят проблемы культурного наследства, пролетарской культуры, перерастания ее в социалистическую, классовой борьбы в деле культурной революции, переделки навыков и быта, нравов и привычек миллионов, форм культурной революции в городе и в деревне в связи с коллективизацией ее и ликвидацией кулачества как класса, проблема политехнической школы и путей воспитания нового человека, работника социалистического общества и борца за победу коммунизма во всем мире.

Новые формы труда, быта, коллективной жизни требуют и своего теоретического изучения и направления. По-новому стоит проблема соотношения личности и коллектива. Огромное значение имеет проблема активной, революционизирующей (а кое в чем вместе с тем и консервативной) роли надстроек в строительстве нового общества. В этом плане должна быть разработана проблема государства, коммунистической нравственности, искусства, науки. Должно быть выяснено отличие типа их зависимости от базиса при капитализме, в переходном и в социалистическом обществе. Необходимо активное участие

работников в области философии и теории исторического материализма в выработке генерального плана социалистического строительства в нашей стране.

На ряду с этими грандиозными задачами не менее грандиозные задачи стоят в области осмысливания новейшего этапа развития империализма, переживаемого им кризиса, форм империалистического господства, изучения фашизма, империалистической идеологии, колониальных революций и т. д.

Решительная перестройка теоретической работы в области исторического материализма в этом направлении на основе достигнутых марксистско-ленинской философией успехов в борьбе за материалистическую диалектику является совершенно необходимой. Лишь приступив к ее выполнению теория окажется на уровне тех требований, которые ей пред'являет практика классовой борьбы.

В области исторического материализма философский фронт отстал больше всего. Однако надо надеяться, что под руководством партии, опираясь на наследство Маркса, Энгельса и Ленина, он сумеет и здесь достигнуть успехов не меньших, чем в борьбе за материалистическую диалектику против механистов за истекший период.

Об идеалистической философии после Октября.

Гр. Баммель.

Величайшие успехи социалистического строительства, с которыми партия и рабочий класс идут к XVI с'езду, — успехи, достигнутые в области индустриализации, в деле ускорения ее темпов, перевыполнение проектировок пятилетнего плана по важнейшим показателям, глубокое проникновение социалистического энтузиазма и творческой инициативы в гущу рабочих масс, получивших прочную опору в колоссально возросшем значении социалистической промышленности, великий перелом в развитии сельского хозяйства, имеющий подлинно всемирно-историческое значение и практически разрешающий проблему перехода от мелко-товарного хозяйства непосредственно к крупному, социалистическому земледелию, — эти успехи, позволившие партии и рабочему классу приступить к выполнению основной задачи революции — уничтожению классов, на данном этапе к ликвидации кулачества как класса — эти успехи были достигнуты в беспощадной борьбе со всеми отклонениями от линии партии, с мелкобуржуазными шатаниями, колебаниями и в первую очередь в борьбе с правооппортунистическими извращениями партийной линии.

О чем бы ни говорили правые оппортунисты — о плане ли, о кредитной политике, о политике индустриализации, о пятилетнем плане и пр. — правые обнаруживали полное непонимание неизбежности обострения классовой борьбы на новом этапе, они не дооценивали роли классов, и тем самым извращали ленинское понимание диктатуры пролетариата как «продолжения классовой борьбы в новых формах».

Беспощадная война против классового врага, против капиталистических сил, сопротивление которых обостряется их свержением, борьба за классовую бдительность пролетариата, борьба, требующая сплоченности, идейной выдержки, дисциплины, четкости, единства воли, борьба за марксистско-ленинское единство воли и на основе этого единства борьба как против капитулянтских, буржуазно-демократических шатаний, так и против «левого» «мелкобуржуазного революционизма», не учитывающего возможности строительства и не дооценивающего значения союза рабочего класса со средним крестьянством, — эта борьба явилась одним из основных условий для тех величайших побед социалистического строительства, с которыми партия приходит к своему XVI с'езду.

Единство воли и действия, чистота и четкость, организованность и дисциплина нужны в особенности в условиях обостренных трудностей, в условиях поворота к новому этапу, в условиях бешеного сопротивления капиталистических элементов. В этих условиях отклонение от единства воли и действия, сползание с общей марксистско-ленинской идейности было бы равносильно отдаче партии и рабочего класса во власть буржуазной идеологии. Ленин учил всегда видеть эту опасность, иметь ее перед собой

Свержение помещиков и капиталистов явилось смертельным поражением всей системы духовного угнетения, религиозного гнета, идеалистической философии. Октябрьская революция установила диктатуру марксизма, как острое орудие социалистического строительства.

Откуда растут действительные опасности идеологического разоружения пролетариата? Откуда растут действительные опасности потери гегемонии идеи марксизма? Они растут из мелкобуржуазной стихии, окружающей пролетариат, как воздух, пропитывающей, развращающей его, вызывающей постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечений к унынию. Марксизм требует учета того, что если «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе», если «победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть, — войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли», — как писал Ленин в «Детской болезни левизны», если враг среди нас есть анархический капитализм и анархический товарообмен», то надо ясно понимать эту сущность борьбы и в области идеологии добиваться, чтобы самые широкие массы рабочих и крестьян эту сущность борьбы ясно понимали—«кто кого? чья возьмет?»—на почве таких идеологических участков классовой борьбы, каким является философия.

В статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» Ленин писал: «Каждый своеобразный поворот истории вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата. Мелкобуржуазный реформизм, т.-е. прикрытое добренькими демократическими и социалдемократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейства перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционизм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле — таковы два «потока» этих шатаний. Они неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма» [1]).

На теперешнем этапе социалистического строительства, когда партия и рабочий класс приступили к выкорчевыванию в стране «самых глубоких корней капитализма», когда капиталистические элементы, усиливая свое сопротивление, стремятся обмануть бдительность партии, замаскироваться, оказать давление на некоторые неустойчивые прослойки рабочего класса, — теперь особенно важно знать, какова идеология нашего классового врага в такой казалось бы «абстрактной» области, как философия. Теперь не лишне напомнить основные факты капиталистических вылазок и атак против марксизма и материализма в моменты важнейших поворотов и этапов в развитии революции.

* * *

На основе классовой борьбы, развертывающейся в условиях нэпа, русский идеализм вновь поднимает голову. Новая экономическая политика несомненно дала русской буржуазии некоторые возможности для организации идейной борьбы за свои старые принципы.

Едва только позволили обстоятельства, буржуазная философская мысль пытается использовать легальные возможности нэпа для возобновления своей деятельности. Создаются новые философские общества или возобновляют свою деятельность старые: «Саратовское философско-историче-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 352.

ское общество», «Донское философское общество», «Костромское философское общество», «Философский кружок» в Петрограде, «Вольная философская ассоциация», «Вольная академия духовной культуры» и др.

Лишенная экономических источников своего существования, выбитая из колеи своего исторического пути развития, жалкая, оторванная от производственной базы, рухнувшей безвозвратно под ударами революционного молота миллионных масс, буржуазная интеллигенция начинает с психологического анализа, психологического осмысления Октябрьской революции. Она ищет утешения прежде всего в духовном реванше. Она воспринимает революцию почти как личную трагедию. Путь к познанию этой личной трагедии лежит еще для нее через психологию. Свое внутреннее падение она пытается украсить рассуждениями о психологических разладах, душевных коллизиях, о тесной скорлупе телесной индивидуальности. Много слов было поэтому сказано о «душевных тайных», много слез пролито о «голубых небесах психики», много было вздохов о «переливах переживаний», о сопереживании или вживании «вчувствования» как методе познания.

Охватившее буржуазию и мелкобуржуазную интеллигенцию политическое отчаяние в философии оказывается разочарованием в силе разума. Это играет роль отдушины для класса, ищущего утешения и самооправдания своей растерянности, безнадежности и бесцельности. Одни видят в революции «свыше ниспосланную кару за грехи прошлого, роковое последствие старого зла», «искупление грехов прошлого» [1]). Другие предсказывают «великую смуту». Нет для человека священного огня, душа его слепа и пустынна. Человек не видит ни смысла жизни, ни цели жизни. Отсюда всеобщая смута и всеобщее духовное разложение [2]).

Психологическая почва для расцвета мистических настроений подготовлена. Для них факты не имеют значения. Пусть факты говорят о торжестве материализма — буржуазная интеллигенция спешит признать своей идеологией — идеализм, «несмотря на материалистическую революцию наших дней [3]). Пусть грохочут раскаты революционной бури, еще не отгремели пушки гражданской войны, пробуждаются к жизни новые миллионные массы, — идеализм все-таки не побежден: в сфере идеи не случилось пока ничего нового [4]).

Так психологический крах дает начало целому движению, пытающемуся реставрировать со всех сторон, во всех областях знания идеалистическую философию. От построений растерянности и распада, построений скорее психологического, чем теоретического порядка, буржуазная интеллигенция пытается перейти к активной борьбе на идеологическом фронте.

Буржуазия лихорадочно готовится к идейным боям. Мобилизуются все идеологические силы — естествоиспытатели, экономисты, художники, философы. В особенности философы. В этот период нэпа-идеология буржуазии выступала под знаменем крайнего идеализма и мистики. Бешеная проповедь идеализма своей предпосылкой имела ставку буржуазии на обострение классовых противоречий, возникновение классовой борьбы и в ее результате поражение пролетариата, реставрацию власти капиталистов и помещиков. Буржуазные идеологи выступают со следующими положениями:

«Наивно-догматический сенсуализм» [5]) материалистической теории познания следует отбросить. С. Франк хочет реформировать понятие созна-

[1]) Н. Бердяев, Философия неравенства, «Обелиск», Берлин 1923 г., стр. 9.

[2]) И. Ильин, Религиозный смысл философии, Париж 1923 г., стр. 73 и сл.

[3]) Выражение А. Л. Волынского: Что такое идеализм? «Парфеон», Спб. 1922 г.

[4]) Там же, стр. 1—2.

[5]) С. Л. Франк, Живое знание, «Обелиск», Берлин 1923 г., стр. 23.

ния. Сознание не замкнуто в себе, как если бы действительность была ему недоступна, «мы непосредственно сознаем возможность для сознания овладевать трансцендентным ему бытием». Сознание «не копирует его внутри себя» [1]), но не создает «иллюзии», «суб'ективного представления», а «непосредственно созерцает его реальность». Этот интуитивизм Франк называет идеал-реализмом, желая подчеркнуть отличие от идеализма. На самом деле попытки Франка стать выше и идеализма и материализма смешны: можно говорить вообще лишь о материальном или идеальном, и третьего тут не может быть. И действительно, идеал-реализм Франка базирует на понятии «целого», но это целое включает, по его же словам, бытие как «бытие сознания и бытие сознаваемых предметов» [2]), стало быть мнимый «реализм» состоит лишь в том, что принимается за исходное основное бытие не только сознание, но и сознаваемые предметы. С точки зрения материализма предметы реальны независимо от того, являются ли они сознаваемыми или нет.

Для крайнего идеалиста С. Франка предметы существуют лишь как сознаваемые. Наши идеи не являются отображениями высшей об'ективной реальности. Мы не можем узнать степень соответствия какого-либо представления его об'екту, потому что об'екты нам непосредственно не даны. В критике Локка Беркли прав, доказывая, что не только первичные, но и вторичные качества представляют собою лишь комплекс наших представлений. Представлением является таким образом и самое существование об'ектов.

«Логическое первенство принадлежит идеальному». Идеальное — вневременно и внепространственно. «Платонизм в течение веков и доселе был и есть основа всей творческой философской мысли» [3]). Более того, по их мнению, «Платон дал наиболее полный ответ» [4]). «Основная мысль Платона неопровержима: так как наши общие понятия, поскольку они истинны, имеют об'ективное содержание, то, следовательно, кроме единичных вещей, есть и бытие общее (идеальное или бытие идей)».

С точки зрения диалектического материализма в единичных вещах, событиях, явлениях существуют и общие особенности: общее, свойственное им, реально, как особенность, реально присущая всему своеобразию их и познаваемая в связи с единичным, благодаря единичному как своему основанию и в зависимости от единичного. Средневековая же схоластика и платонизм Франка «учат» о том, что идеальную форму бытия «мы можем познавать независимо от познания реальности единичных вещей». С диалектически-материалистической точки зрения поэтому логическое первенство принадлежит материальному, реальному, единичному, так как ему принадлежит и материальное первенство, а для средневекового схоласта Франка—«логическое первенство принадлежит идеальному» [5]).

Буржуазные идеологи не ограничиваются выступлениями на философском фронте. Антимарксистские, антипролетарские идеи проповедуются с новой силой во всех отраслях знания.

В естествознании буржуазными учеными защищаются неокантианские идеи. По мнению Л. С. Берга [6]) основу всякого научного знания следует искать в методе. Науки, опирающиеся на факты внешней, об'ектив-

---

[1]) С. Л. Франк, Введение в философию в сжатом изложении, «Обелиск», Берлин 1923 г., стр. 60.
[2]) Там же, стр. 62.
[3]) Там же, стр. 106.
[4]) С. А. Алексеев (Аскольдов), Гносеология, изд. «Наука и школа». Петербург 1919 г., стр. 7.
[5]) С. Л. Франк, Введение в философию, Берлин 1923 г., стр. 109.
[6]) Л. С. Берг, Наука, ее содержание, смысл и классификация, изд. «Время», Петроград 1922 г.

ское общество», «Донское философское общество», «Костромское философское общество», «Философский кружок» в Петрограде, «Вольная философская ассоциация», «Вольная академия духовной культуры» и др.

Лишенная экономических источников своего существования, выбитая из колеи своего исторического пути развития, жалкая, оторванная от производственной базы, рухнувшей безвозвратно под ударами революционного молота миллионных масс, буржуазная интеллигенция начинает с психологического анализа, психологического осмысления Октябрьской революции. Она ищет утешения прежде всего в духовном реванше. Она воспринимает революцию почти как личную трагедию. Путь к познанию этой личной трагедии лежит еще для нее через психологию. Свое внутреннее падение она пытается украсить рассуждениями о психологических разладах, душевных коллизиях, о тесной скорлупе телесной индивидуальности. Много слов было поэтому сказано о «душевных тайных», много слез пролито о «голубых небесах психики», много было вздохов о «переливах переживаний», о сопереживании или вживании «вчувствования» как методе познания.

Охватившее буржуазию и мелкобуржуазную интеллигенцию политическое отчаяние в философии оказывается разочарованием в силе разума. Это играет роль отдушины для класса, ищущего утешения и самооправдания своей растерянности, безнадежности и бесцельности. Одни видят в революции «свыше ниспосланную кару за грехи прошлого, роковое последствие старого зла», «искупление грехов прошлого» [1]). Другие предсказывают «великую смуту». Нет для человека священного огня, душа его слепа и пустынна. Человек не видит ни смысла жизни, ни цели жизни. Отсюда всеобщая смута и всеобщее духовное разложение [2]).

Психологическая почва для расцвета мистических настроений подготовлена. Для них факты не имеют значения. Пусть факты говорят о торжестве материализма — буржуазная интеллигенция спешит признать своей идеологией — идеализм, «несмотря на материалистическую революцию наших дней [3]). Пусть грохочут раскаты революционной бури, еще не отгремели пушки гражданской войны, пробуждающие к жизни новые миллионные массы, — идеализм все-таки не побежден: в сфере идей не случилось пока ничего нового [4]).

Так психологический крах дает начало целому движению, пытающемуся реставрировать со всех сторон, во всех областях знания идеалистическую философию. От построений растерянности и распада, построений скорее психологического, чем теоретического порядка, буржуазная интеллигенция пытается перейти к активной борьбе на идеологическом фронте.

Буржуазия лихорадочно готовится к идейным боям. Мобилизуются все идеологические силы — естествоиспытатели, экономисты, художники, философы. В особенности философы. В этот период нэпа идеология буржуазии выступала под знаменем крайнего идеализма и мистики. Бешеная проповедь идеализма своей предпосылкой имела ставку буржуазии на обострение классовых противоречий, возникновение классовой борьбы и в ее результате поражение пролетариата, реставрацию власти капиталистов и помещиков. Буржуазные идеологи выступают со следующими положениями:

«Наивно-догматический сенсуализм» [5]) материалистической теории познания следует отбросить. С. Франк хочет реформировать понятие созна-

[1]) Н. Бердяев, Философия неравенства, «Обелиск», Берлин 1923 г., стр. 9.

[2]) И. Ильин, Религиозный смысл философии, Париж 1923 г., стр. 73 и сл.

[3]) Выражение А. Л. Волынского: Что такое идеализм? «Парфеон», Спб. 1922 г.

[4]) Там же, стр. 1—2.

[5]) С. Л. Франк, Живое знание, «Обелиск», Берлин 1923 г., стр. 23.

ния. Сознание не замкнуто в себе, как если бы действительность была ему недоступна, «мы непосредственно сознаем возможность для сознания овладевать трансцендентным ему бытием». Сознание «не копирует его внутри себя» [1]), но не создает «иллюзии», «суб'ективного представления», а «непосредственно созерцает его реальность». Этот интуитивизм Франк называет идеал-реализмом, желая подчеркнуть отличие от идеализма. На самом деле попытки Франка стать выше и идеализма и материализма смешны: можно говорить вообще лишь о материальном или идеальном, и третьего тут не может быть. И действительно, идеал-реализм Франка базирует на понятии «целого», но это целое включает, по его же словам, бытие как «бытие сознания и бытие сознаваемых предметов» [2]), стало быть мнимый «реализм» состоит лишь в том, что принимается за исходное основное бытие не только сознание, но и сознаваемые предметы. С точки зрения материализма предметы реальны независимо от того, являются ли они сознаваемыми или нет.

Для крайнего идеалиста С. Франка предметы существуют лишь как сознаваемые. Наши идеи не являются отображениями высшей об'ективной реальности. Мы не можем узнать степень соответствия какого-либо представления его об'екту, потому что об'екты нам непосредственно не даны. В критике Локка Беркли прав, доказывая, что не только первичные, но и вторичные качества представляют собою лишь комплекс наших представлений. Представлением является таким образом и самое существование об'ектов.

«Логическое первенство принадлежит идеальному». Идеальное — вневременно и внепространственно. «Платонизм в течение веков и доселе был и есть основа всей творческой философской мысли» [3]). Более того, по их мнению, «Платон дал наиболее полный ответ» [4]). «Основная мысль Платона неопровержима: так как наши общие понятия, поскольку они истинны, имеют об'ективное содержание, то, следовательно, кроме единичных вещей, есть и бытие общее (идеальное или бытие идей)».

С точки зрения диалектического материализма в единичных вещах, событиях, явлениях существуют и общие особенности: общее, свойственное им, реально, как особенность, реально присущая всему своеобразию их и познаваемая в связи с единичным, благодаря единичному как своему основанию и в зависимости от единичного. Средневековая же схоластика и платонизм Франка «учат» о том, что идеальную форму бытия «мы можем познавать независимо от познания реальности единичных вещей». С диалектически-материалистической точки зрения поэтому логическое первенство принадлежит материальному, реальному, единичному, так как ему принадлежит и материальное первенство, а для средневекового схоласта Франка—«логическое первенство принадлежит идеальному» [5]).

Буржуазные идеологи не ограничиваются выступлениями на философском фронте. Антимарксистские, антипролетарские идеи проповедуются с новой силой во всех отраслях знания.

В естествознании буржуазными учеными защищаются неокантианские идеи. По мнению Л. С. Берга [6]) основу всякого научного знания следует искать в методе. Науки, опирающиеся на факты внешней, об'ектив-

---

[1]) С. Л. Франк, Введение в филоосфию в сжатом изложении, «Обелиск», Берлин 1923 г., стр. 60.

[2]) Там же, стр. 62.

[3]) Там же, стр. 106.

[4]) С. А. Алексеев (Аскольдов), Гносеология, изд. «Наука и школа». Петербург 1919 г., стр. 7.

[5]) С. Л. Франк, Введение в философию, Берлин 1923 г., стр. 109.

[6]) Л. С. Берг, Наука, ее содержание, смысл и классификация, изд. «Время», Петроград 1922 г.

ной, реальной природы, нет. Есть только метод, который позволяет, например, математику «оперировать исключительно без всякого посредства органов чувств». Наука и есть таким независимым от ощущений путем, «систематизированное знание», знание, классифицирующее «отношения» между вещами. Как «систематизированное знание», «классификация отношений», наука не отображает об'ективной истины, — об'ективная истина, оказывается, есть внешняя и непостижимая вещь в себе.

В специальном знании находит приют не только неокантианская методология. Профессора с университетских кафедр проповедуют даже метафизику. Например, проф. Костычев говорит [1]): «Метафизика, вообще говоря, не устранима, и пытаться совершенно искоренить ее было бы безнадежной задачей».

Отрицание об'ективной существующей в природе и обществе причинной закономерности является дальнейшим развитием этой мысли. Признание причинности невозможно — говорят буржуазные ученые. «Всю целесообразность его мы должны будем отнести за счет целеустремительной воли его творца». «Телеологическая связь неустранима из бытия» [2]), и материя сама есть первичный элемент природы, она есть нечто производное, создаемое нематериальным фактором» [3]). Материя есть продукт «действования силы». Сила есть воля. «То, что при рассмотрении извне является как сила и закон, есть изнутри в о л я и представление» [4]). «Атомы суть не разрозненные сущности, а только частичные функции единой мировой силы, единой мировой воли» [5]).

Классовый враг на данном этапе развития революции не прибегает к ублюдочным, компромиссным философским теориям. Он — не эклектик. Он сразу берется за основную суть всякой философии, проблему первичного и производного — что считать первичным: дух или материю? И резко выступает против основного тезиса материалистической философии.

Идеализм стремится овладеть о б щ е с т в е н н ы м и науками, идеализм воинственно выступает против исторического материализма.

Богослов Л. П. Карсавин, философы С. Л. Франк, Н. Бердяев, Ф. Степун, публицист Изгоев, историк Р. Виппер, некогда бывший позитивистом, литературный критик М. Гершензон, поэт А. Белый почти одновременно выступили с целой системой идей идеалистического и религиозного понимания истории.

С. Франк развивает теорию о том, что «явления общественной жизни обусловлены волей и сознанием человека, стремлением людей к определенной цели или идеалам» [6]).

Франк насмехается над «логическим недомыслием» социалистической школы политической экономии, считающей возможным исследовать законы определенного экономического уклада, например, «капитализма» или «натурального хозяйства», но отвергающей попытки установить законы вневременного порядка. Историческое познание для Франка «становится и невозможным и бессмысленным вне допущения общих, сверхвременных и неиз-

---

[1]) С. И К о с т ы ч е в. Натурфилософия и точные науки, Петроград 1922 г. стр. 29.

[2]) С. Л. Ф р а н к, Введение в философию, изд. «Обелиск», Берлин 1923 г. стр. 123.

[3]) И. О. Л о с с к и й, Материя и жизнь, «Обелиск», Берлин 1923 г., стр. 9[illegible]

[4]) Там же, стр. 94, 100.

[5]) Там же, стр. 94.

[6]) С. Л. Ф р а н к, Очерки методологии общественных наук, Книгоиздательство «Берег», М. 1922 г., стр. 6.

ченных начал, лежащих в основе всей прихотливой пестроты конкретной исторической действительности» [1]).

«Управляющая общественным бытием об'ективная система идеи, взятая отвлеченно, как чисто-идеальная, вообще вневременна; нормы или заповеди общежития, хотя реально возникают и проходят во времени, по смыслу своему так же независимы от времени, как истины математические» [2]). И дальше: «всякая социальная деятельность прежде всего душевна, руководствуемая не материей, а потребностями, желаниями и т. д., т.-е. фактами порядка психического» [3]). Для понимания этой «психической» сущности истории надо обратиться... к богу. История и человечество для Карсавина есть маленький осколок богоявления. Наука бессильна дать правильное понимание законов истории. Только религиозная метафизика «всеединства и всевременности в боге» открывает тайну истории, для чего следует, разумеется, начисто отказаться от причинного об'яснения событий.

Отказ от причинного об'яснения истории характерен для русского шпенглеризма 1921—1922 гг. Именно он характерен для увлечений Шпенглером в этот период [4]).

Кто такой Шпенглер? Шпенглер — философ послевоенной Германии. Можно сказать точнее: Шпенглер и Кайзерлинг — философы Германии эпохи инфляции. Среди все растущей социальной нужды в народе, в условиях экономического краха, инфляции, беспощадно вырывающих из-под ног буржуазной интеллигенции всякую почву для надежд на будущность, широко распространяются мистические учения. Инвалиды мировой войны, офицеры, промотавшиеся на инфляции и павшие ее жертвами, буржуазная интеллигенция, в результате войны, кризиса и революции выбитая из колеи, находящая успокоение в общем пессимизме, студенты, художники — все они жадно впитывают пессимистические настроения, подхватывают мысли о гибели западной культуры. Потрясение всех политических основ буржуазного общества, гибель классовой культуры эксплоатации, общественное сознание отражается в пессимистических идеях о гибели западной культуры. Выступление пролетариата на исторической арене знаменует собою гибель культуры: вот эту мысль и выражает Шпенглер в особом «учении» о неизбежном закате европейской «души» культуры, подобно всем предшествовавшим ей «душам культуры». Не существует никаких «общих законов развития в истории», никакой «общей закономерности». Существуют лишь отдельные «душевные типы» культур, имеющие свой мир, свое пространство и свое время, свои логические отношения, свое искусство, — типы культуры, которые подобно организму пробуждаются, возникают, зреют и гибнут, т.-е. погружаются в растительное существование — такова их «судьба», пока на смену им не возникает младенческая культура. Современный момент в истории тем и характеризуется, по Шпенглеру, что культура страи-победительниц неизбежно должна отмереть и на смену ей выступить новая «культура» — пруссачество с его империалистическими замыслами и с его духовным реваншем за послевоенные катастрофы.

В области политики апологет прусского империализма, Шпенглер в области философии знаменовал собою обострение интереса к *истории*, к «тайне» «исторического», к размышлениям в области философии истории,

---

[1]) Франк, О задачах обобщающей социальной науки, «Мысль» 1922 г., Петербург, № 3, стр. 40.

[2]) С. Л. Франк, Очерк методологии обществен. наук, «Берег», М. 1922 г., стр. 83.

[3]) Л. П. Карсавин, Введение в историю (Теория и формы), изд. «Наука и школа», 1920 г., стр. 12.

[4]) Сб. «Осв. Шпенглер и закат вропы», сб. статей И. Бердова, Я. Букшпана, Ф. Степпуна, С. Л. Франка и т. д. «Берег», Москва 1922 г.

созданное на почве обрисованных выше социально-экономических и социально-психологических условий в Германии.

Катастрофу и крушение капитализма в России буржуазная интеллигенция не могла не осмыслить, должна была их примирить с общим пониманием истории, найти им место в этом понимании. «Когда гремели раскаты грома революции, — писал в свое время журнал «Под Знаменем Марксизма», — когда в неизбежном стремлении ее вперед она сокрушала весь старый мир, когда в героическом порыве революция победоносно расширяла свои пределы, вся эта интеллигенция была идейно обезврежена самым фактом революции—в огне и буре революции она видела лишь себя под ударами, мир сужился до пределов личности, — мир и законы, управляющие им, для нее не существовали, она была оглушена и ослеплена, она была духовно обезоружена» [1]). В первый же год нэпа, однако, начинается процесс «осмысления» ею случившегося, начинается «духовное преодоление» революции.

Исторические переломы, величайшие потрясения классов, мировой кризис капитализма и крушение капиталистических идеалов вызвали, обострили, выдвинули на первый план в философском сознании и русской буржуазной интеллигенции вопросы философии истории. Это «философско-историческое» «осмысление» постигшей ее исторической катастрофы, с самого начала характеризуется двумя особенностями.

Это, во-первых, резко выраженная, дышащая бешеной ненавистью к делу пролетариата, критика исторического материализма. Мы находим ее у Лосского в статье о «Коммунизме и философском мировоззрении» [2]), у Карсавина в брошюре «Диалоги» [3]), у Н. Бердяева в книгах «Смысл истории» [4]) и «Философия неравенства» [5]), у Б. Яковенко в брошюре «Философия большевизма» [6]), в программных статьях евразийцев.

Вместе со Шпенглером все они отрицают абсолютность западно-европейской культуры [7]), решительно отвергая «европоцентризм», отрицая существование единого универсального «прогресса» [8]).

С. Л. Франк отвергает теорию прогресса в истории, указывая на некое «сверхвременное существование». Положительно не дает покоя и Л. Карсавину эта «зловредная, обесценивающая и совершенно несостоятельная идея прогресса» [9]). При чем истинный смысл борьбы против «прогресса» разоблачает сам же Л. Карсавин, когда он связывает с нею материалистическое понимание истории и с ожесточением заклятого классового врага коммунизма отвергает научное понимание законов общественного развития.

«Социалистическая идеология и как раз в форме марксистского коммунистически-материалистического ее понимания является психологически и логически неизбежным завершением той идеологии, которая выражается в позитивном идеале прогресса... Пока в обществе живет вера в прогресс, понимаемый позитивно, оно неизбежно будет возвращаться к коммунистическому и материалистическому идеалу» [10]).

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма», № 3, 1922 г., ст. В. Ваганяна.

[2]) В сборнике: София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии, под ред. Н. А. Бердяева, при ближ. участии Л. Карсавина и С. Франка. Берлин 1923 г.

[3]) Изд. «Обелиск», Берлин 1923 г.

[4]) Изд. «Обелиск», Берлин 1923 г.

[5]) Там же, Берлин 1923 г.

[6]) Берлин 1921 г., «Русс. универсальная библиотека».

[7]) Об этом «Евразийский Временник» кн. 4, Берлин 1925 г., стр. 11.

[8]) Там же, стр. 13.

[9]) Л. Карсавин, Запад, Восток и русская идея, «Academia», Петербург 1922 г., стр. 12.

[10]) Л. П. Карсавин, Диалоги, «Обелиск», Берлин 1923 г., стр. 77.

При этом, излагая материализм, эти идеологи поповщины и мракобесия выступают или как заведомые шарлатаны, или как невежды. Карсавин под материалистическим пониманием истории разумеет «атомистическое понимание общества», Яковенко считает, что материализм отрицает начисто «нравственные нормы» [1]) («всякая мысль определяется взаимоотношениями материи») и что в истории «все предопределено». Франк отвергает материализм потому, что материализм проповедует «мораль брюха» в истории, на том основании, что он «слепо отрицает» всю сферу духовных явлений.

Евразийцы (Петр Савицкий и др.) считают, что исторический материализм «снимает узду и лишает сдержки первоначально животные (и в том числе первоначально экономические, сводящиеся к грабительским) человеческие инстинкты» [2]). На подобных клеветнических поклепах основывают эмигранты свою «критику» марксизма.

Во-вторых, «философия истории» буржуазии характеризуется тем, что она сводится к церковно-религиозному «осмыслению» исторического процесса. Свергнутые классы помещиков и капиталистов, лишенные всякой экономической базы, прибегают к сверх'естественным, к «таинственным» силам, чтобы об'яснить исторические катастрофы и распады уходящих с исторической сцены классов. Это особенно ярко отразилось в книге Бердяева: «Философия неравенства» (Берлин, 1923 г.) с ее основной мыслью о том, что «власть государственная имеет религиозную первооснову» (стр. 54).

Революционная буржуазия некогда требовала отделения церкви от государства, выступая под знаменем научно-материалистического мировоззрения. Теперь она призывает церковь к защите и реставрации крепостнического режима, власти помещиков и капиталистов. Марксизм основывает свое понимание истории на научном положительном знании закономерности общественного развития. Н. Бердяев не может обойтись без «тайн» и «таинственного», без «рока» и зовов «судьбы» и отрицает научное знание. Он зовет «в ночь средневековья» и цинически развертывает настоящую идеологию еврейских погромов: Маркс — еврей. Евреи ждали земного мессию, социализм хочет осуществить земной рай. В основе социализма, следовательно, лежит еврейство. «Евреи поддерживают тот ложный миф, что в основе истории лежит эксплоатация человека человеком» [3]).

«Историческое познание и философия направлены в сущности не на эмпирическое, — они имеют своим об'ектом загробное существование», подобно тому, как есть загробный мир, когда говорят об индивидуальном существовании» [4]).

Такая поповщина не может существовать рядом с научным знанием, материализм Маркса и Энгельса есть единственно научное миросозерцание: поэтому классовые враги пролетариата, разумеется, последовательны, выступая открыто против научного знания. По мнению С. Франка, философия «не опирается на выводы наук» [5]).

И С. Л. Франк и Н. Лосский отрицают в 1922 г. дарвинизм. Для С. Франка «теперь уже обнаружена несостоятельность и недостаточность этого учения» (Птб. 1922 г., стр. 72).

Академик Вернадский осуждает материализм, называя его ненаучным, и приветствует витализм, как «реакцию против незаконного, охватившего науку, философского представления, ему чуждого», — именно материализма. Материализм для Вернадского — «исторический пережиток», не более.

[1]) Цит. соч., стр. 97, 98.
[2]) «Евразийский Временник», Берлин 1925 г., кн. 4, стр. 17.
[3]) Там же, стр. 119.
[4]) Н. Бердяев, Смысл истории, Берлин 1923 г., стр. 27.
[5]) С. Л. Франк, Введение в философию в сжатом изложении, «Academia». Петербург 1922 г., стр. 7.

«Возрождение разных форм виталистических и энергетических гипотез жизни является здоровым проявлением научного критицизма» [1]).

Так русский идеализм на этом этапе нэпа открыто выступает под знаменем мракобесия. Это великолепно выражает и сам Франк, когда он утверждает, что признание интуиции основой всякого опытного знания вскрывает «о б щ и й к о р е н ь з н а н и я и в е р ы».

Для Франка, Карсавина и К° «самая мысль о принципиальном равноправии «мистического» опыта со всяким иным опытом, в высшей степени плодотворна» [2]), как опорный пункт в борьбе с «гибельным» фантомом противорелигиозной науки [3]).

Идеализм переходит в настоящий религиозный угар и в свою очередь питается им. Вышитая золотом из хозяйского кошелька поповская риза Лосских, Франков, Карсавиных и К° была наброшена на духовное и физическое крушение капиталистического мира. Для таких идеологов единственной надеждой остается чудо: «пределы опыта раздвигаются для вне-мирового в порядке чуда» [4]).

В марте 1922 года проф. Введенский выступает с публичным докладом в «Петроградском философском обществе» на тему: «Судьба веры в бога в борьбе с атеизмом». Проф. Введенский весьма недоволен «пропагандой атеизма в Советской России». Его основной тезис: как бы широко ни распространялись научные знания, как бы ни напрягали большевики свои силы в пропаганде атеизма, наука не может помочь атеизму. Проф. А. Введенский недоволен и тем, что философской предпосылкой своего учения Маркс сделал атеизм с материализмом, и он «надеется», что постепенно последователи марксистского социализма освободят его от атеистической предпосылки. «Это произойдет не без борьбы», — многозначительно намекает Введенский [5]) на необходимость борьбы с советской властью. Настоящий смысл петроградского выступления А. Введенского разоблачается эмигрантами. Истинная философия допустима лишь на почве полной «свободы от научности эмпирической»,—пишет эмигрантский «Логос» — об этом не лишне напомнить сейчас в виду усилий господствующей в России партии воспитать весь народ русский в духе материалистически-позитивистического мировоззрения» [6]).

Так русский идеализм этих дней переходит в проповедь поповщины и богословия. В этом следует видеть основное содержание философии идеологов свегнутых классов помещиков и капиталистов в 1921—1924 гг. Сперва поповщина маскируется «этикой», «высокой моралью свободы», утверждающей «смысл жизни» лишь в связи человека с «вечным» и «абсолютным» [7]). Против атеизма с его отрицанием бессмертия души «выступает чуткая совесть», требующая, чтобы мы «относились к человеку, как к чему-то священному». Мутными волнами захлестывает литературу дряблая, упадническая, самодовольно-бесцельная и бесцельно-жадная психология людей, желающих преодолеть социализм мистицизмом.

Отсюда эти гнусные теории об «особой», «неповторимой», «русской душе», вечно тоскующей по «вечным идеям», «вечно» занятой «богостроительством и богоискательством», эти продукты распада и разложения бур

[1]) В. И. В е р и а д с к и й, Начало и вечиость жизни, стр. 56.
[2]) Ф р а и к, Живое Знаиие, «Обелиск», Берлии 1923 г., стр. 23.
[3]) И. И л ь и н, Религиозный смысл философии, Париж 1924 г., стр. 113.
[4]) Ф л о р о в с к и й, К обосиованию логического релятивизма, см. сб: «Философское зиаиие», т. I, вып. 1, Прага 1924 г., стр. 125.
[5]) А. В в е д е н с к и й, Судьбы веры в бога.., «Мысль», журнал Петроградского философского общества, 1922 г., № 2, стр. 20.
[6]) «Логос», Прага 1925 г., ки. I, стр. 14.
[7]) Э. А. Р а д л о в, Этика, «Наука и школа», Петербург 1921 г., стр. 55.

хуазно-общественного сознания. Отсюда и движение в защиту феодализма, феодальной культуры, феодальной морали. Спасение России от большевизма ищут в «возрождении средневековья».

Западная культура «гибнет, погрязая в позитивизме и релятивизме, — учат евразийцы, — в противоречиях позитивистического идеала прогресса с неизбежным развитием его в идеал материалистического социализма, в таких явлениях, как расцвет техники, капитализма, империализма. Тут-то и становится совершенно очевидною гибель западной культуры, саморазложение ее в релятивизме...» [1]). После этого, разумеется, остается лишь дать богословское обоснование и оправдание «закостенелости православной культуры», «пассивности» и недейственности. Идеализация натурального хозяйства, застоя, «русской лени» — все призвано оправдать культуру помещичьего кнута, духовного и физического рабства [2]). Но маска сбрасывается и литературные выступления идеологов свергнутых классов заостряются политически против партии и советской власти. Создается особая «философия большевизма» [3]).

В этой «философии большевизма» намечается два течения: одно — в большевизме видит лишь антихриста и сатанизм, как о том кликушествуют С. Булгаков и Н. Бердяев; другое—«евразийское»—в награду за «искупление «грехов» [4]) революции обещает претворить в жизнь «мессианическое призвание России».

Надо остановиться на минуту на этой любопытной «философии». Евразийцы готовы применять даже «диалектику», стать на позиции диалектического метода. Например, считает нужным «принять» диалектику богослов Л. Карсавин. «Диалектика, — говорит он, — необходимый и основной метод познания в изучении развития, шире в изучении взятой, как целое, действительности» [5]).

Смысл этих слов станет ясным, если вспомним, что диалектической природой наделяли и бога [6]). В то же время у Б. Яковенко можно найти изрядное количество таких «комплиментов» по адресу Октябрьской революции, как— «духовно-обновляющее значение большевизма», «реконструкция мира на новых началах свободы, труда», грандиозная и «культурно-общественная и духовная трансформация». Враги готовы признать, что Февральская революция была «импотентна», они готовы принять «духовный смысл» революции, ее философию, ее «сущность», таинственно «приоткрываемую только ими и только им доступную», но, конечно, нетрудно под этой философской маской увидеть отвратительное лицо классового врага.

В области философии евразийцы подчеркивают положительное значение «синтетического момента», спасенного большевиками от гибели «в научной специализации последних десятилетий», но при этом требуют очищения этого синтетического мировоззрения... от научного материализма [7]). Евразийцы требуют противопоставить «коммунистической идеологии сознательно религиозную», утвердить «религиозно-нравственный примат церкви», однако исходя при этом «из признания основ ныне существующего государственного строя России» [8]). Евразийцы даже считают, что «в дальнейшем надо исходить из системы советов», «выросших из народных потребностей и принятых наро-

---

[1]) Л. П. Карсавин, Восток, Запад и русская идея, «Academia» 1922 г., стр. 47.
[2]) Там же, стр. 59.
[3]) Название брошюры Б. Яковенко, Берлин 1921 г.
[4]) Специально этим «грехам» посвящает Л. П. Карсавин свою брошюру.
[5]) Л. П. Карсавин, Восток, Запад и русская идея, «Academia», Петербург 1922 г., стр. 9.
[6]) С. Аскольдов (Алексеев), «Мысль» № 3, 1922 г., стр. 96.
[7]) «Евразийство», Евразийское книгоиздательство. 1926 г., стр. 57.
[8]) Там же, стр. 53.

дом» [1]). Таким образом, смысл евразийской «философии» можно вкратце резюмировать следующим образом: «почти во всех отраслях государственной жизни приходится исходить из того, что уже создалось и создалось по-существу хорошо, а не плохо, почему и нуждается не в разрушении, не только в развитии и поправках, прежде всего—в очищении от коммунизма» (Стр. 57). Со «всем» согласны евразийцы, они «все» приемлют, «только» против одного они возражают: против... коммунизма. Мы так и запишем: евразийцы разоблачают сами себя.

Они утешают себя тем, что большевики в конце концов откажутся от материализма, что революция уронит знамя диалектического материализма. Это свойственно, впрочем, не только евразийцам. Например, Б. Яковенко пишет:

«Выступая, чтобы перевернуть мир, русский народ несет с собою, конечно, не жалкое повторение примитивного вульгарного материализма, которым пробавляются официальные вожаки и программы этого движения, а новый духовный смысл существования, новые основные понятия жизни и новую философию» [2]).

Так эмигранты утешают себя, они надеются на «духовные» победы, не имея физической силы, — свергнутые, выброшенные за борт истории.

Ивот их философы утешают себя тем, что материалистическая форма большевизма, нынешние его вожаки с их диалектически-материалистическим учением «элемент переходящий» [3]), утешают себя, надеясь на идеологическое перерождение большевиков. В основе этих философских чаяний (общих у евразийцев, сменовеховцев и меньшевиков) лежит особое понимание революции, разоблаченное Лениным и партией еще на XI с'езде партии, — понимание, по которому об'ективно неизбежным является капиталистическое перерождение русской революции. Вот откуда берется первоисточник троцкистской установки на «термидор». Партия в борьбе с троцкистской оппозицией успешно преодолела и преодолевает опасности перерождения, опираясь на об'ективные данные — социалистический характер революции, ее внутренних сил, все большее повышение удельного веса крупной социалистической индустрии в народном хозяйстве и пр.,—словом, опираясь на то, что «все необходимое и достаточное для построения полного социалистического общества» у нас имеется (Ленин).

Такова буржуазная философия первых годов нэпа [4]).

* * *

Партия и советская власть подводят итоги первых трех лет нэпа. На X с'езде партии, когда решался вопрос о нэпе, Владимир Ильич говорил, что «Россия из войны вышла в таком положении, что больше всего похожа на состояние человека, которого избили до полусмерти. 7 лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться». К XIII с'езду партии мы имеем уже окрепший хозяйственный организм, который может обойтись и без костылей.

За три года восстановительного периода растут производительные силы страны на основе национализации государственной промышленности и транс-

---

[1]) Там же, стр. 56.

[2]) Б. Яковенко, Философия большевизма, Берлин 1921 г., стр. 52.

[3]) Там же

[4]) Против названных выше идеалистических течений выступили в свое время с резкой критикой против Шпенглера: А. Деборин, «Под Знаменем Марксизма» 1922 г., №№ 1—2: В. Ваганян, «Под Знаменем Марксизма» 1922 г. №№ 1—2; против Л. Карсавина, С. Франка, Н. Лосского и др. см.: В. Невский, «Под Знаменем Марксизма» 1922 г., № 2; В. Ваганян, там же, 1922 г., №№ 1—[illegible] И. Луппол, там же, 1922 г., Н. Карев, там же 1923 г., №№ 10—12 М. Н. Покровский, там же, 1922 г., № 3, 1923 г., №№ 4 и 5.

порта, монополии внешней торговли и государственного регулирования внутренней торговли национализации земли, создания социалистических трестов. XIII с'езд в резолюции по отчету ЦК констатирует, что «проводимая партией новая экономическая политика оправдала те задачи, которые ставила перед нею партия. На почве этой новой экономической политики явно наметился общий хозяйственный под'ем: несомненно поднимается сельское хозяйство; растет государственная промышленность и увеличивается ее концентрация; постепенно поднимается заработная плата, и достигаются известные успехи в поднятии производительности труда». С'езд подчеркивает, что партия считает очевидной задачей на почве новой экономической политики систематическую работу над усилением социалистических элементов в общенародном хозяйстве после того, как обеспечено дело с топливом и поднят транспорт, своевременно проведенная денежная реформа получает громадное значение для всего хозяйственного строительства. Вопросы о внутренней торговле и кооперации становятся центральными вопросами политики на целый период времени. «От правильной политики партии в этих вопросах будут зависеть успехи хозяйственного строительства Союза ССР», — говорится в резолюции XIII с'езда по отчету ЦК.

Новые успехи хозяйственного строительства были подытожены позже XIV с'ездом. Истекший год был отмечен бурным ростом народного хозяйства в целом, с приближением его к довоенному уровню и ростом его отдельных отраслей: промышленности, сельского хозяйства, транспорта, внешней торговли, внутренней торговли, кредитной системы и банков, государственных финансов и пр. Резко повысился удельный вес социалистической промышленности. И XIV с'езд на основе всех этих фактов констатировал «экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики».

В то же время XIV с'езд подчеркнул противоречия, специфические опасности и трудности этого периода нэпа: «Социалистический сектор народного хозяйства рос, но в то же время рос и частный промышленник, рос торговый капиталист в деревне, скупщик, кулацкое хозяйство, росла новая буржуазия в городах, стремящаяся хозяйственно сомкнуться с торгово-капиталистическими и кулацкими хозяйствами в их борьбе за подчинение основной массы середняцких хозяйств. «Таким образом, одновременно с нашим наступлением мы наблюдаем в этот период нэпа абсолютный рост частного капитала при относительном падении его роли. Кулак и частник теперь пытаются воздействовать на пролетариат через мелкую буржуазию. И основными формами капиталистических вылазок против гегемонии идеи марксизма являются мелкобуржуазные формы идеологии.

Прежде чем перейти к этим «внутренним» враждебным течениям, несколько надо остановиться и на белогвардейской философии этого периода. Крупные земельные собственники и капиталисты сохранили свою организацию за границей, как эмиграция. Когда пролетариат одерживает победу за победой на хозяйственном фронте и восстановительный период идет неудержимо вперед, тогда религиозный угар не исчерпывает уже новых задач буржуазного общественного сознания, для буржуазии уже от него мало толку, мало реальной пользы, когда речь идет не о «духовном реванше», не о «преодолении» социализма мистицизмом, а о практической борьбе за власть помещиков и капиталистов. Поэтому «патриотическое призвание русской философии» [1]) буржуазия начинает видеть не в духовном реванше, а в том, чтобы разоблачить учение о непротивлении злу, привлекающее «слабых, узаконивающее слабость и этим отвращающее политическую культуру». Не слабость, а силу, не мистическое преодоление, а вооруженную борьбу, вот что прославляет белогвардейская философия. И Ильин дает в своей книге

[1]) Выражение И. Ильина, О сопротивлении злу силою, Берлин, 1925 г., стр. 11.

«О сопротивлении злу силою» не что иное, как философское оправдание выстрелов Каверды и Войцеховского. Он говорит:

«Необходимость оборонять родину, веру и святыни ставит человека в положение не воспитателя, а воина, его призванием является не пробуждение очевидностью и любви в душе нападающего, не размягчение его ожесточенности и не облагорожение его намерений,—нет, он призван физически остановить и пресечь, он должен принудительно положить конец напору, необходима гроза, сеющая страх, страдание и смерть» [1]). А дальше идет воспеление «белого воинства» и «благословение» на победы над «врагами дела божия».

Белогвардейская философия не забывает, разумеется, о «духе», о «любви» к ближнему», о «всеблагости» и прочих «высоких» материях: «меч служит вашей борьбе, но во имя духа» [2]). Или: «физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека» [3]). Или вот еще философия «Физического воздействия»: «Физическое воздействие допустимо тогда, когда оно необходимо, а необходимо оно тогда, когда душевно-духовное воздействие недостаточно, «недейственно или неосуществимо» (Ильин, стр. 117). «Физическое воздействие» следует применять к «врагам дела божия на земле» — эта борьба должна быть «духовно вернее, достойнее и жизненно-целесообразнее». «Каждый человек, действующий от ее имени, есть ее «живой меч», есть сила своей святыни», боевой организации» (Ильин, стр. 153—154).

Обратимся теперь к идеологии капиталистических элементов внутри страны, к их борбе против марксизма.

Давление мелкобуржуазной стихии, «ежечасно, ежеминутно рождающей капитализм», находит свое отражение в особых формах оживления буржуазной идеологии, в философских течениях позитивизма, реализма, махизма, в оживлении различных этических течений, в оживлении фрейдизма. Новая буржуазия должна была противопоставить новую форму идеализма пролетарскому мировоззрению, победоносно двигающему страну вперед к социализму. Положение мелкобуржуазного сектора в народном хозяйстве обуславливает своеобразную «компромиссную» сущность мелкобуржуазной идеологии.

Знаменем мелкобуржуазного течения в философии, «мелко»буржуазной реакции против пролетарского, материалистического мировоззрения является эклектизм, стремление стать где-то «по-середине» между материализмом и идеализмом. Мелкобуржуазная философия боится антагонизма между материализмом и идеализмом, боится даже антагонизма между теорией и «жизненной» практикой, между «обычным взглядом на вещи» и наукой, между «естественным реализмом» и абстрактной теорией, обобщающей множество законов.

Таково «реалистическое» направление в современном русском идеализме; оно, в частности, выражено в сборнике «Пути реализма». В мелкобуржуазном страхе перед «противоречиями» «реализм пытается «установить гармонию» «между философской теорией и жизненной практикой». Жизненная практика убеждает мелкого буржуа, что «существует независимый от него внешний мир, что воспринимаемые им явления — не галлюцинации и не иллюзии, но подлинная об'ективная реальность». Мелкий буржуа ни за что не примирится с тем, чтобы чувственные качества вещей или формы их существования превращались кем бы то ни было в суб'ективные фикции, символы, а действительность была бы лишь «мнимой» недоступной, а не эти

---

[1]) Там же, стр. 168.
[2]) Там же, стр. 170.
[3]) Там же, стр. 171.

ным осязаемым и видимым миром [1]). Нет, свой узколобый практический равый смысл мелкий буржуа возводит в универсальный критерий, в источк истинности всякой философии; поэтому он издевается над «беспочвенстью той философии, которая идет наперекор основным и неискоренимым зрениям каждого человека» [2]), поэтому он боится, как бы его не лишили полняющего его спокойствием «обычного взгляда на вещи» [3]), «у в е р е н о с т и в том, что существует независимый от него внешний мир» [4]).

Наивный реализм должен быть реабилитирован. «Наивный реализм шком доверчиво был сдан в исторический архив, как точка зрения, не держивающая серьезной философской критики» [5]).

Идеализм «наивен», он «чудовищно переоценивает роль организма и знания в процессе познания природы».

Было бы глубоким заблуждением думать, что реализм тем самым становится на позиции материализма. Реализм, как с т ы д л и в ы й идеализм, тказывается от гносеологического идеализма» [6]), но, как идеализм, — он оставляет непредрешенным, какому из выдвигаемых философами начал — атериальному или нематериальному — следует отдать предпочтение в онтогии» [6]). Мелкий буржуа в философии «онтологически нейтрален» [6]), он збегает «ставить самого вопроса о том, следует ли вообще отдавать предпочтение одному из них насчет другого». Но идеализм не перестает быть деализмом оттого, что он труслив или стыдлив. И «новый реализм» не даром азван его автором «интуитивным реализмом»: интуиция, т.-е. внутреннее епосредственное созерцание, направленное на внешний мир, — вот что вляется краеугольным камнем, источником и методом всякого познания. Но огда признание внешней об'ективной реальности материального мира дается форме интуиции, т.-е. на основе непосредственного осознания, и познавание того мира исчерпывается такой «непосредственной данностью сознанию» того мира, — тогда «восстановление в правах» внешнего мира становится езультатом гнилого компромисса между двумя противоположными течениями философии. Мышление отображает мир в понятиях и законах не непосредственно, не путем простого видения предметов, а опосредствованным, обрабатывающие данные восприятия в понятиях путем, исходным пунктом и только исходным пунктом которого является непосредственное восприятие мира. Выходит, что «реалисты», «отказываясь от гносеологического идеализма», вовсе не становятся на позиции материалистической философии. Выходит, что непосредственное восприятие, из которого исходят наивные реалисты, ведет целиком к идеализму. «Новый» реализм хочет «преодолеть» идеализм, пугаясь «беспочвенности» его, но оно, это течение, само становится беспочвенным, потому что отождествляет мир, как независимую от сознания об'ективную реальность, с сознанием этого мира, потому что отождествляет непосредственное восприятие предмета с предметом непосредственного восприятия, воспринятый предмет с предметом восприятия.

Таков удел мелкобуржуазной идеологии: воевать против буржуазной идеологии, не выходя за ее пределы, ограничивая себя ее рамками, она «двуличная по самой своей природе, и тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам» [7]).

---

[1]) «Пути реализма». Сборник философских статей Б. Н. Пабынина, Ф. Ф. Бережкова, А. И. Огнева и П. С. Попова, издание авторов, Москва 1926 г.

[2]) Там же, стр. 4.

[3]) Там же, стр. 62.

[4]) Там же, стр. 3.

[5]) С. А. А л е к с е е в (А с к о л ь д о в), Философия, изд. «Наука и школа», Петербург 1919 г., стр. 19.

[6]) Там же, стр. 4.

[7]) Л е н и н, Соч., т. I, стр. 350.

Реализм находит достаточно силы, чтобы выступить против идеалистического учения о творческом воссоздании сознанием бытия, и он показывает безуспешность такой попытки, но реализм бессилен последовательно довести до конца борьбу против идеализма, не доходя до взгляда на сознание как отображающее — относительно, но об'ективно! — отображающее внешнее ему бытие. Поэтому вначале правильная по замыслу задача борьбы против суб'ективистического понимания сознания на деле подменяется другой задачей: доказательство об'ективности реальности внешнего мира подменяется доказательством об'ективности наших восприятий. Так, реализм отождествляет об'ективность восприятия с об'ективностью внешнего мира,— в этом его ошибка. Об'ективность восприятий не покрывает собою об'ективности внешнего мира, восприятия и все наше знание не только об'ективны, но и суб'ективны, ограниченны, относительны, условны. Представление о предмете есть представление об этом об'ективном предмете, но представление не есть сам предмет, как думают реалисты.

Другой разновидностью мелкобуржуазного течения в философии является философия так называемого «смысла жизни». Как и «новый реализм», философия «смысла жизни» не отвергает непосредственного наличия внешнего мира, но она так же далека от материализма, как и реализм. Философия, требующая «осмысления» жизни, есть продукт противоречивой, мелкобуржуазной психологии, обреченной самой классовой природой мелкой буржуазии на двойственность, колебания, «душевную разорванность», на ту «бессмысленность», которая свойственна всему, что в самом себе не имеет силы для самостоятельного развития и существования. На этой «бессмысленной» в глазах ее самой базе двойственного, противоречивого существования вырастают так называемые «проклятые вопросы» о смысле жизни.

Эта двойственная, противоречивая природа мелкой буржуазии с особой резкостью сказывается и обостряется в переломные моменты истории, в период крутых поворотов и классовой борьбе, в тисках классовых сдвигов. И она мечется между наукой и верой, материализмом и идеализмом, прогрессом и реакцией. Выход — в «осмыслении» жизни, в самой «жизненности» как смысле жизни, в том, что вечно течет и меняется. Наука действительно разрушает, раз'едает блаженство верующего, даже было бы несправедливо изолировать истинную философию от науки, противопоставлять науке, но нельзя «преувеличивать значения науки», наука несет «холод», «об'ективность», «мертвые научные квадратики для похоронных распределений остатков живого» [1]), а все дело лишь в «взволнованности», «суб'ективной важности», «насыщающей нас теплом», «удовлетворении или неудовлетворении интимных запросов человеческой души». «Прошло то время,—плачет мелкий буржуа,— когда светлая уверенность и устойчивость, которые несла и несет с собою искренняя, непосредственная вера, оказались раз'еденными разлагающей работой мысли и разума» [2]). Но и признать силу мысли и разума до конца, признать с последовательностью, какой требует история и опыт всего человеческого знания, не может мелкобуржуазная философия.

Идеалистическая философия «проклятых», «вечно новых, не умирающих вопросов», «о том, зачем все это, где смысл жизни, что действительно нужно и важно и что ненужно и иллюзорно» [3]), — эта философия должна заменить мелкобуржуазной интеллигенции блаженство верующего, которое стало для нее недоступным, завидным состоянием.

С точки зрения диалектического материализма, всего содержания марксизма-ленинизма, все ламентации на тему о «смысле жизни», вообще о

[1]) М. М. Рубинштейн, О смысле жизни, ч. 1, изд. авт., 1927 г., стр. 22.
[2]) Там же, стр. 8.
[3]) Там же, стр. 7.

«свободе личности», «полноте жизни» и прочих столь же высоких и общечеловеческих «идеях» представляют собою реакционную, мелкобуржуазную, насквозь лживую, лицемерную попытку приукрасить, подкрепить, прикрыть идейно защиту класса эксплоататоров, защиту всей системы угнетения трудящихся машиной буржуазного государства.

Нет проблемы смысла жизни вообще, ибо нет и жизни вообще, как нет и человека вообще. Есть жизнь определенных общественных классов. Нет и смысла вообще, ибо смысл жизни с точки зрения одного общественного класса—состоит в наживе путем бесчеловеческой эксплоатации трудящихся масс. Смысл жизни для класса трудящихся — в борьбе против эксплоататоров и капиталистов, смысл жизни — в подчинении ее классовым интересам пролетариата. «Бессмысленно» живет тот, кто деклассирован. Кто же больше, глубже, полнее проникся классовым самосознанием, у того глубже, шире, полнее, осмысленнее жизнь. Мы срываем прикрасы с буржуазной демократии, разоблачаем эксплоататорскую сущность буржуазной «цивилизации», искусства, мы показываем, что все высокие и «лучшие» идеи человечности, человека, ценности являются обманом трудящихся — и тем самым и только тем самым партия помогает трудящимся осмыслить свою «жизнь». Смысл жизни — в осознании себя частицей класса, и жизнь каждого его члена постольку осмыслена, поскольку она укрепляет диктатуру пролетариата.

* * *

Период социалистической реконструкции вносит новое содержание в классовую борьбу: величайшие классовые сдвиги, происходящие в стране, состоят в том, что успехи социалистической индустрии, приступившей к переделке крестьянского хозяйства в крупное социалистическое земледелие, успехи коллективизации по-новому поставили в нашей стране вопрос о классах: если раньше нашим лозунгом по отношению к кулачеству, единственному капиталистическому классу, имеющему экономическую базу, был лозунг ограничения и вытеснения, то теперь основным лозунгом является лозунг ликвидации. Этот «поворот» (Сталин) в политике по своему всемирно-историческому значению может быть сравним лишь с свержением помещиков и капиталистов в Октябре.

Отсюда усиление сопротивления кулачества, ожесточение его борьбы против пролетариата. Это сопротивление ярко отражается и на идеологических участках классовой борьбы. В философии вновь оживают самые крайние формы идеализма. Проповедь мистицизма и поповщины ухитряется замаскироваться диалектической терминологией, проникнуть в узко-специальное знание, стремится проникнуть любой ценой в малейшую щель через искусство, литературу, быт.

Особенно характерен в этом отношении в философии А. Ф. Лосев, развивший за последние три года усиленную литературную деятельность.

Особенность всех философских писаний А. Ф. Лосева состоит в том, что последний неоднократно и подчеркнуто об'являет себя сторонником диалектики. Истинной философией Лосев считает диалектическую философию. «Все мои работы, если они имеют хоть какое-нибудь отношение к философии, есть результат моей диалектической мысли. Диалектику я считаю единственно допустимой формой философствования» [1]). Диалектика — это логическое конструирование бытия, рассматриваемого с точки зрения феноменологии Гуссерля [2]).

---

[1]) А. Лосев, Философия имени, М. 1927 г., стр. 9.
[2]) Там же, стр. 221.

Диалектика есть логическое конструирование, «чисто-логическая конструкция вещи» [1]). Есть ли предмет на самом деле и какой именно есть предмет — для нее совершенно безразлично. «Диалектика говорит только об одном: если есть предмет, то как он мыслим?» Эта мыслимая конструкция есть смысл, сущность «эйдос». «Надо его увидеть, и это будет единственным доказательством его истинности». «Что вы хотите мыслить, не важно, но как мыслить, — об этом диалектика дает точнейшие правила».

Философия Лосева является попыткой соединения феноменологии Гуссерля с диалектикой неоплатонизма и Гегеля. Сам Лосев называет свою систему «диалектической феноменологией мысли».

Она основана на интуитивном постижении, непосредственном созерцании, она есть «самое простое, живое и жизненное, непосредственное восприятие» [2]).

Она исходит из «простого человеческого восприятия», «неискалеченного» «абстракцией» и «метафизикой» «непосредственного свидетельства опыта», «реального восприятия». Диалектика в этом смысле и есть сама «непосредственность». Перед силою интуитивного умозрения или «узрения», разумеется, ничто из содержания вещей устоять не может: никаких «вещей в себе» и «явлений» для такой диалектики, которая «требует откровения» не существует, никакой суб'ективной ограниченности или неадэкватности не существует, она не только «охватывает» вещи, но и есть «эти же самые вещи», без стесняющих их в «обычном» «обывательском» «здравом разуме» покровов «теоретических построений» и т. д. «Это — «абстрактный эмпиризм» и — «никакая теория», «диалектика абсолютно нетеоретична», диалектика есть «просто глаза, которыми философ может видеть жизнь», однако, глаза, все освещающие сразу и сразу все приводящие в «абсолютную ясность, строгость, и стройность мысли». Для столь «дорогих» глаз [3]), разумеется, не существует никаких затруднений, никаких промежуточных стадий.

Теория и наука об'ясняют, а не только описывают, приводя в порядок разрозненные и спутанные факты, прибегая к отвлеченному принципу, применяя абстракции, непосредственно не связанные с данными фактами. Феноменология, по уверению Гуссерля и его ученика Лосева, не есть теория и наука, она описывает то, как есть предмет сам по себе, она есть «зрение и узрение» «самотождественности предмета», «осязание умом», это «видение предмета в его тождественности [4]). «Она не наука и не имеет научного метода, поскольку физическое зрение не есть еще ни наука, ни наука [5]).

«Эйдос и есть то, что мы видим в вещи» [6]). Феноменология Лосева, как и Гуссерля, требует «отбросить всякие метафизические установки, будь то материалистические или натуралистические», всякое «об'яснение—научное, метафизическое или какое бы то ни было иное»—должно быть отставлено в сторону, феноменология требует «всмотреться в самую сущность» [7]) исследуемого явления. Это знание, предшествующее всякой теории и науке» [8]), — первая встреча с предметом, «искательство подлинного смысла вещи, затуманенного и затерянного среди частностей ее проявления в разных местах и временах, «де-теоретическое описание» [9]).

---

[1]) А. Лосев, Античный космос. стр. 14.
[2]) Философия имени. М. 1927 г.
[3]) Там же, стр. 19.
[4]) Там же, стр. 210 и сл.
[5]) Там же, стр. 211.
[6]) Там же, стр. 240.
[7]) Там же, стр., 73—74.
[8]) Там же, стр. 209.
[9]) Там же, стр. 210.

Чистое мышление сосредоточено в себе самом, ни в чем «ином» оно не нуждается, в мышлении все вечно, оно вечно «возвращается на себя, как вращается в себе» [1]); «состояние чистой мысли» — это такое состояние, когда для нас «нет никакого об'екта, кроме нас самих, не было бы внешнего мира». «На основании психологического анализа фактической жизни мышления нельзя поэтому строить феноменологию и диалектику мышления». «Факты» затемняют и «затрудняют» для гуссерлианца понимание, он требует уйти подальше от «фактов» «реальной психической жизни» [2]).

Спрашивается, однако, что же все-таки остается в конечном счете об'ектом познания? Каков тот предмет, который в качестве об'екта знания должен быть познан лосевским «мышлением»? Совершенно ясно, что если лосевское «мышление» ни в чем «ином, психическом или физическом» не нуждается, и исключает всякое натуралистическое об'яснение, то Лосеву остается сделать отправным и опорным пунктом своей философии «анализ слов и имен». Суть вещи по Лосеву дана в ее и м е н и.

Как существует прикладная механика, астрономия и математика на ряду с теоретическим строением этих наук, так и всякая другая эмпирическая наука должна быть еще «теоретически обоснована», в частности, «понятия, которыми оперирует прикладная и практическая психология и языкознание, должны быть определены, критически взвешены и построены их теоретической частью». В роли такого теоретического обоснования науки, «предварительного» условия для того, чтобы освободиться от «пошлости обывательского мировоззрения ходячего научного и ненаучного сознания» и выступает «о б щ и й а н а л и з с л о в а и и м е н и». Разумеется, ничего общего с научным языковедением это предварительное универсальное «исследование логической конструкции слова» не имеет. Систематическая феноменология мысли, которую Лосев хочет дать, есть общий анализ слова как такового. «Этот предварительный анализ необходим», по Лосеву, для того, чтобы «в дальнейшем ясны были пути и методы собственного научно-эмпирического анализа, будь то языкознание, психология, или какая-нибудь иная эмпирико-индуктивная наука». Лосева не интересует реальный, существующий в пространственно-временных формах, мир: по его мнению, это мир обывателей, людей «слепых и глухонемых». Единственным и истинным об'ектом философии остается таким образом мир слов как таковых. «Словесная выраженность» приобретает какой-то универсальный характер и Лосев не смущаясь находит ее уже «в физической сфере, в мире физических тел» (стр. 67). Правда, Лосев заявляет, что слово необходимо в историко-культурном отношении, что мышление не существует без слов, что без слов невозможно никакое социальное общение. Однако истинный смысл своего «социального» обоснования слова Лосев раскрывает тут же, говоря о том, что слово есть «основа мышления». «Имя есть основание, сила, цель, творчество и подвиг всей жизни» [3]). Это и приводит Лосева к библейской мысли об универсальном и творческом значении слова для физического мира.

Физическое тело есть первое об'единение, группирование распавшихся и внешних друг другу элементов: такая группа «подчиняется некоторому обобщающему их смыслу или идее. Это то же слово, но слово в зародыше, далекое от внутреннего оформления и осмысления» [4]). иФзический мир — это мир слов еще неоформившихся, по Лосеву, но все же слов. Больше того, Лосев только последователен, когда он утверждает, что «весь физический

---

[1]) Там же, стр. 87.
[2]) Там же, стр. 88.
[3]) Там же, стр. 181.
[4]) Там же, стр. 67.

мир, конечно, есть слово» [1]). Физические тела суть слова, ибо они «нечто значат, и они суть нечто понимаемое», «это затвердевшее, окаменевшее слово, и имя — остывшее, обездушенное» [2]). «Установив» тождество физического тела со словом, Лосев утверждает «словесную» сущность и растительного организма; растительный организм, «биологическая величина», есть уже внутреннее и существенное слово, чем физическая вещь. «Мир — разная степень слов». А наше человеческое слово существует рядом с этим миром слов - тел.

Но обоснованием физического, растительного и прочего мира не исчерпывается назначение слова. «На анализе слова должно возникнуть и учение о разделении наук, ибо всякая наука есть слово, и даже этимологически это зафиксировано в обозначении большинства наук через «логос»—«логия» (психология, биология и пр.)». (Философия имени, стр. 206). «Всякая наука есть наука о смысле или осмысленных фактах, что и значит, что каждая наука — в словах и о словах» (Там же, стр. 29). В слове — «встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия» (Там же, стр. 28). Таким образом, «принципиально отождествляется знание и бытие» (Там же, стр. 59). Лосев резко размежевывается с «метафизическими системами, спорящими о взаимном влиянии «сознания» и «бытия». Они не влияют друг на друга, но они изначально тождественны» (Стр. 59). Следовательно, материалистическая философия, рассматривающая представления, понятия и пр. факты мышления вообще как отображение существующих независимо от сознания вещей и процессов, попадает в число «метафизических систем». Но материалистическое учение о зависимости «сознания» от «бытия» есть научно проверенное и всем опытом научного знания и человеческой истории доказанное учение. Лосева это не только не смущает, но, напротив, заставляет его выступить вообще против науки. Такие книги как книга Лосева о «Диалектике мифа» представляют в наших условиях орудие черной реакции и мракобесия. Лосев оправдывает инквизицию средневековья, сожжение Бруно, оправдывает самые жуткие в истории папства зверства церкви против науки.

Поповщина, разумеется, и тут одета в специфически-философский костюм. Так, Лосев пишет, что наука превращает мир в полную тюрьму, в вечную скованность, тупую механичность и безжизненный труп. «Вокруг этого трупа, обезображенного и изнасилованного, танцует и скачет вихрь науки, славословящий его как своего бога в радении и экстазе. Поклоняются трупу и любят его; ради него строят науку и культуру» [3]). Наш защитник алхимии и магии высмеивает «ослепление и раболепство перед механикой Ньютона и картезианским механизмом» [4]), натуралистическая картина мира почерпнута из наблюдения слепых и случайно попавшихся фактов, а мифология — это «цельное и окончательно-полное знание, которое оперирует с живыми вещами и с живым миром, имеющее с ним дело вне каких бы то ни было абстракцией» [5]). «Диалектика соединима с любой мифологией, и свою заслугу Лосев видит в том, что он поставил в необходимость связь с диалектикой — алхимию, астрологию и магию» (Стр. 232).

Нужно ли удивляться тому, что этот современный проповедник астрологии и алхимии поистине с изуверским бешенством говорит о материализме, эмпиризме, науке? Он утверждает, что их «надо вырвать с корнем из человеческого рода, и пусть будет отстранен всякий, кто станет ее насаждать среди нас и развивать». Но и этого мало ему. «Много и так развилось философии всяких шарлатанов и мерзавцев, и абстрактная диалектика, не

[1]) Там же, стр. 66.
[2]) Там же, стр. 67.
[3]) Лосев, Музыка, как предмет логики, М. 1927 г., стр. 46.
[4]) Лосев, Античный космос, стр. 11.
[5]) Там же, стр. 15.

понимающая тела и его сокровенного смысла, да будет изничтожена на ряду с холерными и тифозными бациллами».

Такова кулацкая философия наших дней. В период, когда задачи социалистического строительства решаются в условиях ожесточенного сопротивления кулачества, особенно резко проявляется контрреволюционная роль религиозно-поповского мракобесия, проповедуемого Лосевыми в рясах и без ряс.

Таковы «судьбы» русской буржуазной и мелкобуржуазной философии после Октябрьской революции. Таков «внешний» фронт, противостоящий марксизму за эти годы и в наши дни.

На антирелигиозном фронте.

Ф. Олещук.

За время, отделяющий XV партийный с'езд от XVI, произошли огромные сдвиги во всех областях социалистического строительства. Не составляет исключения и область антирелигиозной пропаганды. Как один из важнейших участков классовой борьбы—антирелигиозная работа за этот период времени отражала на себе все важнейшие процессы, имевшие место в общеполитической, хозяйственной и культурной жизни страны.

Социалистическое строительство после XV партийного с'езда сделало решительный шаг вперед. Колоссальный размах получила индустриализация страны, а вместе с ней и рост кадров промышленного пролетариата. Непрерывка внесла коренное изменение во весь облик, во все нутро бытовой жизни рабочего, заменив старые религиозные традиции новыми трудовыми навыками и настроениями.

В деревне неслыханный размах получила коллективизация сельского хозяйства. Десятки тысяч тракторов, агрономов, ряд совхозов и машинно-тракторных станций крепко потянули деревню на новые пути жизни, подорвали старые традиции, обычаи, предрассудки, обряды.

И в деревне, и в городе сильно поднялся культурный уровень трудящегося. Массовая печать, радио, школа, клуб, изба-читальня, широкая сеть добровольных обществ, общая система партийной, советской, профессиональной и добровольческо-общественной политико-просветительной работы,—все это с разных сторон, разными способами и приемами таранило твердыни старого религиозного мировоззрения и создавало подлинную культурную революцию в стране

Антирелигиозная работа в продолжение двух последних лет определялась общими успехами социалистического строительства и в частности размахом культурной революции. Антирелигиозное движение в стране за последние годы неуклонно росло вверх. Процесс разрыва рабочих и крестьян с религией и религиозными организациями все время углублялся и расширялся. Факты и цифры, свидетельствующие об этом, достаточно всем известны. Целые города, районы и округа выносили постановления о прекращении колокольного звона. Во многих местах верующие отказались от дальнейшего содержания домов молитвы и передали их в распоряжение местных органов власти. В связи с этим чрезвычайно сильно возросло количество духовных лиц, снявших сан. Целый ряд сел и деревень, не говоря уже о городах, перешли на самую настоящую непрерывку: нет религиозных праздников, нет сопровождающего их бытового пьянства, строится трезвый, трудовой социалистический быт. Сильно вырос за последние два года Союз воинствующих безбожников. В 1927 году он насчитывал всего 300—400 тысяч человек, сейчас—3½ миллиона. Таким же темпом поднялись тиражи массовой антирелигиозной печати. Газета «Безбожник» с 60-тысячного тиража поднялась сейчас до 400 тысяч экземпляров. Массовые брошюры идут в миллионных тиражах. Общий листаж одного

только издательства «Безбожник» вырос по сравнению с 1927 годом ровно в 6 раз. Значительно расшевелились научные силы, организации и учреждения. Их участие в антирелигиозной работе придало этой последней не только широкий размах и массовый характер, но сделало ее в то же время более глубокой по содержанию, более всесторонней по методам подхода и охвата качественно разнородных масс трудящихся.

Папское выступление послужило как бы пробным камнем, в ответ на который сразу обнаружилась вся мощь воинствующего атеизма как неот'емлемого завоевания трудящихся Советского Союза.

Таково первое и основное положение, которым характеризуется антирелигиозный участок классовой борьбы за последние два года, истекшие со времени XV парт. с'езда. Второе положение, непосредственно связанное с первым, хотя и составляющее его прямую противоположность—это оживление и усиление деятельности религиозного фронта—деятельности церковников и сектантов. Оба указанных явления имеют одну и ту же конечную причину: это обострение классовой борьбы, вызываемое успешным ходом соц. строительства, выкорчевывающего корни капитализма в нашей стране. В этом отношении особенно любопытно заметить, что наибольшая волна религиозной деятельности вздымается всякий раз при том или другом шаге партии, ведущем нашу страну вперед в сторону социализма: перевыборы советов, коллективизация, непрерывка, заем, хлебозаготовки и т. д.

В общем следует отметить три основные черты, характеризующие деятельность религиозных организаций за последнее время. Первое — чрезвычайное разнообразие методов, форм и содержания религиозной работы в смысле приспособления ее к массам, а также упор в этой работе на молодежь, женщин и наиболее отсталые слои рабочего класса.

Второе—в высшей степени наглая и открытая контрреволюционность и фашистские методы работы, проявившиеся за последнее время в целом ряде религиозных организаций — федоровцы, имяславцы, автокефальцы и т. д.

Третье—несомненная связь наших церковников и сектантов с заграницей, что превращает религиозные организации в политическую агентуру и политический аппарат враждебных пролетариату классовых группировок не только внутри нашей страны, но и международной буржуазии.

В столь сложной политической обстановке борьбу с религией приходилось вести очень трудно. Трудности социалистического строительства, мелкобуржуазное давление на пролетариат и отдельные звенья партии, недостаточность партийного руководства в целом ряде мест антирелигиозной работой, низкий теоретический уровень работников-безбожников,— все это приводило к тому, что в антирелигиозной работе за последние два года в целом ряде мест были допущены отклонения от ленинской, партийной линии и совершен целый ряд ошибок как правого, так и левого порядка.

Основной опасностью в борьбе с религией за истекшие два года был и остается правый уклон. В области антирелигиозной работы правый уклон проявляется в недооценке политического значения и классовой природы борьбы с религией. Так, напр., среди некоторых профсоюзных работников существовало своего рода «политическое обоснование» отказа профсоюзов вести борьбу с религией. Эти работники полагали, что отделение церкви от государства в СССР не дает права профессиональным организациям, где об'единены и верующие и неверующие, вести только антирелигиозную работу. По их мнению необходимо или вместе с антирелигиозной допустить и религиозную пропаганду, или же, так как это невозможно, воздержаться от борьбы с религией.

Политику правого уклона в антирелигиозной работе мы видели также года полтора тому назад и в Наркомпросе, когда этот последний упорно отказывался перейти в школе от безрелигиозного к антирелигиозному воспитанию детей.

Можно было бы привести огромное количество фактов, говорящих о том, что и по линии целого ряда других организаций правые настроения в отношении антирелигиозной работы давали себя знать довольно чувствительно. Нельзя указать ни одного учреждения, ни одной общественной организации, которые бы относились к борьбе с религией с такой серьезностью, так, как этого требует партия. В большинстве случаев отношение было пренебрежительным, невнимательным, в лучшем случае терпимым. Корни всего этого, как мы уже указывали, лежали в недооценке политического значения антирелигиозной работы, или же в боязни обострения отношений с кулаком.

Для полной характеристики правого уклона в антирелигиозной работе следует указать еще на голое просветительство, культурничество, которым подменяют иногда боевое, насквозь политическое содержание воинствующего атеизма.

Ошибки подобного порядка стали за последнее время гораздо реже, чем, напр., 3—5 лет тому назад, но зато в современной обстановке они особенно резко стали бросаться в глаза. Увлечение естествознанием, историей культуры, мифология, копательство в евангельских текстах, призывы к «свету и знанию», антипоповщина, квалификация сектантов как «культурных хозяев», агропропаганда вместо антирелигиозной пропаганды — все это ошибки правого порядка.

Надо сказать, что ими особенно страдает беспартийная советская интеллигенция: врачи, агрономы, художники, техники, учителя, не переварившиеся в котле марксистской науки. Но значительное проявление подобных ошибок мы встречаем даже в антирелигиозной литературе, издаваемой не кем другим, как издательством «Безбожник».

«Левые» загибы на антирелигиозном фронте также проявились достаточно сильно.

Еще на II с'езде Союза воинствующих безбожников, т. е. год тому назад, некоторые комсомольские работники активно выступили с критикой антирелигиозной работы «слева». До этого ошибки левого порядка упорно проявлялись целым рядом антирелигиозных работников, группировавшихся главным образом вокруг журнала «Безбожник у станка». Но все это было слабо и незначительно. «Левый» загиб вырос в значительную величину только за самое последнее время, сопутствуя «левым» ошибкам в колхозном строительстве.

Недооценка глубины социальных корней религии, непонимание политики партии в антирелигиозном вопросе, «головокружение от успехов» — вот причины, которые привели в некоторых местах к массовому закрытию церквей, произведенному без всякой подготовки и предварительной раз'яснительной работы, а затем и к осложнениям на этой почве в деле колхозного строительства.

Если «левые» загибы на антирелигиозном фронте сейчас быстро ликвидируются, то зато местами очень сильно вырастают на их почве п р а в ы е н а с т р о е н и я: боятся говорить о закрытии церквей, открывают храмы, которые можно было бы оставить закрытыми, ничего не пишут в газетах об антирелигиозной работе, одним словом, пытаются истолковать директиву ЦК таким образом, что будто бы на время необходимо о т к а з а т ь с я от антирелигиозной работы. Вот почему борьба с правыми настроениями была, есть и остается основной задачей на антирелигиозном фронте.

Основная генеральная линия в борьбе с религией определена неоднократными решениями партии по этому вопросу. Отстаивать эту линию приходилось все время в борьбе на два фронта: и против правых, и против левых ошибок. Указывая, в противовес правым, что антирелигиозная работа есть одна из важнейших политических задач, приходилось в то же время упорно напоминать по адресу «левых», что она должна быть целиком подчинена интересам социалистического строительства, а не забегать вперед, не увлекаться администрированием.

Отметая голое культурничество и просветительство как буржуазно-либеральный подход в борьбе с религией, приходилось в то же время решительно обрушиваться на одностороннюю «классовость», сводящую всю антирелигиозную пропаганду к разоблачению исключительно роли религии как орудия эксплоататоров.

В соответствии с решениями партии приходилось вести борьбу с религией всесторонне: разоблачать ее противонаучный характер, ее классовую мораль, ее эксплоататорскую сущность, ее тормозящую роль в деле соц. строительства и т. д. Эту работу приходилось проводить всеми методами и формами, подходя к массам «и так, и этак», как учил Ленин.

Кому же «приходилось» все это делать? Под руководством партии значительно выросли и окрепли силы добровольной общественности, поставившей в лице Союза воинствующих безбожников, перед собой задачу активной борьбы с религией. Именно за последние 2 года СВБ вырос с 400.000 человек до 3½ миллионов, превратившись таким образом в массовую общественную организацию по борьбе с религией. Исходя из марксистского положения о том, что религия есть надстройка и умрет вместе с изменением экономического базиса, на котором она существует, Союз воинствующих безбожников развернул в широком масштабе не только учебную работу, но и вложил значительные силы в дело социалистического переустройства хозяйства нашей страны. В особенности большое внимание уделено деревне, где экономические корни религии наиболее крепки и живучи.

Однако основная задача СВБ — это организация широкой, массовой, охватывающей миллионы трудящихся, пропаганды атеизма. Легко понять, что пропаганда атеизма—это есть борьба за мировоззрение, внедрение в массы основ диалектико-материалистического мировоззрения. А выполнение этой задачи требует наличия высокого теоретического уровня у актива Союза безбожников. Сейчас этот уровень очень низок. Повышенные запросы масс рядовой актив СВБ удовлетворить не в состоянии. Требуется не только повышение качества антирелигиозного актива, но и огромная помощь антирелигиозной пропаганде со стороны квалифицированных научных сил, марксистско-ленинских учреждений, общества диалектиков-материалистов.

Поверхностная, шаблонная антирелигиозная пропаганда перестает увлекать массы. Требуется глубина подхода, серьезность знаний. Одним словом, на сцену должны появиться астроном, биолог, врач, агроном, историк, искусствовед, художник, режиссер, писатель и т. д. Только они, обладая глубокими знаниями, могут дать обоснованные ответы, удовлетворяющие массы. Но такие силы идут на антирелигиозный фронт неохотно, а если идут, то с ними нужна предварительно довольно длительная, а, главное, очень сложная и ответственная работа, чтобы сделать из них орудие нашей марксистской атеистической мысли.

До сих пор работа по привлечению и антирелигиозной обработке этих научных, большей частью беспартийных сил проводилась Союзом безбожников: из ученых создавались ударные бригады, лекторские группы, рецензентские группы и т. д. Для организации этого дела на действительно широких началах необходимо, чтобы вместе с СВБ здесь участвовали и такие учре-

ждения, как ИКП, Комм. Академия, университеты, т.-е. все те организации, где сосредоточены марксистские научные силы.

О низком уровне антирелигиозной пропаганды и антирелигиозных кадров свидетельствует также и то обстоятельство, что только сейчас, спустя долгое время после того, как на философском фронте развернулась широкая дискуссия между диалектиками и механистами по вопросам, теснейшим образом связанным с антирелигиозной работой,—только сейчас в эту дискуссию вступает передовой отряд на антирелигиозном фронте—Союз воинствующих безбожников.

До сих пор споры и разногласия между различными течениями философской мысли были «закрытой дверью» для безбожников. В массе своей безбожники н е п о д н я л и с ь еще до уровня вопросов, трактуемых философией. Отсюда и антирелигиозная пропаганда очень часто, совершенно независимо от воли и желания тех или других товарищей, велась ими с сознательной примесью механизма, т.-е. об'ективно сплошь и рядом служа на пользу не нам, а ловким попам, сектантам, идеалистам всякого толка.

Рядовой безбожный актив понятия не имел, что значит диалектический метод и как им пользоваться. Антирелигиозная печать об этих вопросах упорно молчала и заговорила только в самое последнее время. Антирелигиозные учебники, по которым учатся рабочие и крестьяне в безбожных кружках, в целом ряде мест сами до последнего времени страдали грубыми механистическими ошибками вместо того, чтобы их выправлять у слушателей. В руководящих теоретических марксистских журналах, как, напр., в журнале «Под Знаменем Марксизма» вопросы антирелигиозной пропаганды вопреки требованию В. И. Ленина, почти совершенно не обсуждались. Все это чрезвычайно шаблонизировало, упрощало антирелигиозную пропаганду, снижало ее теоретический уровень, а в некоторых случаях делало ее орудием против нас. В свою очередь и массы рабочего класса и крестьянства чувствовали неудовлетворенность качеством той работы, которую проводили безбожники.

Если взять антирелигиозную литературу, выпущенную за последние два года, то мы опять-таки наткнемся на ту же самую болезнь: довольно низкий качественный уровень ее, отсутствие серьезной н а у ч н о й литературы для актива. Одни и те же темы, одни и те же авторы, по большей части антирелигиозники, но совершенно не видно к р у п н ы х п р е д с т а в и т е л е й научной марксистской мысли. До сих пор на антирелигиозном фронте нет хорошо изданных мыслей классиков марксизма по вопросам антирелигиозной пропаганды. То, что сделал в этом отношении «Атеист», только начало. Нет учебников для среднего актива, не говоря уже о вузовцах. Никто из большевиков-ученых не задумался даже над исследованием важнейших теоретических вопросов истории религии, вопроса о происхождении религии, христианства, истории атеизма, истории религиозных идеологий и т. д. Между тем, в этих вопросах царит величайшая путаница, там авторитетом является или Каутский с Куновым—оба меньшевика—или вообще господствует изрядная доля беспринципного эклектизма.

Такое положение, когда фактически монополия на антирелигиозную работу осуществляется и с к л ю ч и т е л ь н о Союзом безбожников, ни к каким другим результатам и не может привести.

Союз воинствующих безбожников делает очень многое, что в его силах, и даже то, что сверх его сил. Он развертывает широкую сеть учебы, кружков, семинариев, курсов, воскресных университетов, музеев, кабинетов, выставок, уголков, выпускает огромное количество периодической и непериодической литературы. Но абсолютно неправильно доходить до того, чтобы требовать от Союза безбожников профессоров в государственные университеты, заведующих кафедрами, председателей отделений и т. д. А это ведь

делается. И еще более неправильно отказываться от открытия этих антирелигиозных отделений в вузах только потому, что СВБ не может обеспечить их необходимым профессорским составом. В данном случае обязанность подыскания и подготовки таких ученых кадров лежит в первую очередь на самих вузах, на наших научных марксистско-ленинских учреждениях. Этого ни в коем случае забывать нельзя.

Антирелигиозная работа ширится. В обстановке социалистического наступления и обострения классовой борьбы антирелигиозный фронт приобретает величайшее политическое значение. Вместе с тем возросший культурный уровень масс требует повышения теоретического уровня антирелигиозной пропаганды, насыщения ее более глубоким, научным, марксистским содержанием. Все это говорит о необходимости теснейшей смычки безбожной общественности с силами науки, с научными организациями и учреждениями. Только при этом условии, если дело борьбы с религией станет общим делом всей советской общественности, всех научных, профессиональных и общественных организаций—только тогда можно надеяться, что воинствующий атеизм станет действительно воинствующим, что антирелигиозная пропаганда перестанет страдать теоретическим худосочием и превратится в боевое оружие крушащего старый мир пролетариата.

Борьба с международным ревизионизмом на философском фронте.

И. Разумовский.

«Неизбежность ревизионизма, — писал в 1908 г. Ленин, — обусловливается его классовыми корнями в современном обществе. Ревизионизм есть интернациональное явление...» [1]). «Диалектика истории такова, — отмечает он в другом месте, — что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его переодеваться марксистами. Внутренно сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического оппортунизма» [2]). Экономическая основа оппортунизма этой «буржуазной политики в рабочем движении», — указывал Ленин, — интересы мелкой буржуазии, интересы «попутчиков» рабочего движения и небольшой привилегированной, «обуржуазившейся» части рабочего класса. Источником «левой» мелкобуржуазной революционности служит та же классовая основа — разоряющийся «мелкий собственник, мелкий хозяйчик», «взбесившийся от ужасов капитализма мелкий буржуа».

Но, на ряду с классовыми корнями современного ревизионизма, Ленин считал необходимым особо подчеркнуть и методологические логические корни его воззрений. В отходе от диалектического материализма Ленин видит влияние буржуазного миросозерцания, заставлявшее ревизионистов итти в хвосте буржуазной науки: т.-е. повторять «поповские пошлости против философского материализма», заменять диалектику «спокойной» эволюцией, делать религию «частным делом» по отношению к партии передового класса. Как прямой продукт этого течения Ленин рассматривал и анархо-синдикализм и социал-реформизм, «хватающиеся за одну сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, об'являющие взаимоисключающими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса»... Обе тенденции в рабочем движении, и правая, и «левая» — «ревизионизм слева», как выражается Ленин — только «возводят в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития», не умея охватить противоречия живой жизни, действительной истории... [3]).

Эти немногочисленные указания Ленина, непосредственно относящиеся к характеристике ревизионизма конца XIX и начала XX вв., приобретают для нас однако более общее значение. Они дают нам путеводную нить в изучении современного этапа развития ревизионизма. Историческая неиз-

---

[1]) Ленин, Марксизм и ревизионизм. Цит. по сборн. «Маркс, Энгельс, марксизм» и т. д., изд. Ин-та Ленина, стр. 54. Разрядка наша.

[2]) Ленин, Исторические судьбы учения К. Маркса, там же, стр. 47.

[3]) Ленин, Марксизм и ревизионизм; его же: Разногласия в европейском рабочем движении, там же, стр. 37.

бежность современного ревизионизма, его международный характер, его чисто-внешняя «марксистская» фразеология и односторонние методологические шатания — точно также находят свое об'яснение в социальной, классовой основе оппортунизма, глубоко чуждой пролетариату; они находят свои методологические корни в его философии, развивающейся попрежнему под влиянием буржуазной идеологии. Незнание и непонимание материалистической диалектики, неумение схватить правильное диалектическое взаимоотношение между изменяющимся содержанием рабочего движения и своеобразием его форм — такова основная методологическая особенность и правого, и «левого» оппортунизма. «Правое доктринерство,—писал Ленин в своей «Детской болезни левизны»,—уперлось на признании одних только старых форм и обанкротилось до конца, не заметив нового содержания. Левое доктринерство упираетс яна безусловном отрицании определенных старых форм, не видя, что новое содержание пробивает себе дорогу через все и всяческие формы...» [1]. И лозунг борьбы на два фронта, выброшенный Лениным — как с ревизионизмом справа, так и с ревизионизмом слева — в наших исторических условиях приобретает особенно важное значение.

Разумеется, социально-экономическая база ревизионизма терпит известные видоизменения в послевоенный период развития империализма. Экономические и классовые противоречия капиталистического развития не только не «притупляются»; напротив того, резкое обострение их характерно для всей этой эпохи постоянных переходов от недолговечной «стабилизации» к все более грозным и могущественным кризисам. Нажим буржуазии на рабочий класс сопровождается переходом от либерализма к новым фашистским методам государственного принуждения. Рост фашизма безжалостно разоблачает «левую» социал-демократию, с ее надеждами на мирное сотрудничество классов, на «хозяйственную демократию». Борозда, проведенная войной между оппортунистическим и революционным крылом рабочего движения, все более углубляется, по мере того, как происходит процесс сращивания социал-демократических организаций с правительственным аппаратом буржуазного государства. Социал-оппортунизм открыто перерастает в социал-фашизм. В связи с этим усиливается мелкобуржуазная и буржуазная струя в социал-демократических партиях: ее ряды все более пополняются за счет служащих, чиновников, муниципальной и полицейской бюрократии, и это новое классовое содержание начинает пред'являть все большие требования к официальной социал-демократической идеологии. С другой стороны, те же противоречия капиталистического развития вызывают к жизни новые формы ревизионизма слева. Период революционного прилива приводит к вспышкам мелкобуржуазного революционаризма, он увеличивает число временных попутчиков рабочего класса, «взбесившихся мелких буржуа» (Ленин). Спад революционной волны и трудности организационной повседневной работы влекут за собой, в дальнейшем, их отход от коммунизма и тем самым питают разного рода ультра-левые группки и течения. Немаловажную организующую роль по отношению к различным современным формам рабочего движения играет первое рабочее государство — Советский Союз. Успехи социалистического строительства при одновременной смене кратковременного капиталистического процветания кризисами, ведут к укреплению наших братских компартий и одновременно усиливают чисто-зоологическую ненависть социал-фашизма к учению Маркса и Ленина о диктатуре пролетариата. Вместе с тем трудности социалистического строительства,—находящие у нас свое выражение в борьбе с оппозицией в рядах ВКП(б),—немедленно получают свой

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 188.

отзвук и на Западе и порождают разного рода примиренческие, открыто-правые (брандлерианские) и «лево»-троцкистские группировки в среде попутчиков коммунистического движения.

Изменения в социально-экономических основах оппортунизма неизбежно вносят ряд новых моментов и в его идеологию. Ревизионизм на всех этапах его развития, как общее выражение влияния буржуазного мышления на рабочий класс, характеризуется некоторыми общими чертами: более или менее откровенной борьбой против материалистического миросозерцания и диалектического метода марксизма, теорией классового сотрудничества и отрицанием социальной революции, конечной цели пролетарского движения. «Конечная цель—ничто, движение—все»—этот лозунг, выброшенный в свое время стариком Бернштейном, одинаково об'единяет и старых и новых ревизионистов. Однако своеобразие каждого нового этапа исторического развития вносит в эти общие черты свои характерные особенности. Вместе с тем новая форма ревизионизма не просто «начисто» отрицает предшествующие ей формы; она оказывается достаточно «широкой», для того, чтобы сохранить в известном смысле и вместить в себе ревизионистские «устремления» предыдущих этапов!

Борьба ортодоксального марксизма с ревизионизмом в довоенный период,—если говорить о ее чисто-философской стороне — велась, главным образом, в плоскости философского миросозерцания. Неокантианство, с которым прежде всего—уже с конца XIX—начала XX вв.—пришлось вступить в борьбу Г. В. Плеханову, К. Каутскому и др., было типично-буржуазной идеологией, очень близкой сердцу того правого крыла немецкой социал-демократии, теоретическая верхушка которого в дальнейшем выкристаллизовалась вокруг журнала «Socialistische Monatshefte» (Эд. Бернштейн, К. Шмидт, К. Форлендер и др.). В России последнему течению соответствовала откровенно-буржуазная группа «легальных марксистов» типа П. Б. Струве, С. Булгакова и т. д. Стремление «дополнить» марксизм неокантианской теорией познания и дать ему «этическое» обоснование в духе кантовского нравственного закона имело, таким образом, совершенно определенные классовые корни. В середине первого десятилетия XX в. в марксизм проникает новая струя ревизионизма, ведущая свое происхождение от философии эмпириокритицизма. Проводником этих новых настроений является мелкобуржуазная интеллигенция, увлеченная успехами новейшего естествознания. «Махизм» подвергает критике якобы устаревший «механистический» материализм Маркса-Энгельса, выдвигая взамен его «монистическое» или «реалистическое» учение о тождестве нашего опыта и предметов опыта, учение об об'ективном мире, как коллективном опыте. Внешняя, кажущаяся «левизна» эмпириокритиков-«марксистов» приводит их вследствие незнания ими диалектики, в болото самого реакционного суб'ективного идеализма и релятивизма. Несомненно, однако, что мы имели здесь реакционнейший мелкобуржуазный оппортунизм в своеобразном «левом» облачении. Недаром представителем его в немецкой литературе был «австромарксист» Фридрих Адлер, а на русской почве те же идеи были восприняты «отзовистами» типа А. А. Богданова [1]). Нетрудно также проследить нити, связывающие,—через Н. И. Бухарина,— эту форму ревизионизма с будущим «левым» коммунизмом...

И Плеханов, и Каутский (позднейший с.-д. «центр») ведут в этот период борьбу с кантианским ревизионизмом больше «по-фейербаховски», «по-бюхнеровски», чем «по-гегелевски» (Ленин), т.-е. больше по линии миросозерца-

---

[1]) Ср. у Ленина — противопоставление «махистского поветрия» отзовистов, с одной стороны, и либерального «духа веховщины», с другой (т. XI, ч. 2, стр. 140—141).

ная, чем с точки зрения материалистической диалектики, как всеобщей теории познания марксизма. Вопросы диалектики выдвигаются в этот период лишь в наиболее общей постановке. Наличие противоречий в реальном историческом развитии, а не только в нашем мышлении, обострение классовых противоречий, роль качественного скачка в революционной теории—вот те самые общие положения, которые приходится отстаивать в первую очередь. Неудивительно, что такая «бюхнеровская» критика оказывается недостаточной уже в борьбе с эмпириокритической оценкой новейших физических открытий. Проблемы материалистической диалектики, как всеобщей методологии познания, выпячиваются уже в ленинском «Материализме и эмпириокритицизме» на первый план; приблизительно с начала империалистской войны они становятся в центре внимания Ленина, а затем и всей, следовавшей его указаниям, революционно-марксистской школы в философии (А. Деборин).

Война и послевоенный период обнаруживают всю ограниченность «центристской» критики ревизионизма. Каутский, и раньше считавший возможным примирить исторический материализм и с кантианством, и с махизмом, быстро скатывается к механистическому эклектизму и к позитивизму. Ряд кантианских ошибок делает сам Плеханов, а вслед за ним Л. Аксельрод. Лишь коммунизм (большевизм) остается всецело на почве ортодоксального, диалектического материализма. Все течения внутри международной социал-демократии постепенно все более обнаруживают свой явно чуждый марксизму характер. «Правое» крыло, из которого выходит большинство с.-д. политиков и организаторов, одерживает самую решительную победу. Престарелый Бернштейн к концу жизни стяжает лавры и похвалы со стороны своего бывшего противника Каутского. Неокантианец К. Форлендер становится официальным философом с.-д. и получает поручение написать философский комментарий к партийной программе; правый ревизионист П. Кампфмейер становится официальным ее историком. Социал-демократическая мысль оказывается в положении полной прострации перед фрейдизмом (Отто Рюле, в Бельгии—Гендрик де Ман), перед религиозными устремлениями (Кранольд), перед психологией биологических «инстинктов»... С.-д. органы все чаще начинают печатать статьи, ищущие примирения между социализмом и религией вообще, между социализмом и католицизмом в частности. «Левый» австромарксизм все время колеблется между эмпириокритицизмом (Фр. Адлер, О. Иенсен) и неокантианством в его более «тонких» и марксистообразных формах (Макс Адлер, Отто Бауэр). Так, напр., Макс Адлер превращает «социальность» в некую априорную категорию человеческого разума, придавая термину «материализм» исключительно историческое значение: в своем понимании основной проблемы философии он синтезирует Канта с Махом! «Левизна» австромарксизма не мешает и М. Адлеру искать конечного успокоения в лоне религиозной веры, в которой он видит один из основных разделов человеческого познания. Впрочем, богостроительством занимается не один «левый» Адлер, пути к церкви начинает нащупывать и Отто Бауэр... Позитивизм в его кантианской или юмистской трактовке—вот к чему сводится миросозерцание всей современной с.-д...

Но ни кантианство, ни фрейдизм, ни бергсоновская «интуиция» уже не могут удовлетворить воззрений самой буржуазии на переживаемом нами этапе. Новейшие открытия естествознания стихийно толкают неповоротливую буржуазную мысль к восприятию диалектического характера развития. Однако диалектика приемлется буржуазной философией лишь в ее давно превзойденной, несовершенной, идеалистической форме. «Назад к Гегелю!»—лозунг, сменяющий прежний призыв «назад к Канту!», характеризует работы ряда современных буржуазных историков и философов (Трельч, Ортега, Джентиле и др.). Неудивительно, что причудливое соединение

позитивизма в области мировоззрения с идеалистической диалектикой характерно и для целого ряда ревизионистов. Макс Адлер, например, ограничивает свою диалектику человеческим обществом, стало быть, делает ее условием наличие человеческого сознания. Г. Кунов призывает вернуться к гегелевскому пониманию государства, как необходимого высшего «организма». Проблема государства вообще начинает занимать центральное место в ревизионистской литературе. Она получает свое ревизионистское разрешение в полном извращении учения марксизма о классах и государстве и в апологии буржуазной демократии...

Особенно любопытна эволюция, проделанная за последние годы прежним с.-д. «центром» и в первую очередь самим К. Каутским. Выпущенный им в 1927 г. двухтомник «Материалистическое понимание истории» представляет собою форменную энциклопедию современного ревизионизма. Каутский совершенно открыто говорит о том, что он дает в этой книге «свое собственное понимание истории», что он высказывает взгляды, которых не имели его великие учителя. И, действительно, книга Каутского представляет собою полный разрыв и с философским материализмом, который Каутский подменяет позитивизмом, и с диалектикой, понимаемой им явно идеалистически и в духе теории равновесия, и с самим материалистическим пониманием истории, которое Каутский «понимает» натуралистически (биологически), а в существенных его элементах превращает в исторический идеализм. Каутский так далеко отбросил свою былую «ортодоксальность», что не стесняется открыто критиковать Энгельса в важнейших вопросах философии. Характерны для теперешнего идеологического маразма с.-д. и взгляды Каутского на революцию. Каутский ограничивает исторические пределы действия закона социальной революции, изложенного Марксом в предисловии «К критике политической экономии», одним переходом от феодального общества к буржуазному: вся прошлая история человечества излагается им в согласии с теорией насилия Дюринга и Гумпловича, а для будущего остается собственная теория ультра-империализма Каутского! Вся «ученая» работа Каутского имеет совершенно определенную цель показать преимущества хваленой демократии перед диктатурой, дать с этой точки зрения критику большевизма и приспособить материалистическое понимание истории к уровню потребностей и вкусов мелкого буржуа, наводняющего сейчас социал-демократическую партию. Характерная особенность изложения Каутского заключается в том, что этот былой начетчик от марксизма гораздо более умело щеголяет внешней фразеологией марксизма, чем его «правые» и «левые» соратники. И вместе с тем и его современные воззрения представляют собой откровенно буржуазную идеологию, в которую окончательно выродился современный с.-д. ревизионизм.

Мы имеем, однако, внутри современного ревизионизма и целый ряд новых явлений, которые подлежат самому серьезному изучению. Отход от коммунизма правых и левых (троцкистских) группировок также получает свое теоретическое, философское отражение. В рядах коммунистических партий эти новые формы ревизионизма обычно выдаются вначале за стопроцентный марксизм; выход за пределы компартий быстро вскрывает подлинный теоретический лик новых ревизионистов.

Так, например, А. Тальгеймер еще в своей работе «Введение в диалектический материализм», изданной ГИЗ'ом в 1928 году, делает первые попытки отойти от диалектического материализма. Проблему взаимоотношения между бытием и мышлением он не считает возможным разрешить при помощи марксистского критерия практики. Как суб'ективные идеалисты и махисты, Тальгеймер исходит прежде всего из самосознания! С другой стороны, Тальгеймер понимает мышление вульгарно-механистически, отождествляя эту функцию мозга с «выделением» желез... Аналогичные извращения мы находим

у Тальгеймера и по вопросу о диалектике. Закон единства противоположностей показывает, по мысли автора, «связь вещей в статическом виде»; диалектика Платона, которая исследовала покоящееся целое, была, по его мнению, более высокой формой диалектики, чем диалектика движения, развитая Гераклитом. Как видим, Тальгеймеру остается сделать немного шагов, чтобы прийти к окончательной замене диалектики теорией равновесия! С этой стороны немало показательного материала мы находим в ряде статей официального органа брандлерианцев «Gegen den Strom».

Очень любопытны и те философские воззрения, которые выдвигают ультра-«левые», полутроцкистские и явно троцкистские группировки. Г. Лукач, К. Корш, Фогараши и др., также как и позитивисты, отрицают подлинное значение марксистской философии; как и правые оппортунисты, они превращают материалистическую диалектику в идеалистическую и ограничивают ее областью общественной жизни. С другой стороны, в своей «левизне», они идут так далеко, что склонны рассматривать ленинизм, как своего рода новый теоретический центризм, наподобие каутскианского! Так, например, К. Корш в своей достаточно поверхностной критике Каутского устанавливает, «несмотря на все практические противоречия», «близкое родство между ленинистским и каутскианским видами «марксистского центра»!!! [1]).

Если пытаться подвести некоторые итоги современному состоянию международного ревизионизма, то выводы эти окажутся для него крайне малоутешительными. Ревизионизм становится все более чуждым марксизму: точно так же, как социал-оппортунизм перерастает в социал-фашизм, так и идеологическое его выражение, ревизионизм все более превращается в типично-буржуазную критику революционного марксизма. Все характерные черты современной буржуазной идеологии находят в нем самом отчетливое выражение. По всей линии — от правых вплоть до «левых» — мы видим, прежде всего, отход от философского материализма и подмену его позитивизмом — все равно, кантианского или юмо-махистского толка. Но буржуазный позитивизм (О. Конта, Г. Спенсера и т. д.) всегда теснейшим образом был связан с идеалистическим пониманием развития и с механистическим методом,— в частности, с трактовкой движения, как смены различных состояний равновесия. Позитивистская теория равновесия и механистическая методология — такова вторая характерная черта современного ревизионизма. Ее дополняет в ряде случаев возврат к гегелевскому идеализму (Каутский, Лукач) в изучении развития общественной жизни. У ревизионистов отсутствует понимание качественных особенностей общественного бытия: в связи с этим социальные категории трактуются ими натуралистически (Каутский). С другой стороны, исчезает понимание и той связи, той непрерывности, которая сохраняет место между природой и обществом: социальные категории «по-кантиански» вовсе отрываются ими от всего остального чувственного мира (Лукач, Корш). Из всего этого с неизбежностью вытекают — ограничение ревизионистами действия законов диалектики, ограничение ими действия законов общественного развития, ограничение действия закона социальной революции, возврат к Гегелю в вопросе о государстве (Кунов) апология буржуазной демократии.

Ревизионизм опасен, однако, не только своим разлагающим действием на пролетарские круги, еще находящиеся под влиянием с.-д. Отдельные положения современного ревизионизма находят свой отзвук и в среде коммунистических партий: воздействие буржуазного и мелкобуржуаз-

[1]) См. Archiv für d. Geschichte d. Sozialismus und der Arbeiterbewegung, Leipzig 1929, S. 258.

ного окружения на пролетариат сказывается здесь особенно ярко. В частности, такие отклики—иногда бессознательно для самих авторов—находят место иногда и у нас, в Советском Союзе, где, казалось бы, мы имеем достаточные против них гарантии. Если механистическую методологию Л. Аксельрод, ее кантианское понимание этики, ее отход к позитивизму в вопросах теории познания можно было бы об'яснить ее политической позицией, то механистическая методология тов. А. К. Тимирязева, идеалистические и механистические ошибки тт. Варьяша, Сарабьянова и т. д.—яркие тому примеры. Наконец, совершенно естественно и крайне симптоматично, что те же буржуазные влияния нашли свое отражение и в методологии п р а в о г о о п п о р т у н и з м а. Система механистических ошибок тов. Н. И. Бухарина и его теория равновесия имеют ряд сходных моментов не только с воззрениями Богданова, но и «Материалистическим пониманием истории» Каутского.

Диалектико-материалистическая к р и т и к а ревизионизма и борьба с ними шла в советском марксизме в течение всех послеоктябрьских лет по путям, проложенным Лениным. В работах А. М. Деборина (критика воззрений Лукача, де-Мана, религиозного «марксизма» М. Адлера), И. К. Куппола (критика О. Иенсена, французского ревизиониста Делиньера, американцев Уильямма и Уотона и т. д.), Л. Рудаша («Против новейшей ревизии марксизма»—критика Лукача, Кунова, М. Адлера) и ряда др. авторов мы имеем образцы выдержанной коммунистической критики, больно ударяющей по самым различным разновидностям ревизионистов и социалистических интерпретаторов марксизма. В течение последних лет основное внимание коммунистической критики было направлено на «Материалистическое понимание истории». К. Каутского. Мы имеем по этой линии работы тт. Е. Пашуканиса и И. Разумовского («Новейшие откровения К. Каутского», 1929), Ф. Месина («Новая ревизия материалистического понимания истории», 1928), И. Альтера («Демократия против революции», 1930), статьи М. Фурщика, А. Сараджева, Миронова и др. в журналах «Под Знаменем Марксизма» и «Вестнике Коммунистической Академии».

Книжка тт. Пашуканиса и Разумовского—представляющая стенограмму их докладов в Комм. Академии—«не претендует на исчерпывающий разбор всех сторон методологической и исторической концепции Каутского». Она ставит своей целью «дать представление о некоторых основных чертах его новейшей работы». И. Разумовский останавливается на мировоззрении Каутского, на его понимании диалектики, исторического материализма. Е. Пашуканис дает обзор взглядов Каутского на происхождение классов, его учение о государстве и его апологии буржуазной демократии. В работе Ф. Месина внимание автора сосредоточено преимущественно на социально-исторической стороне воззрений Каутского; излагается в достаточно популярной форме его понимание «нового» в истории и закона социальной революции. Недостатком работы является отсутствие в ней разбора философско-методологических взглядов Каутского. Интересная книжка И. Альтера содержит много ценного материала о довоенном Каутском и дает исторический обзор развития немецкого «центризма». Несколько слабее часть книги, содержащая систематическое изложение взглядов Каутского на государство и революцию. Основной недостаток книги—почти полное отсутствие общей м е т о д о л о г и ч е с к о й критики воззрений Каутского.

Насколько важное значение имеет последняя для критики современного ревизионизма, можно видеть на примере книжки В. Астрова и А. Слепкова «Социал-демократия и революция», изданной в 1929 г. Авторы рассматривают воззрения социал-демократии на революцию совершенно изолированно, в н е с в я з и с их общетеоретическими воззрениями. Это приводит самих авторов к ряду сомнительных формулировок — по вопросу о характере

современного ревизионизма, в котором они видят только возврат к старому ревизионизму, по вопросу о крестьянстве, о «равновесии» классов и т. д.

Совершенно по иному принципу построен и может сыграть полезную роль в деле ознакомления советских читателей с виднейшими идеологами современной соц.-демократии сборник критических очерков «Против новейшей критики марксизма», выпущенный Институтом Красной Профессуры и составившийся из ряда работ слушателей ИКП в специальном семинаре И. К. Луппола. Сборник содержит предисловие тов. Луппола, дающее краткий очерк современного ревизионизма, и работы Л. Маньковского о Г. Лукаче, Х. Гарбера о М. Адлере, К. Гребнева о К. Форлендере, А. Сараджева о К. Каутском, В. Тимоско о Г. Кунове и Н. Иванова об эмигрантской критике марксизма. Из других работ, посвященных критике ревизионизма, следует отметить новые статьи И. К. Луппола (о Форлендере, М. Адлере, О. Иенсене) в его сборнике «На два фронта» и статью С. Новикова о «левой» социал-демократии в «В. К. А.». Краткая сводка работ по критике ревизионизма за первые годы революции была дана в юбилейной статье Г. Баммеля в «П. З. М.», посвященной десятилетию Октябрьской революции.

Проделанная советской коммунистической критикой работа по разоблачению ревизионизма и раскрытию его философских корней, разумеется, покажется совершенно недостаточной, если сравнить ее с огромными, стоящими перед нами в данной области, задачами.

1. Советский марксизм уже достаточно вырос и окреп для того, чтобы выйти на международную арену и стать могучим подспорьем в борьбе наших братских компартий с буржуазной и социал-демократической идеологией. Издание журнала «Unter dem Banner des Marxismus» было в этом отношении только первым шагом. Нужно постоянное, систематическое участие нашего философского фронта в идеологической работе братских компартий, издание соответствующих органов, книг, брошюр и т. д. Огонь коммунистической критики должен быть направлен не только на виднейших теоретиков ревизионизма, но и на его dii minores, делающих сейчас погоду на страницах периодической с.-д. печати.

2. Необходима, с другой стороны, более широкая и систематическая работа по ознакомлению советского пролетариата со всеми разновидностями идеологической маскировки, к которой прибегает в борьбе социал-демократия — издание специальных сборников, направленных против Каутского, против австромарксизма и т. д. Нужно внимательно следить за теми отзвуками, которые получает буржуазное воздействие на пролетариат в нашей собственной среде, учиться постоянно связывать уроки нашей политической практики с ее теоретическими основами и тем самым наладить «профилактику» теоретических уклонов.

3. Особое внимание в связи с этим должно быть посвящено теоретическим формам, в которых находят свое проявление примиренческое отношение к с.-д. и ультра-левые, троцкистские загибы. Необходима гораздо более тщательная, чем это имело место до сих пор, критика идеологии и методологии троцкизма, брандлерианства, «левой» с.-д. Нужно, наконец, обратить внимание и на те теоретические моменты, в которых начинает находить свое выражение связь с.-д. с методологией современного фашизма.

Огромное напряжение, которого потребует осуществление всех намеченных задач от философов-коммунистов может быть компенсировано лишь сознанием исключительно важного значения, которое будет иметь эта работа для нашей партии и для коммунистического движения всего мира.

Политическая методология троцкизма.

С. Новиков.

1.

Методологическая критика троцкизма принадлежит к наиболее отсталым участкам философского фронта. Философы принимали посильное участие в общепартийной борьбе с троцкизмом, но борьба эта велась ими не столько оружием специально-философской, методологической критики, сколько оружием политической критики. Об'ясняется это не только отставанием нашей теоретической мысли всех родов оружия от конкретных проблем и практических задач переходного периода, но в известной степени и тем обстоятельством, что главный идеолог троцкизма—«сам» Троцкий — представляет собой в теоретическом отношении quantité negligeable.

Правому уклону в этом отношении более «повезло»: его идеологом оказался теоретик, о котором Ленин совершенно справедливо сказал, что «к числу многочисленных ценнейших качеств тов. Бухарина принадлежит его теоретическая способность и интерес к тому, чтобы доискиваться теоретических корней во всяком вопросе» (т. XVIII, ч. 1, стр. 56 — 57).

Система политических ошибок тов. Бухарина «фундирована» академически весьма «солидной», «научной» базой, в виде целой, законченной системы философско-социологического ревизионизма. Поэтому совершенно естественно, что политическая критика правого уклона была завершена разоблачением его теоретических корней.

В теоретической борьбе с правым уклоном философы-коммунисты имели перед собой интересного в философском и вообще в теоретическом отношении противника: Бухарин, без сомнения, наиболее яркая и талантливая фигура среди «наших» механистов. Поэтому коммунисты из лагеря воинствующих материалистов-диалектиков обрушились своей критикой на Бухарина не только как ленинцы в политике для защиты генеральной линии партии, но и как ленинцы в философии для защиты нашей генеральной философской линии, линии материалистической диалектики, той философской линии, которая нашла блестящее подтверждение в «Диалектике природы» Энгельса и в IX, XI и XII Ленинских Сборниках. В борьбе с Бухариным мы защищали не только большевистскую партийность вообще, но и нашу философскую партийность в частности; мы защищали партию Ленина в философии—партию диалектического материализма—против партии механического материализма, партию материалистической диалектики против партии социологической схоластики и механистической эклектики.

В отличие от т. Бухарина, автор т. н. «теории перманентной революции» не может быть принят всерьез как теоретический противник. Даже самый высший продукт троцкистской «теории»—«теория перманентной революции»—представляет собой не столько теоретическое построение, сколько

поверхностную публицистическую схему, без сколько-нибудь солидного теоретического и тем более философско-методологического обоснования. В отличие от тов. Бухарина, Троцкий не написал ни популярного, ни непопулярного учебника троцкистской социологии. А разрозненные методологические и теоретические попытки Троцкого и особенно его дилетантские философские потуги носят на себе печать, хотя порою и блестящей, но поверхностной публицистики, кишащей ученическими ошибками [1]). Литератор и журналист Троцкий не представляет специфического, во всяком случае особого, интереса для собственно-философской критики.

Тем не менее, было бы ошибкой пройти мимо философских и вообще теоретических корней троцкизма. Хотя Троцкий и не является философом по специальности или вообще теоретиком, он все же имеет свою философию—публициста. Каков человек, такова его философия. Поверхностная философия есть тоже философия, и поверхностную философию Троцкого нужно критиковать, хотя бы по соображениям политической необходимости и революционной целесообразности. Разбитый вдребезги, идейно и организационно разгромленный, теоретически и политически импотентный, контрреволюционный троцкизм представляет собой все же некоторую реальную опасность в наших братских компартиях и даже в ВКП(б), где он находит свое отражение в форме всевозможных левых загибов.

Новейшая эволюция троцкизма, его переключение и новый тушинский перелет на ультра-право-уклонистские позиции в вопросах индустриализации и коллективизации, усугубляет троцкистскую опасность около и внутри нашей партии и Коминтерна. Включаясь по коренным вопросам текущего этапа нашей революции в правый уклон, так сказать на правах его законного «левого» оттенка, троцкизм превращается, в некоторой степени, из подчиненной опасности в подчиненный момент главной, право-уклонистской опасности внутри партии. Не переставая быть самостоятельной, хотя и подчиненной «левой» опасностью, троцкизм усиливает главную опасность внутри партии — правый уклон. Диалектика переходов троцкизма в правый уклонизм не уничтожает, разумеется, их реального различия.

Но эта же диалектика бросает яркий свет на методологические корни троцкизма. Бухарин в свое время проделал подобную эволюцию от левого коммунизма, от полутроцкизма к правому уклонизму. Бухаринские шатания «влево» и вправо от ленинизма питались одними и теми же теоретическими корнями богдановской механо-идеологической эклектики и социологической схоластики. Философский оппортунизм влечет за собой политический оппортунизм. Но было бы ошибкой думать, что между философским и политическим оппортунизмом существует механическое соответствие. Вообще между философией и политикой нет полного, абстрактного соответствия. Правильная философия еще не дает абсолютной гарантии правильной политики. Она «только» в высокой степени облегчает выработку такой политики. Наоборот, ревизионистская философия в высокой степени «облегчает» выработку ревизионистской политики. При недостатке философских знаний твердокаменный большевик может оказаться в лагере философского оппортунизма. При недостатке политического опыта и большевистского закала воинствующий материалист-диалектик может оказаться на время в ла-

[1]) Это особенно относится к известному докладу «Д. И. Менделеев и марксизм», где эклектик Троцкий ухитряется выставить рядом два прямо противоположных утверждения: с одной стороны, что предельной целью науки является сведение социологии к психологии, психологии к физиологии, физиологии к химии и физике, а этих последних к механике, а с другой,—что каждая наука охватывает качественно своеобразную область явлений со своими специфическими закономерностями (Ср. т. XXI, с. 275—276). Это такой вульгарнейший механический материализм и эклектизм, которым могли бы позавидовать «сами» Боссэ и Варьяш.

гере какого-нибудь политического уклона. Это еще раз доказывает, что между философией и политикой нет механического соответствия. Кто думает обратное, тот впадает в шулятиковщину. Поэтому неправильно думать, что каждому политическому уклону всегда или большей частью соответствует только один определенный свой тип философского уклона. Наоборот, на гнилом дереве одного и того же типа философского оппортунизма могут вырасти самые разнообразные, даже полярно или во всяком случае относительно противоположные политические уклоны. Один и тот же тип отступления от диалектического материализма несет в себе имманентную, т.-е. реальную, возможность как правых, так и левых уклонов. Известно, как велико идейно-политическое родство правых и левых уклонов от коммунизма: и те и другие являются в конечном счете различными соц.-демократическими уклонами. Поэтому они не могут не покоиться, как на своем основании, на родственном философско-методологическом базисе.

Если бы троцкизм и не проделал своей новейшей эволюции, даже в этом случае можно было а приори утверждать, что между троцкизмом и бухаринщиной должны существовать родственные философско-методологические отношения. Тем более необходимо сделать такое допущение теперь, когда, верный своей «славной» исторической традиции, троцкизм совершил свой очередной тушинский перелет «слева» направо. Кроме того, не следует забывать о старом политическом родстве лево-бухаринщины с троцкизмом в эпоху империалистической войны и военного коммунизма.

Бухаринский левый коммунизм, как политическая разновидность троцкизма и наоборот, троцкизм как разновидность левого коммунизма, несомненно, должны иметь общие методологические корни.

2.

Троцкий любит говорить и писать по всякому поводу и без всякого повода, кстати и некстати, о бухаринской эклектике, схоластике и метафизике. Он ссылается при этом частенько на известную методологическую характеристику, которую Ленин дал тов. Бухарину в т. н. «завещании». В этих постоянных выпадах Троцкого против Бухарина есть элемент комизма, ибо с точки зрения Ленина все перечисленные и при том далеко не ценнейшие методологические качества Бухарина полностью и целиком принадлежат и Троцкому. Разбирая ошибки Троцкого и Бухарина в профессиональной дискуссии, Ленин дал им обоим приблизительно одинаковую методологическую характеристику эклектиков, схоластов и метафизиков, не способных к конкретному, диалектическому учету особенностей переходного периода в Советской России и того особого перехода в переходном периоде, который мы переживали на перевале от военного коммунизма к нэпу. Брошюры и статьи Ленина о профдискуссии представляют собой неоценимый источник для методологической характеристики не только одного тов. Бухарина, но и Троцкого.

Методологические замечания Ленина против Троцкого и Бухарина в профдискуссии как бы составляют не только хронологически, но и логически продолжение «Замечаний на «Экономику переходного периода». Ленин обвиняет Бухарина и Троцкого, даже сначала Троцкого, а затем Бухарина, за их абстрактный, формально-логический, так сказать «общий» подход «вообще» к вопросам профессиональной дискуссии. Ленин видит основной источник идейной сумятицы, идейной путаницы у Троцкого в том, что он не понимает особенностей переходного периода и особой роли профсоюзов в крестьянской стране. Конкретно, по вопросу о производственной роли профсоюзов, Ленин усматривает главный порок и «коренную неправильность» у Троцкого, что он все время говорит об этом «в принципе», об «общем

принципе»... с точки зрения «общего принципа» (т. XVIII, ч. 1, стр. 9). «Вообще гигантская ошибка, принципиальная ошибка состоит в том, что Троцкий тащит партию и советскую власть назад, ставя «принципиально» вопрос теперь» (стр. 10). Высмеивая утверждение Троцкого, что в рабочем государстве защита материальных и духовных интересов рабочего класса не входит в задачи профсоюзов, Ленин резко подчеркивает, что «рабочее государство»... «это абстракция» (стр. 11). «Государство у нас рабочее с бюрократическим извращением». Неверное теоретическое рассуждение Троцкого о «рабочем государстве» вообще, без учета реальности перехода в Сов. России... «переносит нас в область абстракции, или идеала, которого мы через 15—20 лет достигнем»... «Пред нами же действительность, которую мы хорошо знаем, если только мы не опьяняем себя (подобно Троцкому. *С. Н.*), не увлекаемся интеллигентскими разговорами, или абстрактными рассуждениями, или тем, что иногда нам кажется «теорией», а на деле является ошибкой, неверным учетом особенностей перехода» (стр. 12. Разрядка наша. *С. Н.*). Подводя итог, Ленин еще раз подчеркивает методологический порок всей позиции Троцкого и Бухарина, что они «нас тащат назад «к принципиальным тезисам» (стр. 18)... «назад к абстрактным теоретическим положениям вместо делового подхода к задаче» (стр. 28).

Возвращаясь вторично к ошибкам Троцкого и Бухарина (в брошюре «Еще раз о профсоюзах и т. д.»), Ленин ядовито замечает: «формально-демократически Троцкий (подчеркнуто нами. *С. Н.*) имел право (разрядка Ленина. *С. Н.*) выступить с фракционной платформой хотя бы и против всего ЦК», но при этом он самым грубым образом нарушил требования революционной целесообразности (стр. 61). Ленин обвиняет Троцкого и Бухарина в полном непонимании того, «что формальный демократизм должен быть подчинен революционной целесообразности» (стр. 53). Это значит, что в вопросе о внутрипартийной демократии они оба стали на позицию формально-логического, абстрактного демократизма, не понимая, что рабочая внутрипартийная демократия есть подчиненный момент революционной целесообразности.

Троцкий и Бухарин упрекали Ленина, что у него, в отличие от них, не «хозяйственный», а «политический» подход к задачам профсоюзов. Этот упрек дал Ленину повод для окончательного методологического расчета с обоими своими критиками. Ленин раз'яснил Троцкому и Бухарину, что «политика не может не иметь первенства над экономикой», ибо «политика есть концентрированное выражение экономики»... «без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а, следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи» (стр. 50, 51. Разрядка Ленина. *С. Н.*). Высмеяв совершенно абстрактные (и потому пустые) слова о «производственной демократии», о «сращивании», о «производственной атмосфере», Ленин суммирует:

«Под предлогом выдвигания «производственной» точки зрения (Троцкий) или предлогом односторонности политического подхода и соединения этого подхода с хозяйственным (Бухарин) нам дали:

1) забвение марксизма, выразившееся в теоретически неверном эклектическом определении отношения политики к экономике;

2) защиту или прикрытие той политической ошибки, которая выражена в политике перетряхивания, которая проникает собою насквозь всю брошюру-платформу Троцкого. А эта ошибка, если ее не сознать и не исправить, ведет к падению диктатуры пролетариата;

3) шаг назад в области вопросов чисто-производственных... к абстрактным, отвлеченным (подчеркнуто нами. *С. Н.*), «опустошенным», теоретически неверным, по-интеллигентски формулированным

общим тезисам, с забвением наиболее делового и практического» (стр. 51—52. Подчеркнуто Лениным. *С. Н.*).

В эклектике и метафизике, в антидиалектике, в абстрактности подхода Ленин обвиняет здесь одинаково *и* Троцкого, *и* Бухарина, и, более того, через 1 — 2 страницы Ленин специально Троцкого обвиняет в схоластике за то, что вместо действительной настоящей «производственной» работы он тащит партию назад — «от живого дела к мертвой схоластике всяких «производственных атмосфер» (стр. 54. Разрядка наша. *С. Н.*). Специально Бухарина Ленин обвиняет в «мертвом и бессодержательном эклектизме» (стр. 61). Забивая гвоздь до самой шляпки, Ленин ставит методологическое клеймо на своих противниках: «теоретическая — в данном случае гносеологическая — ошибка Бухарина состоит в подмене диалектики эклектикой. У Троцкого ошибка: односторонность...» (т.-е. в подмене диалектики метафизикой. *С. Н.*). Ленин как бы говорит всем своим анализом, что схоластика об'единяет эклектику Бухарина с метафизикой Троцкого. У обоих основная ошибка в подмене диалектики схоластикой.

Эклектизм Троцкого Ленин разоблачал неоднократно еще между 1905 и 1917 гг. Если Ленин видел суть и душу марксизма в материалистической диалектике, а суть диалектики в единстве противоположностей, то суть троцкизма в теории и политике он всегда разоблачал как эклектическое соединение противоположностей меньшевизма и большевизма, как теоретическое и политическое примиренчество, как сочетание левой фразы с оппортунистическим делом. Общеизвестно, что коренной порок главного духовного детища Троцкого, его «оригинальной» (в иронических кавычках) т. н. «теории перманентной революции» Ленин видел в эклектической попытке соединить несоединимое: «оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков—«отрицание» роли крестьянства» (т. XIII, стр. 213). Это значит, что, по Ленину, в самом фундаменте всего здания троцкизма заложен эклектизм.

Столь же общеизвестно, что Ленин обвинял троцкистскую теорию перманентной революции в суб'ективизме, в бланкистском искажении марксизма, в революционном авантюризме, в историческом волюнтаризме, в желании перепрыгнуть через незавершенную—неизжившую еще крестьянского движения—демократическую революцию прямо и непосредственно к революции социалистической (т XIV, ч. 1, стр. 32, Письма о тактике).

То же обвинение Троцкого в суб'ективизме и к тому же в бюрократическом суб'ективизме, проходит красной нитью через ленинский политический анализ ошибок Троцкого в профессиональной дискуссии.

Политическую суть разногласий с Троцким Ленин усматривал в расхождениях «по вопросу о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой. В этом суть» (т. XVIII, ч. 1, стр. 10). Ленин обвинял Троцкого за механический отрыв принуждения от убеждения. «Мы тогда правильно и успешно применяли принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения» (стр. 19). «С политической точки зрения подготовка именно масс есть самое важное» (стр. 20), а Троцкий сводил главную задачу «к подбору руководящего персонала» профсоюзов. Ленин указывал на это: «Вот вам настоящий бюрократизм! Троцкий и Крестинский будут подбирать «руководящий персонал» профсоюзов» (стр. 27). «Итог: в тезисах Троцкого и Бухарина есть целый ряд теоретических ошибок. Политически весь подход к делу есть сплошная бестактность. Тезисы т. Троцкого — политически

вредная вещь. Его политика в сумме есть политика бюрократического дергания профсоюзов» (стр. 28).

Возвращаясь к разногласиям с Троцким и Бухариным в брошюре «Еще раз о профсоюзах», Ленин буквально издевается над одним из тезисов Троцкого, где «велеречиво осуждается» «профессионалистский консерватизм в руководящем слое работников». Ленин замечает по этому поводу почти саркастически: «Заметьте это истинно-бюрократическое устремление внимания на «руководящий слой», как будто дело «вовсе не в уровне развития и условиях жизни массы, миллионов» (стр. 40). Ленин постоянно подчеркивает против Троцкого, что «неправильно смотреть только на выбираемых, только на организаторов, администраторов. Это все же меньшинство выдающихся людей. Надо смотреть на рядовых, на массу» (стр. 49). «Устремлять все внимание на «руководящий слой», как делает Троцкий, говорить о производственной роли профсоюзов и об управлении производством, не учитывая, что 98% учатся и долго должны учиться, значит делать коренную ошибку». Поэтому, определяя роль профсоюзов в переходный период, Ленин подытоживает, что они — не аппарат управления производством (как это думал аппаратно-бюрократический суб'ективист и метафизик Троцкий), «не школа и управление» (как это думал эклектик Бухарин), «а школа управления», т.-е. диалектическое единство противоположностей (стр. 63).

Попутно Ленин раз'яснял, что в области профсоюзов «специфическое и главное есть не управление, а «связь» между... «государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся» (стр. 64; разрядка Ленина. *С. Н.*).

Итак, с точки зрения аппаратно-бюрократической, суб'ективной социологии Троцкого, история делается «руководящим слоем», «руководящим персоналом», организаторами, администраторами, короче—меньшинством выдающихся людей. С точки зрения материалистической диалектики, история есть продукт диалектического взаимодействия вождей — партии — класса — масс (см. «Детская болезнь левизны», гл. V). В антиномии вожди — масса метафизики из лагеря Комм. раб. партии Германии сводили на-нет роль вождей и партии, а метафизик Троцкий—роль класса и масс. Ленин же поднял философскую проблему «роль личности в истории» на невиданную высоту, поставив ее как политическую проблему о роли вождей — партии — класса — масс в революции и показавши, что роль вождей и партии определяется их неразрывной связью с классом и массой. «История вообще, история революции в частности всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, хитрее, чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют в моменты особого под'ема и напряжения всех человеческих способностей — сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов». «Тут надо считать миллионами и десятками миллионов» (т. XVII, стр. 180, 181). Можно сказать, что коренной порок всей троцкистской методологии заключается в органической неспособности Троцкого считать в политике миллионами и десятками миллионов. Троцкий подходит к массам в коренных вопросах революции, хозяйства и политики с аппаратной категорией управления, командования и принуждения, тогда как здесь в первую голову уместна категория связи и убеждения.

Насквозь аппаратно-бюрократическим духом троцкистской суб'ективной социологии проникнут весь подход Троцкого к вопросу о роли партии в революции в пресловутых «Уроках Октября». Как и в вопросе о профсоюзах, Троцкий устремляет здесь все внимание на «руководящий персонал». «Вопрос о подборе руководящего персонала получает для западно-европейских партий

исключительное значение» (т. III, ч. 1, стр. LXII — LXIII). «Что такое большевизация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября. Вот Гегель и книжная мудрость, и смысл философии всей» (стр. LXIV — LXV). Можно себе представить, как бы Ленин посмеялся над этим троцкистским Гегелем и над всей троцкистской мудростью, согласно которым большевизация компартий сводится к аппаратно-бюрократическому подбору «руководящего персонала», вполне в духе троцкистской суб'ективной социологии!

Тем же духом бюрократического суб'ективизма проникнута троцкистская критика программы Коминтерна. В специальном параграфе, посвященном учению о роли партии в революции (гл. II, стр. 2—«Основы стратегии в революционную эпоху и роль партии») все внимание Троцкого, как и следовало ожидать, устремлено не столько на роль партии, сколько на роль партийного руководства. Если партия и фигурирует в рассуждениях Троцкого, то лишь как пьедестал для партийного руководства.

Так мы узнаем, что из неустойчивости всей социально-экономической и политической системы послевоенной Европы «вытекает новое значение партии и партийного руководства. При всяком новом и крутом повороте политической ситуации налево решение попадает в руки революционной партии». «При этих условиях роль партийного руководства приобретает исключительное значение». «Отсюда становится понятным то исключительное положение, которое Коминтерн и его руководство занимают во всей механике текущего исторического периода». Стабилизация капитализма вызвана «слабостью, неготовностью, нерешительностью компартий и грубыми ошибками их руководства». Раз созрели об'ективные предпосылки революции, «ключ ко всему историческому процессу передается в руки суб'ективного фактора, т.-е. партии и ее революционного руководства». Это становится ясным из уроков немецкого Октября, англо-русского комитета и китайской революции. Во всех этих случаях оппортунистическая (?!) тенденция Коминтерна выражалась в том, что он полагался «исключительно на массы и пренебрегал вопросом о революционном руководстве».

Неудачный исход всех революций и революционных движений первого послевоенного десятилетия об'ясняется тем, что «при об'ективной зрелости революционной ситуации... недоставало суб'ективного фактора, т.-е. революционной массовой партии, или этой партии недоставало дальнозоркого смелого руководства».

И, наконец, последний аккорд «учения» Троцкого о роли партии: «Глава проекта программы, посвященная стратегии и тактике, говорит о завоевании пролетариата вообще, о всеобщей забастовке и вооруженном восстании вообще. Она вообще не касается своеобразия характера и внутреннего ритма современной эпохи. Без того, чтобы ее теоретически осмыслить и политически «почувствовать», невозможно действительное революционное руководство» (Разрядка везде наша. *С. Н.*) Эта музыкальная концовка всего учения Троцкого о роли партии действительно венчает все дело. Если в предыдущих рассуждениях партия и упоминалась хотя бы для проформы, как пьедестал для руководства, то в конце партия совершенно забыта, речь идет только о роли руководства. Если осмыслить и «почувствовать» весь дух и особенно конец и венец всего учения Троцкого о роли партии, становится совершенно очевидным, что у Троцкого, в полном согласии с его аппаратно-бюрократической суб'ективистской социологией, роль партии сводится механически и идеалистически к роли руководства, т.-е. вождей, сиречь

выдающихся личностей. Не говоря уже о том, что у Троцкого роль масс и самого рабочего класса растворяется в роли партии, как роль партии—в роли вождей!

Неудивительно поэтому, что во всех своих многочисленных оппозиционных, а затем просто контрреволюционных работах, начиная с 1923 года и кончая 1930 г., Троцкий неизменно проводит свою суб'ективистскую концепцию и об'ясняет весь ход и исход историко-революционного процесса на Западе и Востоке, если не исключительно, то главным образом, поведением и ошибками руководства ВКП и КИ. Неудивительно также, что всю свою автобиографию Троцкий, по сути дела, написал на тему: Октябрь, это я — Троцкий! [1]). Из всей этой эгоцентристской, суб'ективистской установки проистекает тот нездоровый, политиканский интерес и внимание, которые во всех троцкистских документах уделяются роли отдельных личностей (разумеется, отрицательной роли) отдельных политических деятелей из состава руководства ВКП и КИ и его партий и вообще «руководящему персоналу» аппаратов ЦК и ИККИ. Отсюда же то исключительное место, которое личность тов. Сталина занимает в помышлениях и писаниях Троцкого...

Мы, разумеется, не можем в рамках беглой заметки, посвященной только постановке вопроса, проследить троцкистскую суб'ективно-идеалистическую, историко-волюнтаристскую концепцию на других проблемах и во всех многочисленных оппозиционных книгах, брошюрах, статьях и «письмах» Троцкого и его сторонников. Это потребовало бы целого исследования. С этого и должна начаться «систематическая критика идеологии контрреволюционного троцкизма, троцкистских искажений ленинизма, которая до сих пор в области философской велась совершенно недостаточно» (Из рез. об'единенного заседания фракций Института философии и ОВМД).

При систематическом анализе таких работ, как пресловутая «Платформа», «Критика проекта программы КИ», «Моя жизнь», «Перманентная революция и линия Ленина» и многочисленных троцкистских документов, группирующихся вокруг этих основных «трудов» Троцкого, можно и должно шаг за шагом проследить суб'ективно-идеалистическую струю в троцкистской методологии: подмену материалистической диалектики центристской эклектикой и псевдо-революционной схоластикой, метафизикой и схематикой; подмену исторического материализма историческим волюнтаризмом и бюрократическим суб'ективизмом; подмену революционной целесообразности формально-логическим демократизмом; подмену роли масс, класса и партии ролью вождей, администраторов и организаторов; подмену подготовки масс к революции подготовкой военно-революционного штаба к восстанию; подмену революционной стратегии и тактики сплошной политической бестактностью в подходе к массам, короче—подмену ленинизма троцкизмом.

4.

Чтобы покончить с суб'ективно идеалистической стороной в методологии Троцкого, мы возьмем для иллюстрации такой узловой пункт, как соотношение материального и логического в скачках троцкистской теории и политики. Подходя к концу своих «Замечаний на «Экономику переходного периода»», Ленин усматривает существеннейшую черту бухаринской методологии в том, что у Бухарина «нарушение диалектического материализма состоит в логическом (не материальном) скачке через несколько конкретных стадий» (Лен. Сборник XI, стр. 394. Разрядка Ленина. *С. Н.*). Очевидно, что это замечание Ленина против левого коммуниста Бухарина целиком распространяется на Троцкого. Нетрудно было бы показать, что вся «теория перманент-

[1]) Ср. С. Новиков, Автобиография ренегата Троцкого, «КИ» 1930 г., № 7.

ной революции» построена на подмене материальных, об'ективно-созревших скачков логическими, суб'ективистскими скачками.

Такой формально-л о г и ч е с к и й, суб'ективистский скачок через несколько конкретных стадий метафизик Троцкий совершал в русском варианте теории перманентной революции, перепрыгивая через демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства и через демократическую революцию прямо к социалистической диктатуре пролетариата и к социалистической революции. Такой же скачок он совершает в китайском варианте теории перманентной революции, выставляя для Китая лозунг диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства и отвергая для всего Востока коминтерновский лозунг перерастания демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в социалистическую диктатуру пролетариата (См. Trotzky, Die internationale Revolution, гл. III, § 3, 6, и Тезисы о перманентной революции, «Fahne des Kommunismus», 1930 г., № 2, «Перманентная революция и линия Ленина»).

Для метафизика и эклектика Троцкого характерно, к а к он критикует воспринятый программой КИ для стран Востока ленинский лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и перерастания демократической революции в социалистическую. Троцкий утверждает, что программа КИ п р о т и в о п о с т а в л я е т лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства лозунгу социалистической диктатуры порлетариата и что КИ совершает таким образом настоящее реакционное дело «Тезисы», стр. 7). А в действительности в программе КИ, как и у Ленина, речь идет не об абсолютном и поэтому метафизическом п р о т и в о п о л о ж е н и и, а об относительном диалектическом р а з л и ч и и демократической и социалистической диктатур и революций. Речь идет о п е р е р а с т а н и и демократической диктатуры в социалистическую. Ленин всегда настаивал на строжайшем р а з л и ч е н и и, а Троцкого он обвинял в эклектическом с м е ш е н и и этих диктатур. Но из-за р а з л и ч и я Ленин никогда не забывал о е д и н с т в е демократической и социалистической революций, т.-е. о п е р е с т а н и и первой во вторую. Троцкий органически не понимает, что программа КИ, вслед за Лениным, подходит к проблеме двух диктатур с точки зрения единства различий. За принципиальное р а з л и ч е н и е обеих диктатур эклектик и метафизик Троцкий в 1909 г. назвал всю концепцию Ленина а н т и р е в о л ю ц и о н н о й, безнадежно-идеалистической, метафизической и абстрактной схемой («1905», стр. 283, 284, 285, 2-е изд.). Теперь контрреволюционер Троцкий за то же р а з л и ч е н и е (по Троцкому п р о т и в о п о с т а в л е н и е) обеих диктатур в программе КИ называет последнюю р е а к ц и о н н ы м документом. Понятно, что в основе всех рассуждений Троцкого лежит суб'ективно-идеалистическая логика... «логических (не материальных) скачков через н е с к о л ь к о конкретных стадий», по выражению Ленина.

Острием диалектического анализа не трудно будет прощупать ту же логику «нематериальных», формально-л о г и ч е с к и х, т.-е. антиматериалистических и антидиалектических, скачков во всех основных установках т. н. «Платформы большевиков-ленинцев»—на сверхиндустриализацию, на бюрократически-гипертрофированный план, на раскулачивание кулацкой верхушки крестьянства (1927 г.!), когда для всех этих львиных скачков и прыжков в стране не было никакой материальной базы.

После всего этого мы можем оценить по достоинству «философские» потуги бюрократического суб'ективиста Троцкого, когда он обвиняет теперь руководство нашей партии в и м м а н е н т н о м и д е а л и з м е и б ю р о к р а т и ч е с к о м с у б' е к т и в и з м е. Год тому назад Троцкий писал, что рабочая бюрократия (?!) в Советском Союзе выработала специальную теорию для самовозвеличения. Смысл этой теории заключается-де в следующих утверждениях. раз у нас социалистическая революция, диктатура пролета-

риата и советская власть, то заранее и навсегда имманентно обеспечены пролетарский характер всех событий в Сов. Союзе, автоматический рост социализма и гарантии против термидора. «Раз мы имеем ленинскую партию, то как же может ошибаться «ленинский» ЦК? Материалистическая диалектика в оценке движущих сил пролетарской диктатуры заменена имманентным идеализмом, который стал специфической философией партийной и советской бюрократии в их борьбе за постоянство и несменяемость их постов, за полноту власти, за независимость от контроля масс. Фетишизм самодовлеющего аппарата и его кадров — вот что составляет ось этой имманентной философии, которая освящает практику узурпаторства, расчищающего путь бонапартизму» («F. d. K.», 1929, № 3, стр. 98. Разрядка Троцкого. *С. Н.*).

Это поистине контрреволюционные пошлости о нашей партии и ее руководстве, а заодно и о рабочем классе Советского Союза, который якобы выделяет из своей среды рабочую аристократию и бюрократию (совсем как в империалистических странах!), Троцкий писал год тому назад в своей работе «Кризис правоцентристского блока», когда во всей партии и всех массовых организациях страны стала развертываться беспощадная пролетарская самокритика. Теперь же, совершив в вопросах индустриализации и коллективизации поворот на 180° вокруг собственной оси, перекочевав на ультра-правоуклонистские позиции, Троцкий продолжает «углублять» свою «философию» мнимого «центризма» руководства нашей партии. Троцкий «философствует» в своем «Бюллетене Оппозиции», что потрясенные фактом успехов индустриализации и коллективизации «эмпирики (т.-е. ЦК и Политбюро) решили, что отныне все возможно и все осуществимо. Крохоборы стали фантастами. От пассивного поссибилизма оппортунисты перешли к необузданному суб'ективизму» («Б. О.», февраль—марть. Разрядка наша. *С. Н.*).

Троцкий утверждает, что индустриализация основывается у нас только на суб'ективном факторе, т.-е. на эксплоатации и истощении рабочей силы, что темпы индустриализации и коллективизации превратились в вопрос чистой воли, что лозунг «пятилетка в четыре года» не считается с об'ективными препятствиями в виде технико-экономической отсталости страны и т. д., и т. п. Троцкий заговорил политико-методологической прозой ординарнейшего меньшевизма.

5.

Эти рассуждения Троцкого подводят нас вплотную к оборотной стороне его эклектической методологии. Когда исторический волюнтарист и бюрократический суб'ективист Троцкий обвиняет нашу партию в историческом волюнтаризме, в имманентном идеализме и бюрократическом суб'ективизме, он, конечно, валит с больной головы на здоровую, но одновременно устами Троцкого здесь глаголет его «второе я» — исторического фаталиста, механиста и экономического материалиста.

Троцкий отдает себе отчет, что такие лозунги, как «пятилетка в 4 года» и «ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации», вытекают с железной необходимостью из так называемой «теории социализма в одной стране» (как он всегда и неизменно изволит третировать ленинскую теорию возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране). Так как он отрицает возможность построения полного социалистического, т.-е. бесклассового, общества в СССР, то он, естественно, отрицает и возможность, необходимость и реальность сплошной коллективизации деревни и ликвидации кулачества как класса. Он отрицает возможность сплошной коллективизации, ибо, сокрушается он, это означало бы ликвида-

цию крестьянства как класса. Как раньше «слева», так теперь справа Троцкий отождествляет середнячество с кулачеством. Он утверждает, что ликвидация кулачества тождественна ликвидации всего крестьянства, ибо середнячество есть конвейер, автоматически подающий кулачество. Среднее крестьянство автоматически воспроизводит кулацкую верхушку деревни. «Поголовное включение крестьянства в социалистическое хозяйство с дополняющей его ликвидацией кулака означает превращение СССР в бесклассовое общество на протяжении 2—3 лет». В противовес этой—кстати, выдуманной им карикатурной и действительно фантастической — теории построения социализма в одной стране в 2 — 3 года Троцкий выдвигает свою более «реалистическую» перспективу социалистического переустройства деревни и ликвидации кулачества как класса, лишь после победы международной революции: «Доколе СССР остается изолированным, индустриализация (механизация, электрификация) сельского хозяйства могут мыслиться только в перспективе последовательного ряда 5-летних планов». «Социалистическое переустройство крестьянского хозяйства мы мыслили не иначе, как в перспективе десятилетий. Мы никогда не закрывали глаза на внутренние противоречия социалистического строительства в отдельной стране. Ликвидировать противоречия в деревне можно, только ликвидировав противоречия между городом и деревней, а это осуществимо лишь в рамках международной революции. Мы никогда поэтому не требовали ликвидации классов в рамках пятилетки Сталина—Кржижановского» («Б. О.», февраль — март).

По всему этому Троцкий решительно высказывается против поворота к ликвидации кулачества как класса, и требует отступления к политике ограничения его эксплоататорских тенденций.

Этот архи-правоуклонистский, вывод вытекает с железной необходимостью из троцкистской теории перманентной революции. Согласно этой теории (и в этом ее суть и венец!) победа социализма в одной стране, т.-е. в России, невозможна, ибо внутренние противоречия положения диктатуры пролетариата в отсталой крестьянской стране, находящейся в капиталистическом окружении, могут быть разрешены только на интернациональной арене, после победы международной революции, т.-е. после разрешения всех внешних противоречий между советской системой и окружающей ее капиталистической средой.

«Советская экономика,— учил нас Троцкий еще на XV партийной конференции и продолжает учить в «Критике проекта программы Коминтерна»,— находится в зависимости от мирового хозяйства, международного разделения труда и всемирного рынка. В силу технико-экономической отсталости наших производительных сил, мы не имеем внутренних возможностей для построения социализма без технической помощи извне. Без государственной помощи западно-европейского пролетариата диктатура пролетариата в России осуждена на гибель.

Во всяком случае «подлинный под'ем» социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы (т. III 1917 г., ч. 1, стр. 83. Критика прогр. Коминтерна (нем.), стр: 44, 57—54).

«Главные опасности вытекают из об'ективного положения СССР как «одинокого острова» среди враждебного ему капиталистического хозяйства». Но эти опасности могут уменьшиться или вырасти. Это зависит от нашего социалистического сторительства, с одной стороны, и от развития капиталистического хозяйства, с другой. Решающее значение в конечном счете [1]), естественно, имеет второй фактор, т.-е. судьба

[1]) Подчеркнуто Троцким.

капиталистического хозяйства («Die intern. Revol. etc.», 54; подчеркнуто нами. *С. Н.).*

Наконец, в «Тезисах о перманентной революции» Троцкий подводит итог своему «открытию Америки», то бишь мирового хозяйства. Мировое разделение труда, зависимость советской индустрии от иностранной техники, зависимость производительных сил передовых стран Европы от азиатского сырья и т. д. делают невозможным построение социализма в какой бы то ни было отдельно взятой стране мира» («F. d. K.» 1930, № 2). В «Критике проекта программы КИ» Троцкий поясняет эту мысль: в технически отсталой России нельзя построить социализм, ибо она зависит от иностранной техники, а в технически передовой Англии опять-таки нельзя построить социализм, ибо она зависит от иностранного сырья. В «Тезисах о перманентной революции» Троцкий ставит все точки над i: экспортно-импортная всесторонняя зависимость всех стран и континентов друг от друга делает невозможным построение социализма не только в одной отдельно взятой стране, но даже на одном отдельно взятом континенте. Социалистическое общество можно построить только в рамках всей нашей планеты («F. d. K.» 1930, № 2). После всего этого очевидно и ясно, что и ликвидация кулачества как класса и сплошных рамках. Построение социализма превращается в дурную с.-д. бесконечность..: Троцкий по-своему последователен.

Но это — последовательность схематика и механиста, который органически не понимает диалектики внутренних и внешних противоречий, диалектики зависимости между системой и средой. На XV партийной конференции Троцкий по сути дела говорил об односторонней зависимости СССР от мирового хозяйства. Ему было указано, что и мировое хозяйство зависит от СССР, что поэтому правильней говорит о связи между СССР и мировым хозяйством. В «Критике программы КИ» Троцкий уже говорит о всесторонней взаимной зависимости всех частей мирового хозяйства между собой. Налицо отступление под барабанный бой, ибо одновременно Троцкий издевается над «бюрократическим» (?!) словечком «связи», которое придумано, чтобы скрыть «опасный характер этой «связи» (Die intern. Revol. etc.», стр. 52).

Троцкий не понимает ни политико-экономической, ни методологической стороны вопроса. Он не понимает, что, подменяя «связь» односторонней «зависимостью» Сов. Союза от мирового хозяйства, он по сути дела квалифицирует СССР, как политически и экономически зависимую страну, т.-е. как колонию или в лучшем случае как полуколонию. С другой стороны, признавая теперь всестороннюю и взаимную зависимость всех стран друг от друга, он даже не догадывается, что такая относительная зависимость тождественна высмеянной им «связи» (между СССР и мировым хозяйством). Троцкий не понимает, что, в рамках всеобщей взаимной, а потому и относительной, отнюдь не абсолютной, зависимости СССР и мирового хозяйства друг от друга, наша страна обладает достаточной относительной самостоятельностью, относительным саморазвитием и самодвижением, достаточным минимумом производительных сил и внутренних возможностей для построения социализма. Троцкий не понимает, что поэтому мы можем преодолеть внутренние, социально-экономические противоречия, т.-е. уничтожить классы и построить социализм в нашей стране и до победы мировой революции, если нас не задавят внешние противоречия, если строительство социализма в нашей стране не будет механически сорвано и задавлено внешней силой, иностранной военной интервенцией.

Троцкий думает как раз наоборот: судьбы советской экономической системы зависят у него в конечном счете от капиталистической мирохозяйственной среды. Среда получает у него примат над системой. Внутреннее

равновесие советской системы превращается в математическую функцию внешнего равновесия между советской системой и окружающей ее капиталистической средой. Внешние противоречия получают примат над внутренними противоречиями. Разрешение внутренних противоречий превращается в математическую функцию разрешения внешних противоречий. Механически сводится на-нет имманентная диалектика саморазвития и самодвижения внутренних закономерностей советской системы, которая в силу внутренней экономической необходимости, с точки зрения внутренних экономических отношений, может продвинуться вперед к полному социализму, если эта внутренняя необходимость и реальная возможность не будет уничтожена внешней необходимостью, т.-е. военной интервенцией.

Стало быть, антипод Бухарина Троцкий стоит обеими ногами на механистической позиции Бухарина в понимании (вернее: в непонимании) характера взаимодействия между системой и средой, между внутренними и внешними противоречиями. Отправляясь от этой позиции, Бухарин пришел к теории организованного капитализма, а Троцкий — к теории невозможности победы социализма ни в одной стране и даже ни на одном континенте.

Трудно сказать, какая из этих теорий хуже. «Обе хуже», ибо если Бухарин не разделяет троцкистской теории невозможности построения социализма в одной стране, а Троцкий — бухаринской теории организованного капитализма, то это означает, что в первом случае Бухарин, а во втором — Троцкий изменяют, в силу своего эклектизма, общей им механистической концепции примата среды над системой. Знаменательно, что, открещиваясь от теории организованного капитализма, Троцкий в силу внутренней логики своей механистической концепции взаимодействия войны и революции, пробалтывается, вполне в духе Бухарина, что «если в предыдущем десятилетии непосредственные последствия империалистической войны составляли главный источник революционных ситуаций, то в новом послевоенном десятилетии **главным источником** революционных ситуаций будут взаимоотношения Европы и Америки. Большой кризис в С. Штатах станет набатом грядущей войны и революции» («Die Intern. Rev.», 18. Разрядка наша. *С. Н.*). Стало быть, у Троцкого, как и у Бухарина, главным источником революционных ситуаций становятся не **имманентные противоречия классовой борьбы** внутри капиталистических стран, а военный взрыв **внешних** противоречий между капиталистическими странами. Надежда на мировую революцию механистически и фаталистически связывается обязательно и главным образом с новой империалистической войной. Механистическая методология обязывает: Троцкий говорит бухаринской прозой, прозой механистического примата внешних противоречий над внутренними.

В нашей литературе давно уже и совершенно справедливо указывалось, что теория перманентной революции проникнута черным историческим пессимизмом и фатализмом (Ср. Сталин, Об оппозиции, стр. 518—519). В самом деле, если возможность построения социализма в СССР исключена, если с коллективизацией деревни и ликвидацией кулачества надо «погодить» до победы революции в планетарном масштабе, если с подлинным под'емом социалистического хозяйства надо обождать до пролетарской революции в Европе, если нам не разрешается догнать и перегнать капиталистический Запад, а Троцкий издевается над этим лозунгом при всяком удобном и неудобном случае, то нам действительно остается перспектива гниения на корню и перерождения во славу термидорианской гипотезы Троцкого, согласно букве и духу устава троцкистской теории перманентной революции. «Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, это значит всем застыть в ожидании» (Ленин, т. XV, стр. 287). Как раз для ускорения международной революции и укрепления ее базы, т.-е. Сов. Союза, мы должны не покладая рук бороться за сплошную коллективизацию, за ликвидацию

кулачества как класса, за социалистическую индустриализацию и реконструкцию промышленности и сельского хозяйства.

Мы стоим на позиции Марксова исторического оптимизма, питающегося научным убеждением, что «человечество никогда не ставит себе неразрешимых задач, ибо при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь там, где материальные условия для ее разрешения уже существуют или, по меньшей мере, находятся в процессе их становления» (Предисловие «К критике пол. экономии»). Такая «с р е д н е-слабая, по выражению Ленина, капиталистическая страна, какою Россия была в 1917 г. (а н е с л а я с л а б а я, как это выходило по Бухарину и выходит по Троцкому), имеет минимум материальных условий для разрешения задачи построения социализма. Если даже допустить, что эти материальные предпосылки социализма в нашей стране находились в 1917 г. только в процессе с т а н о в л е н и я, то гигантские успехи индустриализации и коллективизации превращают становление в наличное бытие, а задача построения социализма в Сов. Союзе с каждым годом текущей и следующих пятилеток становится все более и более разрешимой.

6.

Но все это Троцким как раз и отрицается, и не может не отрицаться с точки зрения «теории перманентной революции». Чтобы спасти свою теорию, Троцкий утверждает, что в статье «О кооперации» у Ленина идет речь исключительно о наличии в России только п о л и т и ч е с к и х предпосылок для построения полного социалистического общества («власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата с многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.»). Троцкий утверждает, что все это—только п о л и т и ч е с к и е, отнюдь не экономические и материально-производственные, технические предпосылки. «И только после перечисления этих ч и с т о - п о л и т и ч е с к и х предпосылок—о материальных предпосылках з д е с ь н е т и р е ч и»—Ленин делает вывод, что это все необходимое и достаточное (в политической области — не больше) [1]) — для построения социалистического общества. «Но, — прибавляет Ленин, — поэтому это еще не построение социалистического общества». «Почему же нет?» — спрашивает Троцкий, и отвечает: «Ибо даже достаточные политические предпосылки не могут еще решить весь вопрос. Остается еще вопрос о культуре, о цивилизации, о технике, как материальной базе для культурной революции» («Die Intern.Rev.», 38—37. Разрядка Троцкого. *С. Н.).*

Не станем останавливаться на такой «мелочи», как подделка в передаче хода мысли и цитаты из Ленина: 1) Троцкий прямо приписывает Ленину буквальное утверждение, что речь идет только о политических предпосылках; 2) Троцкий или, может быть, его переводчик вычитывают у Ленина несуществующий текст: «Н о п о э т о м у э т о е щ е н е п о с т р о е н и е с о ц и а л и с т и ч е с к о г о о б щ е с т в а». У Ленина сказано как раз наоборот: «Это еще не построение социалистического общества, н о э т о в с е н е о б х о д и м о е и д о с т а т о ч н о е д л я т а к о г о п о с т р о е н и я». Смысл перестановочки этого маленького слова «но» и вставочка слов «но это» совершенно ясен. Вся операция над ленинским текстом нужна, чтобы доказать недоказуемое, будто у Ленина идет речь о наличии у нас т о л ь к о п о л и т и ч е с к и х предпосылок. В действительности же Ленин утверждает, что мы имеем в с е необходимое и достаточное для построения социализма, политические и экономические предпосылки.

[1]) Взятые нами в скобках слова примыслены Троцким.

Ибо диалектик Ленин, в отличие от механиста Троцкого, отлично понимал, что собственность на крупные средства производства, в том числе и на крупную технику, которая тоже ведь входит в состав крупных средств производства, есть не только политико-юридическая, но и технико-экономическая предпосылка, т.-е. материальное условие [1]), что диктатура пролетариата, как политическая сила, есть сама «экономическая потенция» (Маркс, Энгельс); что экономический союз пролетариата с основными массами крестьянства есть тоже экономическая потенция, что, одним словом, политика есть концентрированная экономика. Троцкий просто не понимает этих азов исторического материализма, и поэтому совершенно естественно, что в рассуждении о предпосылках социализма в Сов. Союзе он механически отрывает политику от экономики, механически отождествляет материальное с техническим и скатывается, по сути дела, к подмене материалистического понимания истории технологическим. В трактовке проблемы производительных сил Сов. Союза Троцкий все время отождествляет последние с техникой, забывая о такой важной производительной силе, как революционный рабочий класс, который в порядке социалистического соревнования производит и революционизирует нашу технику. Увы, и в применении категории производительных сил к проблеме предпосылок социализма в Сов. Союзе Троцкий скатывается к бухаринскому механицизму, а именно: к технологическому пониманию истории.

Наконец, имеется прямое свидетельство самого Ленина, что у него речь идет не только о политических предпосылках: «Экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда» (Лен. Сборник VIII, стр. 68—69. Письмо к В. М. Молотову о плане политдоклада на XI с'езде партии):

«Три великие вещи сделаны и завоеваны неот'емлемо»: 1) завершение буржуазно-демократической революции, 2) революционный выход из империалистической войны и 3) организация советского государства). Четвертая и главная: фундамент социалистической экономики? Нет еще. Переделывать многажды, доделаем» (Разрядка Ленина. *С. Н.).* Почему у Ленина такая уверенность, что доделаем? Потому, что у нас: «Вполне достаточно экономических и политических средств для постройки фундамента социалистического общества» (Разрядка Ленина). Ленин пишет, что «гвоздь: разрыв между всемирно-историческим величием задач, поставленных и начатых, и нищетой материальной и культурной» (Разрядка Ленина. *С. Н.).* «Засыпать эту пропасть». Почему у него такая уверенность, что мы можем засыпать эту пропасть? Потому что нэпа «достаточно для победы социализма» (План доклада на XI с'езде партии, Лен. Сб. XIII, стр. 9, 10, 12, 13. Разрядка Ленина. *С. Н.*). «Экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно, чтобы обеспечить переход к коммунизму» (т. XVIII, ч. 2, стр. 43).

Статья «О кооперации» хронологически и логически примыкает к политдокладу на XI с'езде партии как по всему ходу мыслей, так и по целому ряду своих основных формулировок. И тут и там Ленин утверждает, что у нас имеются все необходимое и достаточное — экономически и политически — для построения социалистического общества, все необходимые и вполне достаточные экономические и политические средства

---

[1]) Даже с точки зрения механического материалиста à la Троцкий, который отождествляет социальную материю с производительными силами, а эти последние — с техникой (ср. т. XXI, стр. 274—275, 286, 333, 442. «Совершив пролетарскую революцию, мы говорим: развитие общественных форм упирается в развитие производительных сил, т.-е. в технику»).

для построения фундамента социалистической экономики, все условия достаточные для победы социализма, а Троцкий хочет нас уверить, что в статье «О кооперации» у Ленина речь идет только о политических предпосылках. Ленин, говоря о разрыве между величием задач построения социализма и «нищетой материальной и культурной» (Лен. Сб. XIII, стр. 13), переносит центр тяжести на культуру, на проблему кадров: «Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда» (Лен. сб. XIII, стр. 69), а Троцкий — на технику. Ленин рассуждает как исторический материалист, Троцкий — как экономический материалист и сторонник технологического понимания истории.

Но этим дело еще не исчерпывается. Своей фальсификацией ленинского учения о предпосылках социализма в Советском Союзе Троцкий неимоверно запутывается, скрытым образом приписывая Ленину следующую нелепость: это еще не построение социалистического общества, потому что у Ленина речь идет якобы только о политических, а не материальных предпосылках. Стало быть, при наличии экономических, а не только политических предпосылок — это уже было бы построением социалистического общества. Но ведь это сплошная путаница, ибо наличие всего необходимого и достаточного для построения еще не тождественно построению социализма. Условия, предпосылки социализма еще не тождественны своему реально возможному результату, т.-е. полному социализму. Предпосылки социализма — это только социализм в возможности, но еще не в действительности. Реальная возможность не только тождественна, но и различна от действительности. Возможность и действительность образуют единство различий, а Троцкий просто-на-просто отождествляет чисто-механистически возможность с действительностью. Чтобы возможность перешла в действительность, необходимо действовать, необходимо реализовать предпосылки социализма. Переходный период—«это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения». Это и только это имеет в виду Ленин.

По Троцкому же выходит, что, напр., в таких передовых странах, как Англия, Германия и С.-А. С. Штаты, которые имеют ведь всю полноту материальных предпосылок — на другой день после пролетарской революции, это уже будет построением социализма. Иначе говоря, там не будет переходного периода. Это и только это вытекает из нелепой аргументации Троцкого. Верный своей эклектической методологии, механический материалист Троцкий готов сделать в передовых странах суб'ективистский скачек через переходный период диктатуры пролетариата, т.-е. «логический (не материальный) скачек через несколько конкретных стадий» (Ленин о Бухарине, Лен. Сб. XI, стр. 399).

Далее, Троцкий уверяет нас, что ленинская статья «О кооперации» «посвящена исключительно общественной организационной форме перехода от частной мелкой торговли к крупной, но не материально-производственным условиям последней». «Кооперация сама по себе не заменяет новой техники и не создает ее из самой себя» («Die intern. Rev.», 38).

Но если кооперация только бессодержательная организационная форма, то прямо удивительно, как это Ленин мог выставит утверждение, «что простой рост кооперации тождественен с ростом социализма», что «при условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве» (т. XVIII, ч. 1, стр. 144, 145). Ларчик открывается очень просто: как известно, у Ленина речь идет не только о торговой, но и о производственной кооперации, о коллективизации сельского хозяйства, а Троцкий, подобно теоретикам правого уклона, подкидывает Ленину просто кооперацию в одной лишь сфере обращения. Поэтому у Троцкого и полу-

чается, что по Ленину кооперация будто и есть *бессодержательная* «общественная организационная форма», форма без материально-производственного содержания.

В этих рассуждениях Троцкого так и сквозит механистическое противопоставление *экономической* формы *материально-производственному* содержанию и отождествление социальной материи с техникой. Троцкий даже не подозревает, что такая *экономическая категория*, как разделение труда и кооперация, по Марксу, создает новую массовую общественную *производительную силу* («Капитал», т. I, гл. 11), что, с другой стороны, фабрика — несомненно совокупность производительных сил — есть вместе с тем «общественное производственное отношение, экономическая категория» («Нищета философии», гл. 2, § 2). Троцкий просто не представляет себе этой диалектики производительных сил и производственных отношений, диалектики, «границы которой подлежат определению и которая (разумеется) «не уничтожает реального различия» (Маркс, Введение к критике, гл. 4, п. 4). Троцкий не представляет себе этой диалектики, ибо производительные силы он неизменно отождествляет с техникой, и поэтому он открывает Америку, что «кооперация сама по себе не заменяет новой техники и не создает ее из себя», или, как он изволит иронизировать в своих последних работах, что коллективизация крестьянских дворов, соединение крестьянских сох не создает трактора, как соединение лодок не создает парохода. Это, конечно, святые истины, как, напр., и то, что соединение троцкистских сошек не создает второй *большевистской* партии. Но и Троцкому должно быть известно, что организационная форма коллективизации наполняется у нас весьма реальным материально-производственным, техническим содержанием в виде машинно-тракторных станций, целых тракторных колонн, машинно-конных станций и т. п. хороших материальнейших вещей. Колхозы, на ряду с совхозами, есть экономическая «организационная форма» — социалистической индустриализации, реконструкции и электрификации сельского хозяйства. Вот и все. Фальсифицировав букву и дух учения Ленина о предпосылках социализма в Сов. Союзе, Троцкий с негодованием восклицает: «Как можно после всего этого назвать поведение составителей проекта программы иначе, если не фальсификацией, когда они к ленинским словам *о наличии достаточных, необходимых предпосылок* от себя лично просто приплетают *самую важную предпосылку, материальную*» («Кр. пр. К. И.», нем. пер., 34. Разрядка наша. *С. Н.*). Увы, и в этой моральной сентенции фальсификатор ленинизма Троцкий снова фальсифицирует Ленина, ибо у Ленина в статье «О кооперации» речь идет о наличии *всего* необходимого и достаточного для построения социализма, а не просто необходимых и достаточных предпосылок. Только подобной ловкостью рук в обращении с Лениным Троцкому удается из'ять из предпосылок социализма в Советском Союзе «самую важную, материальную. К счастью, эта логическая операция не имеет никаких материальных последствий для построения социализма в нашей стране. Зато она очень ярко демонстрирует, что «теория перманентной революции» Троцкого не мыслит себя без практики перманентных фальсификаций Ленина и ленинизма.

* * *

Насквозь эклектическая, схоластическая и метафизическая «теория перманентной революции» со всеми вытекающими из нее «последствиями» для вопроса о строительстве социализма, как мы видели, покоится на адэкватной методологии из обрывков своеобразного суб'ективного идеализма (суб'ективной социологии) и механического материализма, исторического волюнтаризма и исторического фатализма.

Сам Троцкий о себе лучшего мнения. В своих мемуарах он рассказывает, что еще юношей, в тюрьме, он, работая над историей франкмасонства, самостоятельно открыл материалистическое понимание истории и диалектику, до знакомства с Марксом, Энгельсом, Плехановым и Мерингом. «Исторический материализм не был мною воспринят сразу в догматической форме. Диалектика предстала предо мной впервые не в абстрактных своих определениях, а в виде живой пружины, которую я находил в самом историческом процессе» («Моя жизнь», т. I, стр. 146—147. Разрядка наша. *С. Н.*). Это, конечно, очень приятно, что из работ над франкмасонством Троцкий вышел не франкмасоном, а критическим (отнюдь не догматическим!) «марксистом». Но это и значит, по его собственному неосторожному признанию, что он ортодоксальным марксистом не стал, никогда и не был. Все ревизионисты отказываются принять марксизм в «догматической», т.-е. ортодоксальной, форме. Троцкий не составляет исключения из этого правила. Его «диалектика», которой он козыряет чисто-декларативно буквально на каждой странице своих писаний, носит весьма «критический», отнюдь не «догматический» характер: имя ей — эклектика, метафизика, схоластика и схематика.

Для систематической философской критики троцкизма необходимо проследить, как эти методологические «качества» Троцкого проявляются во всех без исключения проблемах, которые он освещает и извращает в «полном собрании» своих оппозиционных и просто контрреволюционных сочинений. Понятно, что развернутая методологическая критика троцкизма не может ограничиться разбором эгоцентристской, суб'ективной социологии и механического материализма в «трудах» Троцкого. Попутчик Октября Троцкий имел своих спутников и попутчиков (Зиновьев, Каменев, Радек, Преображенский), которые представляют самостоятельный интерес, как об'ект для философско-методологической критики. С другой стороны, развернутая методологическая критика троцкизма предполагает философско-политический анализ «творений» Урбанса, Бордига, Оверстратена и К°, т.-е. всех более или менее заметных лидеров и «теоретиков» троцкистских школок и теченьиц за границей. Наконец, необходимо подвергнуть специально и философской критике взгляды Троцкого на русский исторический процесс, на культуру переходного периода, на искусство и литературу, на учение Павлова и фрейдизм, на задачи науки и философии. «Философские» упражнения самого Троцкого, его поверхностные, сугубо-дилетантские суждения о материализме и диалектике, о естествознании и марксизме кишат грубейшими ошибками, отнюдь не «сверхчеловеческого», а скорее ученического масштаба. Необходимо «взять на учет» все эти ошибки и систематизировать их: получиться целая система ошибок в духе «наших» механистов. Механический материализм — оборотная сторона суб'ективной социологии Троцкого. Политическая методология Троцкого складывается из механической суммы формально-логических, волюнтаристских скачков и грубо-эмпирических, фаталистических ползков. «Левая» фраза и правая сущность.

Очередные задачи математиков-марксистов.

С. Яновская.

Если естественников-марксистов у нас и вообще еще ничтожный процент, то среди математиков процент этот особенно низок — буквально по пальцам можно пересчитать всех наших математиков-марксистов, хоть сколько-нибудь активных в области истории и методологии математики. А между тем спрос на этого рода математиков растет буквально не по дням, а по часам. Еще сравнительно очень недавно диалектический материализм был отнюдь не популярен в среде математиков. Аспиранты-математики, если не вслух, то потихоньку называли курс истории и философии естествознания, организованный для них, «красным богословием», а старые профессора т. н. «Московской школы», авторитет которых в среде математиков был несокрушим, прилагали все усилия к тому, чтобы спасти «автономию» «чистой», «единой» для «всех времен и народов» математики от злостных покушений на нее со стороны материалистической философии, не стесняющейся открыто заявлять о своей партийности и классовом, пролетарском характере. Даже слово «товарищ» не имело права гражданства ни в Институте математики и механики, ни в Математическом обществе, ни в его журнале, «Математический Сборник», зато среди членов этого общества был довольно значительный процент белых эмигрантов.

Но с особеным презрением отзывались о диалектике в математике: в лучшем случае, в среде наиболее к нам близких математиков, работавших в Коммунистической Академии, говорили о собрании математических иллюстраций для законов диалектики, более или менее удачных, и зло издевались над философами за малейшую математическую ошибку. Иногда, впрочем, надевали даже, по меткому выражению тов. Деборина, «диалектические штаны» на математические работы, то тут, то там упомянув о переходе количества в качество, диалектике развития и т. п., но чисто-внешним, «безразличным» к содержанию образом.

Однако, повторяем, и это имело место лишь в наиболее близких нам слоях научной молодежи. Даже такой «левый» математик, как Мюнц, специально выписанный Коммунистической Академией из-за границы, где выступал действительно как подлинный сторонник советской власти, в докладе, в Ленинградском математическом обществе «доказывает», что никакого кризиса современной математики нет, что кризис специально изобретен философами, помощь которых науке может состоять лишь в изобретении для нее таких мнимых кризисов, на разрешении которых зато и наживается философия. Уже не говоря о том, что ни в Московском, ни в Ленинградском математическом обществе ни разу не было даже упомянуто слово «диалектика», и что, если бы не год, проставленный на протоколе, заседание Математического общества в 1929 году ничем нельзя было бы отличить от заседания в 1909 г.,

о том, что, даже когда ставились в обществе или помещались в «Математическом Сборнике» статьи на прикладные темы, они были так отвлеченны, что ни один техник никогда не мог действительно приложить их на практике, — при чем особенно это справедливо по отношению к т. н. «Московской школе».

Настолько далека была последняя от практики, что даже такой «чистый» математик, как Лузин, сказал однажды, что, когда задача уже считается решенной в Московской школе, ленинградцы признают ее лишь поставленной, ибо от «принципиального» решения «москвичей» до возможности практического применения в технике или естествознании дистанция столь велика, что задача ее преодоления часто труднее основной задачи: и то же повторил А. Я. Хинчин о теории вероятностей в Москве и Харькове.

Если перелом в сторону практики, в сторону марксизма-ленинизма и вообще запоздал в естествознании, то в математике это особенно имело место. Ибо рабочие, даже окончившие рабфаки, самотеком не шли на математические факультеты, несмотря на огромное их значение в деле подготовки кадров для кадров, предпочитая гораздо более близкие к непосредственной практике хозяйственного социалистического строительства втузы. Вполне понятно поэтому, что организовать орабочение теоретических математических вузов было неизмеримо труднее, чем технических. Между тем Наркомпрос предпочел выбрать линию наименьшего сопротивления и дошел, наконец, до того, что оставил только около 20 мест для всего приема на 1929/30 учебный год на математическое отделение, хорошо зная, что из этих 20 человек вряд ли дойдут благополучно до конца учебы 7. Какие вузы и втузы можно будет при такой политике хотя бы количественно обеспечить преподавателями математики, об этой, повидимому, в Главпрофобре не думали.

И, однако, год великого перелома для всей нашей страны был годом перелома и на математическом фронте. Ибо к этому времени подросли и окрепли уже те, хотя и немногочисленные, но все же крепкие пролетарские кадры, которые пришли в вуз из рабфаков, ибо партия со всей решительностью поставила перед всеми специалистами вопрос о недостаточности одной только голой «лойяльности», о том, что, кто не с нами, тот против нас, ибо, наконец, к этому времени пропаганда идеи диалектического материализма не могла не сделать своего дела и в среде математиков. Математики, до которых не могла не докатиться дискуссия на философском фронте, сначала стояли в стороне, предпочитая роль «третьего», пока, наконец, наиболее передовая их часть, раньше других увидевшая огромное принципиальное значение этих споров, обнаружившая, не без изумления, глубокое их содержание и значение для методологии науки, в том числе и математики, сама не приняла в них активного участия. Появился неслыханный интерес к математическим проблемам во всех самых отдаленных углах нашего Союза, обусловивший тот огромный спрос на математиков, занимающихся методологией своей науки, о котором уже шла речь. Можно смело сказать, что положение на математическом фронте в настоящий момент характеризуется в первую очередь именно разрывом между «спросом» и «предложением». Нет, или почти нет, марксистов-методологов математики, а тех, которые есть, буквально рвут на части, нет, или почти нет, математиков-марксистов, знакомых с историей своей науки в связи с историей техники и экономики, нет, или почти нет, математиков, знакомых с техникой. Наконец, вообще мало, не хватает самих математиков, — математиков, умеющих заниматься с рабочей аудиторией, давать ей именно то, что нужно в дальнейшем в практической работе на предприятии, и при этом давать так, чтобы одновременно расширять математический кругозор, чтобы не просто загрузить память, но научить справляться с новой, не трафаретной задачей. Основная задача поэтому, стоящая перед рабочим классом и партией в настоящий

момент в отношении математики, — *это проблема кадров*. Тут нужно самым решительным образом покончить со стихийностью, обеспечить достаточно мощный приток рабочих в математические вузы, организовав и расширив для этого подготовку непосредственно на предприятиях, нужно, наконец, произвести самый тщательный учет и перераспределение наиболее целесообразным образом уже имеющихся сил. Насколько настоятельна эта необходимость, видно хотя бы из того, что на математическом отделении Физико-механического факультета I МГУ в настоящее время имеется всего 2 члена партии, 1 кандидат, 3 комсомольца, да и то почти все на 4-м курсе.

Проведение в жизнь постановления Секции естествознания при Коммунистической Академии о приравнении всех институтов, образовавшихся из быв. Физмата I МГУ, к втузам в отношении комплектования, стипендий и т. д., является, таким образом, неотложно необходимым мероприятием.

Между тем задачи, стоящие перед диалектическим материализмом в области математики, огромны, и раньше, чем перейти хотя бы к беглой их наметке, нужно еще и еще раз подчеркнуть, что реальность всех наших планов упирается в ту же, основную для нас, проблему — проблему кадров, не только количественно достаточных, но и *качественно* высоких. Ибо математик-методолог, который, на ряду со всеми методологами естествознания, раньше всего должен удовлетворять требованиям глубокой партийности и четкого знакомства с трудами основоположников марксизма-ленинизма, само собой разумеется, должен вполне владеть математическим методом и быть на уровне современной науки—в большей даже степени, чем просто математик-специалист, который имеет возможность следить только за развитием своей, часто очень узкой, специальности. Ясное дело, что стихийно, без достаточного внимания и регулирования, рост таких кадров может итти лишь совершенно недостаточным темпом. Ясное дело, что даже те немногочисленные кадры, которые имеются у нас в настоящее время, вряд ли могут быть признаны полностью удовлетворяющими этому требованию.

Каковы же, хотя бы в самых общих чертах, задачи, стоящие перед математиками-диалектиками-материалистами?

Прежде всего, для нас не может быть сомнений в том, что из науки стихийно, лишь очень запутанными и неосознанными путями развивающейся под напором требований практики, теоретическое естествознание в эпоху социализма превратится в науку, сознательно пользующуюся методологией диалектического материализма и развивающуюся в диалектическом единстве с практикой,—техникой в первую очередь, требованиями которой естествознание будет уже сознательно руководиться, в свою очередь направляя и руководя практической, технической деятельностью человека. Этот идеал науки в переходный период полностью еще, конечно, не может быть осуществлен,—деление на теоретическую («чистую») и прикладную науку вряд ли удастся уже в ближайшее время полностью устранить. Но мы должны настойчиво добиваться этого, добиваться того, чтобы математик не зарывался в узкие границы уже настолько узких «*специальных*» задач, что ни одному *специалисту* они не могут понадобиться. Правда, человек есть часть природы, и мышление его отражает закономерности именно этой, независимой от него, природы,—поэтому изобрести нечто такое, что никому, нигде и никогда не могло бы понадобиться, ему очень трудно, но для класса, оторванного или отрывающегося от строительства хозяйственной жизни, для классов, историческая роль которых кончается, это становится все легче и легче. Недаром же какой-то буржуазный математик в знаменитом анекдоте хвастал тем, что доказал такую теорему, насчет которой ему удалось доказать также и то, что ее нигде нельзя будет применить. Ясное дело, что не такая математика нужна СССР.

Между тем, основные математические «школы» нашего Союза, пожалуй, еще более были оторваны от практики нашего строительства, чем это имеет место на Западе в отношении капиталистического хозяйства. Царское правительство и буржуазия в России пользовались обычно западно-европейскими специалистами, когда нуждались в хозяйственной помощи, предоставляя «отечественной» науке вести тепличное, оторванное от жизни, «чистое» существование. Неудивительно, что в России не было своих Гауссов и Клейнов, почти не было математиков, интересующихся теоретическим естествознанием и работающих в области физики, несмотря на большое количество высоко одаренных математических «голов». И после Октября положение это вряд ли значительно изменилось к лучшему. Пожалуй, даже к худшему. Ибо, напр., в отношении методологии, наши математики в огромном, подавляющем большинстве заняли позицию полной аполитичности, как огня чуждаясь всякой философии из явного страха перед внедрением в математику методологии диалектического материализма. Ибо математики, стоявшие во главе наших математических институтов и обществ, гордились своей ролью охранителей «священных» традиций «школы» от «разрушительного» влияния советской действительности. Повторяем, год великого перелома явился началом перелома и на фронте математики, ибо фактически положение стало меняться на практике лишь в 1930 г. Революция докатилась, наконец, и до Института математики и механики, руководство и методы работы которого были коренным образом изменены. Но теперь математикам диалектическим материалистам из критикующих нужно стать строящими, и притом лучше строящими, чем это делалось до сих пор, несмотря на отсутствие кадров, несмотря на малые силы. Правда, вопреки раздававшимся кое-где грозным «предсказаниям», текущий год никакого ослабления темпа в области даже самого математического творчества у нас не принес. В СССР в текущем году сделаны работы, которыми гордилась бы любая крупнейшая западно-европейская «школа», и сделаны как раз молодыми советскими математиками, группирующимися вокруг Коммунистической Академии (тт. Гельфонд, Шнирельман, Понтрягин). Но, конечно, этого еще недостаточно. Тут необходимо сознательное, плановое руководство, сознательное выдвижение задач, разрешение которых необходимо для нашей промышленности и сельского хозяйства, с одной стороны, для наших научно-исследовательских институтов и учреждений, в том числе и теоретических, — с другой. Вокруг этой работы надо мобилизовать общественное мнение как наших математиков, так и наших планирующих органов, ее нужно организовать и возглавить, с тем, чтобы не принижать при этом роли теоретической мысли, не сводить практику к мелкобуржуазному «практицизму».

Последнее возможно, однако, лишь при условии дальнейшей разработки методологии диалектического материализма в математике, намеченной и проводимой сейчас математическим разделом Коммунистической Академии, лишь при условии жесточайшей критики и борьбы с идеализмом и механизмом, кстати сказать, в области математики особенно тесно сплетающимися друг с другом. Такие крупнейшие математики-методологи и философы, как Фреге, Рессель, Кутюра, Кантор, дают нам особенно яркие образцы того, как на современном уровне развития математики механистическая методология, вполне последовательно проведенная, смыкается с таким откровенным идеализмом и мистицизмом, каким является, напр., платонизм. Послевоенная эпоха на Западе характеризуется бурным расцветом откровенно фидеистских идеалистических систем, торжествующих свою победу и в современной философии математики. Если старые «логисты» были все же об'ективистами, признавали существование об'ективной истины и независимого от сознания человека внешнего мира, если даже такой «нео-реалист», а попросту платоник, как Рессель, писал все же, что человек, удовлетворяющийся теорией познания

суб'ективного идеализма, «напоминает человека, никогда не выходящего из своего семейного круга из боязни, что вне его его слово не будет законом», то современные интуиционисты (Вейль и Броуэр) и формалисты (Гильберт), несмотря на спор между собою, единодушны в требовании обоснования математики на «чисто», суб'ективной, кантовской интуиции a priori, или «наглядном созерцании», являющемся единственным источником н о в ы х понятий и положений математики. Если старые «логисты» уничтожали все н о в о е, специфически отличное, несущее на себе печать особой качественной характеристики, начисто сводя его к простым комбинациям формально-логических «констант» и отождествляя математику с логикой, то современные интуиционисты вообще отказываются от математики, как целостной науки, части которой связаны одна с другой, вытекают одна из другой. «Новое» для них есть абсолютно новое, «не сводимое» и не развивающееся из старого в процессе лучшего приспособления его человеком к более полному, более правильному отражению реальной, материальной действительности, а нечто, вырастающее из особой «творческой» способности нашего духа—«чистой интуиции». Между тем увлеченные, во многих случаях совершенно правильной, критикой «логистов», исходящей из лагеря интуиционистов, критикой, которую, к слову сказать, диалектический материализм не только может, но и должен использовать—недаром Ленин говорил, что, когда один идеалист ругает другого, на этом всегда выигрывает материализм,—некоторые советские математики, и притом наиболее к нам близкие, приняли интуиционизм за материализм, за борьбу за материалистическую «предметность» математики, еще и еще раз демонстрируя этим, насколько необходима у нас борьба с идеализмом, являющимся, конечно, основной опасностью на математическом фронте. Ибо даже в среде таких подлинно близких нам и преданных советской власти математиков, как В. Ф. Каган, не вполне изжиты еще конвенционалистские взгляды Пуанкаре. Ибо взгляд на математику, как на «отвлеченную, формально-логическую систему», буквально господствует еще не только в таких произведениях, как «Эволюция геометрической мысли» профессора Богомолова, но и во всем нашем вузовском преподавании, на нем же воспитывают в значительной мере наше учительство (см., напр., книжку Комарова «Теоретические основы алгебры и анализа» и рецензию на нее тов. Выгодского в третьем номере журнала «Естествознание и Марксизм» за 1929 г.). Ибо полной четкости в вопросе об отношении математических абстракций к действительности нет даже в нашей собственной партийной среде (см., напр., рецензию т. Кольмана на книжку Харапинского, сделавшего ряд таких ошибок, в том же номере «Естествознание и Марксизм»). Конечно, это не означает, повторяем, возможности ослабления борьбы с механизмом и вульгарным эмпиризмом, остающимся главной опасностью в с р е д е н а ш и х м а т е м а т и к о в - п а р т и й ц е в, как об этом свидетельствует хотя бы выступление тов. Пистрака в Коммунистической Академии (см. дискуссию между т. Пистраком и т. Кольманом на страницах того же журнала). Ибо, раньше всего, механистическая методология ослабляет позиции диалектического материализма в борьбе с идеализмом.

Разработка материалистической методологии математики неразрывно связана с марксистской разработкой истории математики, в связи с историей развития техники, экономики и классовой борьбы. Не может быть сомнения в том, что вопросам этим должно быть уделено гораздо бо́льшее относительное внимание, чем это имело место до сих пор, особенно в связи с совершенно назревшей необходимостью реформы преподавания математики в наших втузах.

Вопросы преподавания математики, и притом не только в высшей, но и в средней и низшей школе, также не могут пройти мимо наших математиков-марксистов. Тут нужно создать серию учебников, приспособленных к за-

дачам, выдвигаемым перед молодым инженером нашим социалистическим строительством, необходимы соответствующие учебники и для школ второй ступени и для рабфаков, идеологически выдержанные и проникнутые методологией диалектического материализма. Тут нужно изменить то характерное еще для царской России положение, когда математик-ученый считает ниже своего достоинства писать учебник по элементарной математике для средней школы (не говорю уже низшей), тут нужно изменить, наконец, то положение, какое создалось уже у нас, когда ученые математики стоят совершенно в стороне от школы I и II ступени, даже от рабфаков, в то время как до Октября не было почти ни одного профессора, который не преподавал бы в старой «гимназии». Вопросы составления марксистских учебников, вопросы переподготовки учительства должны, таким образом, занимать отнюдь не последнее место в работе математика-диалектика-материалиста.

Тесно связан с последним вопросом и вопрос о математической научно-популярной литературе как по конкретным отраслям и проблемам математики, так и по истории математики. Интерес к знанию, в первую очередь техническому, всколыхнул огромные массы наших рабочих и крестьян, особенно колхозников, перед которыми открываются совершенно новые перспективы в деле индустриализации сельского хозяйства. Но на пути к технической книжке, к книжке даже по агрономии часто стоит препятствием полное незнакомство с математикой, нередко буквально возбуждающей ужас своими формулами, непонятными словами и значками. Между тем основные идеи, которыми пользуется математика, чаще всего просты и кристально ясны. Не загруженная формальными переделками книжка, занимательная статья или задача в специальном популярном журнале нередко могут сделать больше для пробуждения интереса к математике, для под'ема веры в свои силы, чем даже хорошо организованное, но формальное преподавание. А ведь преподавательских кадров у нас не хватает даже в центрах, где сосредоточены все математические вузы и институты.

Между тем ни популярной книжки по математике, ни научно-популярного журнала, рассчитанного на вузовскую и рабочую молодежь, интересующуюся математикой, у нас еще нет. А то, что есть (напр., книжки Игнатьева «В царстве смекалки», «Занимательная математика» Перельмана, «Эволюция геометрической мысли» Богомолова), или вообще недостаточно, мало современно и неприспособлено к нашим условиям, ограничивается в первую очередь лишь так называемыми «математическими развлечениями» и головоломками, и притом почти исключительно из области элементарной математики, в то время как вузовцу и помочь нужно, и интерес его лежит именно в области высшей, или проникнуто-чуждой нам, иногда откровенно «божественной» идеологией (Богомолов). Огромным пробелом в нашей математической научно-популярной литературе является также отсутствие книжек по истории математики, особенно изданий классиков (полностью или в отрывках). Намеченный математическим разделом перевод нескольких книжек Вилейтнера, представляющих собой методически прекрасно подобранные сборники таких оригинальных работ, следует поэтому осуществить в ближайшее же время.

В заключение несколько слов о математических обществах. До сих пор это были настоящие средневековые цеховые организации, куда допускались только «посвященные», где даже стулья на заседаниях, предназначенные для «массы», устанавливались служителем вдоль стен («на галерке»), дабы не происходило смешения «простонародья» с «посвященными». Математики рангом пониже устраивали для себя организацию «подмастерьев», носившую более скромное название общества не математиков, а любителей математики, и копировали что было сил «мастеров» науки. Понятно, что вопросами пропаганды математики в массах, вопросами выдвижения одаренных математиков из рабочих и крестьян, которых, к слову сказать, у нас в стране непо-

чатый край—и это знает теперь любой математик, ведущий на предприятиях группы, — что этими вопросами до сих пор математические общества во всяком случае не интересовались, не говоря уже о каком-нибудь непосредственном участии в деле строительства социализма. Реорганизовать эти общества, превратить их в массовые, связать их с практикой социалистического строительства, поставить перед ними вопросы материалистической методологии математики, реорганизовать их журналы, сплотить вокруг них все живое, все лучшее, что есть в среде советских математиков,—вот еще одна огромной важности и отнюдь не легкая задача, стоящая перед нашими математиками. Происходящая сейчас чистка Математического общества в Ленинграде, где идея массового математического общества встретила организованный отпор почти всех ленинградских математиков, свидетельствует о том, что и тут перед нами стоят отнюдь не малые трудности и что задача расслоения математиков, выделения из них подлинно советской части, действительно готовой активно участвовать в деле социалистического строительства, неотложная и нелегкая задача, требующая от нас максимальной бдительности, больших знаний, упорной работы и борьбы.

Задачи марксистов-ленинцев в биологии.

И. Агол.

I. Классовая борьба и биология.

Не только общественные науки, но и все другие отрасли человеческого знания находятся под сильным влиянием буржуазного общества с его классовыми интересами. Науки, оторванной от общества, от людей, создающих эту науку, на земле не существует. Вне человеческого общества нет науки. Вот почему и наука неизбежно отражает общественную борьбу, мировоззрение, желания и стремления создающего ее класса. Все отрасли науки, даже самые специальные, проникнуты классовым содержанием.

Само собою понятно, что мы не хотим этим сказать, будто выводы, к которым приходят представители буржуазной науки, обязательно всегда являются плодом преднамеренного обмана. Не всяким, конечно, буржуазным ученым руководит какая-нибудь материальная заинтересованность. Буржуазный ученый может быть суб'ективно безукоризненно искренним человеком, но благодаря целому ряду условий (среда, воспитание, предрассудки, религия и т. п.) он только в исключительных условиях может оторваться или отвлечься от своего класса. При этом классовая подоплека его воззрений далеко не всегда об'ективно осознается им самим.

Но на ряду с этим среди представителей современного естествознания мы встречаем и немало таких ученых, которые бесспорные выводы своей специальной науки нередко сознательно приносят в жертву требованиям своего класса. В угоду представляемого ими класса «об'ективная» наука в руках их превращается в настоящее боевое оружие против широких трудящихся масс. Обыватель застращивается «ужасной» перспективой господства «хама», перспективой социализации его жены, дочерей и сестер, перспективой заклания его детей; рабочему классу цинично доказывается («на основании непреложных естественно-научных законов»), что его деградация, вырождение идет ему только на пользу. В широкие массы внедряется мысль, что изменить современные общественные отношения абсолютно невозможно, ибо, как показывает, якобы, современная наука, эти отношения зиждятся на незыблемых законах природы, которые изменять никому не дано. «Ученой» фразеологией обновляются старые доказательства существования бога, этого вечного защитника и стража эксплоататоров. Обо всем этом трактуют не одни только общественные науки.

Классовые тенденции в современном естествознании с каждым днем выявляются все резче и ярче. Причины этого явления лежат в глубоком и безнадежном кризисе современного классового общества. Ревностная поборница материализма и атеизма в годы революционной борьбы за власть против феодализма (вспомним славную плеяду английских и французских материалистов), буржуазия, с овладением ею государственной властью, постепенно, — а чем дальше, тем больше и резче, — начинает развертывать

борьбу против своих собственных былых воззрений. И чем неустойчивее и опаснее становится ее политическое и экономическое положение, чем сильнее становится рабочий класс, тем ожесточеннее кидается она в бой не только со своим физическим врагом и его воззрениями, но и со своим идеологическим прошлым. В мусорный ящик выбрасываются все красивые декларации о свободе науки, о свободе совести и личности. Наглядным примером того, как понимает современная буржуазия свободу науки, служит нашумевший «обезьяний процесс» в САСШ. Против дарвинистов, осмеливающихся излагать свои взгляды в учебных заведениях, принимаются самые решительные меры. Вот образчик циркуляра, изданого губернатором одного из наиболее культурных округов САСШ—штата Теннеси 23 марта 1925 г.: «Должно считаться, — пишет губернатор, — незаконным для всякого преподавание университетом, нормальной школой и всеми другими общественными школами штата, которые содержатся целиком или частично за счет его школьного фонда, преподавать теорию, которая отрицает историю божественного сотворения человека, как излагается в библии». Прямо не верится, что подобный циркуляр где-нибудь может быть издан накануне второй четверти XX века, — настолько несет от него плесенью и затхлостью, тюремным подземельем мрачного средневековья.

Послевоенные годы и непосредственная революционная ситуация во всем мире дают особенно пышный расцвет классовых тенденций в естествознании, и, в частности, в биологии. Никогда еще наука не была так сращена с непосредственными актуальными задачами определенного класса, как в настоящее время. Хотя большинство ученых все еще продолжает говорить о «надклассовом характере», об аполитичности науки, тем не менее, мы нередко встречаемся, даже в самых специальных работах, с определенными высказываниями по самым жгучим политическим вопросам текущего дня. Приведем несколько примеров.

Начнем с Оскара Гертвига. Он — один из крупнейших биологов нашего времени. Оскар Гертвиг, как биолог, по выражению проф. Немилова — звезда первой величины. Ему принадлежит длинный ряд классических работ по изучению процесса оплодотворения, по вопросам эволюции, физиологии и др. Его заслуга в биологии неоспорима. Но запросы эпохи не дают Гертвигу покоя. Исходя из того, что «биология и социология имеют важные точки соприкосновения», Гертвиг считает своим долгом ученого-биолога высказаться по жгучему вопросу о государственной власти, при чем, само собою понятно, весь свой яд направляет против материалистической, точнее марксистской концепции власти. С 1921 года до своей смерти Гертвиг три раза возвращается к этой теме, в виду того, что влияние марксистских идей о государстве, диктатуре пролетариата не только не уменьшается, а продолжает распространяться на все большие и большие массы трудящихся. О. Гертвиг ставит вопросы прямо, дает на них недвусмысленные ответы в пользу своего класса, точно указывает, против кого заострены и направлены его стрелы. В предисловии к последнему изданию своей известной философско-биологической работы «Das Werden der Organismen» Гертвиг пишет: «Я выдвигаю основанную на биологических выводах органическую теорию государства и противопоставляю ее материалистическому учению о развитии общества, — учению Маркса, Энгельса и других». Гертвиг уверяет, что при писании своих работ он руководствовался исключительно научными соображениями и никаких других целей не преследовал. Но от этого классовая подоплека его позиции не меняется. В своих нападках на марксизм и материализм О. Гертвиг выступает как душеприказчик буржуазии и враг рабочего класса. Таково об'ективное значение этих писаний, независимо от того, какими соображениями руководствовался их автор.

Другой крупный представитель современной биологии, иенский профессор Л. Плате — открытый фашист, ярый враг рабочего класса. Он ненавидит революцию, клеймит негодяем немецкий рабочий класс за то, что в ноябре 1918 г. он осмелился поднять свою руку против власти Гогенцоллернов. Он клеймит всех тех, кто высказывается против религии, кто проповедует атеизм, ибо, как правильно думает маститый ученый, религия есть надежная опора и защита современного капиталистического строя. Во 2-м издании своей специальной работы об эволюционной теории, вышедшей в Иене в 1925 г. («Die Abstammungslehre»), он посвящает вновь написанную главу отношению эволюционной теории к религии и школе. Ученик Эрнста Геккеля, при жизни учителя идущий за ним по всем его путям, заискивающий у него на каждом шагу, Плате после смерти Геккеля и после германской революции об'являет себя врагом его учения, третирует Геккеля, как битую собаку, за его атеистический монизм. Монизм Геккеля, по мнению этого маститого фашиста, «бессодержателен». Настоящим монистическим учением, — утверждает Л. Плате, — является христианство, ибо оно, видите ли, «все выводит из одной единственной основы, именно — из воли бога». Плате утверждает, что своей горячей пропагандой атеизма Геккель совершил преступление перед немецким народом. Геккель заслуживает похвалы за свою пропаганду естествознания в широких кругах, но «его старания выгнать наш народ из церкви и заменить религию атеистическим монизмом должны быть осуждены, ибо на таком фундаменте нельзя для широких масс построить годную этику, которая может быть воздвигнута только на учении о воздаянии»... «Очень жаль, — продолжает Л. Плате, — что Геккель в своем необузданном фанатизме доходил до высмеивания основных положений христианства и веры в единоличного бога и бессмертие. Этим он поставил большое препятствие дальнейшему распространению эволюционного учения, ибо многие христиане не хотят о нем знать, так как они ошибочно думают, что эволюционное учение ведет к атеизму» [1]).

Говоря о противниках эволюционной теории, Плате пишет: «Гораздо серьезнее те противники, которые отвергают эволюционное учение из религиозных оснований, ибо, во-первых, эти противники имеют влияние благодаря своему большому числу, и, во-вторых, религия — высшее благо, которое должно остаться у нашего истасканного революцией народа, благо, которое выведет его из трясины нашего времени к более светлому будущему» [2]).

Проф. Плате религию ставит выше науки. Ей, а не науке принадлежит будущее. Все находится в руках божьих, а потому человечество должно покорно мириться с судьбою, ниспосланной ему всевышним. «Мы живем в мире непостижимо обильного многообразия, которым управляет закон. Незначительную часть этих законов мы частично постигли, благодаря чему мы и овладеваем природой. Это свидетельствует о том, что в нашем духе заложено нечто от божественного духа, создавшего эти законы. В этом смысле мы чувствуем себя, как дети господни, и, полные надежды, вручаем ему нашу судьбу» [3]). Верь в бога, доверяй ему свою судьбу и не смей восставать против его законов, — вот истинный смысл того, чему учит молодежь проф. Плате. Эта церковная проповедь, требующая пассивности, смирения «перед судьбой», но в то же время активнейших выступлений против революции, шельмующая всякого, кто вздумает не верить в бога, преподносится, как вывод из дарвинизма, абсолютно не мирящегося ни с какой религией.

Буржуазии нужна религия для широких масс, ибо этим она отводит удар, угрожающий ей со стороны пролетариата, и ее душеприказчик Плате

[1]) L. Plate, Die Abstammungslehre, Yena 1925, S. 157—158.
[2]) Ibid., S. 155.
[3]) Ibid., S. 156.

«научно» обосновывает существование бога при помощи... эволюционной теории

Далее. Буржуазии важно внести разлад среди отдельных отрядов международного пролетариата, ей важно натравить одну часть трудящихся на другую и тем отвести удар в другую сторону. Козлом отпущения, как всегда, является еврейский народ, и душеприказчик буржуазии Л. Плате «доказывает», что только один еврейский народ кричит на всех перекрестках мира о неизбежном крахе буржуазии, которой на самом деле будто ничто не угрожает. Еврейству, де, выгоден этот крах, и оно его выдумывает.

Другой биолог-фашист и антисемит — Ленц на страницах сугубо научного журнала «Archiv für Rassen- und Geselschaftbiologie» под видом научного спора ведет самую неприкрытую антисемитскую и погромную кампанию. При этом в еврейскую нацию попадают и русские товарищи коммунисты (т. Луначарский, например), которых, по мнению профессора Ленца, очевидно, так же надо истребить, как и ненавистных евреев. Рассуждения Ленца сводятся, приблизительно, к следующему. Большевики за время революции уничтожили самые родовитые фамилии, уничтожили весь цвет дворянства, которое в течение многих поколений отбиралось и составляло самое лучшее, с биологической точки зрения самое ценное, что имелось в русском народе. В живых остался неполноценный элемент. Эта «огромная невозвратимая потеря» нанесла чрезвычайно тяжелый удар человечеству, ибо угрожает миру полным уничтожением культуры, воцарением «хама» и вырождением. Еврейству-де подобное уничтожение самых полноценных элементов расы чрезвычайно выгодно, ибо оно снижает опустошенный большевизмом народ до уровня этой позорной еврейской нации. Вот почему еврейство так стремится к мировой революции. Революция, уничтожив высшие классы, снизит в биологическом отношении остальные высоко одаренные народы до низкого уровня вырождающегося еврейского народа. Большевики и евреи творят неслыханные преступления. Против них должен быть обращен карающий меч всего культурного мира...

Комментарии к этой «аполитичной» науке не требуются. Подобные погромные статьи и книги, покрытые флером «ученых» слов и фраз, стали почти обычным явлением в капиталистическом обществе.

И не только в буржуазных странах, но и у нас в СССР находятся ученые, которые пытаются подвести «научный» фундамент под антисемитизм, человеконенавистничество и контрреволюцию. Стоит вспомнить «Основы поведения человека» проф. Савича, в которых он пытается, на основании «последних данных биологии», доказать невозможность революции на Западе, бесцельность хлопот и жертв Коминтерна, а также и то, что еврейство представляет собою деградирующую нацию, неспособную на какой-нибудь подвиг. Исходя из этих «данных науки», проф. Савич довольно прозрачно советует Коминтерну свернуть революционное знамя, сидеть спокойно на своей русской кочке и не рыпаться, а также не особенно доверять тем, кто «провоцирует» «губительный поход» против мировой буржуазии.

Современная западно-европейская антропология представляет собой красочный пример классового характера естествознания. Почти целиком она превратилась в служанку империализма. Каждая империалистическая клика пытается через свою отечественную антропологию доказать, что она является наивысшей расой, которой по праву должно принадлежать «руководство» миром, ибо, видите ли, все остальные народы либо не доросли, либо переросли и идут по пути деградации. Во время империалистической войны каждая воюющая группировка пыталась доказать, что нации, входящие в ее группировку, стоят неизмеримо выше по своим биологическим задаткам, чем нации противной стороны, а поэтому и исключали возможность своего поражения, ибо это должно было, по мнению ее ученых, означать форменное

ное издевательство над законом, установленным Дарвиным, по которому победа в борьбе за существование принадлежит наиболее совершенному.

Классовой ненавистью к пролетариату проникнута вся современная буржуазная евгеника. Это она изо всех сил пытается доказать «биологическую неполноценность» пролетариата и колониальных народов. Это она на основе этой мнимой «неполноценности» пытается оправдать гнет и эксплоатацию рабочего класса и порабощение слабых народностей, превознося колониальную политику империалистической буржуазии, как великую борьбу прогресса и цивилизации против варварства. Это она под прикрытием «ученой» фразеологии, ведет борьбу против социального законодательства в пределах даже капиталистического строя, заявляя, что социальные реформы затрудняют «естественный ход» «естественного отбора», чем способствуют выживанию посредственностей. Это она кричит о «голубой крови» королей и баронов, о наследственной одаренности буржуазии и биологической безнадежности трудящихся масс. Это она советскую страну и диктатуру пролетариата шельмует, как диктатуру «хамов и дегенератов». Это она объявляет «социальное преступление» наследственной чертой дегенератов и как меру борьбы с ним предлагает... насильственную кастрацию «неисправимых преступников». Это она иногда даже готова и проливать крокодиловы слезы над «печальной участью» «этих неполноценных личностей», обреченных, вследствие своей биологической «неприспособленности», на тяжелую жизнь. Но, видите ли, против непреложных законов природы ничего поделать невозможно. Это она с непревзойденным цинизмом пытается «научно» доказать, что всякие попытки нарушить эти «роковые законы природы» неизбежно должны привести к увеличению страданий этих же самых обреченных людей, или даже гибели всей культуры и всего человечества, ибо никому-де не дано исправлять мировые законы, природа, мол, не терпит нивелировки, неравенство есть основной закон, царствующий везде на всех ступенях материального мира.

Нет более открытого циничного оправдания рабства, эксплоатации, буржуазного хищничества, расовой ненависти, нет более подлой служанки буржуазии, чем современная евгеника. «Улучшение» человеческой породы в том смысле, как его трактует буржуазная евгеника, есть еще большее порабощение широких масс в пользу ничтожной кучки эксплоататоров. Все эти разглагольствования об «улучшении» человеческой породы в пределах капиталистического строя свидетельствуют в лучшем случае о безнадежной наивности, а в худшем — о скрытом стремлении отвести удар от основного зла и спасти то, что обречено историей на гибель.

Все эти факты являются убедительнейшей иллюстрацией классового характера современной биологии. Можно было бы привести еще множество подобных иллюстраций из самых разнообразных областей биологии, но и приведенного вполне достаточно, чтобы уяснить себе, насколько фальшиво звучат разговоры об аполитичности биологии. Читатель видит, как сугубо политична современная биология. Она партийна, и останется таковой до тех пор, пока останется классовое общество.

Освобождение человечества от оков капитализма освободит также биологию от позорящего ее социального заказа, выполняемого буржуазными биологами по заданию своего класса. Задача коммунистов-биологов — решительно и неуклонно разоблачать классовую подоплеку подобной «науки», решительно и неуклонно вскрывать те далеко не научные и не невинные «надклассовые» цели, которые ставит себе буржуазная биология своими разговорами о неполноценности пролетариата, отвратительной проповедью расовой ненависти, а также антинаучной фарисейской пропагандой союза науки и религии.

II. Борьба на два фронта.

Сложный переплет внутриклассовых отношений буржуазии и их противоречивость определяют, в конечном счете, тот факт, что идеология буржуазии, хотя вся целиком стоит на защите капиталистической системы хозяйства, все же не является единой монолитной системой взглядов, какую мы встречаем у пролетариата, а представляет собою целую гамму оттенков от вульгарного механизма до самого утонченного мистицизма. Со всеми этими нюансами мы встречаемся в естествознании, в частности, и в биологии. Кризис эволюционного учения, наступление воинствующего мистицизма есть отражение в биологии безнадежного кризиса и загнивания буржуазного строя с его общетеоретическими основами. Былой атеистический революционный материализм буржуазии эпохи Великой Французской революции давно уже вошел в историю. Буржуазный радикализм средины прошлого столетия (Геккель, Гексли, Молешотт, Бюхнер, Фогт и др.) не мог устоять перед все выше и выше поднимающим свою голову идеалистическим и религиозным обскурантизмом. Он был чрезвычайно слаб и идейно и социально. Кризис естествознания конца прошлого века, по сути, и был кризисом былого буржуазного радикализма. Этот радикализм не мог найти себе опоры ни в одной социальной прослойке и неизбежно должен был погибнуть. Окрепший к тому времени пролетариат, вооруженный отточенным оружием марксизма, не нуждался в беспомощной фразеологии буржуазного радикализма. Буржуазии он также оказался ненужным. Новая ситуация, наступившая эпоха жестоких классовых и империалистических битв требовала от нее напряжения всех сил. Теоретически она должна была перевооружиться. Былой радикализм не давал ей опоры в борьбе, не давал уверенности в победе. Она на ходу стала перестраиваться, вытаскивая из архивов заржавевшее духовное оружие своих прежних врагов, спешно приспосабливая его к новой ситуации. Идеалистическая философия с ее мистикой, просто теология были призваны служить буржуазии идеологической опорой в этой борьбе. Социальный заказ стал быстро выполняться. Идеализм, мистицизм, безнадежное упадочничество стали просачиваться во все области культурного творчества: в литературу и живопись—декадентство и символизм, в философию и теоретическую физику—махизм, в биологию—неовитализм и т. п.

Неовитализм явился в биологию во всеоружии новых данных. Он вышел из недр лаборатории, вооруженный большим экспериментальным материалом. Он ухватился за те отделы биологии, которые были слабее всего разработаны, и, в первую очередь, за механику развития. И совершенно не случайно, что всей своей тяжестью он раньше всего и прежде всего обрушился на дарвинизм. Для того, чтобы овладеть биологией, витализму необходимо было, прежде всего, разрушить ее фундамент, ее методологическую основу.

Еще К. Марксом было отмечено, что основной заслугой дарвинизма является его рациональное об'яснение естественной целесообразности. Дарвин выбросил из биологии имманентную и трансцендентную телеологию и своей теорией естественного отбора дал гениальное об'яснение органической целесообразности. Проблема целесообразности есть основная проблема дарвинизма. По ней в первую голову ударил неовитализм.

Одним из важных моментов дарвинизма является так называемый онтогенетический закон Бера—Мюллера—Геккеля. Он, как известно утверждает, что каждый организм в своем онтогенетическом развитии в общих чертах повторяет свой филогенез. Основываясь на этом принципе, последарвиновская биология пришла к учению о специфичности зародышевых листов. Считалось установленным, что один и тот же орган всегда про-

исходит от одной и той же части зародыша и что сходные органы развиваются одним и тем же путем, независимо от того, к каким систематическим группам относится рассматриваемое животное. Это, естественно, вытекало из биогенетического принципа, утверждавшего, что зародыши самых различных существ ничем не отличаются друг от друга до онтогенетического воспроизводства той ступени развития, на которой в филогенезе началось расхождение сравниваемых видов.

Дальнейшие исследования внесли корректив в онтогенетический закон и в теорию зародышевых листов. Оказалось, что сходные органы различных животных могут оказаться результатом несходных зародышевых частей эмбриона. Сетчатка у позвоночных, например, представляет собою расширение головного мозга, сетчатка же моллюсков происходит непосредственно от эктодермы. Разрушенный хрусталик тритона регенерирует за счет радужной оболочки, в то время как хрусталик нормально развивается из эктодермы, а радужная оболочка—из мезодермы. Отсюда, по мнению А. Бергсона, нужно сделать заключение, что никакой жизненный процесс не является обязательным следствием предшествующих причин, ибо, как показывают приведенные эксперименты, один и тот же орган может возникнуть из совершенно различного материала под влиянием совершенно различных причин. Жизнь, утверждает А. Бергсон, обладает «творческим порывом», который оформляет ее материальное содержание согласно определенным целям, заставляет это материальное содержание каждый раз реагировать так, как это всего выгоднее организму в целом. Одинаковые результаты получаются не потому, что их производят одинаковые причины, а потому, что в данных случаях идентичны цели, осуществляемые «жизненным порывом».

Ту же точку зрения, по сути дела, развивает Г. Дриш в своем учении о роли энтелехии в осуществлении так называемых проспективных потенций организма. Известные опыты В. Ру, Г. Дриша, О. Гертвига и др. показали, что если отделить друг от друга бластомеры дробящегося яйца на ранних стадиях его развития, то каждый бластомер может, при известных условиях, развиться в целый организм. Нормально же из отдельного бластомера развивается, очевидно, не целый организм, а только часть его. Стало быть,—умозаключает Дриш,—каждая часть организма содержит в себе много возможностей, хотя в каждом отдельном случае судьба этой части вполне определенна. Другими словами осуществленная возможность организма не есть единственная роковая его судьба. Помимо нее, ему присущи еще и другие потенции, которые способны производить не только то, что произошло, но и нечто другое. Проспективная потенция (возможная судьба) организма не то, что его проспективное значение (осуществленная судьба). Первая—богаче, шире второго. Проспективных возможностей много, проспективное значение всегда одно. Каждое отдельное осуществление возможности в реальность, выбор для этой цели самой подходящей для организма возможности каждый раз, по мнению Дриша, производится особым неразложимым фактором, присущим жизни и называемым им энтелехией. Различная фактическая судьба одних и тех же частей зависит, по мнению Дриша, от различной ориентировки организма, внушаемой ему этим непротяженным фактором. Энтелехия реализует ту возможность, которая лучше всего соответствует данному состоянию живой системы. Те же самые выводы делает Дриш из фактов регенерации.

Подобная виталистическая интерпретация органических процессов, если бы она оказалась верной, выбивает всякую почву из-под дарвиновской теории естественного отбора. В самом деле, если организм, благодаря присущей ему особой способности, всегда реагирует так, как ему в данных условиях полезнее всего, то необходимость в дарвиновском об'яснении совершенно

отпадает. Ведь сразу само собою, под влиянием внутреннего фактора получается то, что нужно организму. Целесообразность имманентна жизни, она вытекает из ее сущности и является таким же неотделимым свойством ее, каким, например, является движение по отношению к материи. Как нет материи без движения, так нет, по мнению виталистов, живого организма без этой изначальной способности реагировать целесообразно. Целесообразность—не только факт, но и об'яснение факта.

Ошибка Г. Дриша заключается в том, что для него абстрактная возможность и конкретная действительность представляются одинаковыми реальностями. Отправляясь от конкретных вещей, мы можем создать абстракции, которые в определенных видах для определенных целей будут играть положительную роль, но при этом мы всегда должны помнить, что имеем дело с отвлеченным понятием, а не с конкретной реальностью, и мы совершим ошибку, если этой отвлеченности припишем реальное существование. Ошибка Г. Дриша именно в этом и заключается. Его проспективные потенции есть абстракция, которой он приписывает реальное существование и ставит на одну доску с его проспективным значением, т.-е. с конкретной реальностью.

Дарвиновское рациональное понимание целесообразности подвергается атаке и со стороны механистической концепции. Механисты также защищают имманентную целесообразность, поскольку рассматривают целесообразность как выражение физико-химического состояния организма, а не как результат отношения организма к условиям существования. Целесообразность, таким образом, есть проблема сущности, а не отношения, проблема жизни вообще, а не эволюции.

Таким образом, спор по этому вопросу между механистами и виталистами есть спор о словах. И те, и другие стоят на одной и той же принципиальной позиции—именно на позиции имманентной целесообразности. Диалектический материализм отвергает точку зрения имманентной целесообразности. Для него ни один орган, ни один организм сам по себе ни целесообразен, ни нецелесообразен. Организм становится целесообразным только в действии, в отношении к какому-нибудь об'екту или об'ектам. Для решения вопроса о целесообразности важен не только изучаемый суб'ект, но столь же важны и об'екты, во взаимодействии с которыми суб'ект становится целесообразным. Мы не знаем более простого и более естественного об'яснения органической целесообразности, чем дарвиновский естественный отбор.

С проблемой целесообразности связана проблема физиологических и исторических закономерностей. Эволюционный процесс, обуславливающий возникновение и развитие органической целесообразности, есть процесс исторический. Сведение этого процесса к одной физиологии, как это делают виталисты и механисты, отрицающие естественный отбор, низводит эволюцию к простой изменчивости. Если основными двигателями эволюционного процесса являются в н у т р е н н и е факторы организма (в данном случае безразлично—виталистического или механистического характера), то эволюция получает имманентную направленность (ортогенез). Отрицание отбора превращается на деле в утверждение предустановленной гармонии или имманентной целенаправленности эволюционного процесса. Изменчивость, несомненно, есть физиологический процесс. Но одна изменчивость не представляет собою эволюции. Она включается в эволюционный процесс только через естественный отбор. Характер изменчивости определяется в н у т р е н н и м и закономерностями живой системы, внешнее воздействие служит здесь только стимулом для выявления этих внутренних закономерностей. Если бы изменчивость определялась внешними факторами, то в разных условиях мы не могли бы получить одинаковых мутаций. Между тем, опыт показывает, что

одни и те же мутации получаются в самой разнообразной обстановке и при разнообразных воздействиях. Основным же определяющим моментом эволюционного процесса являются внешние закономерности. Эволюционный процесс, его направление зависит от той обстановки, в которой очутился изменившийся организм. Одна и та же мутация в различной обстановке оказывается различно приспособленной. Бескрылые мухи, например, оказываются менее приспособленными в условиях материковой жизни, где они не могут угнаться за своими крылатыми конкурентами, и оказываются пораженными в борьбе за существование, между тем, как в условиях островной жизни они могут оказаться лучше приспособленными, чем их крылатые соперники, вследствие того, что последние могут быть легче относимы ветром далеко в океан, где они находят себе смерть. Среда, а не внутренние закономерности, решает вопрос, кому из организмов остаться в живых, кому погибнуть.

Виталисты и механисты, отвергающие естественный отбор, как фактор эволюционного процесса, явно или скрыто должны признать самопроизвольную, автогенетическую эволюцию. С другой стороны, утверждая исключительное значение среды в процессе изменчивости, они превращают организм в воск, из которого эта «всесильная среда» может лепить, что ей угодно. Виталисты и механисты ставят проблему на голову. Там, где определяющую роль играет внутренняя закономерность (процессы изменчивости), они апеллируют к среде, а там, где основным определяющим моментом выступает среда (эволюционный процесс), они апеллируют к внутренним закономерностям. Такое обратное и неестественное представление о процессах изменчивости и эволюции вытекает из того, что виталисты и механисты при разрешении этих основных проблем биологии стоят на неестественной телеологической точке зрения.

Ту же методологическую установку на имманентную телеологию мы можем отметить и в учении об унаследовании приобретенных признаков. И в данном вопросе виталисты и механисты борются единым фронтом против дарвинизма, дающего отрицательное решение этой проблемы. Виталисты при разрешении этого вопроса исходят из своего элементарного, неотрывного «жизненного фактора», который, в зависимости от ситуации, изменяет организм в ту или другую сторону и закрепляет это изменение в потомстве. Одинаковые органы, принадлежащие самым отдаленным друг от друга систематическим группам, например, глаз у моллюсков и глаз у позвоночных, развились, по мнению виталистов, не потому, что в этих случаях действовали одни и те же причины, а потому, что цели в жизни в том и другом случае были тождественны и творческая «жизненная сила» осуществила эти цели. «Жизненный фактор», если это окажется нужным, реализует в потомстве приобретенный родителем признак. Все без исключения виталисты являются сторонниками передачи по наследственности приобретенных признаков.

Механо-ламаркизм дает такой же положительный ответ на этот вопрос, хотя и отвергает учение о жизненной силе. Такая его позиция об'ясняется смешением качественно различных связей — генетических и физиологических. Механист-ламаркист, кроме физиологических закономерностей в живом организме, ничего не видит. Поэтому и генетическая связь в его глазах идентифицируется с физиологической.

Сходство между телесными клетками организма и его половыми клетками об'ясняется тем, что и те, и другие исходят из одного общего корня — из одной оплодотворенной яйцеклетки. Дети похожи на родителей потому, что яйцеклетка, из которой развился ребенок, и телесные клетки родителей когда-то составляли одно единое целое, одну единственную оплодотворенную половую клетку. Стало быть, сходство между родителями и деть-

ми об'ясняется не тем, что телесные клетки родителей и его половые клетки, из которых впоследствии развились его дети, в родительском организме находились в физиологической связи, а тем, что у этих клеток одно общее происхождение. Никто не станет утверждать, что постоянная физиологическая связь, существующая, например, между легкими и сердцем, сделает эти органы похожими друг на друга, между тем чего-то подобного требуют механисты, когда утверждают, что физиологическая связь между телесными и половыми клетками адэкватно индуцирует изменение от одних к другим. Связь между телесными и половыми клетками можно сравнить со связью между человеком и приматами. У тех и других имеется много сходных признаков, потому что они исходят из одного общего корня. Дальнейшие изменения развития каждой из этих ветвей идет независимо друг от друга. Таким образом, и на этот вопрос механическая концепция дает виталистический ответ, хотя мотивировка ответа несколько отличается от виталистической и местами звучит даже «материалистической» фразеологией.

Одно из первых мест в виталистической и механистической критике дарвинизма занимает проблема случайности и закономерности в эволюционном процессе. Вместо дарвиновской «теории случайности», теории «тихогенеза» выдвигаются различного рода теории «номогенеза», т.-е. «теории основанные на закономерностях». У нас в СССР, помимо виталистов и механо-ламаркистов, эту точку зрения особенно сильно поддерживают известные профессора Берг и Соболев, не считающие себя суб'ективно «ни виталистами, ни материалистами». Виталист Дриш, напр., сравнивает дарвиновскую теорию эволюции с попыткой построить дом путем простого бросания камней. Берг против дарвинизма приводит рассуждения стоика Бальба из цицероновской поэмы «О природе богов», утверждавшего, что всякий, кто считает, что мир наш, полный красоты и гармонии, сложился путем случайных столкновений, должен неизбежно допустить, что рассыпанные из ящика золотые литеры алфавита могут случайно сложиться в «Анналы» Энния. Подобные же рассуждения мы можем встретить и у механо-ламаркистов и у виталистов.

Как механисты-ламаркисты, так и механисты-виталисты отрицают дарвинизм, исходя из взгляда на случайность, как на суб'ективную категорию. Случайным они называют явление, причина которого им неизвестна. Как только причины обнаруживаются, явление перестает быть случайным. Об'ективно все в природе происходит с железной необходимостью, природа не знает случайности.

Подобного рода детерминизм, признающий одну лишь непосредственную необходимость и отрицающий об'ективный характер случайности, есть, по сути дела, разновидность теологического фатализма, ибо, поскольку все процессы необходимы и неизбежны, постольку они все заранее кем-то должны были быть установлены. С этой точки зрения данные органические формы фатально, с железной необходимостью вытекали из первобытной туманности, из которой развилась наша планета. Никакие внешние обстоятельства не могли свернуть развития органического мира с того пути, по которому оно шло.

Такое отрицание случайности, как об'ективной категории, есть идеология пассивности, квиетизма. В самом деле, если все в природе предопределено, с абсолютной необходимостью неизбежно, то человеку в ней абсолютно нечего делать,— сиди на своей кочке и жди своей участи, ибо все равно все будет так, как ему на роду написано. С этой точки зрения, революционному марксизму, ленинизму, очевидно, делать нечего.

Великая заслуга Дарвина заключается в том, что он первый «реабилитировал» случайность и показал ее огромную роль в процессе видообразо-

ния. Дарвинская случайность относится к закономерностям, основанным на множествах, на массовых явлениях, к так наз. статистическим закономерностям. Эти законы не дают возможности предугадать индивидуальное явление, но дают возможность предвидеть результаты, вытекающие из большого числа аналогичных фактов.

Так как современной физике при изучении микрокосма приходится довольно часто прибегать к статистическим закономерностям, приходится иметь дело с так называемой теорией вероятности, то отсюда некоторыми делается совершенно неосновательный вывод о принципиальном различии между закономерностями микро- и макрокосма: в последнем все детерминировано, все подчинено строгой закономерности, в то время как в первом все процессы только вероятны. Абсурдность подобной постановки вопроса становится очевидной, если принять во внимание, что единственным критерием, разграничивающим эти два ряда об'ективных явлений, выдвигается наша суб'ективная способность воспринимать или не воспринимать явления: все, что человеческий глаз, ухо и т. д. может воспринять, т.-е. все непосредственно воспринимаемое органами чувств—все это строго детерминировано, а все остальное в мире—от лукавого.

Подобная точка зрения стала просачиваться и в биологию. Ральф С. Лили, например, пишет: «Мы должны допустить существование ряда ультрамикроскопических явлений, уводящих нас далеко назад к тому миру, в котором на место известных нам видов физического детерминирования становятся иные виды детерминирования, специфические условия которых нам неизвестны. Несомненно, однако, что этот вид детерминированности содержит возможности, совершенно отличные от тех, которые нам известны из нашего опыта с явлениями, протекающими в пределах больших величин. Здесь совершаются такие процессы, которые, повидимому, могут быть названы свободными, т.-е. детерминированными скорее внутренне, чем внешне, хотя в настоящее время мы не в состоянии научно представить себе условия такого рода детерминизма». Этот «специфический внутренний детерминизм», или, просто говоря, эта свобода воли микрокосма, ничем принципиально не отличается от «плазматической души» Паули и Франсе, «сверхиндивидуальной души» Бехера, «жизненного порыва» Бергсона, «немеханической детерминации» Дриша и т. п. «Архиреволюционный» поход против «теории случайностей» за теорию «абсолютных закономерностей» процессов природы неизбежно приводит механистов к самой неприкрытой свободе воли, т.-е. к идеализму.

Пропасть, которая устанавливается виталистами между органическим и неорганическим миром, приводит многих из них к открытой проповеди анимизма, оккультизма, бессмертия души, перевоплощения ее и т. п. нелепостям. Прямо не верится, что такие вещи могли серьезно обсуждаться в научных журналах нашего времени. Приведем иллюстрации. Канадский профессор Д. Ф. Гаррис в 1924 году писал на страницах известного журнала «Scientia» следующее: «Мыслимо вполне, что душа может менять телесную оболочку, перевоплотиться при условии сохранения необходимой сложности структуры в целом. В этом смысле душа неразрушима или «бессмертна». Она может продолжать свое существование и после того, как связанная с нею «материя» вступит в новые сочетания, называемые смертью и разрушением. Если материя не разрушима, то более неразрушима супраментальная душа. В этом смысле душа выходит за пределы пространства и времени. Она занимает положение в пространстве, не будучи пространственно ограничена».

Комментарии к этим выпискам излишни. И это называется наукой XX века! И эта наука призвана, по мнению виталистов, покончить с дарвинизмом, который они третируют как «битую собаку».

Вот, что, напр., лет 20 тому назад возвестил миру один из крупнейших современных виталистов И. Икскюль. Он писал: «Мы стоим накануне научного банкротства, последствия которого необ'ятны. Необходимо вычеркнуть дарвинизм из ряда научных теорий... Биологи-экспериментаторы один за другим молча отворачиваются от дарвинизма. И вскоре за ними последует в этом и описательная биология... Возникли новые противоречия, которые до такой степени поглощают интересы биологов, что никто уже больше не желает на себя серьезно взять труд публично убивать и без того мертвый дарвинизм... Он мертв для нас потому, что ни один современный биолог-экспериментатор уже больше не интересуется его проблемами и утверждениями. Дарвинизм бесславно пал,—тот самый дарвинизм, который родился при звуках фанфар».

Стоит ли тут распространяться о том, что эта неслыханная претенциозность не имеет никакой почвы под ногами и что дарвинизм в настоящее время стоит крепче и несокрушимее, чем когда бы то ни было, и что успех дарвинизму обеспечивает именно современная экспериментальная биология, в первую очередь, современная генетика.

Физиология, бывшая основным резервуаром, из которого старый витализм черпал все свои «доказательства», в настоящее время настолько твердо завоевана материализмом, что даже такие крупные виталисты, как Бунге, Дриш и др., должны открыто признавать, что эта область человеческого знания никаких доказательств в настоящее время неовитализму представить не может. Но физиологии, в особенности физиологии центральной нервной системы, в настоящее время угрожает опасность со стороны механистической вульгаризации. В результате чрезвычайно тонкой и упорной работы физиологической школе академика И. П. Павлова удалось вскрыть целый ряд чрезвычайно важных закономерностей, участвующих в организации психики или, выражаясь терминологией этой школы,—поведения животных. На основе сравнительно небольшого количества прирожденных безусловных механизмов у животного вырабатывается целый ряд условных, нажитых связей, которые могут конкурировать с естественными механизмами и даже их заглушать. На фундаменте этих условных связей могут возникать новые связи второго порядка, на них—третьи и т. д. и т. п. Школе Павлова удалось установить чрезвычайно важные закономерности этих процессов. Результаты, достигнутые рефлексологией, являются богатейшим вкладом в современную науку. Но успех на этом фронте вскружил головы механистам. В работах Павлова и отчасти американской школы Шарингтона они увидели универсальный метод исследования явлений всего органического мира, в том числе и человеческого общества. Они и общественную деятельность человека стали выводить из рефлексов собак, над которыми работает школа Павлова. Мораль, этика, война, классовая борьба и т. п. стали интерпретироваться, как биологические, а не как социологические проблемы. Общественный человек стал низводиться до уровня обыкновенного животного. В изложении механистов-рефлексологов человек потерял свои специфические черты человека. Стали говорить о поведении «животного вообще». И неудивительно, что договорились до величайшей пошлости. Социальный дарвинизм пожинал богатую жатву. Не мало «марксистов» было вовлечено в эту механистическую свистопляску. Это была, по сути дела, сознательная или бессознательная организованная попытка заменить в социологии Маркса и Ленина академиком Павловым. В настоящее время, благодаря отрезвляющей критике диалектических материалистов, этот угар по-

немногу начинает спадать, универсализм снимается с рефлексологии, и она начинает занимать свое достойное и славное место частной физиологической науки.

Такую же по существу вульгарную механистическую установку мы можем отметить и в трактовках отдельных моментов человеческого поведения. Мы имеем в виду мораль, этику и т. п. Каутский еще раньше в своей «Этике», а сейчас гораздо яснее и четче в своем «Историческом материализме» выводит мораль и этику общественного человека из инстинктов дикого животного, которым он и об'ясняет эти явления человеческой деятельности. Другие, например, Л. Аксельрод, выводит эти явления из категорического императива, что, по сути дела, есть та же механистическая установка, что и у Каутского. Поскольку этот категорический императив есть такая же «апелляция» к животной природе человека, постольку и здесь мы имеем ту же механистическую биологизацию социологии. Механизм и здесь переходит в идеализм. Некоторые товарищи, например Фурщик, допускают другую ошибку. Они совершенно отрывают человека от его исторического прошлого. Правильно трактуя этику, как общественную категорию, эти товарищи не хотят видеть, что генетически, исторически она связана с общественными инстинктами, присущими некоторым видам животных. Означает ли это допущение отождествления нравственного закона с общественным инстинктом, как этот вопрос трактуется у Каутского? Конечно, нет. Эта мысль утверждает только генезис, истоки так называемого «нравственного закона». Она указывает на его корни и ничего больше, точно так же, как ссылки на животное происхождение человека указывают только на его происхождение, но ни в коем случае не отождествляют человека с животным. Вопросы морали, этики и т. п.—чрезвычайно важные вопросы. Они недостаточно еще разработаны философами-марксистами, а биологами-марксистами—даже и совсем не затронуты.

Этот краткий перечень проблем, который ни в коем случае нельзя считать исчерпывающим, свидетельствует о том, какую огромнейшую роль играют методологические проблемы в биологии. Два метода стоят друг против друга: дарвинизм против витализма. Витализм нашел себе союзника в лице механизма. Не трудно предвидеть исход этой борьбы. Наши указания на существующие попытки разрешения перечисленных проблем свидетельствуют с убедительностью, не допускающей никаких сомнений, что механистическое оружие борьбы против воинствующих витализма, мистики и поповщины—совершенно негодное оружие. Оно не годится потому, что, по сути дела, другими путями ведет к тому же самому витализму и мистике. Чтобы преодолеть этот реакционный поход на науку, нужна неуклонная борьба на два фронта: против витализма и против механизма. Революционный метод Маркса и Энгельса, его неуклонная последовательность служит нам гарантией, что победа на этих фронтах нам обеспечена.

III. Самокритика как основной метод работы.

Классовый характер науки, ее сугубая партийность, нередко завуалированная туманом «ученых» фраз, заставляет нас быть сугубо осторожными в оценке теоретических положений буржуазной науки. С этой точки зрения прямо-таки издевательством над марксизмом и прямой поддержкой буржуазии является излюбленный лозунг механистов «естествознание само себе философия». Приведенные выше примеры наглядно показывают, насколько современное естествознание «об'ективно» и какова его «надклассовая» философская сущность.

Пять лет ожесточенной борьбы марксистов-ленинцев против механических извращений диалектического метода, граничащих с полным отказом от основных положений марксизма, сыграли огромную роль в развитии нашей философской мысли, хотя, с другой стороны, несомненно несколько ослабили наше внимание на некоторые актуальные проблемы, стоявшие в это время в порядке дня нашей партии и нашего государства. Эта долгая борьба оттачивала наше боевое орудие, сосредоточила внимание партийной и советской общественности на философских проблемах марксизма, выработала у нас более глубокие подходы к многим проблемам марксизма, заставляла глубоко продумывать многие вопросы, над которыми раньше не совсем задумывались. Все это двигало нашу революционную теорию вперед. У нас нет никаких оснований отказываться от пройденного пути или пересматривать генеральную линию, которую проводила партия в борьбе против механистов.

На повороте, который в настоящее время проделывает марксистская философия в связи с колоссальными задачами, стоящими перед партией и страной, особое внимание должно быть обращено на принципиальную марксистско-ленинскую выдержанность нашей философской генеральной линии. Уступки в принципиальной линии или смазывание этой линии чревато большими практическими последствиями. Никаких принципиальных уступок, никаких отступлений от завоеванных позиций, никакого примиренчества к разбитым механистическим осколкам!

Вместе с тем мы должны немедленно выровнять фронт, наверстать упущенное, исправить собственные промахи и ошибки и двигаться дальше на основе генеральной линии диалектического материализма. Социалистическое строительство требует от философской марксистской мысли теоретической разработки конкретных проблем индустриализации страны, классовой борьбы, вопросов коллективизации, а от нас, биологов, помимо методологической работы также и теоретической и практической работы в области сельского хозяйства, животноводства, растениеводства и т. п., а также активного участия в культурном строительстве и антирелигиозной борьбе. Занятые борьбой с механистами, мы не всегда уделяли должное внимание этой работе. За прошедшие пять—шесть лет партия вела ожесточенную борьбу за ленинскую линию с троцкизмом и с правыми и «левыми» уклонами. Эта борьба не всегда находила достаточное отражение в нашей философской литературе. До последнего времени у нас не было ни одного исследования философских корней троцкизма. Мы не уделяли достаточного внимания борьбе с рубинщиной и переверзовщиной. Все это отчасти случилось еще и потому, что все эти извращения марксизма шли по линии той или иной конкретной науки. Резолюция, принятая об'единенной фракцией Общества воинствующих материалистов и Института философии считает необходимым предостеречь товарищей, работающих в области философии марксизма, от возможного отрыва от жизни и рекомендует каждому философу работать в какой-нибудь конкретной области науки. Осознание и об'ективная оценка своих собственных промахов и ошибок нам необходимо, само собой понятно, не для самобичевания. Самокритика предохранит нас от повторения старых ошибок, уменьшит до минимума всегда возможные новые ошибки и облегчит дальнейший наш рост. Самокритика втянет нас в более активное участие в нашем великом строительстве. Самокритика есть рычаг дальнейшего нашего движения вперед. И кто этого не понимает, тот ничего не понимает в большевизме.

В области биологии у нас также были и есть значительные упущения. Было бы детской наивностью или самым непривлекательным комчванством думать, что мы, пионеры в области марксистской методологии естествознания, сразу родились на свет готовыми, вполне сложившимися марксистами.

мы шли и даже продолжаем итти ощупью, мы учились и учимся на ходу, уча в то же время других. И вполне естественно, что, несмотря на все наши старания, мы не всегда в состоянии давать вполне отчеканенные формулировки и законченные решения. Ошибок своих нечего стесняться, их нечего замазывать. Мы учимся коллективно друг у друга и всякие товарищеские указания на ошибки мы должны принять с благодарностью и немедленно их выправить. Автор этих строк в начале своей научной деятельности допускал примиренческое отношение к вульгарно-механистическому ламаркизму. В настоящее время само собой разумеется он не допустил бы таких формулировок, какие иногда встречаются в его более ранних работах.

На марксистской биологии лежит почетная и ответственная задача— быть застрельщицей на антирелигиозном фронте за атеистическое воспитание широких трудящихся масс. Многие из нас, в том числе и автор этих строк, принимают посильное и не малое участие в этой работе. Но как коллектив, как целое, мы почти не ставили перед собой этой задачи. Это упущение нужно немедленно преодолеть. Наши общества и научно-исследовательские институты должны связаться с рабочими массами для непосредственной атеистической работы среди них под руководством Союза безбожников. Из рук вон плохо обстоит также дело популяризации естествознания. На рынок то-и-дело выбрасывается материал довольно сомнительного качества, который не просвещает, а калечит неопытного читателя. Нам нужно поднять интерес к просветительству, заинтересовать им широкие слои научных работников, ибо в наших условиях культурничество есть большое политическое дело.

Триумфальное шествие генетики, разрешение ею многих проблем, казавшихся раньше почти неразрешимыми, огромное ее практическое и теоретическое значение для биологии вскружило головы не только буржуазных ученых, но и некоторых марксистов. Вместо того, чтобы отдать должное генетике, как частной биологической науке, некоторые товарищи об'явили ее методологией биологии, «продолжением марксистского метода» в биологии. Больше того, генетика как метод исследования стала переноситься в науки об обществе. В теоретической и практической медицинской и биологической работе все, что не связывается с генетикой, нередко об'является крохоборчеством, ничего не стоящим делом. Тов. А. С. Серебровский, давший очень много советской генетике, в своем увлечении последней серьезно уверяет, что «если подсчитать, какое количество сил, времени, средств освободилось бы, если б нам удалось очистить население нашего Союза от различного рода наследственных страданий, то наверное... пятилетку можно было бы выполнить в $2\frac{1}{2}$ года». И это выдается за стопроцентный марксизм и пускается в качестве ведущей, передовой статьи в журнале! Далее, тот же тов. Серебровский полагает, что «решение вопроса об организации отбора у человека будет распространение получения зачатия от искусственного осеменения рекомендованной спермой, а вовсе не обязательно от любимого мужчины». Идеалом коммунизма с точки зрения тов. Серебровского, таким образом, является лишение человечества половой связи или обязательное применение противозачаточных мер и установление «искусственного осеменения», ибо естественная половая связь, очевидно, не мирится с планом «искусственного осеменения рекомендованной спермой», так как потомство в данном случае получится не штампованное, не стандартное. Мы хорошо знаем тов. Серебровского и не думаем обвинить его в ханженстве, но мы вынуждены подчеркнуть здесь его непростительную наивность и легкомыслие в данном вопросе. «Искусственное осеменение» является таким образом ведущей, основной закономерностью будущего коммунистического общества. Пренебрежение диалектикой мстит за себя. Только лишение живого человека его живых специфических черт в угоду универсальности гене-

тического метода могло привести тов. Серебровского к такой обывательщине. Формалистический, бездушный подход, генетическое рассуждательство «вообще», попытка «универсализировать» генетику, применять ее где угодно, — все это превращает эту славную молодую отрасль биологии в бесплодную смоковницу, в пустышку, в пустые обывательские разговоры. Подобный «универсализм» приводит тов. Серебровского к результатам совершенно обратным тем, каких он добивался. Вместо апологии генетике у него получилась ее дискредитация. Генетика имеет огромное значение именно в своей ограниченной области биологических явлений, и медвежью услугу оказывают ей те товарищи, которые пытаются расширить круг ее действительного применения до вселенских размеров. Борясь при помощи генетики с вульгарно-механистическим ламаркизмом, эти товарищи не замечают, как раздутый ими генетический универсализм приводит их в то же вульгарное механистическое болото.

IV. Советская биология и великая социалистическая стройка.

Великое строительство социализма, развертывающееся таким невиданным темпом в нашей стране, открывает невиданные горизонты и для биологии. В советской стране немыслим тип старого биолога в скорлупе, не вылезающего годами на свет из своей лаборатории. Биолог в советской стране есть прежде всего общественник-биолог. Культурная революция, входящая как один из моментов в общее строительство социализма, пред'являет большой социальный заказ советской биологии. Необходимо усилить плановую работу по внедрению основ естествознания, в частности биологии, в широкие массы трудящихся. Каждый трудящийся в нашей стране становится активным, **сознательным** строителем новой жизни. Выкорчевывается старый быт, об'явлена беспощадная война вековой темноте, невежеству, религиозному мракобесию. Пролетарий сможет стать действительно свободным, когда освободится от гнетущего кошмара прошлого. Биологии в этом деле культурного высвобождения человечества из капиталистического мрака принадлежит почетное место. Пропаганда среди широких масс непосредственно на фабриках и заводах, а также у себя в институтах, основ естествознания и атеизма должна стать повседневной работой каждого советского биолога, так же как и его занятия в лаборатории.

Колоссальные сельскохозяйственные задачи, стоящие перед нами, требуют от советской биологии огромной практической работы и в то же время открывают для этой работы такие огромные возможности, каких мы не видим ни в одной другой стране. Вопросы животноводства, растениеводства, селекции, генетики и многие другие вопросы практической биологии, так остро стоящие перед нами, должны получить широкую разработку в наших институтах и лабораториях, при этом темпы этой работы должны быть изменены и согласованы с пятилетним планом нашего строительства. Наши институты еще мало раскачались. Система социалистического соревнования нашла здесь недостаточное развитие и несомненно отстает от фабрик и заводов. Стыдно сказать — многие институты еще не выработали для себя пятилетнего плана и работают по-старинке. Госплан до сего времени не имеет пятилетки научной работы и пятилетки по кадрам.

Колхозное и совхозное строительство открывает перед экспериментальной биологией удивительно благоприятные перспективы работы. Концентрация огромных количеств скота в отдельных пунктах дает возможность ставить научную работу в колоссальных размерах. Ни в одной стране нет таких возможностей, как у нас. Советские биологи должны использовать это обстоятельство немедленно.

Большие задачи стоят перед биологией в области народного здравия. гигиены труда, физиологии и патологии человека и психотехники. Бережливое отношение советского государства к трудящемуся населению требует разработки многих проблем биологии человека. Широкая сеть профилактических предприятий и диспансеризация нуждаются также в биологической разработке. Проблемы питания чрезвычайно важны в советском государстве. В советской стране мы можем уже приступить к подготовке материалов для будущей социалистической евгеники.

Но все эти работы упираются в одну, чрезвычайно остро стоящую у нас проблему. Мы имеем в виду проблему кадров в области биологии. Чтобы овладеть биологией и перестроить ее на марксистских началах, чтобы выполнить весь этот грандиозный план строительства, а также чтобы провести широкий план научного атеистического воспитания трудящихся масс, нужны опытные, серьезные строители, знающие свое дело. Между тем в этом отношении дело обстоит из рук вон плохо. Острая нужда в кадрах. чувствующаяся на всех участках нашей стройки, особенно сильно чувствуется именно здесь—на биологическом фронте. Стоит указать. что самый мощный в СССР I МГУ, являющийся основным поставщиком кадров для всех научно-исследовательских институтов, всего выпустил за последние 5—6 лет что-то около полутора десятков коммунистов-биологов. Из этого количества незначительная часть только осталась на теоретической работе,—большинство ушло в практическую, технологическую биологию. Еще меньше народу окончило за это время остальные единичные физматы, имеющиеся у нас в стране. Материальное обеспечение окончивших физматы чрезвычайно низко. В научно-исследовательских институтах совместительство процветает, как нигде. Можно наверняка сказать, что нет ни одного работника, у которого бы не было минимум трех совместительств. Такое положение не может не отразиться на качестве и продуктивности работы.

Занятия с молодыми научными работниками ведутся слабо. Особенно страдает их марксистская подготовка. У нас нет кадров для подготовки кадров. Воспитание научной молодежи в подавляющем большинстве случаев находится в руках людей, для которых марксизм — terra incognita, а нередко бывает, что не только марксизм, но и вся наша советская система власти со всем ее грандиозным строительством также книга за семью печатями. В таких условиях происходит подготовка нужных нам кадров в области естествознания.

Нужна широкая раз'яснительная работа среди комсомола о необходимости и важности научно-исследовательской работы для социалистического строительства. Комсомол должен дать стране нужные ей научные кадры, и он, несомненно, их даст.

Несмотря на все трудности, стоящие перед нами, мы под руководством большевистской партии несомненно добьемся того, что пьяная, забитая темная бывшая «Расея» будет в самом недалеком времени превращена в самый культурный очаг мира, несущий избавление всему человечеству от его капиталистических язв. Порукой этому служит многолетний славный победный путь нашей славной ленинской партии.

К кризису современной медицины.

С. Левит.

Медицина, бывшая еще недавно сравнительно небольшим комплексом наук о болезнях человека, их индивидуальном предупреждении и лечении, за последние годы бурно развивает сферу своего влияния, охватывая понемногу ряд смежных с ней наук, имеющих дело с человеком здоровым и с его коллективом. Такие области, как охрана материнства и младенчества, организация питания и жилища, физкультура, гигиена труда и воспитания, психотехника и профотбор, демография, евгеника и евфеника, все учение о поведении личности и др. стали, целиком или частично, неот'емлемыми частями (по крайней мере в СССР) единого комплекса дисциплин — медицины. Это обязывает. Ибо уж простой перечень упомянутых наук, из которых почти каждая уходит своими корнями в теоретическую биологию и в то же время тесно переплетается с проблемами социальными, показывает абсолютную необходимость четкой марксистской методологии как для действительно плодотворного движения вперед, так и для целей революционной практики. Две опасности вырисовываются при этом с совершенной отчетливостью: это, во-первых, полная биологизация медицины, выхолащивание ее социально-классового содержания и, во-вторых, прямая ее противоположность — отрыв от теоретических основ биологии и неизбежно связанные с этим пустословие, беспомощный эмпиризм и эклектика. Задача диалектического синтеза высших достижений биологии с четкой классовой установкой в вопросах социальных—по плечу лишь одной марксистско-ленинской теории. И, наоборот, игнорирование материалистической диалектики неизбежно должно, несмотря на частичные успехи, в конечном счете, привести к беспомощному топтанию на месте, к мелкому «научному» делячеству и к реакционной практике.

Современная медицина Запада не только насквозь реакционна, в смысле своего социального содержания, но и весьма далека от многих новейших достижений биологии. Вряд ли когда-либо, какая-либо наука переживала такой глубокий кризис, какой мы наблюдаем сейчас в буржуазной медицине. Невероятный хаос мнений и суждений, отсутствие основных руководящих принципов, которые служили бы путеводной звездой для конкретных исследований, обилие упадочнических идеалистических (и граничащих с мистицизмом) теорий,—вот характерные черты современной буржуазной медицинской мысли. И это относится не только к рядовым ученым и к рядовым врачам: тон в этом отношении задают «корифеи» науки. На 89 с'езде немецких естествоиспытателей и врачей (1927 г.) никто иные, как знаменитый хирург Зауэрбрух и видный патолог Эрнст, констатировали бессилие научных методов и призывали к интуиции, к телеологии, договариваясь до апологии религии. В том же духе высказываются такие авторитеты, как Крель и Ашоф. В своей нашумевшей книге «Врач и его призвание» Лик, радостно возвещая, что естествознание и врачи, «подняв паруса, выплывают из пустыни материализма в царство света», дает такой совет читателю

«Никто не должен заниматься научной работой, не овладев некоторыми философскими понятиями, *прежде всего понятием фикции»* (стр. 109. Разрядка наша. *С. Л.*). В солидном немецком журнале мы читаем в 1929 г.: «Медицина представляет собой четырехгранную пирамиду. Ее четырьмя сторонами являются: исследование природы, философия, искусство и р е л и г и я»[1] (Разрядка наша. *С. Л.*).

Тот же автор продолжает: «Кризис медицины будет преодолен, когда врачи будут не только людьми образованными, но когда они холодное и безличное знание пропитают искусством и религиозностью». А Лейпцигский институт истории медицины устроил зимой 1928 г. ряд диспутов по принципиальным вопросам медицины (выступали с докладами известные профессора: Бругш, Гроте, д-р Лик и др.), при чем характерно, что слово «кризис» фигурировало во всех докладах. Вот что мы читаем у одного из докладчиков (Gurt Elze. Der anatomische Gedanke): «Физики признали, что современное состояние их науки не может поддерживать веру в покоящуюся на точных законах каузальность материального мира... Разве может при этом биолог, врач быть больше физиком, чем сами физики». И дальше: «То, что можно исследовать разумом, необходимо исследовать, но при всем том остается обязанность и счастье мыслящего человека чтить непознаваемое». Конец его речи гласит: «Через боковую дверь анатомической мысли медицина снова вступила в храм Асклепия. Она уразумела, что анатомическая мысль есть лишь «подчиненная сторона»; пусть она осознает это, пусть она мыслит и исследует, благочестиво чтя святого бога»[2]).

Подобные заявления отнюдь не единичны: разговоры о кризисе почти не сходят со страниц медицинской печати последних лет и почти неизбежным спутником их являются размышления о религии, о непознаваемом, о бессилии науки, о телеологии и пр. Наскоро заготовляются и земные рецепты против существующих затруднений: знаменитый хирург Бир, а за ним и многие другие стали находить утешение в гомеопатии; видный клиницист Ашнер призывает серьезно задуматься над магнетопатией, цыганской медициной, телепатией и пр. Превалирующий же лозунг большинства философствующих корифеев (а к изучению философии призывают решительно все)—«назад», назад к Гиппократу, к Парацельсу, назад от лаборатории к постели больного, от науки к искусству, к интуиции[3]).

В чем причина этого хаоса, этой свистопляски невежества, сумбура, безверия, уныния и реакции? Не может быть никакого сомнения в том, что основную движущую силу этого идеалистического потока следует искать в тех классовых отношениях, которые складываются сейчас на Западе, в усиливающемся экономическом кризисе, в назревающей в связи с этим революционной волне. Но если правильно в указанных явлениях искать общую причину кризиса теоретической мысли, то было бы сугубо недостаточно при анализе последнего ограничиться только этим: для понимания тех форм, которые принял современный кризис, для действительного преодоления последнего мы не можем ограничиваться одной лишь критикой идеализма и поповщины, включая даже абстрактный призыв к изучению и внедрению диалектического материализма. Для достижения этих целей необходимо рассмотреть те конкретные затруднения, перед которыми стоит современная медицина и, пользуясь единственно научной, марксистской методологией, помочь науке выбраться из того лабиринта, в котором она очутилась.

---

[1]) Buttersack, Die ärztliche Krisis. «Münch. med. Woch», 1929, S. 1413.

[2]) Grundlagen und Ziele der Medizin der Gegenwart. Leipzig 1928, S. 21—22.

[3]) Интересно отметить, что в Германии недавно организованы издательство и журнал имени Гиппократа, поставившие себе специальной целью пропаганду упомянутых идей.

Выше мы указывали, что медицина находится на стыке биологических и социальных наук. И совершенно естественно, что незнание или игнорирование закономерностей и тех и других неизбежно приводит к тяжелым противоречиям.

Основой здравоохранения Запада является частная медицина. Последняя определяет и кругозор и образ действий частнопрактикующего врача (а таковых подавляющее большинство). Буржуазному врачу Запада чужды широкие социально-профилактические мероприятия, ибо последние, как средство действительного оздоровления трудящихся масс, естественно, не стоят в порядке дня. Проблема индивидуального лечения и, в лучшем случае, индивидуальной профилактики определяет размах его теоретических исканий. А это влечет за собой, во-первых, привязанность врача к идеологии господствующих классов, ибо вполне понятно, что лишь последние являются выгодными, «солидными» покупателями его знаний, его опыта. Но этого мало. Сплошь загруженный мыслями о «лучшем лекарстве» для индивидуального потребителя, он поневоле чурается широкой научной постановки проблем. Он вынужден это делать потому, что действительные достижения науки сплошь и рядом дают основание сомневаться (а то и отрицать) эмпирически, с такой затратой труда, придуманную терапию. Он боится заглянуть в глаза действительности, ибо последняя готова поиздеваться над его кропотливым трудом. И он мечется в бессилии, готовый кидаться в об'ятия то знахарству, то «народной медицине», то «дальновидению» и прочей чертовщине. Не помогают, однако, и последние, и разочарованный потребитель все более отворачивается от ученого эскулапа. И в безвыходной тоске Ашнер, например, задается вопросом: как это могло случиться, что амбулатории знаменитых врачей пустуют, в то время как шарлатаны (и это в «культурном» Западе) численно все растут и пользуются все большим успехом?[1]. И отвечает: надо пересмотреть наше отношение к «неофициальной» медицине (гомеопатии, теософской и антропософской медицине, магнетопатии, народной медицине, экзотической медицине и др.), вероятно там не все гнило[2]). Отсюда его призывы к «конституционной терапии», под каковой разумеются все способы, улучшающие «соки организма» и входящие в арсенал «неофициальной» медицины. Отсюда крики «назад к Гиппократу», к «кразам» и «дискразиям» (порчам соков), разговоры о «непознаваемом», о бессилии науки и то робкие, то смелые призыва к божеству[3]).

Октябрьская революция одним взмахом сняла эти противоречия. Она вывела врача из душного кабинета частной практики и взвалила на его плечи огромные общественные, революционные задачи. Она создала и создает все достаточное и необходимое для ликвидации, в первую очередь, всей экзогенной (обусловленной внешней средой) патологии и всех тех препятствий, которые стоят на пути к выявлению всех положительных биологических потенций трудящихся масс. Ликвидация высокой смертности (особенно детского возраста), эпидемий, являвшихся бичем старой царской России, профзаболеваний (интоксикаций, промышленного травматизма) — вот первые задачи, которые поставила революция перед врачебной массой и которые с энтузиазмом подхвачены последней. Но этого мало. Революция создала все возможности для рационально организации труда и отдыха, для широкого санитарного просвещения масс, для построения нового, здорового жилища, для таких форм воспитания вновь подрастающих поколений, которые дей-

[1]) По его мнению ⅘ всего человечества пользуется «неофициальной» медицинной.

[2]) Bernnard, Aschner, Die Krise der Medizin, Hippokrates-Verlag, 1927, S. 13

[3]) Интересно отметить, что видный немецкий клиницист Гольдшейдер, разбирая тот же вопрос, видит одну из причин роста знахарства в... «современной пролетаризации врачей» («Боевые вопросы врачевания», Гиз, 1929, стр. 61).

ствительно гарантируют наиболее полное выявление лучших потенций личности, для рациональных психотехнических мероприятий и профотбора. Она, наконец, создает невиданные до сих пор формы быта — в домах-коммунах, колхозах, социалистических городах, в организации которого не последнее место должны занимать (и занимают) врачи. Все это совершенно новые проблемы, никогда не стоявшие перед врачами, проблемы, которым в вузах их не обучали (да и сейчас обучают мало) и разрешению которых приходится учиться находу, в повседневной практике. И в этих вопросах революционная теория в основном идет впереди практики. Ибо весь тот запас знаний, которым мы сейчас владеем, говорит о возможности разрешить эти задачи при том условии, когда государственная власть находится в руках пролетариата, когда создаются все экономические предпосылки для ликвидации эксплоатации и нищеты народных масс, когда лозунгом страны строящегося социализма является «догнать и перегнать». Нет ни малейшего сомнения, что с перечисленными задачами мы справимся в сравнительно быстрый срок и что уж очень недалек тот момент, когда по этим вопросам буржуазные страны смогут многое позаимствовать у нас (а многому они в этом отношении могли бы уже сейчас у нас поучиться). Речь идет при этом, само собой разумеется, не только о формах организации нашего здравоохранения (которая для капиталистического общества просто недоступна), но и о его **р е з у л ь т а т а х**. Уже сейчас мы имеем ряд показателей, говорящих об огромных наших достижениях. Если вспомнить, что детская смертность является одним из чувствительных показателей социального и в частности санитарного благополучия населения (до ⅓ всех случаев смертности приходится на долю маленьких детей) и что, например, по Москве мы имеем (на 100 родившихся) вместо 26,8 смертей на первом году жизни в 1911—1913 гг. и вместо кульминационной цифры последних лет 34,4 в 1919 г. поразительно быстрый темп снижения в годы восстановления нашего хозяйства (в 1927 г.—13,9), то вряд ли можно будет сказать, что мы слишком оптимистичны в своей оценке. Не менее четко обрисовываются наши успехи по линии бича старой царской России—инфекционных болезней. Мы имеем, например, ясно выраженное снижение заболеваемости сифилисом (56,3 зарегистрированных заболеваний на 10.000 населения в 1913 г. и 26,8 в 1928 г.), дизентерией (31,4 и 3,0 за те же годы), брюшным тифом (26,6 и 6,91) и др. Если, далее, вспомнить, что смертность в старой России была значительно выше, чем во всех других капиталистических странах и что, в противоположность этому, например, «Украина за 2–3 года снизила смертность сельского населения на 15%, что поставило ее уже к 1928 г. в положение ряда иностранных государств» [1]), то факт наших быстрых успехов в деле оздоровления трудящихся масс вряд ли может вызвать сомнения. Вряд ли можно также сомневаться в том, что лишь диктатура пролетариата создала действительные предпосылки для этих достижений.

Сказанное, однако, отнюдь не означает, что теоретическая сторона **в с е х** указанных выше проблем уже разрешена и что остается лишь их конкретное оформление: совершенно несомненно, что каждый реальный успех в какой-либо из перечисленных выше областей (которые все вместе можно условно об'единить термином социальной профилактики) ставит новые проблемы перед теорией, каковая, разрешая их, в свою очередь по-новому ставит задачи прикладные, конкретные. Но общая, генеральная линия здесь ясна: социализм (и только он) делает действительно плодотворным все мероприятия по оздоровлению трудящихся масс. И надо продолжать внедрять в сознание врачей ту мысль (отчасти ими уже усвоенную), что, участвуя активно в строительстве социалистического здравоохранения, на основе ди-

[1]) Из находящейся в печати статьи А. М. Волкова.

ректив партии и сов. власти, он этим самым делает революционное, марксистско-ленинское дело, что всякая недооценка социально-профилактических мероприятий есть по сути дела отражение контрреволюционной идеологии, что нечего заниматься выдумыванием какого-то особого «сверх-марксизма», что все попытки в этом отношении (а таких «прожектов» имеется не мало), отвлекая внимание от актуальных задач социалистического здравоохранения, фактически льют воду на мельницу врагов коммунизма и марксизма. Больше конкретности, четкости, поменьше фразеологии,—вот наши лозунги в перечисленных вопросах.

Изложенное выше приводит нас, естественно, к вопросу: а есть ли кризис медицины у н а с, снимаем ли мы нашей теперешней практикой здравоохранения в с е наболевшие у врачей вопросы, являются ли распространенные у нас теории биологии и патологии вполне на той высоте, которая требуется (или в ближайшем будущем потребуется) для разрешения в с е х вопросов социалистического здравоохранения? На эти вопросы мы столь же решительно должны ответить: кризис есть и у нас, теоретическая мысль и у нас отстает от многих проблем, актуальность которых или уже сейчас сказывается, или скажется в ближайшем будущем. И разрешение этих проблем лежит далеко за пределами того комплекса теоретических представлений, которые являются пока наиболее у нас распростганенными, уходя своими корнями в огромной важности методологические проблемы, служившие в течение последних лет предметом наших споров с механистами.

Вернемся опять к медицине Запада. Выше указывалось на бурно процветающий там идеализм. Последний (во всех видах и оттенках) является, однако, отнюдь не единственным мировоззрением, с которым мы там встречаемся: самые причудливые его сочетания с механизмом являются правилом. Больше того, можно смело утверждать, что если кризис капитализма является фактором, определяющим бурный расцвет идеализма, теологии и мистицизма, то не малую роль в том же направлении играет до сих пор широко распространенное среди естественников и врачей механическое миропонимание, бессильное справиться с теми новыми проблемами, которые в современной биологии и патологии постоянно возникают. Обозревая течения мысли и успехи патологии последних лет, видный немецкий патолог Герксгеймер приходит к следующему выводу: «Финально-телеологический способ мышления» (автор выше поясняет, что речь идет об имманентной телеологии) «не отвергается большинством современных ученых, которые снова постепенно приходят к выводу, что этот способ мышления является составной частью наших естественно-научных представлений и исследований» [1]). В чем же видит автор причину необходимости возврата к телеологии? «Так как,—пишет он,— в период неожиданного развития естествознания стало господствующим чисто-материалистическое миропонимание [2]), согласно которому все процессы природы поддаются чисто-физико-химическому об'яснению, то теологические или финальные об'яснения и выражения стали считаться в естествознании и в медицине не научными»... «Интересно, однако, что не только в биологии, но также в физике и химии»... «п р е к р а щ а е т с я г о с п о д с т в о м е х а н и з м а (разрядка автора. *С. Л.)* и что, вместе с тем, снова получает значение телеология». Не имеющий представления о философии диалектического материализма, буржуазный ученый видит единственный выход из кризиса, связанного с крахом механизма, в телеологии.

Но механическое миропонимание (в подавляющем большинстве случаев стихийное), как указано выше, широко распространено и среди врачей

---

[1]) H e r x h e i m e r, Krankheitslehre der Gegenwart. S. 15—16 Verl. v. Steinkopf. Dresden u. Leipzig 1927.

[2]) Автор (как, впрочем, и другие буржуазные ученые) отождествляет материализм с механизмом.

и находит свою конкретизацию в отношении нас здесь интересующих вопросов в отрицании дарвинизма (в особенности, селекционной теории), в ламаркистских концепциях всех толков и направлений (в частности, в наивной вере в наследование благоприобретенных признаков) и в пренебрежительном отношении к достижениям современной генетики. Здесь не место касаться всех вопросов, по которым за последние годы у нас велась дискуссия по линии биологии с механистами (в частности, с ламаркистами), тем более, что по этим вопросам имеется уже солидная литература. Остановимся лишь на некоторых из них и, в первую очередь, на отношении ламаркизма (не психо-, а механо-ламаркизма) к идеализму.

Верно ли, что механо-ламаркизм есть на нынешнем этапе наших знаний действительно материалистическая теория, гарантирующая от идеалистических шатаний и могущая (как многие товарищи склонны, например, интерпретировать значение опытов Каммерера) служить нам боевым знаменем в борьбе с идеализмом? На этот вопрос мы себе не только позволим ответить отрицательно, но скажем больше: в настоящее время механо-ламаркизм перерастает в идеализм, смыкается с последним.

Смычка эта идет, главным образом, по линии проблемы органической целесообразности. Марксизм не отрицает последней, он стремится ее об'яснить. И нет более гениального ее об'яснения, чем теория отбора Дарвина. Именно это обстоятельство отметил Маркс в знаменитом своем письме к Лассалю, когда он писал, что теорией Дарвина «не только нанесен смертельный удар телеологии в естественных науках, но и эмпирически выяснено ее разумное значение» [1]. Отрицание же роли естественного отбора в происхождении приспособительных изменений организмов ведет к одному из двух путей: или к абсурдному отрицанию самого факта существования целесообразных структур и функций, или же к идеализму, поскольку заставляет предполагать наличие у животных и растений имманентной способности к целесообразному реагированию на воздействия среды, каковые, по мнению ламаркистов, являются причиной происхождения наследственных признаков. В этом пункте механо-ламаркизм смыкается с имманентной телеологией. И логически вполне последователен идеалист Берг, когда он, солидаризируясь с механическим пониманием жизни и заявляя себя сторонником ламаркизма, вместе с тем, неоднократно подчеркивает, что «целесообразность есть основное свойство живого» [2] (разрядка Берга. *С. Л.*). В противоположность этой идеалистической концепции, более чем когда бы то ни было, твердо стоит селекционная теория Дарвина. Против же изначальной целесообразности мы обладаем в настоящее время не только методологическим оружием:—весь громадный опыт современного учения о наследственной изменчивости говорит о том, что мутации идут во всевозможных направлениях, являясь в значительном большинстве случаев вредными для их обладателей в данных условиях их существования и безжалостно отметаются отбором. И лишь немногочисленные, случайно возникающие и полезные изменения являются материалом для положительной селекции и для исторического возникновения приспособительных признаков.

Сказанное имеет непосредственное отношение и к вопросам патологии. Ибо лишь дарвинизм способен нанести сокрушительный удар бесконечной болтовне о «защитных силах организма», о vis medicatrix naturae («исцеляющей силе природы»), которыми столь пестрят философствования медиков. И это в одинаковой мере касается как трансцендентного, так и имма-

---

[1] Маркс и Энгельс, Письма. Ред. В. В. Адоратского, 1922, стр. 82.
[2] Л. С. Берг, Номогенез, Петербург 1922 г., стр. 6.

нентного понимания этих мистических «сил»: последнее, видимо, и имеет в виду известный патолог Ашоф, когда он, отстаивая защитный характер воспаления (в этом, несомненно, есть доля истины), понимает под защитой «не телеологию в смысле особой жизненной силы, но внутреннюю телеологию в органическом смысле» [1]).

Однако, решительно борясь со всеми идеалистическими толкованиями целесообразности отдельных феноменов в патологических процессах, мы должны не менее резко разоблачить и механистическое упрощенство, которое иногда принимает крайне левую позу, попросту отрицая самую постановку этой проблемы. Вот образчик такого упрощенства. В «Материалах к VII Московскому губернскому с'езду врачей» мы читаем такой тезис: «Диалектический метод разоблачает в биологии и, в частности, в медицине витализм, скрывающийся под якобы, «целесообразностью» и «специфичностью» явлений (например, теория Мечникова и Эрлиха об иммунитете), противопоставляя такому подходу «связь формы с отправлением» (Лесгафт)» [2]). Не все грамотно в приведенном абзаце, но не это обстоятельство нас здесь интересует. Мы привели его затем, чтобы проиллюстрировать, как «легко» (фактически одним лишь заключением в кавычках) некоторые разделываются с проблемой целесообразности, нелепо противопоставляя последней ламаркистское понимание «связи формы с отправлением». Такая «легкость», однако, лишь дискредитирует марксизм и нисколько не продвигает нас вперед. И уже поскольку речь идет об иммунитете, целесообразность которого (относительная, конечно) очевидна, необходимо пытаться ее об'яснить. И никаких других средств для этого, кроме теории отбора, мы не имеем. Необходимо, однако, помнить, что одним лишь голым декларированием этой теории мы вперед продвигаемся очень мало. Необходимо, следовательно, для решения этой проблемы вопрос расчленить и пытаться отдельно его решать: а) для «естественного», наследственного иммунитета и б) для индивидуально-приобретенного, при чем последний пункт необходимо опять-таки дифференцировать в двух направлениях: 1) механизм выработки иммунных тел в ответ на внедрение инфекции и 2) факт сохранения приобретенного иммунитета надолго (иногда на всю жизнь) после выздоровления. Необходимо далее (особенно для пункта «а») исследовать приспособление в процессе эволюции как макро-, так и микроорганизма.

Здесь не место останавливаться более детально на этом частном вопросе. Но и сказанного достаточно для понимания сложности этой проблемы. Если к тому же прибавить, что она еще с фактической стороны совершенно не разработана, то станет ясно, сколь много нам предстоит в этом (и многих аналогичных) вопросе сделать в борьбе как с идеалистами (с их декретированными «защитными силами»), так и с механистами и ламаркистами (с их голым игнорированием проблемы целесообразности или с упрощенным, неисторическим ее решением).

Сказанное в отношении проблемы целесообразности есть лишь небольшая часть тех вопросов, в которых современная медицина сталкивается с теоретической биологией и решение которых перерастает в проблемы методологические. Одним из наболевших для медика вопросов является вопрос о соотносительной роли клинического и лабораторного методов исследования. Господствовавшее до недавнего времени механистическое миропонимание видит в сведении процесов жизни к физико-химическим закономерностям единственный способ познания этих процессов. Эти тенденции

---

[1]) Aschoff, «Münch. med. Woch.», 1928, № 6.

[2]) «Еженедельник отдела здравоохранения Московского Совета Р., К. и К. Д.» 1928 г., №№ 15—17, стр 227.

получили свое отражение в медицине в уродливой гипертрофии физико-химических методов исследования, в отходе (а иногда в забвении) от изучения целостной личности больного, в пренебрежительном отношении к клинике. Крах механизма не замедлил сказаться и в этом вопросе, и вред этих увлечений ясно осознан большинством врачей. Но, как это неизбежно случается при отсутствии четких методологических основ—одна крайность сменила другую и крики «назад из лаборатории к постели больного» все чаще раздаются на страницах медицинской печати.

Можем ли мы присоединиться к этому лозунгу (кстати сказать, на Западе неизбежно разбавляемому разговорами об «откровении» врача, об интуиции и пр.)? Вряд ли могут быть сомнения в этом вопросе. Безусловно, лабораторные методы, методы анализа, никогда не исчерпывают всего своеобразия каждой индивидуальной личности. Но если часть не заменяет целого, то частью (об'ективной действительности) оно не перестает от этого быть. И познание этой части нас приближает к пониманию целого. Приближает, но не исчерпывает и не заменяет изучения целого. Мы должны поэтому истерическим возгласам «назад» противопоставить свой лозунг: «Вперед вместе с лабораторией», не растворяя в ней закономерностей целого, пользоваться ею как **одним** из путей для познания целого.

Еще более наболевшей является проблема «организм-среда» и, в частности, роль последней в происхождении физиологических особенностей и патологических признаков человека. «Среде» у нас за время революции повезло. Не дифференцируя понятия среды (для человека, как целого, для его половых клеток, для заключенных в последних материальных основ наследственности—хромосом, для генов, как частей последних), ею оперируют «вообще», в ней стремятся найти (и «находят») фактор, определяющий все биологические особенности организма. Мало того, некоторые наивно думают, что подобная концепция есть единственно-революционная, единственно-марксистская и что, отступая от нее, мы неизбежно скатываемся в лагерь идеализма и поповщины. В связи с этим, довольно широко распространенным является взгляд о якобы реакционности генетики, трактующей о генотипическом, наследственном строении организма. Подобный взгляд является отражением общего механистического миропонимания, которое отрицает качество и специфические, присущие последнему закономерности, которое не понимает противоречивых процессов, протекающих внутри системы и являющихся источником ее движения (изменения) и которое вынуждено, вследствие этого, искать причину этого движения обязательно **вне** системы. Но подобная концепция ничего общего не имеет с марксизмом. Вот, что мы читаем по этому вопросу у Ленина: «Движение» и «самодвижение» (это NB! самопроизвольное (самостоятельное) спонтанейное, внутренне необходимое движение), «изменение», «движение и жизненность», «принцип всякого самодвижения», «импульс» к «движению», и к «деятельности»—противоположность «мертвому бытию»—кто поверит, что это суть «гегелевщины»?.. «Эту суть надо было открыть, понять, спасти, вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс» [1]).

Проблема источников движения имеет актуальнейшее значение и для современной биологии и патологии. В частности, по интересующему нас здесь вопросу о происхождении генотипических особенностей организма (нормальных и патологических) борются в современной биологии две основные линии. Это, во-первых, ламаркистская концепция о наследовании благоприобретенных (под влиянием среды в широком смысле этого слова) признаков и дарвинистская (генетическая)—о мутационном процессе. Мутации, согласно этой последней точке зрения, закономерно возникают в **любой**

[1]) Ленинский Сборник IX, стр. 127—129.

среде, в значительной мере автономно от последней, являясь следствием тех процессов, которые разыгрываются внутри материального субстрата наследственности—хромосомного комплекса. Среда, окружающая организм, может, соответственно трансформируясь внутри организма и его половых клеток, лишь ускорять, усиливать (или, наоборот, замедлять) спонтанейно протекающий процесс [1]). Но если признавать и бо́льшую роль среды в мутационном процессе (по этому вопросу, кстати, нет единства и в мнениях генетиков), то уже во всяком случае нельзя себе так упрощенно представлять дело, что хорошие условия жизни являются источником ценных мутаций (одаренности, силы и пр.), а плохие—наоборот. Такое воззрение отодвигает нас лет на тридцать назад, в до-генетическую эру, в период, являющийся в этом смысле младенческим в истории развития биологии.

Здесь не место развивать весь тот арсенал доказательств, которым изобилует современная биология и которые камня на камне не оставляют от механистического упрощенства ламаркистской теории. В марксистской литературе последних лет это уже сделано с достаточной полнотой. Необходимо, однако, признать, что мы недостаточно популяризировали новейшие достижения биологии, чем только и можно об'яснить то обстоятельство, что подавляющее большинство врачей (равно как педагогов, зоотехников и др.), плетясь в хвосте у своих коллег Запада, продолжает оставаться в плену у механизма и научной обывательщины, а некоторые видят в ламаркизме чуть ли не символ революционной веры.

Не случайно, однако, спор между ламаркизмом и дарвинизмом или, вернее, спор за или против новейших достижений биологии заострился к концу восстановительного периода, на рубеже его с периодом реконструктивным. Не случайно потому, что успех грандиозной реконструкции всего народного хозяйства немыслим вне использования всех новейших достижений научной мысли. Поэтому в наших условиях борьба против ламаркизма и за генетику становится борьбой революционной, поскольку игнорирование ее достижений может затормозить наше быстрейшее продвижение вперед по пути к социалистическому строительству.

Каковы же те медицинские проблемы, по которым совершенно четко намечается стык с генетикой и по которым требуется быстрейшая ревизия укоренившихся механистических представлений? Их много. Остановлюсь лишь на главном.

Это, во-первых, проблема этиологии (причин болезней). Необходимо срочно пересмотреть широко распространенное воззрение, что среда является единственным источником, как болезней, так физиологических и психических особенностей организма. Подобное воззрение, представляя собою в проблеме причинности частный случай общей механической концепции (причина как обязательно внешнее в отношении к реагирующей системе), является одним из решающих факторов современного кризиса медицины и расцвета на этой почве идеализма и агностицизма. Логика философствующих медиков в этом пункте, примерно, такова: раньше все было ясно. Была эпоха бактериологии, которая в микробах и других внешних факторах открывала причины одной болезни за другой; теперь бактериологическая эра кончилась, происходит даже сужение числа болезней, считавшихся прежде чисто-инфекционными; говорят о конституциях, о внутренних причинах, но нет путей к их отысканию. Отсюда разговоры об

[1]) Здесь речь не идет о другой роли среды,—как фактора отбора и, следовательно, эволюции. Создавая путем отбора новые органические формы, среда создает и новый диапазон изменчивости их. В этом смысле роль среды в мутационном процессе огромна.

иррациональном, о непознаваемом и пр. И, поддерживая эту в значительной мере уже поблекшую идею о всемогущей роли внешней среды, наши «ламаркисты» по сути дела льют воду на мельницу идеализма.

В этом пункте генетика идет на помощь кризису, давая мощное и. по сути дела, глубоко диалектическое орудие для его преодоления. Верно, что часть болезней является следствием внешних, случайных в отношении организма, факторов (инфекции, интоксикации, травмы и т. п.), но именно лишь часть. В другом ряде случаев внешняя среда является лишь реализатором, усилителем соответственного генотипического дефекта (роль, напр., нерационального питания и нервных травм при диабете). И. наконец, в третьей категории случаев роль внешней среды ничтожна или практически равна нулю. Болезнь (или физиологический, психический признак) является во втором и третьем случае следствием одного или многих генов, заложенных в зародышевой плазме и происшедших (все равно.—у данного лица или у кого-либо из его предков) мутационным путем. И ничего мистического, иррационального в этом нет. Ибо мутационный процесс есть одна из универсальных об'ективных закономерностей живой природы. И когда нам удается какой-либо частный случай свести к этой закономерности, мы говорим, что мы приблизились к познанию этого явления. Приблизились, но не познали, ибо следствием одного и того же мутационного процесса является, скажем, и одаренность, и раннее слабоумие. и гигантизм, и карликовый рост, и рыжая борода, и отсутствие пигментации (альбинизм) и предрасположение к некоторым формам туберкулеза и стойкость в отношении к ним и многие другие нормальные и патологические признаки. Недостаточно, следовательно, для познания этих явлений одно лишь констатирование их генотипической обусловленности: необходимо итти дальше и пытаться на ряду с общим (мутационным процессом) находить особенное, частное, специфичное для данного конкретного признака. Современное состояние генетики дает пути и для решения этих проблем. Огромный накопленный ею фактический материал говорит о том, что эти особенности зависят, во-первых, от того. какая точка, какой хромосом затронуты мутационным процессом; во-вторых, от влияния всего генотипа как целого на ген (или сумму генов), обуславливающих данный признак; в-третьих, от тех внешних условий, в которых развивается данный организм. Все эти условия создают вместе специфический механизм индивидуального развития, который обуславливает появление именно данного признака с данными конкретными особенностями.

Сказанное является лишь небольшой частью из числа тех проблем медицины, в которые врывается современная биология и генетика, способствуя изживанию ползучего эмпиризма и ликвидации кризиса.

Когда, например, уже вышецитированный анатом Эльце не видит путей для познания с в о е о б р а з и я течения какой-либо болезни в каждом конкретном случае, когда он вследствие этого приходит к пессимистическому выводу, что «никакая анатомия, никакая физиология, никакая патология, никакой клинический метод исследования не дает возможности познать единичное, как целостное явление», что «в отношении к этому единичному разум бессилен, ибо оно доступно лишь искусству врача, то и по этому, как и по многим другим вопросам, современная генетика представляет нам большие возможности для плодотворных конкретных исследований [1]).

---

[1]) См. по этому поводу нашу статью «Генетика и патология», «Медико-Биолог. Журн.» 1929 г., № 5.

Но эти большие возможности таят в себе и значительные опасности, преодолевать которые по плечу лишь методологии диалектического материализма. Дело в том, что именно среди генетиков особенно процветает архиреакционное псевдонаучное учение, биологизирующее общественные отношения (и медицину в частности), пытающееся законами биологии оправдать классовый гнет, эксплоатацию трудящихся масс, варварские насилия над колониальными народами и пр. Речь идет о буржуазной евгенике. Нет более отвратительной «науки». Это от нее исходит учение о якобы генотипической неполноценности трудящихся масс и колониальных народов, это отсюда вытекает следствие о превосходстве буржуазии и дворянства над рабочим классом и белых народов над цветными, это отсюда идет воспевание «благодетельного» «естественного» отбора, имеющего место в капиталистическом обществе и пр. и пр. Волна этой реакции не миновала и СССР. На страницах «Русского Евгенического Журнала» еще сравнительно недавно звучали (правда, в несколько завуалированной форме) аналогичные нотки. В других местах высказывались сомнения в том, может ли рабочий класс осилить буржуазную культуру, посильно ли, например, рабочему обучение на рабфаке и т. п. И как это ни странно, но методология этого мракобесия ничем не отличается от той, которою пользуются «упразднители» мутационного процесса в коммунистическом обществе. И тут и там—отрицание специфичности качества, и тут и там—механическое сведение одних категорий к другим,—с той лишь разницей, что в одном случае мы имеем растворение социальных закономерностей в биологических, а в другом—наоборот. Необходимость борьбы на два фронта—самоочевидна.

Но вместе с водой не следует выплескивать и ребенка. И об'являя беспощадную борьбу буржуазной евгенике, особенно вредной для международного пролетариата, а также в наших условиях, в условиях массовой вербовки кадров социалистического строительства из среды широчайших трудящихся масс (в частности, национальных меньшинств) мы не должны отказываться от использования евгеники в наших интересах. И мы должны, мы обязаны, не ослабляя борьбы против евгеники буржуазной, немедленно приступить к разработке евгеники социалистической.

Мы далеко не коснулись всех больных сторон современной медицины, всех пунктов стыка ее с философией. Но и сказанного достаточно, чтобы показать, сколь много, во-первых, работы предстоит еще проделать материалистической диалектике, чтобы вывести медицину из тупика и что, во-вторых, эта работа не может быть оторвана от политических задач рабочего класса. За или против марксизма, за или против интересов социалистического строительства, за или против новейших завоеваний теоретической биологии,—для современной медицины означает за или против своего собственного прогресса, за или против изживания той гнили на Западе, свидетелями которой мы в настоящее время являемся.

От одной, однако, ошибки следует усиленно предостерегать товарищей, собирающихся внедрять марксизм в естественные науки,—это от ошибки формального манипулирования законами диалектики и чисто схоластического его «применения» к указанным областям. Об этой опасности следует особенно громко кричать теперь, когда марксизм быстро расширяет сферы своего влияния, когда мы наблюдаем огромный интерес к нему со стороны естественников всех специальностей. Когда, например, С. Я. Вольфсон, анализируя кризис современной медицины и, в частности, вышеупомянутую дискуссию о соотносительной роли лабораторных и клинических методов в деле исследования больного, приходит к неожиданному выводу, что «лаборатория и клиника».... «это взаимно-проникающие противоположности» и что «единство этих противоположностей устанавли-

вается диалектикой» [1],—то он этим оказывает плохую услугу и медицине, и марксизму. Поменьше не раскрытых в своем содержании формул, побольше внимания (и знания) к конкретным, актуальным проблемам—и марксизм победит окончательно, ибо нет (и быть не может) другой методологии, могущей справиться с глубочайшим кризисом современного естествознания.

[1] С. Я. Вольфсон, Диалектический материализм и медицина, стр. 38, Минск 1929 г.

Психотехника в СССР за последние годы

И. Шпильрейн.

Об'ективные условия, в которых развивалась психотехническая работа в СССР, сильно изменились за те три года, которые прошли со времени первого психотехнического с'езда, бывшего первым смотром наших сил и достижений в СССР.

Обстановка в 1927 г. была такова, что довольно еще значительная безработица даже среди людей, обладающих некоторой квалификацией, делала неактуальной попытки профессиональной ориентации или планового государственного руководства распределением рабочей молодежи по специальностям. Задача психотехника по необходимости осталась бы здесь не ориентационной, а консультационной и поэтому практическая полезность психотехнической работы была оценена только теми ведомствами, которые непосредственно имели дело с массовым отбором и распределением внутри уже сложившихся организаций, главным образом, в армии и отчасти на транспорте. Самая эта работа была также мало специфичной для СССР. Так же, как и в капиталистических странах, отдельные промышленные или прочие организации ставили перед собой задачу профессионального отбора и выполняли ее в меру сил и возможности. Плановые принципы нашего хозяйствования ни в какой мере не выявились при этой работе.

В обоих этих отношениях обстановка в настоящее время сильно изменилась. С одной стороны громадная потребность в рабочей силе вызывает неимоверный рост спроса на непосредственно профориентационную и профконсультационную работу психотехников. С другой стороны, самый этот спрос не может уже регулироваться так, как он регулировался прежде, т.-е. только с точки зрения заинтересованных предприятий. Подбор рабочей силы оказывается недостаточным. Проблема кадров, грозящая оказаться узким местом социалистического строительства, заставляет рассматривать профессиональный подбор не как самоцель, а только как часть общей проблемы подготовки кадров. Задача психотехника в настоящее время не только отобрать и направить, но и помочь наилучшим образом подготовить рабочего для социалистического строительства.

Период реконструкции принес с собой полное изменение основных задач психотехника. Эти задачи рассматривались очень многими, как вполне совпадающие с задачами профотбора. Таким образом, с одной стороны неправомерно сужался об'ект психотехники, которую пытались ограничить только одной частью ее работы, с другой стороны — как бы считалось возможным ограничиться исключительно психотехническим профотбором, недоучитывая все прочие точки зрения (соматически-медицинскую, социальную), которые играют роль при профессиональном отборе.

Специфичность новых условий, в которых проходит психотехническая работа, заключается также в том, что только в период реконструкции нашего хозяйства на социалистических началах, мы, психотехники, в нашей повсе-

дневной работе сталкиваемся с совершенно новыми требованиями, отличными от тех, которые пред'являют предприятия буржуазных государств к работникам нашей специальности и которые почти в неизменном виде пред'являлись и предприятиями Советского Союза. Дело в том, что там, где психотехнику приходится работать не в интересах отдельного предприятия, отбирая для него наилучших рабочих из всегда полного рынка труда, а в качестве работника государства, в плановом порядке распределяющего и подготовляющего рабочую силу,— там одна только успешность работы не является уже методологическим ее оправданием. Действительно, если в результате профессионального отбора какая-нибудь школа комплектовалась молодежью более подготовленной, а не более одаренной, преподаватели этой школы со своей узкой точки зрения имели все основания быть довольными результатами отбора. Педагогический процесс ускорялся, процент отсева уменьшался. Между тем методологическая неправильность отбора, который вместо испытания профессиональной пригодности превращался в испытание знаний, естественно, не может не отозваться на народном хозяйстве в целом там, где такой профессиональный отбор становится массовым явлением, и не может не привести к извращению классового принципа отбора. В тех тестах (методах испытаний), которые мы вначале перенимали без существенных изменений от иностранных авторов, часто в самой причудливой форме перемешаны элементы испытания знаний и испытания одаренности. Действительно, буржуазные психотехники не заинтересованы в том, чтобы проводить резкую грань между этими двумя элементами психотехнического испытания. Наоборот, если в результате психотехнического испытания на высшую должность в промышленности и в армии продвигаются только лица, получившие лучшую школьную подготовку, т.-е. принадлежащие к более состоятельным классам населения, то классовый принцип буржуазного государства соблюден. Разве не естественно, чтобы командные должности в армии и в промышленности занимались представителями господствующего в стране класса? Но как раз этот же принцип классового отбора является грубо нарушенным такими тестами в наших условиях. Поэтому применение в неизмененном виде в наших условиях, например, тех тестов, при помощи которых в американской армии отбирались кандидаты в офицерские школы во время империалистической войны, привело бы у нас к полному извращению классового принципа и к фактическому препятствию орабочиванию командного состава армии. На этом одном примере видно, как необходимый пересмотр применявшихся методов, в связи с отличием нашего строя от буржуазного, привел нас к постановке методологических проблем.

Точно так же необходимость привела к постановке методологических проблем и в других областях психотехники. Так, исследования изменчивости (утомления, упражнения) в наших условиях с полной ясностью показали и прежде всего на практике, как недостаточны чисто-регистрационные, биологические методы, применявшиеся для этих исследований до самого последнего времени. Никакое чисто-соматическое исследование утомления и упражнения не может об'яснить нам таких фактов, как психогенное утомление, как значительное возрастание производительности при изменении социальных условий без вреда для организма рабочих, как значительно большая производительность свободного труда по сравнению с несвободным.

Все это привело по необходимости к пересмотру знаменитой теории о «человеческой машине» и понятия физиологии труда. Совершенно ясно, что физиология труда — понятие механистическое, основанное на нескладном переводе французского выражения «physiologie du travail». Это выражение следовало перевести на русский язык «физиология работы». Действительно, только работа, т.-е. чисто-энергетическая часть трудового процесса, может

изучаться физиологией, тогда как труд, как социальное явление, относится к области изучения наук, изучающих высшие формы жизненных явлений. Трудовой процесс предполагает сознательное активное участие рабочего в нем и не может быть изучен без учета сопутствующих ему явлений сознания. Эти методологические соображения, которые выплыли в психотехнике лишь в самое последнее время, в связи с ростом ее значения и в связи с изменением характера спроса на ее работу (т.-е. с новым социальным заказом, предъявляемым нашим хозяйством), заставили также психотехников в самое последнее время принять участие в тех спорах в области психологии, которые до последнего времени никак не отражались в психотехнике. Действительно, поскольку в психотехнической практике мы ограничивались установлением успешности нашей работы для оправдания применявшихся нами методов, мы не нуждались в теоретически методологическом их оправдании. Но по мере того, как все яснее становится, что одна практическая успешность не оправдывает еще применяющихся методов, по мере того, как возникают новые принципиально методологические вопросы в психотехнике, споры, бывшие до сих пор актуальными только для психологов, приобретают основное методологическое значение и для психотехников. Так, вопрос о взаимоотношениях между социальным и биологическим в психотехнике, выплывший в процессе анализа результатов психотехнических исследований, оказался связанным с вопросом об определении места психотехники среди других психоневрологических наук. Это заставило поднять общий вопрос о том, насколько же разрешен спор о «социологическом» и «биосоциальном», т.-е. взаимоотношениях социального и биологического в психоневрологических науках. Ответ на этот вопрос должен быть разделительным. П с и х о т е х н и к а, как наиболее социальное крыло этих наук, действительно, заслуживает названия науки социально-биологической, в которой социальная дифференциация изучаемых явлений имеет примат по значимости перед дифференциацией биологической.

Такая разделительная постановка проблемы, естественно, заставляет нас в психотехнике выступить против тех часто бесплодных и совершенно оторванных от всякой реальности споров о «социально-биологическом» или «биосоциальном» характере «психоневрологии» вообще, споров, которые в течение многих лет велись между психологами, недоучитывавшими значения дифференциации внутри группы психоневрологических наук и пытавшимися определить психологию и разрешить основные философские проблемы ее чисто-умозрительно, без учета всегда реальной, конкретной и дифференцированной действительности.

Вот почему проходившая под лозунгом борьбы против цитатизма психотехническая настороженность к часто бесплодным спорам между психологами, фактически была точкой зрения лиц, научившихся уже изменять мир и не находивших у представителей той науки (психологии), которая должна была создать психотехническую теорию, методологического обоснования своей работы. Вышло как раз наоборот: ведя несколько лет теоретические споры о природе и основных проблемах своей науки, психологи (называвшие себя так, чтобы подчеркнуть свою теоретическую значимость в отличие от психотехники) не дали новых экспериментальных фактов, новых наблюдений, которые позволили бы создать марксистскую теорию психологии. Между тем, в практике психотехнической работы как раз и встретились те новые и специфические проблемы, которые должны были лечь в основу методологического исследования в психоневрологических науках. Именно на основании наблюденных психотехниками фактов был дан методологический анализ дифференциации внутри группы психоневрологических наук. Этот анализ, с одной стороны, показал, что спор о «биосоциальном» или «социально-биоло-

гическом» характере психоневрологических наук не может быть решен «вообще», применительно ко всем этих наукам. С другой стороны, он показал и то, что совершенно ошибочно считать основной проблематикой психоневрологических наук вообще только те проблемы, которые были основными для Вундта и непосредственных продолжателей его учения. Вопрос о роли самонаблюдения, вопрос о конкретных взаимоотношениях некоторых групп психологических и физиологических явлений и тому подобные вопросы были действительно важнейшими методологическими вопросами для Вундта и его последователя у нас, Челпанова. Но эти вопросы являются подчиненными в марксистском наукоучении, для которого материалистическое обоснование всех фактов не является больше дискуссионной проблемой так же, как не является дискуссионной проблемой и факт существования сознания и обусловленности этого сознания материальными причинами.

Именно психотехника в своих последних исследованиях, накопившая достаточно фактов для теоретического их охвата и не могущая по самому характеру своей направленности отвлечься от конкретной действительности, именно психотехника дала теоретической психологии ту новую зарядку, ту новую проблематику, касающуюся взаимоотношения социального и биологического, которая должна быть центральной в нашей группе наук, занимающих промежуточное положение между науками биологическими и социальными. Показателем этого нового значения психотехники является та переоценка ценностей, которая происходит на наших глазах во всех смежных с ней науках. Так, мы видим, что психологи, еще недавно считавшие, что теоретическая их направленность выгодно отличает их от психотехников, в настоящее время все без исключения занимаются психотехническими проблемами. Мы видим, что педологи, до сих пор ограничивавшиеся только провозглашением лозунга «целостности», под давлением психотехнической критики вынуждены сейчас спешно перестраиваться для того, чтобы расшифровать это чисто-формальное определение, что марксистское наукоучение в применении к науке о сознании, именно в психотехническом преломлении, получает свое конкретное оформление потому, что только сознание человека в его конкретном поведении и в конкретных условиях общества может являться об'ектом познания, на котором оттачивается методологическое оружие марксистской психологии.

Путь развития советской психотехники от чисто-методических и технических успехов через оформление политического лица советского психотехника к построению методологических оснований своей работы был путем совершенно сознательного в своей последовательности развития. С самого начала психотехнической работы у нас — в 1921 и 1922 гг. — мы уже ясно ставили вопрос о вехах, которые должны были определять собой пути прикладной работы советской психотехники. Политическая ориентация советских психотехников с достаточной ясностью выразилась и в резолюциях первой всесоюзной психотехнической конференции в 1927 г. Точно так же методическое и политическое лицо советских психотехников было с большой ясностью показано в выступлениях советских психотехников на международных конференциях 1927 и 1928 гг.

1929 год был годом перелома, годом, когда впервые были поставлены задачи марксистского методологического овладения тем психотехническим материалом, который до того был недостаточно богат, чтобы позволять такое оформление. Значение этого методологического первенства психотехники для постановки психологических проблем я пытался подчеркнуть в моем докладе о психотехнике в СССР на IX международном конгрессе по психологии в Нью-Гевене в 1929 г. И, наконец, чисто-методологическое значение психотехники и попытка марксистского овладения ею и уже сознательного

построения психотехнической теории на основе марксистской методологии выразилась в докладах советских психотехников — Сыркина и Шпильрейна на VI международной конференции по психотехнике в Барселоне в 1930 г. В обоих докладах подчеркивалось значение психотехники, как наиболее социального крыла социально-биологических наук, и необходимость резкого отказа от попыток построить чисто-биологическую теорию психотехники и указывалось на необходимость внести в традиционные методы психотехники те изменения, которые вытекают из новой трактовки ее и из того специфического оформления, которые она должна получить там, где «социальный заказ» на ее работу дается не капиталистами, а строящим социалистическое государство рабочим классом.

Эти изменения должны, конечно, привести к падению тех искусственных, т.-е. не заложенных в существе изучаемых об'ектов разграничений, которые существуют между такими родственными науками, как педология, психология, экспериментальная педагогика и психотехника.

Определение места каждой из этих наук в группе наук о человеке — первая работа, за которой должны последовать серьезные сдвиги в терминологии и в классификации этих наук.

Философский фронт на Украине.

В. Юринец.

Марксистская философская мысль на Украине встретилась в начальном этапе своего развертывания с целым рядом неблагоприятных обстоятельств, которые нужно было преодолеть, чтобы полным ходом перейти к творческой и плодотворной работе. Теоретически вооруженных в полном совершенстве марксистских кадров было немного, они были распылены по всем крупнейшим центрам Украины, перегружены повседневной практической работой. Их пришлось сначала собирать, дабы создать один мощный ударный кулак.

Началю осуществления этой исключительно важной задачи было положено осенью 1921 года, после ликвидации, в основном, фронтов гражданской войны. Тогда-то была создана, при помощи содействия ЦК КП(б)У, по инициативе нескольких товарищей, первая на Украине научно-исследовательская кафедра марксизма и марксоведения в Харькове.

Среди вопросов, которые разрабатывала кафедра, философские проблемы стояли на первом месте. Кафедра проделала за первые годы своего существования необычайно большую работу: она сконцентрировала вокруг себя все выдающиеся научные марксистские силы на Украине, она создала определенный кадр аспирантуры, марксистскую смену, которая сможет философскую марксистскую мысль поднять на дальнейший, высший этап своего развития.

Эта начальная работа дала возможность преобразовать кафедру марксизма в 1924 году в Украинский институт марксизма с тремя отделениями — философским, экономическим и историческим, к которым в 1926 году присоединилась еще кафедра национального вопроса на правах отделения. Философско-социологическая работа сконструировалась в философско-социологическом отделении. Первые трудности были преодолены — но они не исчезли совсем. Кадр научных работников был все-таки недостаточен; огромное развитие вузовской работы, большое внимание, которое уделялось преподаванию диалектического и исторического материализма в них, предъявлял и к научным работникам и аспирантуре отделения, относительно немногочисленной, такие запросы преподавательского характера, что научная серьёзная работа могла вестись ими только спорадически, носила статейный или научно-популярный характер и не поднималась до уровня солидной монографии. А задачи философского фронта росли.

Мелкобуржуазная идеологическая стихия прорывалась порой и в наши коммунистические ряды в виде националистических лозунгов, главным образом, на участке литературы (хвильовизм), прикрываясь иногда извращенной псевдо-марксистской диалектикой, прибегая порой к «философским» построениям теоретиков украинского фашизма. Украинский фашизм, будучи по существу зоологическим национализмом, выступил в лице Донцова во всеоружии современной буржуазной философии. Своего теоретического обоснования он искал и в интуитивной философии Бергсона, в теории социального мифа

Сореля, в философских воззрениях Зиммеля, в «исторической морфологии» Шпенглера. Это была уже не доморощенная теория; она разоделась во все пестрые облачения современной философии упадка, блистающей яркими красками разложения, пятнами буржуазного трупа. Она создала целую плеяду публицистов, поэтов, иногда одаренных немалой силой экспрессии (конструктивист-динамист Маланюк, Бабий и др.), разливая ручейки яда и грязи украинской интеллигенции. На мусорных задворках эмиграции создается и «своя» «украинская» философия. Ее основные центры: Чехо-Словакия и берлинский «Ukrainisches Wissenschaftliches Institut», субсидированный известным палачем украинских рабочих и крестьян Гренером, другом Скоропадского. Белоэмигрант Чижевский пишет свою «Историю украинской философии», которую он рассматривает как саморазвитие «украинского духа», издает «Логику» в духе марбургской неокантианской школы; проф. Олянчин пишет немецкую работу о Сковороде, представляя этого рационалиста как чистого мистика, Мирчук на страницах польского философского журнала излагает свои теории о славянской философии. Около них подвизаются на философском поприще Балей, Старосельский, клерикал-фашист Костельников. Эта реакционная философская волна перехлестывает отчасти и к нам; не будучи в состоянии выступать открыто, она ведет свою работу очень осторожно. Проф. Ладыженский в 13—14 книгах «Записок Исторического Филологического Отделения Всеукр. Академии Наук» по поводу Сковороды, пользуясь его именем, как прикрытием, развивает цельную идеалистическую философскую ситему. Подобные явления мы встречаем в изданиях кафедры европейской культуры в Харькове. Грушевский на страницах своей «Генетической социологии» предпринимает целый поход против Энгельса, его взглядов на первобытное общество, извращая соответственным образом теорию исторического материализма. Акад. Ефремов, герой СВУ, в своих критических работах усердно развивает теории суб'ективного метода в социологии. Проблема материализма и идеализма стоит все время незримо, но тем не менее угрожающе, в борьбе стилей, течений на литературном фронте.

Весь этот комплекс явлений требовал и все настоятельнее требует напряженной и многосторонней работы марксистской мысли, и в первую очередь философской мысли. На первом этапе эта работа выражалась главным образом в популяризации основ марксизма. В этом отношении большую роль сыграла марксистская хрестоматия тов. Семковского и целый ряд написанных ил небольших работ по основам марксизма. В то время целым рядом товарищей (Рохкин, Семковский) была освещена роль Фейербаха для генезиса марксизма. Писались конспекты по историческому и диалектическому материализму, составлялись планы, программы, тезисы, распространяемые в десятках тысяч экземпляров среди вузовской молодежи и рабочих масс. Пошла первая серия переводов на украинский язык работ Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, еще без вполне научного, солидного аппарата, с установкой на наивозможно большее распространение. Капитальных работ еще не было; не было даже серьезного теоретического журнала, где ставились бы углубленно те или другие проблемы философии марксизма-ленинизма. Положение изменилось, начиная с 1924 года. Появились первые ростки научно-исследовательской работы. Позиции философии в СССР, после краткого периода некоторого влияния богдановщины и мининщины, были прочно завоеваны. Философия начала играть опять доминирующую роль. Область, куда было в первую очередь направлено ее внимание на Украине—было естествознание. Там был непочатый край работы, там наследие наших основоположников было меньше, нежели в секторе общественных наук («Диалектика природы» Энгельса, гениальные конспекты Ленина не были еще опубликованы), между тем опасность наступлений идеализма и фидеизма именно в этих областях, в связи с сильными традициями влияний буржуазной профессуры и почти полным

отсутствием марксистских кадров естественников, была очень велика. Серьезность положения усугублялась еще тем обстоятельством, что современное естествознание, особенно физика, вошло в фазу бурного развития, обнаружив одновременно методологический кризис, запутываясь в противоречиях, возникающих из него, — что сейчас же старалась использовать идеалистическая философия (неокантианство, махизм, прагматизм, фикционализм). Этот поход диалектики на естествознание нашел свое выражение в диалектико-материалистическом истолковании теории относительности Эйнштейна со стороны тов. Семковского. Популяризуя сначала теорию относительности в небольшой брошюре (стенограмма доклада, прочитанного на об'единенном заседании научно-исследовательских кафедр, он потом в 1926 году сконцентрировал свои мысли в большом исследовании «Теория относительности и диалектический материализм», где он вполне убедительно привел доказательства тому, что теория Эйнштейна не только не колеблет основ диалектического материализма, а, наоборот, дает в его руки еще новое, острое оружие. Теория относительности имеет тем большее значение, что она доказывает полную несостоятельность механического материализма. Семковский вполне убедительно вскрыл абсурдность кантианского или махистского истолкования открытий Эйнштейна.

В 1926 году начал выходить орган Украинского института марксизма-ленинизма «Прапор марксизму» (Знамя марксизма), где начали появляться и работы из области философии. В первых же номерах этого журнала появились работы тов. Юринца (напечатавшего раньше на страницах московского журнала «Под Знаменем Марксизма» работы о Гуссерле, фрейдизме и марксизме) об «Немецкой идеологии» Маркса-Энгельса» и другие. Тов. Семковский поместил в первом же номере названного журнала начало работы «Что нового внес Ленин в диалектический материализм». Развернулась шире работа в самом Институте, где рядом с философской кафедрой была создана и кафедра социологии. При кафедре философии была открыта отдельная комиссия методологии естествознания, которая начала об'единять украинских марксистов естественников, прежде всего молодых исследователей, при кафедре социологии начала работать комиссия истории украинской буржуазной социологии, а потом секция истории и техники. Издательская деятельность была поставлена еще слабо, главное внимание было направлено на доклады, иногда очень ценные и на широкую массовую работу (общества воинствующих материалистов еще не существовало).

В 1925 году, как известно, началась теоретическая борьба между механистами и диалектиками. Вопросы, затронутые в этой борьбе были глубоко принципиальны; дело шло о самых основах методологии марксизма. Постепенно, начиная от Москвы, все крупные центры Союза были втянуты в борьбу. Связь механизма с правым уклоном в партии не была тогда еще фактом, но убеждение, что чисто-теоретический уклон должен выродиться в политический у всех марксистов, знающих учение Ленина и партийность философии, было очень живо. Отсюда страстность и непримиримость в спорах, в которых широкой фалангой выступали уже молодые кадры.

Внешним толчком для широкой философской дискуссии была статья молодого научного работника Украинского института марксизма-ленинизма, тов. Демчука, напечатавшего в органе ЦК КП(б)У «Бильшовик Украини» (№ 9—10 за 1928 г.) «Как профессор Семковский ликвидирует диалектический материализм». В названной статье т. Демчук вскрыл целый ряд ошибок механистического характера в работах и выступлениях тов. Семковского: он упрекал т. Семковского в недооценке значения философии Гегеля для построения материалистической диалектики, в неправильном толковании проблемы случайности, в немарксистском освещении проблемы отношения

психического к материальному, в пропаганде аксельродовщины, наконец, в философском примиренчестве, выразившемся в предисловии к книжке богдановца Руднянского, в неправильной трактовке проблемы пустоты. Ответом на эту статью был большой доклад т. Семковского в Украинском институте марксизма-ленинизма «Ликвидация диалектического материализма и неликвидированная марксистская безграмотность». Этот доклад и послужил поводом для продолжительных прений, в которых высказались почти все без исключения научные работники и аспиранты Института. Не соглашаясь с теми или другими положениями т. Демчука (проблема пустоты и т. д.), все единодушно высказывали убеждение, что механистические извращения у тов. Семковского налицо и что с ними нужно принципиально и беспощадно бороться. Вопрос о борьбе с механистами стал в порядок дня II всесоюзной конференции научно-исследовательских кафедр и был центральным вопросом конференции (доклад тов. Деборина). В связи с дебатами по этому докладу выступал и тов. Семковский. На Всесоюзном совещании ОВМД заявил он следующее: «Мне приписано было много неверного и никто не может требовать, чтобы я не возражал против того, что мне приписано неправильно. В чем я должен сознаться, в том я сознаюсь. И об этом я хочу сказать. Главная моя исследовательская работа за эти годы, как вам известно, была посвящена философскому диалектико-материалистическому об'яснению теории относительности. Я подчеркивал это задание диалектического материализма, которое было выдвинуто именно сейчас: связь с естествознанием. Я думаю, что эта моя линия была правильно. И, как вы знаете, эта линия было подтверждена резолюцией нашей конференции. Вместе с тем, когда я говорил о «схоластике», я имел в виду — как это явствует из контекста — только отрыв от науки. Свою ошибку я вижу в том—и это я хочу ясно и отчетливо установить, — что я те отдельные моменты, которые действительно вели в сторону уклона, неправильно отождествлял с основным течением, которое шло правильным путем, и то обстоятельство, что я направлял удары одновременно и направо и налево, приводило к своего рода позиции «центризма» в этом споре, т.-е. ошибочно отождествовав отдельные уклоны, против которых я боролся, с основным деборинским течением, я направил удары и против него, что об'ективно, в некоторой мере ослабляло борьбу с механистами».

После конференции состоялось заседание бюро Философско-соц. отделения УИМЛ и президиума Укр. О-ва Воинствующий материалист-диалектик, где с удовлетворением был отмечен отказ тов. Семковского от своих ошибок и выработана совместно философская декларация, подписанная и тов. Семковским, подчеркивающая полную консолидацию и единство философских сил на Украине и намечающая дальнейшие перспективы и план работы.

Из атмосферы философской дискуссии и борьбы родилась другая организация философского по преимуществу характера организация, имеющая большое будущее в деле распространения основ диалектического материализма среди масс, приобщения к нему широких кадров научных работников, идущих очень часто стихийно и бессознательно к диалектическому материализму. Я имею в виду Укр. Научно-фил. О-во Воинствующий материалист-диалектик. Оно организовалось 9 сентября 1927 года в Харькове. Исходя из мыслей, изложенных Лениным в его незабвенной статье-программе «О значении воинствующего материализма», оно поставило себе задачей разработку и углубление философии марксизма-ленинизма, неуклонную борьбу со всякими извращениями его, беспощадную борьбу с идеализмом, упрощенчеством, продвижение идей диалектического материализма на заводы, фабрики, в гущу трудящихся. В общество вошли сначала не только философы, но и естественники (в 1928 году из 33 членов 11 естественников).

Создание Общества вызвало сразу же широкий отзвук среди рабочих масс Донбасса и других промышленных центров. С усиленной энергией вз-

лось Общество за работу, которая сначала сосредоточена была на докладах. В течение 1928 г. было заслушано 10 докладов на различные актуальные боевые темы (Юринец—Итоги философской дискуссии, О последней работе Каутского, о «Логике и диалектике» тов. Варьяша, Степовый—Причинность, Беркович—Проблема случайности, Попов—Рефлексология и психология, Финкельштейн — Диалектика живой природы. Рыжков — Новые течения в менделизме, Слуцкий — Проблема качества в физике и т. д.). Некоторые доклады (напр., доклад тов. Юринца о Каутском) собирали до 400 слушателей. Члены Общества взяли на себя инициативу дискуссии с механистическим уклоном. Председатель Общества тов. Юринец прочел на всеукраинском с'езде обществоведов доклад: «О механическом и диалектическом материализме», напечатанный в отдельном сборнике (аналогичная статья написана им в «Студенте Революции»).

Скоро, однако, актив Общества убедился, что докладной деятельностью ограничиться нельзя, что только печатная продукция сможет в достаточной степени влиять на широчайшие массы. О-во приступает к изданию 1-го номера сборника «Воинствующий материалист», который появился в середине 1929 года. Сборник этот, несмотря на отдельные недочеты, является крупнейшим событием в философской марксистской жизни Украины. Солидный своим об'емом (388 страниц большого формата) он обнимает 18 больших статей. Статьи распределены по своим темам следующим образом: значение философии в системе ленинизма (т. Левик), материалистическая диалектика (тт. Степовый, Гоникман), борьба с механистами (тт. Юринец, Демчук), украинская белоэмигрантская философия (т. Ганин), идеалистическая философия на Украине (т. Беркович), диалектика в естествознании (тт. Слуцкий, Гаибов, Буланкин, Гэнэс), философия и социология II Интернационала (тт. Юринец, Гирчак, Степовый).

Сейчас подготовляется второй номер сборника. В текущем году Общество впервые перешло на рельсы широкой массовой работы. При правлении Общества было создано Центральное бюро групп содействия ОВМД, которое поставило себе задачей организацию ячеек материалистов-диалектиков на крупных заводах, среди вузовской молодежи и т. п. До настоящего времени группами содействия охвачено около тысячи человек (Харьков, Донбасс).

В последние месяцы целый ряд членов Общества выезжал в окружные центры Украины с докладами на актуальные темы, как например: «Проблема классов в переходный период», «Теоретические основы правого уклона». «Механисты и диалектики», «Философия и проблемы культурной революции» и др. В общем было прочитано около 100 докладов.

Бюро содействия издало, кроме того, брошюру «Спутник материалиста-диалектика», заключающую в себе план и программу проработки основ диалектического материализма и соответствующую литературу. Сейчас Общество ставит перед собой задачу еще более полной актуализации своей работы, применительно к мощным процессам индустриализации и социалистической перестройки села и развертывания борьбы на два фронта: против механического материализма, с одной стороны, и идеалистических извращений, с другой.

На ближайшее время Общество отводит в своем плане большое место критике философских, социологических и политических взглядов правого уклона, критике основ троцкизма, ревизионизма, особенно левых социал-демократов; проблемы методологии и политэкономии и экономполитики, классов и классовой борьбы в переходный период, вопросы планирования производительных сил, особенно же проблемы материалистической диалектики, на основе богатейшего материала наследия Ленина должны найти всей работе надлежащее место.

Общество приступило к изданию около 40 брошюр массовой литературы, часть которых уже в ближайшие дни появится на книжном рынке.

В тесном контакте с ОВМД работает украинское Об-во биологов-материалистов; оно концентрирует в себе биологов-марксистов и стихийных материалистов, не пришедших еще к диалектическому материализму, но идущих к нему. Его работа выражается в докладах на открытых заседаниях Общества, пропагандистских выступлениях в других организациях, антирелигиозной работе среди широких масс, литературной работе, участии в общефилософской работе. Главная задача—внедрение в биологические дисциплины основ мат. диалектики и борьба с идеализмом в биологии. До настоящего времени членами Общества было зачитано несколько десятков докладов, составлена биологическая часть антирелигиозной библиотеки, проводится редактирование переводов на украинский язык классиков эволюционного учения, редактируются новые учебники по естествознанию, пишутся статьи пропагандистского характера. Общество выдвигает со своей стороны докладчиков для всеукраинского философского с'езда. В ближайшем будущем будут организованы отделения Общества в Киеве, Днепропетровске и Одессе. Общество врачей-материалистов в Харькове за 3 года своего существования организовало около 30 докладов, много выездов в Сталино, Макеевку и другие промышленные центры, издало много брошюр и статей.

Научно-исследовательским центром является, в первую очередь, философско-социологическое отделение Укр. инст. марксизма-ленинизма. После второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, когда в рядах харьковских философов-марксистов была осуществлена идеологическая консолидация, кафедра философии совместно с Укр. Обществом воинствующих материалистов-диалектиков в специальном обращении «За воинствующий материализм» («Большевик Украины» 1929 г., № 10) так сформулировали основные задачи философской работы на ближайшее время:

«Дальнейшая систематическая критика и разоблачение ошибок механического направления с точки зрения последовательного марксизма-ленинизма остается нашей задачей. Но за последний период это сосредоточение внимания исключительно на дискуссии с механистами стало порою приводить к топтанию на месте. Теперь постановления конференции, под'итоживши пройденный этап, позволяют на новом этапе поднять нашу работу на высшую ступень и шире и глубже поставить положительные задачи дальнейшего развития и внедрения в науку и в массы марксо-ленинской философии.

Задачи эти в основном таковы:

1. Развернуть философию диалектического материализма в целую разработанную систему. В СССР марксизм впервые в истории выступает, как идеология класса, победно ниспровергшего буржуазный строй и воздвигающего на его место свой новый мир. В области философии это ставит перед коммунизмом задачу — во весь рост развернуть в целостную систему марксо-ленинское мировоззрение, марксо-ленинскую методологию, противопоставив их по всей линии мировоззрению и методологии буржуазного мира.

2. Актуальнейшей частью в эту всеоб'емлющую задачу входит систематическая разработка категорий и системы материалистической диалектики. Речь идет здесь, конечно, не о механической рецепции гегелевской логики, а о действительно материалистической переработке диалектического метода Гегеля в том направлении, в каком это указали Маркс, Энгельс и Ленин.

3. Это предполагает дальнейшую углубленную разработку ценнейшего наследия Энгельса и Ленина, частью уже опубликованного за последние годы, а частью подлежащего еще опубликованию.

4. В духе философских заветов Маркса, Энгельса и Ленина разработку материалистической диалектики надо проводить на основе всей совокупности наук. Надо укрепить и углубить связь философской работы с основными проблемами естественных и общественных наук.

5. В особенности необходима теснейшая смычка с современным естествознанием, которое «лежит в родах — оно рождает диалектический материализм» (Ленин).

6. Равным образом, необходимо глубже провести метод диалектического материализма и в области общественных наук, которые составляют давнюю вотчину марксизма, но требуют теперь более углубленной и более систематической методологической разработки (в области исторического материализма, политической экономии, права, истории, литературоведения, искусствоведения и т. д.).

7. Необходимо всеми силами содействовать росту кадров научно-подготовленных работников в области марксо-ленинской философии, обращая особое внимание на привлечение марксистов-естественников и на создание благоприятных условий для работы этих кадров.

8. Необходимо расширить и углубить преподавание диалектического материализма в вузах и комвузах.

9. Необходимо поставить на систематические основы научную пропаганду диалектического материализма среди партийного актива, научных работников, учительства, студенчества и т. д.

10. Необходимо, наконец, в широчайших массах развернуть пропаганду боевого воинствующего диалектического материализма, чтобы в самых широких массах, у которых пролетарская революция подорвала все старые представления и предрассудки, могло скорее сложиться новое мировоззрение. Только распространением диалектико-материалистического мировоззрения в массах можно нанести удар религиозной идеологии и дать положительное содержание антирелигиозной пропаганде.

Всю намеченную выше работу в области философии необходимо проводить на основе непоколебимой борьбы за учение Ленина, органически увязывая разработку теоретических вопросов философии с задачами социалистического строительства и борьбой за коммунизм».

Выражением живучести философской марксистской мысли, закреплением пройденного ею этапа должен быть Всеукраинский философский с'езд, который созывается непосредственно перед Всесоюзной философской конференцией.

С'езд будет работать в составе следующих секций: 1. секция современных проблем философии марксизма (куда войдет и критика современной буржуазной философии); 2. секция исторического материализма и ленинизма; 3. секция методологии естествознания; 4. секция антирелигиозной пропаганды; 5. секция истории философии на Украине; 6. секция методики преподавания диалектического материализма; 7. секция организации массовой работы, где будут заслушаны доклады кафедр философии и социологии УИМЛ, Украинского Общества воинствующих материалистов и групп содействия при нем, Киевской кафедры и др. местных марксистско-ленинских центров, философской и социологической комиссий ВУАН, научно-материалистических обществ и обсуждены вопросы связи с местами и массовой работы.

На с'езд уже заявлено около 100 докладов.

Новый этап нашей действительности, характеризуемый бурным ростом социалистической индустриализации, неслыханным размахом социалистического переустройства деревни, ликвидации кулачества как класса, ломки старых бытовых форм, но и заострением классовой борьбы, происками враждебной идеологии, оживлением национализма, наличием правого уклона и левых загибов и примиренчества к ним — ставит перед философией новые задачи. Выступление тов. Сталина, примечание в «Большевике» № 2 должны стать для нас вехами; необходима актуализация философии, устранение разрыва между нашими практическими успехами и развитием теоретической

мысли. Исходя из этого, пленум Философско-социологического отделения в феврале 1930 года принял такую платформу своей работы:

1. Сосредоточить внимание на методологической разработке тех проблем, которые стоят перед партией. Взять на себя методологическую разработку к партийному с'езду основных вопросов его порядка дня.

2. Углубить работу по методологической критике теоретических корней правого уклона, а также троцкизма и «левых» шатаний как в политике, так и в теоретических построениях в разных областях научной работы.

3. Боевую диалектико-материалистическую критику поставить на службу компартиям в их борьбе с социал-демократией, особенно «левой», развернув широкую критику теоретических основ ревизионизма как социал-демократии, так и правых и «левых» отщепенцев от коммунизма.

4. Теснее увязать работу в области диалектического и в области исторического материализма, сосредоточить внимание на разработке актуальных проблем современности, как производительные силы и производственные отношения в реконструктивный период, классы и классовая борьба в переходный, период, изменение классов и их соотношения в реконструктивный период, закономерность переходного периода и проблема планирования, советское государство в реконструктивный период, переходный период и первая фаза коммунизма, проблема социалистического города и т. п.

5. Тщательно изучать философское наследие Ленина; в частности, больше внимания обратить на изучение философских отличий Ленина от Плеханова.

6. Материалистическую диалектику разрабатывать на основе богатейшего материала нашей эпохи как из области пролетарской революции, ее стратегии и тактики, так и из области современной революции в естествознании, руководствуясь и тут и там образцами Ленина и предохраняя тем философскую работу от схоластицизма, формализма и механистической вульгаризации.

7. Теснее увязать философскую работу с методологическими проблемами конкретных наук, беспощадно борясь не только с враждебными марксизму-ленинизму философскими течениями в Союзе и на Западе, но и со всеми проявлениями этих течений в области конкретных наук.

Вся эта работа должна строиться на основе действительного проведения лозунга борьбы на два фронта, против двух опасностей, которые частично друг в друга перерастают и переплетаются; как против механистической ревизии диалектического материализма, так и против идеализма и идеалистических извращений, без замазывания той и другой опасности, — на основе непримиримой борьбы против всех и всяких отходов и отступлений от выдержанной марксистско-ленинской позиции в философии, отходов и отступлений, которые служат методологической основой как правого, так и «левого» уклонов от генеральной линии партии.

На основе такой непримиримой борьбы на два фронта и решительного проведения большевистской самокритики невзирая на лица сплотить марксистско-ленинский философский фронт и напрячь все силы в работе над огромными актуальными задачами нового этапа в переходном периоде от капитализма к социализму.

В последние годы вокруг философско-социологического отделения образовался уже сравнительно значительный кадр научных работников-исследователей, давший уже немалую печатную продукцию. Я не говорю уже о большой работе на кафедрах философии и социологии, где периодически читаются научные доклады, распределяющиеся по своему содержанию на такие группы: 1. Разработка философского наследия Ленина, 2. Разработка основных категорий материалистической диалектики, 3. Критика современных буржуазных философских течений, в частности, критика философии совре-

ианного ревизионизма, 4. Проблемы методологии современного естествознания, 5. Марксистская история украинской философии, 6. Методологические основы правого уклона, 7. Разработка основных категорий исторического материализма, в особенности в их применении к явлениям переходного периода, 8. Критика буржуазных социологических направлений, в частности украинских буржуазных и мелкобуржуазных социологических течений, 9. Вопросы социологии литературы и искусства, 10. Разработка марксистской истории техники.

Из печатной продукции я отмечу только основные работы: тов Семковский подготовляет работу о Ленине, как философе, работает над вопросами методологии естествознания (пишет монографию о случайности), готовит к изданию очерки по логике и диалектике и статьи для «Философской энциклопедии». Вышло из печати 7-е совершенно переработанное издание «Марксистской хрестоматии» (на украинском языке). Тов. Юринец опубликовал «Философско-социологический сборник» (статьи: О Демокрите, Гуссерле, фрейдизме и марксизме, Донцове—теоретике укр. фашизма, Каутском, о философии II Интернационала, «Немецкой идеологии» Маркса-Энгельса, современном гегельянстве в Германии), работу: «П. Тычина» (социологический анализ), готовит к печати большую (около 30 листов) работу «Современная буржуазная философия». Кроме того, он поместил в журналах: «Прапор Марксизму», «Більшовик України», «Червоний Шлях», «Критика», «Гарт» целый ряд статей. Тов. Левик готовит работу — «Современные проблемы физики и материалистическая диалектика». Тов. Беркович выпустил философскую хрестоматию, сотрудничал в философском словаре, изданном Ленинградским отделением Комакадемии, написал большую статью о «философии национальности у Булгакова», большую статью о Бергсоне, работает над проблемами истории укр. философии. Тов. Степовый написал ряд статей по социологии стилей, большую статью о причинности, о Ленинском конспекте «Науки логики» Гегеля, о Бухарине, работает над диалектикой в биологии, продолжает работу над категорией причинности и над статьями для «Философской Энциклопедии». Тов. Демчук выпустил работу о Ленинском конспекте «Науки логики» Гегеля, написал целый ряд статей о случайности, белоэмигрантской укр. философии, современной немецкой философии. Тов. Чучмарев выпустил книжку «Атеизм Спинозы», тов. Бойко написал конспект диалектического и исторического материализма. Тов. Бон сдал в печать работу о французском материализме XVIII столетия, написал ряд статей о философии и социологии фашизма и работает дальше над этим предметом. Тов. Блудов написал брошюру: «Природа и общество», ряд статей о категориях логики Гегеля, о Гегеле в концепции Ильина; тов. Васильева писала об оппортунистических ошибках Бухарина в вопросах диктатуры пролетариата, о Ленинском конспекте «Науки логики» Гегеля, о категории меры у Гегеля и в диалектическом материализме, работает над диалектикой в «Капитале». Тов. Бервицкий написал брошюру о Чернышевском, брошюру «Логика и диалектика», работает над структурой «Науки логики» Гегеля. Тов. Федчишин написал брошюру: «Что такое философия» и целый ряд статей из области социологии искусства и критики. Тов. Беляев работает над философией и социологией народничества, дал статью о теоретических корнях правого уклона. Тов. Медзинский написал работу об английском эмпиризме и целый ряд рецензий. Тов. Овчаров печатает ряд статей на литературно-критические темы. Тов. Ефименко дал ряд рецензий и рабочую книжку по диалектическому материализму. Тов. Билясчик написал ряд статей о прагматизме, Толстом, продолжает работу над прагматизмом. Философско-социологическое отделение готовит к печати 3 сборника: 1) Гегель и марксизм, 2) Современные проблемы философии марксизма, 3) Сборник социологической кафедры.

Немаловажным центром марксистской философской мысли является и Киевская кафедра марксизма-ленинизма, где существует философско-социологическая секция. Несмотря на недолгое свое существование, она проделала большую работу, которая нашла уже свое отражение и в печати. Я назову хотя бы только работу сотрудника секции тов. Перлина: «Исторический материализм», большой (около 25 листов) сборник по проблемам религии, и целый ряд статей. Сейчас готовится издание укр. перевода «Немецкой идеологии» Маркса-Энгельса с обширными комментариями и примечаниями, второй сборник по вопросам религии и большой философско-соц. сборник.

В последнее время начинает развертываться философско-соц. работа и в Всеукр. Академии Наук. Созданы там 2 комиссии, философская и социологическая (тов. Семковский и тов. Юринец), куда привлечено несколько десятков научных работников марксистов. Философская комиссия приступает к печатанию классиков философии, к изданию крупных работ по методологии естествознания, социологическая комиссия намечает в ближайшее время издание хрестоматии с социологическими работами Гоббса, Спинозы, Руссо, французских материалистов с соответствующими комментариями и примечаниями.

Большую роль в процессе развертывания философской марксистской мысли на Украине должно сыграть Госуд. издательство Украины, которое приступает к изданию классиков философии (около 350 печатных листов в текущей пятилетке).

О борьбе на два фронта в философии.

А. Деборин, И. Луппол, Я. Стэн, Н. Карев, И. Подволоцкий, Б. Гессен, М. Левин, И. Агол, С. Левит, Ф. Тележников.

«Когда массы переваривают новый и невиданно-богатый опыт непосредственно-революционной борьбы, тогда теоретическая борьба за революционное миросозерцание, т.-е. за революционный марксизм, становится лозунгом дня». Эти слова Ленина как нельзя более своевременно вспомнить в настоящее время. Партия пролетариата может успешно руководить борьбой за освобождение рабочего класса, уничтожение капиталистического рабства и построение социалистического общества, лишь в том случае, если она руководится передовой революционной теорией. А, согласно указанию Ленина, решающим в марксистской революционной теории является материалистическая диалектика. «Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы». Борьба за философский материализм Маркса, т.-е. за диалектический материализм, составляет необходимое звено борьбы за коммунизм.

Поэтому совершенно необходимо привлечение самого широкого внимания к тем задачам, которые стоят перед партией на философском фронте, фронте борьбы за наше революционное мировоззрение.

В «Правде» от 7 июня с. г. была напечатана статья тт. М. Митина, В. Ральцевича и П. Юдина «О новых задачах марксистско-ленинской философии». Эта статья, однако, не дает правильного освещения как нынешнего положения в области марксистско-ленинской философии, так и стоящих перед нею задач. Так как статья эта касается весьма актуальных вопросов, мы считаем необходимым подробно рассмотреть ее.

На ряду с правильными положениями (о необходимости поворота, развертывания самокритики, борьбы на два фронта, необходимости критики методологических основ троцкизма и т. д.) эта статья содержит несколько грубых ошибок и не дает четкого определения основных задач коммунистов на этом участке теоретической борьбы. При этом необходимо с самого начала указать, что значительнейшая часть этой статьи—все, что в ней есть правильного —представляет простой пересказ, а местами дословное повторение резолюции «О новых задачах на философском фронте», принятой фракцией ОВМД и Института философии Комм. Академии и напечатанной в № 4 журнала «Под Знамением Марксизма», а также выступлений на фракции ряда товарищей в защиту этой резолюции. Авторы статьи имели эту резолюцию, однако ни одним словом не обмолвились об источнике целого ряда своих положений. Это тем более странно, что авторы статьи неоднократно заявляли, что философская линия правления ОВМД и Института философии есть линия правильная, линия последовательного диалектического материализма. Замалчивание документа, принятого большим коллективом коммунистов, прошедшего через все важнейшие философские

партийные организации, давшего действительный анализ итогов прошлой работы и указавшего на новые задачи в ней, замалчивание этого важнейшего документа со стороны товарищей, не только прекрасно знавших о его существовании, но и списавших с него ряд важнейших положений, представляет собой совершенно неслыханное явление в нашей партийной литературе. Одно это является уже свидетельством нежелания авторов статьи изложить действительное положение дела на философском фронте. Там же, где авторы статьи вносят свое, они отступают от правильной марксистско-ленинской позиции.

Ленинизм характеризуется умением выбрать на каждой ступени исторического развития и в отношении каждой проблемы решающее звено, которое определяет все остальное. Именно в этом одно из основных отличий диалектики от эклектики.

Основные задачи марксистской философии были определены Лениным в его статье «О значении воинствующего материализма» (1922). Он видел их в неуклонной борьбе за воинствующий материализм, воинствующий атеизм против идеализма и поповщины всех мастей, против «дипломированных слуг господствующих классов», в разработке теории материалистической диалектики, опираясь на всю совокупность человеческого знания, опыт применения ее Марксом и практику классовой борьбы во всем мире. Именно в последнем было то новое и решающее, что внес Ленин в определение задач марксистской философии в нашу эпоху. Недаром отношение к материалистической диалектике было точным показателем действительной революционности еще всех теоретиков II Интернационала. Именно в выделении и подчеркивании этого пункта заключалось отличие постановки вопроса о задачах марксистской философии Лениным от всех, выступавших по этому поводу до него. Ленин говорил, что без разработки материалистической диалектики, без материалистической переработки гегелевской логики материализм был бы в наше время не столько сражающимся, сколько сражаемым. В этом он видел основную задачу редакции и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма».

Устарели ли эти ленинские заветы в области философии, под знаком которых развивалась вся философская работа за последние годы в Советском Союзе? Это—центральный вопрос для всех нынешних философских споров. После опубликования IX и XII Ленинских Сборников мы знаем, что замечание Ленина о материалистической переработке Гегеля было плодом глубокого изучения теории диалектики. Задачи, поставленные Лениным в этом отношении, далеко не разрешены. Устарела ли ленинская установка в отношении задач партии в философии? Нет, не устарела, и было бы грубейшей ошибкой, если бы мы пересмотрели или замазали ее.

Между тем статья тт. Митина, Ральцевича и Юдина представляет в этом отношении бесхребетную, поэтому по самой своей установке эклектическую статью. В статье даже ни разу не упоминается основной документ ленинизма для определения задач философии в нашу эпоху — статья Ленина «О значении воинствующего материализма». Это не случайно. Авторы статьи не понимают ни подлинного значения дальнейшей разработки теории материалистической диалектики — она для них лишь одна из «само собой разумеющихся» проблем, — ни ее действительной связи с практикой классовой борьбы и социалистическим строительством.

Наиболее отчетливо понимание дела авторами статьи находят в выступлении одного из них — тов. П. Юдина в газете коллектива ИКП «За ленинские кадры», № 2 от 15 мая с. г., под заглавием «Ошибки были, о них надо говорить прямо и открыто». Перечисляя ошибки, допущенные на фило-

софском фронте, основную из них П. Юдин определяет следующим образом: «В первую очередь надо признать крупнейшей ошибкой то, что развитие философской мысли за последнее время шло до некоторой степени в стороне от коренных задач социалистического строительства. Философский фронт не сумел своевременно перестроить свои ряды и бросить необходимые силы на разработку важнейших проблем переходного периода. Получается то, что философия, занимаясь безусловно нужным делом—разработкой вопроса, материалистической диалектики, борьбой с механистами и т. п., оставила в стороне вопросы социалистического строительства» (Последний курсив наш).

Тов. Юдин в этой цитате пересматривает,— вероятно, незаметно для самого себя,— основные ленинские лозунги в философии и действительно «поворачивается спиной к итогам и результатам борьбы с механистами». В резолюции фракции ОВМД и Института философии, статьях ряда товарищей указывалось, что и на философском фронте имеется отставание в разработке ряда важнейших вопросов переходного периода, теории исторического материализма, методологии троцкизма и т. д., указывалось на необходимость сосредоточить внимание на исправлении этих недостатков. Тов. Юдин из этих совершенно правильных положений делает чудовищный вывод, что, разрабатывая теорию материалистической диалектики и борясь с механистами в философии, мы находимся в стороне от вопросов социалистического строительства. По тов. Юдину выходит, что и Ленин, выдвигая на первый план материалистическую переработку гегелевской логики, находился в стороне от вопросов строительства социализма. Партийность в философии и связь ее с социалистическим строительством начинается с того момента, когда ортодоксия почила на путаной статейке Юдина, Митина и Ральцевича!

И эта ограниченная, вульгарная точка зрения выдается за всемирно-историческое по своему охвату учение Ленина, обнимающее всю совокупность человеческого знания! Тов. Юдин вместе с другими авторами статьи в «Правде» формально переписал ленинское положение о том, что материалистическая диалектика есть душа марксизма, пересказал из резолюции фракции ОВМД разделы, посвященные необходимости разработки методологии естествознания с точки зрения марксизма, поворота в области изучения исторического материализма и теории переходного периода. Но он не дал себе труда подумать, к чему это обязывает и как разрешить поставленные задачи. А суть дела заключается в том, что именно разработка теории материалистической диалектики и есть для философии то основное задание, которое ставит перед ней ход классовой борьбы и строительства социализма. Она в области философии есть тот узел, в котором связываются все важнейшие вопросы теории и практики борьбы пролетариата в нашу эпоху. Ленинский конспект «Науки логики» Гегеля, ряд материалов, опубликованных в XII Ленинском Сборнике, вся совокупность работ Ленина и опыта борьбы ленинской партии в области стратегии и тактики рабочего движения указывают философам те основные линии, по которым должна итти разработка теории материалистической диалектики.

Наша эпоха — эпоха гигантского обострения всех противоречий империалистического капитализма: Вместе с тем это эпоха социалистической революции в нашей стране, в условиях которой происходит постоянный процесс отмирания одних, нарождения других отношений, форм, закономерностей развития. Правильно осмыслить во всех областях теории и практики

классовой борьбы этот противоречивый процесс нарождения качественно-нового, не имеющего еще места во всемирной истории, можно, лишь опираясь на логику конкретного противоречивого развития,—диалектико-материалистическую логику.

Поэтому борьба за нее и разработка ее дает ключ всем наукам, необходимый им для разрешения стоящих перед ними новых вопросов, вооружает их методом познания путей возникновения нового.

Гигантские задачи стоят перед диалектическим материализмом в области теоретического естествознания. Значение их Ленин подчеркивал неоднократно. Открытие новых форм движения материи, грандиозные синтетические задачи, поставленные новейшим развитием естественных наук и техники, проникновение исторического метода во все области изучения природы выдвигают целый ряд проблем, которые могут быть разрешены только на основе применения диалектико-материалистического метода. Проблема времени и пространства в теории относительности, проблемы эфира, волны и частицы в физике, проблема наследственности и изменчивости в биологии; проблемы космогонии, геологии, истории элементов, физиологии и изучения высшей нервной деятельности, основ медицины необходимо приводят современную науку к философским вопросам, к учению о причинности, проблеме соотношения материи и движения, непрерывности и скачков, формы и содержания, случайности и необходимости. Они, с одной стороны, дают колоссальный материал для разработки теории материалистической диалектики, а с другой могут быть изучены и осмыслены только на ее основе.

Никто не может отрицать, что за последние годы на философском фронте были сделаны первые шаги по пути осуществления указаний Энгельса и Ленина о подчинении наук о природе методологическому руководству марксизма. Сделаны они были именно на почве борьбы за диалектику с механистами. А между тем они имеют и огромное непосредственно-политическое значение для дела социалистического строительства. Последовательное и полное использование всех завоеваний науки и техники для построения социализма в нашей стране, неуклонная борьба в них против идеологии классового врага — идеализма и поповщины, невыполнимы без проникновения во все эти области марксистского мировоззрения. Вместе с тем только на основе неустанной пропаганды нашего мировоззрения можно предохранить наши собственные кадры во всех этих областях от буржуазной и мелкобуржуазной скверны и помочь прочному закреплению за нами переходящих на нашу сторону специалистов.

Еще в большей степени решающее значение разработки теории материалистической диалектики для дальнейших успехов нашего теоретического оружия видно на примере общественных наук, исторического материализма и изучения проблем переходного периода. Ленинские замечания на «Экономику переходного периода» т. Бухарина показывают, что лишь правильная философская позиция может дать действительно плодотворные результаты. Мы страдаем не столько от того, что количественно мало пишется на эти темы, сколько от того, что плохо пишется, что написанное оказывается не на высоте требований марксистской теории, не поспевает поэтому за быстрым темпом событий, за практикой и на завтра превращается в бумажный хлам.

Решительный поворот в работе на философском фронте абсолютно необходим. Резолюция фракции ОВМД и Института философии Комм. Академии говорит об этом достаточно подробно и со всей отчетливостью. Мы не будем здесь ее повторять, отсылая к ней читателей. Этот поворот обусловливается новыми задачами, которые ставит сейчас партия на новом этапе строительства социализма, достигнутыми успехами и имевшими место недо-

глатками в философской работе. В условиях, когда решаются важнейшие проблемы социалистической революции, сосредоточение внимания марксистско-ленинской теории на непосредственных вопросах социалистического строительства является неотложной задачей.

Поэтому совершенно неправильно противопоставлять разработку теории материалистической диалектики изучению важнейших проблем социалистического строительства. Еще Ленин указывал, что разработка материалистической диалектики должна опираться на весь тот материал, который дает нам каждодневно опыт классовой борьбы пролетариата во всем мире. Поворот должен быть не поворот от разработки материалистической диалектики, а поворотом в самой ее разработке и на основе этой разработки. Для достижения этой цели работа в области теории материалистической диалектики должна находиться в более тесной связи, чем до сих пор, с разработкой теории исторического материализма, экономики переходного периода и т. д.

В области исторического материализма на первый план должны быть поэтому выдвинуты проблемы международной борьбы пролетариата, построения социализма в нашей стране, изучения форм классовой борьбы в переходный период, соотношения стихии и плана в нем, перерастания одних закономерностей общественного развития в другие, соотношения политики и экономики, культурной революции, изучения новых форм соотношения экономики и настроек, индивида и коллектива, изучения новых форм идеологии и новой роли различных форм идеологии.

Должна быть широко развернута критика теоретических основ контрреволюционного троцкизма, правого уклона, как главной в настоящее время опасности в партии, и «левых» загибов.

Ошибкой, однако, было бы думать, что можно достигнуть каких-либо успехов в этом направлении, не опираясь на марксистско-ленинскую философию во всей ее глубине и об'еме, не двигая вперед ее собственного метода — материалистической диалектики. Поворот в работе означает таким образом, новую ступень в дальнейшей разработке материалистической диалектики, а не отказ от этой, поставленной Лениным, основной задачи. Поворот этот ставит перед работниками в области марксистско-ленинской философии гигантские задачи. Тот факт, что, говоря об этом повороте, тт. Митин, Ральцевич и Юдин смазывают решающее значение дальнейшей разработки теории материалистической диалектики, показывает, что они несерьезно относятся к самому повороту. В частности для того, чтобы двинуть дальше разработку теории исторического материализма и закономерностей переходного периода, надо собрать гигантский материал и пропустить его сквозь призму самых глубоких обобщений марксистского и ленинского наследства в области теории, стратегии и тактики классовой борьбы. Лишь уразумев это, можно понять, сколь гениально формулировал Ленин именно насущнейшую потребность в области теории, определяемую всем ходом социалистического строительства и развертывания международной революции, когда требовал разработки теории материалистической диалектики, материалистической переработки гегелевской логики.

Из того истолкования поворота, которое сквозит у т. Юдина, может в качестве результата последовать лишь поверхностная разработка вопросов и легкомысленная игра в цитаты.

Не менее ошибочно утверждение, что борьба с механистами была в стороне от вопросов социалистического строительства. Борьба с механистами нашла себе блестящее подтверждение на опыте всех общественных

наук за последнее время. В политической экономии, в области литературоведения, в истории, в науке о праве, педагогике и т. д., не говоря уже о всех естественных науках,— везде мы имели ряд споров, показавших, что во всех этих науках дальнейшее продвижение вперед теоретической мысли в деле осознания возникших перед нею новых проблем и явлений, в качестве своей необходимой предпосылки имеет преодоление механистической методологии, в частности, богдановщины во всех ее разновидностях. Борьба с механистами была неразрывной составной частью борьбы партии за генеральную линию против правых оппортунистов. Может быть, по т. Юдину, эта борьба тоже стояла в стороне от вопросов социалистического строительства?

С ошибкой т. Юдина в этом отношении связан второй основной порок эклектической установки тт. Юдина, Митина и Ральцевича. У них остается в тени задача борьбы с примиренчеством по отношению к механистам.

Стыдливо переписав в одном месте соответствующий пункт из резолюции фракции ОВМД и Института философии, авторы статьи ни словом не развивают его. А между тем и здесь, как и в политике, задача борьбы с примиренчеством есть важнейшая после удара по главному противнику задача. За последнее время мы имеем значительное оживление механистов и рост примиренческого отношения к ним. На заседании ЦС Союза воинствующих безбожников т. Е. Ярославский выступил с речью, в которой характеризовал ошибки механистов (тт. Сарабьянова и Гурева), как отдельные ошибки, а не как отходящую от диалектического материализма систему взглядов. Позже редакция «Безбожника» указала, что т. Ярославский считает, что можно было бы сказать «резче». Тов. Ярославский правильно указывал на необходимость развертывания самокритики в области философии и большевистского признания ошибок. Тов. Ярославскому следовало бы самому показать пример этого, не замазывая своей грубейшей ошибки в определении философской линии замечаниями о большей или меньшей «резкости»[1]). Почему на примиренчестве к механистам не сосредоточили в должной мере своего внимания тт. Юдин, Ральцевич и Митин? Потому, конечно, что у них нет правильной перспективы борьбы с механистами. А между тем появление этих примиренческих настроений уже вызывает рост сопротивления нам буржуазной профессуры в деле проникновения в специальные области знания диалектико-материалистического метода, сеет дезорганизацию и путаницу. Идейные шатания в среде товарищей, примыкавших до сих пор к позиции диалектического материализма, вызывают злорадство в лагере врагов марксизма и оживление чуждых ему течений и групп. И чем решительнее будет вестись борьба с подобными шатаниями и колебаниями — тем лучше.

В этой же связи стоит и ошибка авторов статьи в отношении опасности воинствующего эклектизма вообще.

На заседании фракции ОВМД и Института философии рядом товарищей указывалось, что в настоящее время на философском фронте и в области разработки марксистско-ленинской теории вообще мы имеем опасность усиления воинствующего эклектизма, проявившегося в частности в статье тт. Дмитриева и Фурщика и в выступлениях некоторых товарищей на заседании фракции ОВМД и Института философии.

---

[1]) Нельзя при этом не выразить удивления, что т. Ярославский солидаризировался с эклектической статьей т. Фурщика в «Большевике», проводящей коршиански-троцкистское понимание истории и теории марксизма, методологически непосредственно смыкающееся с современной буржуазной критикой марксизма за границей (см., напр., книгу Мангейма «Идеология и утопия»).

Теперь тт. Митин, Ральцевич и Юдин заявляют, что «нужно повести борьбу с теми, кто зачисляет по ведомству «воинствующего эклектизма», «примиренчества, промежуточности» и т. д. (Карев, Стэн и др.) развернутую постановку проблемы новых задач марксистско-ленинской философии, решительную постановку вопросов о самокритике и борьбе на два фронта в области философии. Не выйдет с этакими приемами ничего. Для всякого ясен будет политический смысл таких обвинений, ибо простая аналогия подскажет, с чьей стороны бросались обвинения в центризме, когда решительно развернулась в партии борьба на два фронта».

В этой цитате возмутительная неправда помножена на чудовищную путаницу и грубые политические ошибки.

Ни *Карев, ни Стэн никогда не выступали с заявлениями, что борьба на два фронта и развертывание самокритики есть «воинствующий эклектизм»*. Это — *заведомая неправда*. Авторы статьи соответствующих доказательств не приведут, так как их нет. Наоборот, и Карев, и Стэн были участниками составления резолюции фракции ОВМД и Института философии, где дана совершенно четкая постановка вопроса по этому поводу и полностью голосовали за нее. Авторам статьи известен ряд политических выступлений за последнее время тт. Карева и Стэна в защиту генеральной линии партии и против правого уклона и против «левых» загибов. В газете коллектива ИКП, в том же номере, в котором появилась полная ошибок статья т. Юдина, была помещена статья т. Карева «О новых задачах на философском фронте», дающая правильную характеристику задач партии и в области борьбы за осуществление генеральной линии партии вообще, и в области философии. Тт. Карев и Стэн, равно как и ряд других товарищей, выступали с обвинениями в эклектизме не партии, а Дмитриева, Фурщика и некоторых других, поддерживавших их на фракции товарищей. С каких это пор тт. Юдин, Дмитриев, Фурщик, Митин и Ральцевич замещают собой партию и получили мандат на непогрешимость? Что это за манера отождествлять свои эклектические ошибки с генеральной линией партии! Не имеем ли мы здесь действительно вопиющее забвение азбуки самокритики, когда зашатавшиеся на повороте товарищи сразу готовы об'явить всех не разделяющих их путаницы товарищей политическими врагами партии? Не есть ли это худший вид пустого самовозвеличивания и чванства? И эти «критики» пишут после этого, что они за самокритику! «Не выйдет с этакими приемами ничего».

Далее. *С каких это пор указание на опасность примиренчества есть нарушение задачи борьбы на два фронта?* Не обнаруживают ли товарищи, клянясь в верности линии партии, совершенно непонимание ее? *Борьба с примиренчеством есть необходимая составная часть борьбы на два фронта*, и, разрывая, противопоставляя их, тт. Юдин, Митин, и Ральцевич делают грубую политическую ошибку. Но они делают и другую, не менее грубую ошибку. Они полагают, что указание на опасность воинствующего эклектизма «по аналогии» можно истолковать как обвинение партии в центризме. Ни более, ни менее! Они забывают при этом «только» «небольшую» «мелочь»,— что борьба партии на два фронта не есть *позаимствование* «хорошенького» справа и «слева», столь характерное для всякой эклектики, а означает *непримиримую* борьбу направо и «налево».

Борьба на два фронта предполагает самостоятельную, ленинскую позицию. Поэтому лозунг борьбы против воинствующего эклектизма ни в какой степени ей не противоречит. Наоборот. Ленин, борясь на два фронта, всегда указывал, что *все отходящие от партии течения прежде всего характеризуются именно*

эклектизмом. Достаточно напомнить статью Ленина во время дискуссии о профсоюзах. А вот, что Ленин писал специально по поводу Троцкого во время войны: «Роланд-Хольст, как и Раковский, как и Троцкий, по-моему, все вреднейшие «каутскианцы» в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах прикрашивают оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектизм вместо революционного марксизма». Понимание же соотношения эклектизма и борьбы на два фронта тт. Юдиным, Митиным и Ральцевичем действительно может быть подхвачено всеми врагами партии.

Нет, по истине говоря об эклектизме авторы статьи шли в комнату — попали в другую. Всем известно, что и правые, и троцкисты характеризуются прежде всего именно эклектической методологией.

И, наконец, сами авторы статьи, рассыпав столько недосказанных намеков по поводу опасности критики эклектизма, **сами** в своей статье повторяют выдвигавшиеся нами обвинения против т. Фурщика в эклектизме. Подобно мольеровскому господину Журдену, они не замечают, что они тоже в данном случае говорят прозой.

А между тем опасность эклектизма в теории заложена теперь во всей обстановке. В борьбе с прямым отрицанием основных положений диалектического материализма достигнуты значительные успехи. В условиях диктатуры марксизма все чуждые ему и колеблющиеся элементы стремятся перекраситься в защитный цвет. Создается почва для роста примиренчества ко всяким ревизионистским группировкам и идеям. На этой основе и вырастает эклектизм. Не видеть его — значит ничего не видеть в нынешней обстановке борьбы за диалектический материализм. Прикрывать его, к чему объективно сводится задача тт. Юдина, Митина и Ральцевича, значит посыпать раны солью, вместо того, чтобы лечить их.

В этой же связи надо отметить, что авторы статьи не понимают всего значения борьбы с формализмом в борьбе за материалистическую диалектику. Авторы статьи утверждают, что задача борьбы с формализмом — запущенный участок философского фронта. В доказательство они приводят несколько цитат из тт. Милонова, Дмитриева и Гоникмана. А между тем указание на ошибочность всех приведенных в статье Митина, Ральцевича и Юдина положений заимствовано ими у тех, кого они же сами в своей статье критикуют за отсутствие самокритики, забвение борьбы с формализмом и т. д. На ошибку т. Милонова в понимании протяженности, как атрибута материи, указывал т. Карев в печати еще в 1928 г. Ошибки тт. Гоникмана и Дмитриева публично критиковали тт. Деборин, Стэн, Карев и другие товарищи задолго до появления статьи тт. Митина, Ральцевича и Юдина. Об этом последние прекрасно знали. То же касается и разоблачения эклектизма тов. Фурщика. Что люди списывают без указания источника те или другие положения — это в литературе встречается, к сожалению, довольно часто. Но чтобы при этом списанное обращалось против того, у кого оно списано — в этом тт. Юдин, Ральцевич и Митин несомненно оригинальны. При этом необходимо заметить, что указание на опасность формализма и на необходимость борьбы с ним было сделано в «Под Знаменем Марксизма» в передовой статье еще **год тому назад**, сейчас же после второй конференции марксистско-ленинских учреждений (№ 5 за 1929 г., статья «Новый этап»).

Разница между критикой формализма теми товарищами, которые стоят на почве резолюции фракции ОВМД и Института философии и тт. Юдиным, Митиным и Ральцевичем, заключается в том, что первые давали развернутую теоретическую критику каждой ошибки, в то время как последние, очевидно, полагают, что достаточно огласить ко всеобщему сведению несколько запомнившихся им цитат, чтобы дело было кончено. Различие заключается также и в **непоследовательности** критики

тт. Юдина, Митина и Ральцевича. Заговорив о самокритике, они должны были указать и на свои собственные ошибки в этом отношении. Тов. Митин в ст. «Ленин и гегелевская диалектика» («Революция и Культура» за 1929 г., № 7) писал: «Благодаря тому, что идеализм у Гегеля получил наиболее полное, законченное абсолютное выражение, он в силу внутренней диалектики, присущей также и ему, вплотную подошел к материализму, к переходу в свою противоположность» (стр. 24).

Так Митин понял ленинские замечания о Гегеле! Следуя этой логике, можно было бы сказать, что так как в наше время у мистика и черносотенца Лосева идеализм получил наиболее полное, абсолютное выражение, он вплотную подходит к материализму. Говоря о различных идеалистических ошибках, следовало бы посмотреть в зеркало и не забыть об этой.

Борьба с формализмом и идеалистическими шатаниями среди коммунистов на философском фронте ведется давно. Достаточно напомнить отпор, данный в свое время нашими философскими кадрами гегельянской интерпретации марксизма Лукача и фрейдистским ошибкам.

Своеобразие нынешнего этапа, однако, заключается в том, что отдельные формалистические ошибки отдельных товарищей перерастают в образование целого течения, блок формалистов и эклектиков, противопоставляющих себя диалектическим материалистам. Не случайно, что все товарищи, выступавшие теперь против философской линии «Под Знаменем Марксизма» и руководства Общества воинствующих материалистов-диалектиков, делали или делают формалистические, идеалистического характера ошибки. Достаточно указать формально-логический схематизм т. Дмитриева, риккертианское понимание отношения общества и природы у т. Фурщика, неправильное определение материи т. Милоновым, указанную нам ошибку т. Митина и т. д. Список этот может быть значительно увеличен. В ближайших номерах «Под Знаменем Марксизма» будет дана развернутая теоретическая критика формалистических и эклектических ошибок.

Наряду с фронтом борьбы против механистов, с другой стороны вырастает все более и более фронт борьбы с формализмом идеалистическими и эклектическими шатаниями этого типа.

И напрасно тт. Митин, Юдин и Ральцевич намекают, что будто бы кто-то из диалектиков-материалистов против борьбы на два фронта в области философии. Нет, мы за неуклонную борьбу на два фронта, и против механистов и механистической эклектики, и против формалистов, идеалистически искажающих марксистскую диалектику, и примыкающих к ним эклектиков— за последовательный диалектический материализм

Когда мы формулировали задачу борьбы с примиренчеством, эклектикой и формализмом, некоторым товарищам казалось, что это полемические формулировки. Теперь всякому борцу на философском фронте ясно, что мы указывали на появление действительно нуждающихся в немедленном отпоре явлений. Именно на почве достигнутых в борьбе за диалектический материализм успехов создается опасность, что вместо изучения при помощи революционной диалектики конкретных явлений и обогащения ее самой, опираясь на всю совокупность современного знания и практику классовой борьбы, законы диалектики будут превращаться в бессодержательные схемы, жонглирование которыми приведет к чисто-схоластическому ее пониманию. Эта опасность имеет место не только в философии, но и в ряде других наук. Диалектика, вместо того, чтобы быть методом открытия нового, превращается в пустую формулу, в которой замораживается готовый результат прошлого исследования. Формалистические взгляды и ошибки, неразрывно свя-

занные с идеализмом, мы имеем и в политической экономии, и в праве, и в литературоведении и т. д. Именно поэтому борьба с формализмом приобретает все большее значение, и именно поэтому мы будем в философии решительно бороться на два фронта, как бы ни путали отдельные товарищи.

Для осуществления всех указанных нами задач необходимо последовательное развертывание большевистской самокритики. Нет сомнения, что в разрешении гигантских задач в области теории, поставленных нашей эпохой, при количественном и качественном недостатке кадров, допущено много ошибок. Еще Ленин указал в свое время, что в трудном деле построения теории материалистической диалектики на первых порах нельзя обойтись без большого количества ошибок. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает — напоминал по этому поводу Ленин старую пословицу.

Давая беспощадный отпор идеализму, механизму, формализму, эклектике, надо обеспечить возможность товарищеской обстановки для обсуждения текущих теоретических вопросов и дальнейшего углубления работы неуклонного исправления всех допускаемых ошибок. Указание на отдельные ошибки, пока они не вырастают в систему ошибок, отклоняющихся от диалектического материализма, должно служить средством их исправления и дальнейшего положительного развития революционной теории, а не огульной дискредитации кадров. В этом отношении статья тт. Митина, Ральцевича и Юдина также не может быть признана образцом. Мы отметили уже в ней ряд клеветнических заявлений. Также недопустимы политические обвинения по адресу тов. Карева, на основании одного неправильного положения в первом издании его книги «За материалистическую диалектику» об одном основном классе переходного общества, снятого самим тов. Каревым во втором издании его книги. Товарищи, следуя своей общей манере письма, не сочли необходимым указать, что деловая критика этого положения тов. Карева имела место еще в 1929 г. в «Вестнике Комм. Академии» (№№ 35–36). Правильность же политической позиции, занимаемой тов. Каревым, прекрасно известна всем товарищам, работающим с ним в одной партийной организации, на основании неоднократных его выступлений против троцкизма, правого уклона и «левых» загибов.

Развертывание самокритики должно быть основным методом работы на философском фронте. Оно должно служить средством теснейшей связи между работниками на этом фронте, средством воспитания новых кадров, а не способом распространения клеветы, трусливых намеков и идейной путаницы. Самокритика должна быть смелой, проводиться «не взирая на лица», должна быть содержательной и конкретной. Мы считаем необходимым организацию в «Под Знаменем Марксизма» специального отдела, посвященного систематическому деловому обсуждению всех допускаемых в нашей работе ошибок и недостатков, в котором должны принять ближайшее участие все работники на философском фронте, стоящие на позиции диалектического материализма, который должен служить дальнейшему оттачиванию нашего идейного оружия.

Тт. Юдин, Митин и Ральцевич облыжно обвиняют в своей статье тов. Стэна «и др.» (что за самокритика в области теории в отношении «и др.»!) за якобы имеющий у него место отрыв философии от партийности и актуальных проблем. На деле же т. Стэн совершенно правильно указывал на заседании фракции ОВМД и Института философии Комм. Академии, что для работников на философском фронте недостаточно повторять общую формулу борьбы на два фронта, а надо и расшифровать ее на том материале, который дает этот участок партийной работы. Если работники в области марксистско-ленинской философии не будут вы-

полнять этой задачи и будут ограничиваться общими разговорами о партийности в философии, не применяя ее в своей специальной работе, то, конечно, задач партии они не выполнят.

Сами же тт. Юдин, Митин, Ральцевич обнаруживают в своей статье непонимание действительной партийности в философии, действительно глубоких связей между философской работой и общей борьбой партии, когда замазывают борьбу с примиренчеством и эклектикой.

Нынешнему периоду борьбы на философском фронте предшествовал ряд этапов. Если начать с момента появления статьи Ленина «О значении воинствующего материализма», то за это время диалектикам-материалистам пришлось выдержать борьбу с самыми различными отклонениями от марксистско-ленинской философии — с мининщиной, енчменизмом, фрейдизмом, гегельянским извращением марксизма Лукачем, суб'ективизмом, механистами, этическим идеализмом и т. д. На этой борьбе сложились и воспитались значительные коммунистические философские кадры. Нет ни тени сомнения, что, осуществив поворот в работе на новом этапе, они преодолеют все идейные колебания и враждебные течения и под руководством ленинской партии и ее ЦК обеспечат дальнейшие успехи партийного теоретического оружия.

занные с идеализмом, мы имеем и в политической экономии, и в праве, и в литературоведении и т. д. Именно поэтому борьба с формализмом приобретает все большее значение, и именно поэтому мы будем в философии решительно бороться на два фронта, как бы ни путали отдельные товарищи.

Для осуществления всех указанных нами задач необходимо последовательное развертывание большевистской самокритики. Нет сомнения, что в разрешении гигантских задач в области теории, поставленных нашей эпохой, при количественном и качественном недостатке кадров, допущено много ошибок. Еще Ленин указал в свое время, что в трудном деле построения теории материалистической диалектики на первых порах нельзя обойтись без большого количества ошибок. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает — напоминал по этому поводу Ленин старую пословицу.

Давая беспощадный отпор идеализму, механизму, формализму, эклектике, надо обеспечить возможность товарищеской обстановки для обсуждения текущих теоретических вопросов и дальнейшего углубления работы неуклонного исправления всех допускаемых ошибок. Указание на отдельные ошибки, пока они не вырастают в систему ошибок, отклоняющихся от диалектического материализма, должно служить средством их исправления и дальнейшего положительного развития революционной теории, а не огульной дискредитации кадров. В этом отношении статья тт. Митина, Ральцевича и Юдина также не может быть признана образцом. Мы отметили уже в ней ряд клеветнических заявлений. Также недопустимы политические обвинения по адресу тов. Карева, на основании одного неправильного положения в первом издании его книги «За материалистическую диалектику» об одном основном классе переходного общества, снятого самим тов. Каревым во втором издании его книги. Товарищи, следуя своей общей манере письма, не сочли необходимым указать, что деловая критика этого положения тов. Карева имела место еще в 1929 г. в «Вестнике Комм. Академии» (№№ 35–36). Правильность же политической позиции, занимаемой тов. Каревым, прекрасно известна всем товарищам, работающим с ним в одной партийной организации, на основании неоднократных его выступлений против троцкизма, правого уклона и «левых» загибов.

Развертывание самокритики должно быть основным методом работы на философском фронте. Оно должно служить средством теснейшей связи между работниками на этом фронте, средством воспитания новых кадров, а не способом распространения клеветы, трусливых намеков и идейной путаницы. Самокритика должна быть смелой, проводиться «не взирая на лица», должна быть содержательной и конкретной. Мы считаем необходимым организацию в «Под Знаменем Марксизма» специального отдела, посвященного систематическому деловому обсуждению всех допускаемых в нашей работе ошибок и недостатков, в котором должны принять ближайшее участие все работники на философском фронте, стоящие на позиции диалектического материализма, который должен служить дальнейшему оттачиванию нашего идейного оружия.

Тт. Юдин, Митин и Ральцевич облыжно обвиняют в своей статье тов. Стэна «и др.» (что за самокритика в области теории в отношении «и др.»!) за якобы имеющий у него место отрыв философии от партийности и актуальных проблем. На деле же т. Стэн совершенно правильно указывал на заседании фракции ОВМД и Института философии Комм. Академии, что для работников на философском фронте недостаточно повторять общую формулу борьбы на два фронта, а надо и расшифровать ее на том материале, который дает этот участок партийной работы. Если работники в области марксистско-ленинской философии не будут вы-

полнять этой задачи и будут ограничиваться общими разговорами о партийности в философии, не применяя ее в своей специальной работе, то, конечно, задач партии они не выполнят.

Сами же тт. Юдин, Митин, Ральцевич обнаруживают в своей статье непонимание действительной партийности в философии, действительно глубоких связей между философской работой и общей борьбой партии, когда замазывают борьбу с примиренчеством и эклектикой.

Нынешнему периоду борьбы на философском фронте предшествовал ряд этапов. Если начать с момента появления статьи Ленина «О значении воинствующего материализма», то за это время диалектикам-материалистам пришлось выдержать борьбу с самыми различными отклонениями от марксистско-ленинской философии — с минининщиной, енчменизмом, фрейдизмом, гегельянским извращением марксизма Лукачем, суб'ективизмом, механистами, этическим идеализмом и т. д. На этой борьбе сложились и воспитались значительные коммунистические философские кадры. Нет ни тени сомнения, что, осуществив поворот в работе на новом этапе, они преодолеют все идейные колебания и враждебные течения и под руководством ленинской партии и ее ЦК обеспечат дальнейшие успехи партийного теоретического оружия.

О либерально-меньшевистском и марксистско-большевистском понимании этики.

(Этика М. Фурщика [1]).

С. Новиков.

Философская самокритика началась. Это очень хорошо. Но начала она статьей т. Фурщика против... Каутского и... Деборина. А это сопоставление и отождествление имен Каутского и Деборина не так уж хорошо. Почин т. Фурщика не принадлежит к категории хороших и «великих починов». Хотя т. Фурщик на страницах «Безбожника», что называется, при жизни и авансом, еще до появления соответствующего номера «Большевика», был возведен в сан классика марксизма, и никем иным, как тов. Ярославским, мы все же берем на себя смелость утверждать, что «ученый» пасквиль тов. Фурщика весьма и весьма далек от добросовестной и компетентной критики, а потому — и от большевистской самокритики.

Тов. Ярославский писал: «В № 6 «Большевика» товарищи найдут статью М. Фурщика «О либеральном и марксистском понимании этики». Статья эта заканчивается таким выводом: «И еще один любопытный урок из полемики т. Деборина с Аксельрод-Ортодокс. Аксельродовские «простые законы» нравственности остались, но их кантианское облачение заменено каутскианским» («Безбожник» 1930 г., № 22, стр. 7). В № 6 «Большевика» мы действительно «нашли» статью т. Фурщика, и «нашли», что ее не стоило писать, печатать и рекламировать.

М. Фурщик задался, если не похвальной, то во всяком случае очень смелой целью доказать, что т. Деборин—каутскианец и либерал в вопросах этики. Этика вырастает из основ мировоззрения и перерастает в политику. Если т. Деборин каутскианец в вопросах этики, то необходимо признать, что он—каутскианец в основах своего мировоззрения. Если он в вопросах этики либерал, то он должен быть либералом и в вопросах политики. Само по себе литературное выступление Фурщика против Деборина значит на весах философии и политики что-то около нуля. Но когда к этому нулю слева приставить такую внушительную антирелигиозную и политическую единицу, как тов. Ярославский, получается значительная величина, с которой приходится считаться и философски, и политически. Если т. Деборин—каутскианец и либерал в вопросах этики, тогда — что-то гнило в той *философской* линии, которую он с успехом отстаивал и отстаивает против разношерстного блока ревизионистов в философии; тогда что-то гнило в той самой *генеральной* философской линии, которая проводится во всех работах Деборина. Кто хочет обвинить тов. Деборина в этическом ревизионизме, тот должен предварительно потрудиться обнаружить у него философский и полити-

[1]) См. М. *Фурщик*, О либеральном и марксистском понимании этики. «Большевик» 1930 г., № 6.

ческий ревизионизм. Вряд ли среди материалистов-диалектиков найдутся такие смельчаки. О тов. М. Фурщике мы не беремся гадать: кто сказал *а*, тот должен сказать *б*. Это — во-первых. Во-вторых, как мы увидим, статья тов. Фурщика написана не материалистом-диалектиком, а воинствующим эклектиком. В-третьих, погодите: Фурщик предупреждает весьма туманно и глухо, что пока он касается только этических взглядов тов. Деборина: «Всецело под влиянием Каутского и Плеханова находится тов. Деборин. Мы в данном случае касаемся только вопроса нравственности» («Большевик» № 6, стр. 60. Разрядка Фурщика. *С. Н.*). Понимайте как хотите, не то Деборин находится под влиянием Каутского и Плеханова только в вопросах нравственности, не то Фурщик только «в данном случае» говорит о нравственности тов. Деборина, а в другом случае поговорит о его философии.

Следуя похвальному образцу новоявленного «классика марксизма», мы тоже заявляем курсивом: Всецело под влиянием Каутского (увы, не довоенного, а послевоенного!), Кунова, Ортодокс-Аксельрод, социал-империалиста Л. Квесселя и ультра-троцкиста Карла Корша находится тов. Фурщик. Точно так же «мы в данном случае касаемся только вопроса нравственности» тов. Фурщика. Если при этом получатся невыгодные последствия для философии и политики т. Фурщика, то это об'ясняется исключительно теснейшей связью этики с философией и политикой.

1. Переворот в науке о социальных инстинктах, произведенный т. М. Фурщиком.

Чтобы опорочить т. Деборина, М. Фурщик отождествляет этические взгляды Деборина и Каутского и, более того, он утверждает, что Деборин в вопросах этики почти такой же, если не больший, каутскианец и либерал, как сам Каутский: «не только Каутский, но и Плеханов, и в особенности тов. Деборин, следующий Каутскому, считает вместе с Дарвином нравственность продуктом животного царства в конечном счете, т.-е. продуктом доисторическим». («Большевик», стр. 54. Предупреждаем читателя, что мы не отвечаем за стиль т. Фурщика. Разрядка наша. *С. Н.*). Итак, Деборин — каутскианец в вопросах нравственности и к тому же особенный каутскианец, очевидно потому, что он не менее, чем Дарвин и Каутский, считает «нравственность продуктом животного царства в конечном счете, т.-е. продуктом доисторическим».

А что говорит по этому вопросу сам обвиняемый, т.-е. новоявленный «этический социалист» и «ревизионист» тов. Деборин? Послушаем: «В животном мире складываются только определенные инстинкты, чувства, которые в человеческом обществе принимают качественно[1]) иную форму — форму нравственного сознания, сознательного подчинения своей личности общему благу. Если человек и приносит из животного мира известные (социальные. *С. Н.*) инстинкты, то в человеческом обществе содержание и направление их целиком [1]) определяются формой организации общества. «Нравственности не существует в животном царстве» («П. З. М.». 1928 г., № 1, стр. 31). Деборин утверждает здесь, что естественно-исторически нравственность происходит из социальных инстинктов, которые в зачаточной форме существуют уже у общежительных животных. Постольку (и только в этом!) Деборин согласен с Каутским и Дарвином. Но общественно-исторически, как социальное качество, нравственность есть целиком продукт истории, ибо

[1]) Разрядка моя. *С. Н.*

социальные инстинкты, приносимые человеком из животного мира, «всецело определяются по своему содержанию и направлению формой организации общества» (там же, стр. 31—32), т. е. данной конкретно-исторической, общественно-экономической формацией.

Фурщик приписывает Деборину утверждение, что нравственность — доисторический продукт животного царства, а Деборин утверждает как раз обратное, что «н р а в с т в е н н о с т и н е с у щ е с т в у е т в ж и в о т н о м ц а р с т в е», что нравственность ц е л и к о м, в с е ц е л о есть продукт истории, социальное качество, возникающее в своей определенности только в общественно-историческом процессе. В вопросе о происхождении нравственности, как и в других вопросах философии, этики и политики, Деборин стоит на позиции материалистической диалектики. Социальные инстинкты животных и нравственные чувства человека е д и н ы по происхождению, но р а з л и ч н ы по форме, по к а ч е с т в у. Социальные инстинкты о б щ е с т в е н н о г о человека е с т е с т в е н н о-исторически происходят из социальных инстинктов его общежительных животных предков, но в о б щ е с т в е н н о-историческом процессе они преобразуются в новое качество: «социальные чувства, присущие в той или иной степени животным, ведущим стадную жизнь, на протяжении человеческой истории п р е о б р а з у ю т с я в с о ц и а л ь н ы е п о б у ж д е н и я и с о ц и а л ь н ы е о б я з а н н о с т и, налагаемые соответственным коллективом на личность» («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 12). Именно потому, что нравственность есть, по сравнению с социальными инстинктами животных, н о в о е к а ч е с т в о, в с е ц е л о продукт о б щ е с т в е н н о-исторического процесса, Деборин и утверждает, что «нравственности не существует в животном царстве».

Нравственность общественного человека (а животной нравственности по Деборину не существует!) и социальные инстинкты общежительных животных едины по происхождению, но различны по форме. Это значит, что не только физически, но духовно и даже морально (да, да, тов. Фурщик!) даже по своей нравственности человек произошел от обезьяны. Если такое плебейское происхождение оскорбляет ваше нравственное чувство, как царя природы, то вы можете утешиться: Деборин не отождествляет вас с обезьяной, он, наоборот, утверждает, что, как м о р а л ь н ы й ч е л о в е к, вы особое качество. У обезьян, по Деборину, нет морали, они не пишут по вопросам этики, они уже по этому одному не в состоянии извратить этических взглядов. Деборина. А Вы это делаете. Но это уже совсем особое качество, которое присуще Вам «в о с о б е н н о с т и» и отнюдь не в качестве homo moralis.

Итак, т. Деборин безоговорочно разделяет «буржуазный», «либеральный» предрассудок Каутского и Дарвина, что человек и высший цвет его духа, его нравственности е с т е с т в е н н о-исторически произошли от обезьяны. В этом — весь криминал т. Деборина. Но этим и ограничивается родство этических взглядов Деборина и Каутского. Каутский и в «Этике...», и в своем т. н. «Материалистическом понимании истории» говорит о ж и в о т н о й м о р а л и; он действительно называет нравственный закон — животным инстинктом. Он пишет целую главу на тему: «Дарвинское открытие животной морали» («М. g.», 1, стр. 252 и сл.). «Дарвин показал, что общежительные животные обнаруживают психические явления, которые в п о л н е а н а л о г и ч н ы явлениям человеческой морали, что те, как и другие, явления покоятся на побуждениях и инстинктах, которые приобретаются в общественной жизни и через нее» (стр. 252).

Каутский утверждает, что мы, как у человека, так и общежительных животных, находим чувство, волю и действие, которые в п о л н е с о о т в е т с т в у ю т тому, что мы рассматриваем у человека, как моральные чувства

¹) Подчеркнуто мною. *С. Н.*

водо и действие» (стр. 258). Каутский пространно пишет на тему о том, «как интенсивно моральное чувство уже у дикарей и даже у животных» (стр. 218) (Разрядка везде наша. *С. Н.*). Разделяет т. Деборин эти взгляды Каутского, что даже у животных имеется мораль? Нет! Найдется ли у т. Деборина хотя бы намек на утверждение Каутского, что социальные инстинкты у животных вполне аналогичны, вполне соответствуют нравственным чувствам общественного человека? Нет. Почему же нет? Потому что, с точки зрения т. Деборина, нравственность, по сравнению с социальными инстинктами животных, есть новое качество, и ему, этому новому качеству, не может вполне сответствовать, ему не может быть вполне аналогичным старое качество, и наоборот: новое качество не может быть сведено к старому качеству. Деборин, в отличие от Каутского, не сводит нравственности к животному социальному инстинкту. Как диалектик, он резко подчеркивает их качественное различие, как материалист—их единство по естественно-историческому происхождению.

Каутский в «Этике...» подробно прослеживает, как в общественно-историческом процессе происходят изменения в силе, в интенсивности и в широте области проявления социальных инстиктов, унаследованных нами от общественных животных. Он приходит к выводу, что «экономическое развитие преобразует моральные факторы, перешедшие к нам по наследству от животного мира», что «под влиянием этого развития сила социальных инстинктов и добродетелей в различные времена и одновременно у различных классов одного и того же общества принимает различные формы; что «это развитие то суживает, то расширяет ту область, в пределах которой царят социальные инстинкты и добродетели: с одной стороны, распространяют господство их с маленькой орды на все человечество, с другой же стороны, ограничивает их пределами одного лишь класса в составе данного общества». «Но то же самое экономическое развитие создает особый моральный фактор, совершенно отсутствующий в мире животных и являющийся самым изменчивым из всех, ибо не только его сила и сфера действия, но самое содержание подвергается сильнейшим колебаниям[1]), это—предписания морали». «В животном мире мы, правда, встречаем уже сильные нравственные ощущения, но никаких определенных моральных предписаний, обращенных к индивиду». («Этика...», изд. 1906 г., стр. 167—169).

В животном мире нет нравственных норм, воззрений и идеалов, ибо нет языка. Но в животном мире уже существует основание морали, совокупность социальных инстинктов и нравственных чувств. Новым качеством по содержанию в человеческой нравственности являются только нравственные нормы; поскольку речь идет о нравственных чувствах, о социальных инстинктах, то они в человеческой истории только подвергаются количественным изменениям по степени их силы и по широте сферы их действия, но не по качеству их содержания. Разделяет т. Деборин эти взгляды Каутского на характер изменения социальных инстинктов в общественно-историческом процессе? Нет! Деборин ведь самым определенным образом настаивает, что социальные инстинкты животных «в человеческом обществе принимают качественно-иную форму», что «содержание и направление их целиком определяется формой организации общества» («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 36). Деборин рассуждает как диалектический материалист, Каутский—как механический материалист. А это—«две большие разницы», которых Фурщик не хочет или не может понять.

---

[1]) Подчеркнуто мною. *С. Н.*

Каутский никогда не был выдержанным, последовательным диалектическим материалистом, не был им и до войны, ни в одной из своих ортодоксальных работ, не был и в «Этике...». Как мы видели, в «Этике...» у Каутского были срывы в сторону механического материализма, но материализма, а не идеализма. Фурщик придерживается на сей предмет других, более «оригинальных» взглядов. Он заявляет, что еще в «Этике...» «Каутский является заправским идеалистом шопенгауэровского направления» («Большевик» № 6, стр. 59); что «борьба Каутского с Кантом есть борьба между двумя оттенками в пределах одного и того же идеалистического миросозерцания» (там же, стр. 519); что «странно было бы требовать, чтобы философский идеалист и метафизик (Каутский. *С. Н.*) стал бы в вопросе этики на материалистическую, на марксистскую точку зрения (стр. 51); что «каутскианские социальные инстинкты есть идеалистическая фраза, которая сводится к чему-то такому, что очень похоже на веления бога, есть обман», что в «Этике...» Каутского проводится «едва прикрытая идеалистическая концепция» (стр. 48). И, наконец, чтобы у читателя не осталось никаких сомнений, Фурщик печатает курсивом: «Учение о социальных инстинктах в корне антимарксистское, в прямом смысле слова враждебное учению Маркса, Энгельса и Ленина о классовой борьбе» (стр. 65).

Но против этого смехотворного историко-философского приговора Фурщика над довоенным Каутским, над автором «Этики и материалистического понимания истории» существуют на свете сочинения Маркса, Энгельса и Ленина с прямо-противоположными оценками учения о социальных инстинктах и «Этики» Каутского. Фурщик утверждает, что в «Этике» Каутский в качестве заправского идеалиста развивает в корне антимарксистское, антиматериалистическое учение о социальных инстинктах. Вот что писалось в 1908 году в одной марксистской работе по философии. Показав, что критика кантианства велась справа и слева, справа—агностиками, суб'ективными идеалистами, махистами, имманентами (Фихте, Шульце-Энезидемом, Авенариусом, Ремкэ), а слева—материалистами (Фейербахом, Энгельсом и Лафаргом), автор пишет: «Наконец, и К. Каутский в своей «Этике» критикует Канта тоже с точки зрения, диаметрально противоположной юмизму и берклеанству». «Итак, вся школа Фейербаха, Маркса и Энгельса пошла от Канта влево, к полному отрицанию всякого идеализма и всякого агностицизма» [1]). Итак, Каутский в «Этике...» заправский материалист, находящийся в пределах материалистической школы Фейербаха, Маркса и Энгельса. Кто это пишет, Деборин или какой-нибудь другой «каутскианец» и «либерал» в вопросах этики?.. Нет, это пишет Ленин. Ленин, а не Фурщик. Именно потому, что Ленин считал «Этику...» Каутского материалистической работой, он без всяких оговорок рекомендовал ее в своей знаменитой статье «Карл Маркс»: «По вопросу об историческом материализме и этике: К. Каутский, «Этика и материалистическое понимание истории» и многочисленные другие произведения Каутского». И тут же Ленин продолжает: «Из сочинений противников марксизма укажем Туган-Барановского... С. Прокоповича... В. Зомбарта... Max Adler...» (т. XX, ч. 1, стр. 502). Стало быть, «Этику» Каутского Ленин считал марксистской, материалистической, а Фурщик—антимарксистской, идеалистической работой. Напрасно, ох, напрасно, иные товарищи поспешили сойтись с Фурщиком, ибо это значит — разойтись с Лениным.

---

[1]) Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. X, стр 169. Разрядка наша. *С. Н.*

Чтобы опорочить т. Деборина как либерала и каутскианца, т. Фурщик отождествил, б е з в с я к о г о н а т о п р а в а, этические взгляды Деборина и Каутского, а самого Каутского, автора «Этики...», превратил в философского идеалиста и антимарксиста. Умысел тут совершенно ясный: Деборин— копия Каутского; каков оригинал, такова и копия; если Каутский в «Этике...» — философский идеалист, то философским идеалистом является и Деборин, якобы тождественный Каутскому. Мы видели, что это — поистине «сумасшедшие пустяки»: этические взгляды Деборина с у щ е с т в е н н о отличаются от «Этики...» Каутского. Но сделаем на минуточку смехотворное допущение, что этические взгляды Деборина и Каутского тождественны. В таком случае единственное, что можно было бы отсюда заключить по Ленину (а не по Фурщику)—это то, что Деборин, следуя «Этике...» Каутского, критикует Канта (и Ортодокс-Аксельрод) с л е в а, как и в с я ш к о л а Фейербаха, Маркса и Энгельса, «с точки зрения, диаметрально противоположной»... фантазии т. Фурщика и тождественной «полному отрицанию всякого идеализма».

Но вся оригинальность позиции Фурщика еще не исчерпывается отождествлением Деборина с Каутским. Кульминация «Этики» самого т. Фурщика — в утверждении, что «учение о социальных инстинктах в корне антимарксистское, в прямом смысле слова враждебное учению Маркса, Энгельса и Ленина». Спрашивается, как же мог Ленин рекомендовать «Этику...» Каутского (которая вся стоит и падает с учением о социальных инстинктах), если это учение в прямом смысле слова враждебно учению... Ленина? Или может быть потому, что он не имел случая посоветоваться с т. Фурщиком? Не повезло т. Фурщику с ссылкой на Ленина.

Остается, что он надеется выиграть свой обезьяний процесс против Деборина с помощью Маркса и Энгельса. Посмотрим. Деборин определяет нравственность, «как осознанное социальное чувство, или осознанный социальный инстинкт» («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 13). Это и значит, что социальные инстинкты «в ч е л о в е ч е с к о м обществе принимают качественно иную форму—форму нравственного сознания» (стр. 31). Фурщик по этому поводу иронизирует, что у Деборина здесь «налицо попытка перейти на несколько иные (на марксистские. *С. Н.)* рельсы»; «ограничивается роль принесенных из животного царства инстинктов и в связи с этим на первое место выдвигается сознание, в котором отказывается животным и на этом основании—заметьте, исключительно на этом основании—отказывается им, наконец, в праве на нравственность» («Большевик» № 6, стр. 67). «Антимарксистские социальные инстинкты ведут его (Деборина. *С. Н.)* к постулированию вечного неизменного нравственного закона, ибо делю ни капельки не меняется от того, что нравственный долг понимается Дебориным как «осознанный» инстинкт» (стр. 61).

Вы видите, как суверенно тов. Фурщик иронизирует над «осознанным» инстинктом: он заключает его предикат в иронические кавычки («осознанным»). Он опять не понимает, в чем методологическое ядро рассуждений т. Деборина. Если нравственное чувство есть о с о з н а н н ы й социальный инстинкт, то это и значит, что социальный инстинкт животного содержится в нравственном чувстве в снятом виде, как побочная, подчиненная форма в высшей форме движения, как с т а р о е качество в н о в о м качестве. О с о з н а н н ы й социальный инстинкт есть новое качество, он в известном смысле перестает быть инстинктом, он становится н р а в с т в е н н ы м с о з н а н и е м, нравственностью, присущей только общественному человеку.

Далее, т. Фурщик даже не догадывается, что Маркс и Энгельс придерживались «либеральной» теории «осознанных инстинктов». «Сознание есть

изначальный исторический продукт и остается им, пока вообще существуют люди... Это начало носит столь же животный характер, как и общественная жизнь на этой ступени, оно — чисто-стадное сознание; человек отличается от барана лишь тем, что его сознание заменяет ему инстинкт или что его инстинкт носит сознательный характер» («Немецкая идеология», «Архив», кн. I, стр. 221; разрядка наша. *С. Н.*). Но вед это самое и утверждает т. Деборин, определяя нравственное чувство, как «осознанный социальный инстинкт». Даже под микроскопом нельзя открыть отличия этой деборинской формулировки от Марксо-Энгельской (что у человека в отличие от барана «инстинкт носит сознательный характер»). Тов. Фурщик, вообще слабоватый насчет социальных инстинктов, даже инстинктивно не почувствовал, что, иронизируя над Дебориным, он иронизирует над Марксом и Энгельсом.

Может быть, Маркс и Энгельс только в «Немецкой идеологии», т.-е. в юношеской, в первой своей работе по «истмату» отступают от... Фурщика. Может быть, в более зрелых работах они покинули «антимарксистское», «либеральное» учение о социальных инстинктах, особенно после выхода в свет «либерального» произведения Дарвина: «Происхождение человека». Увы, в 1875 г., через 30 лет после «Немецкой идеологии», через 4 года после выхода в свет либеральной книги Дарвина, — и под несомненным влиянием этой либеральной книги, — за год с небольшим до «Анти-Дюринга», Энгельс писал Лаврову следующие, поистине «либеральные» и «каутскианские» вещи: «Но я не могу, наоборот, согласиться с Вами, что борьба всех против всех была первой фазой человеческого развития. По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны» («Летописи Марксизма» т. V, стр. 36). Для всякого марксиста, знакомого с историей взаимоотношений Маркса и Энгельса, ясно, что таково же было и мнение Маркса. Фурщик утверждает, что «учение о социальных инстинктах в корне антимарксистское», а Маркс и Энгельс, которые тоже ведь были немного марксистами, представьте се . ., придерживались этого зловредного «либерального», «каутскианского», «идеалистического» учения. И еще как придерживались! Маркс и Энгельс считали, что в духовном отношении «человек отличается от барана лишь тем, что его инстинкт носит сознательный характер». Энгельс утверждал, что «общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны» (Разрядка наша. *С. Н.*). Это значит, что развившиеся на основе труда социальные инстинкты и их превращение в осознанные социальные инстинкты, т.-е. нравственное чувство, сыграли важнейшую роль в процессе очеловечения обезьяны, в процессе перехода от общежития обезьяны к человеческому обществу.

Это значит, как выражается Деборин, что «общество не может жить без известных социальных побуждений, которые связывают отдельных людей в одно целое» («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 12. Разрядка Деборина. *С. Н.*).

По этому поводу Фурщик торжествует: «это то же самое, что сказать что социальные побуждения образуют общество», «что т. Деборин точь в точь повторяет Каутского». Одним словом, общество у тов. Деборина — социально-психологическая, а не экономическая категория («Большевик» № 6, стр. 60). Если т. Фурщик с такими приемами подойдет к Марксу и Энгельсу, он должен будет и их обвинить в... каутскианстве: «человек отличается от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт», это то же самое, что сказать, что сознание образует человеческое общество, «на первое место выдвигается сознание» (т.-е. точь в точь как в случае с Де-

борином; «Большевик», стр. 67). Специально по адресу Энгельса Фурщик мог бы греметь: «общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека от обезьяны», — это то же самое, что сказать, что общественный инстинкт образует общество (Мы еще раз напоминаем читателю, что мы не отвечаем за стиль тов. Фурщика: стиль есть человек. *С. Н.).*

Энгельс не хуже Фурщика понимал «роль труда в процессе очеловечения обезьяны», и это не мешало ему признать социальные инстинкты одним из важнейших рычагов в развитии человеческого общества из общежития обезьяны. Но ничего другого не утверждает и т. Деборин: «Коллективная форма труда и порождаемые ею общественные связи—вот истинный источник морали. Но так как формы труда, производственные отношения не неизменны, а постоянно изменяются, то вместе с ними изменяются и нравственные воззрения и нормы» («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 31. Разрядка автора. *С. Н.).* Это значит, что по Деборину не социальные инстинкты образуют общество, а производственные отношения, что социальные инстинкты и сама мораль в конечном счете имеют своим источником производственные отношения. Производственные отношения образуют общество, социальные инстинкты сплачивают его. Или, выражаясь словами Энгельса, «социальный инстинкт был одним из важнейших рычагов в развитии человека из обезьяны». Это и только это утверждает Деборин. А это совсем не то, что ему приписывает Фурщик, будто по Деборину социальные побуждения образуют общество.

Какой же предварительный итог получается из очной ставки Фурщика с Марксом, Энгельсом и Лениным? Если прав Фурщик, то... все классики марксизма (кроме... Фурщика) были «либералами» и «каутскианцами» в вопросах этики; то Маркс, Энгельс и Ленин разделяли «идеалистическое», «антимарксистское» «учение о социальных инстинктах», «в корне враждебное учению Маркса, Энгельса и Ленина». Что и говорить, пикантный результат! Удивительная фортуна у противников т. Деборина: они метят в Деборина, а попадают в... Маркса, Энгельса и Ленина. Так было в дискуссии с механистами, так и есть в вопросах этики.

Ополчаясь на материалистическое учение о социальных инстинктах, на учение о естественно-историческом родстве нравственности общественного человека и социальных инстинктов его общежительных животных предков, Фурщик пробивает брешь в «либеральном» учении Дарвина о происхождении человека от обезьяны. Но еще о «Происхождении видов» Энгельс писал Марксу: «Дарвин просто великолепен. Телеология лишь в одном отношении еще не была разбита (kaputt), теперь это сделано. К тому же до сих пор еще не было сделано такой превосходной попытки доказать историческое развитие в природе, и менее всего с таким счастьем» (Briefwechesl, B. II, № 536, ноябрь 1859 г.). А Маркс писал Энгельсу: «Эта книга содержит естественно-историческую основу наших воззрений» (там же, № 609, 19/XII 1860. Разрядка наша. *С. Н.).* То же самое он писал Лассалю: «Большое значение имеет книга Дарвина: я считаю ее пригодной как естественно-историческую основу для исторической борьбы классов... в ней впервые не только нанесен смертельный удар «телеологии», но и эмпирически раз'яснен ее рациональный смысл» («Архив М.-Э.» т. II, стр. XX). «Происхождение человека», как известно, само... происходит от «Происхождения видов». Одно вытекает из другого с железной необходимостью. Если о «Происхождении видов» Маркс и Энгельс писали, что оно нанесло смертельный удар телеологии, то это еще более относится к «Происхождению человека», ибо в этой книге Дарвин изгнал телеологию и теологию из их послед-

него убежища, поскольку речь идет о естественных науках. Доказав животное происхождение нашей физической, духовной и в том числе нашей моральной организации, Дарвин окончательно сделал «капут» всем идеалистическим, телеологическим и теологическим учениям о сверхприродном, сверх'естественном, божественном происхождении человека физического и морального (как выражались материалисты XVIII в.).

Мракобесы, современники Дарвина, и их американские эпигоны, устраивающие против последователей Дарвина обезьяньи процессы, хватались, подобно Фурщику, как раз за мораль, чтобы доказать непроходимую пропасть между человеком и животным. Ибо ничего аналогичного морали нет в животном царстве, утверждают они, подобно Фурщику. Разумеется, что между ними и Фурщиком существует различие: они приписывают морали божественное происхождение, а Фурщик—общественное, но в этом различии есть тождество: они и Фурщик отрывают человека от животного, общество от природы, механически разрывают единство естественно-исторического происхождения морали человека и социальных инстинктов его общежительных животных предков. Фурщик, как и мракобесы-антидарвинисты, видит только различие морали человека и социальных инстинктов обезьяны, но не видит их единства. Пробивая по линии морали брешь в естественно-исторической основе марксизма, Фурщик протаскивает в своей статье еле прикрытую концепцию исторического и философского идеализма, ведущую прямехонько к риккертианству. Механический материализм видит лишь тождество общества и природы; идеализм — только их различие; диалектический материализм — единство их различий. Без признания качественного различия общества и природы нет диалектики, без признания их единства нет материализма; без признания единства их различий нет материалистической диалектики, нет диалектического материализма. Материальность мира — в его единстве, диалектика — в его имманентном различении. Отвергая материалистическое учение Дарвина, Маркса и Энгельса о социальных инстинктах, Фурщик разрывает механически материальное единство мира и скатывается к позиции не диалектического, а метафизического... идеализма: он метафизически превращает мораль в абсолютную, супранатуральную, надприродную, сверх'естественную, хотя и общественную, категорию, но лишенную всякой естественно-исторической основы. А это и есть позиция исторического и философского идеализма. Нет исторического материализма без естественно-научного материализма. Диалектический материализм есть синтез того и другого. В этом синтезе первый вырос из второго, второй перерос в первый. Естественно-научный материализм «снят», но не подвергнут механическому отрицанию в диалектическом материализме. В вопросе о происхождении нравственности, Фурщик просто раздавливает естественно-научный материализм, как ногой насекомое, но Энгельс давно уже раз'яснил, что это — грубое, механическое, а не диалектическое отрицание.

Сравним методологические взгляды Дарвина, Каутского, Фурщика и Деборина на происхождение нравственности. Дарвин и Каутский, как механические материалисты, рассматривают социальные инстинкты общежительных животных, как вполне аналогичные нравственным побуждениям общественного человека. Фурщик в качестве механического-идеалиста отрицает всякую их аналогичность. Деборин, как диалектический материалист, «снимает» обе эти метафизически-односторонние позиции, показывая, что нравственные побуждения человека и социальные инстинкты животных едины по своему естественно-историче-

скому происхождению и р а з л и ч н ы по ф о р м е своего бытия, по качеству. Нравственность — новое социальное качество, возникающее только в общественно-историческом процессе. В животном мире не существует нравственности. Социальные инстинкты животных и нравственность человека представляют собой диалектическое «раздвоение единого».

II. Логика высших животных и логика Фурщика—Дмитриева.

Эту печальную участь раздвоения единого нравственность разделяет с трудом и логикой. Труд, производство и воспроизводство материальной жизни — основа исторического процесса и самая основная категория исторического материализма. Труд создал самого человека. Труд продукт общественно-исторического процесса. Не так ли, тов. Фурщик? Но, представьте себе, и труд человека естественно-исторически происходит от животнообразных инстинктивных форм труда нашего животного общежительного предка. Говоря о процессе труда, Маркс пишет: «Мы не будем рассматривать здесь первых ж и в о т н о о б р а з н ы х и н с т и н к т и в н ы х форм труда»... «К глубинам первобытных времен относится то состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной и н с т и н к т и в н о й формы». («Капитал», т. I, гл. V, § I. Разрядка наша. *С. Н.*). Энгельс, как бы начиная с того места, где Дарвин остановился в «Происхождении человека», пишет, что «труд создал самого человека». «Труд и язык превратили обезьяний мозг в человеческий и развили его ближайшие орудия — органы чувств». «Обратное влияние развития мозга и подчиненных ему чувств все более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению на труд и язык давало обоим все новый толчок к развитию»... «В чем же... характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян? в т р у д е» («Архив») кн. II, стр. 66, изд. второе). Человек есть животное, делающее орудия. В этом характерный признак, к а ч е с т в о человека, и это к а ч е с т в о есть продукт человеческой истории. Не так ли, т. Фурщик? И вот оказывается, что этот продукт общественной истории, имеет свою е с т е с т в е н н у ю историю. Труд, как целесообразная, сознательная деятельность, есть о б щ е с т в е н н о-историческое к а ч е с т в о человека, но е с т е с т в е н н о исторически он возник из ж и в о т н о о б р а з н ы х, и н с т и н к т и в н ы х ф о р м труда самого первобытного человека, т о л ь к о еще выходившего в люди.

Хотя труд и делание орудий, как сознательная, целесообразная деятельность, есть к а ч е с т в о, особенный, характерный признак человека, они в з а р о д ы ш е, в з а ч а т о ч н о й форме присущи уже высшим обезьянам, особенно в и н с т и н к т и в н о й форме. Энгельс не думает «отрицать у животных способность к планомерным, преднамеренным действиям». Более того, «у животных способность к сознательным, планомерным действиям развивается параллельно развитию мозговой системы и достигает у млекопитающих высокой ступени развития». «Но все планомерные действия всех животных не сумели наложить на природу печать их воли. Это смог сделать только человек» (там же, стр. 70, 71). Только человек г о с п о д с т в у е т над природой, «и это последнее—важное отличие человека от остальных животных, и этим отличием человек опять - таки обязан труду» (стр. 71). Этим Энгельс опять - таки утверждает, что труд есть качество общественного человека. Не только история человека есть продукт его труда, но и труд есть продукт его истории, и все же этот продукт имеет свои е с т е с т в е н н о-исторические, доисторические корни. Маркс и Энгельс в отличие от Фурщика, не рассуждают метафизически: либо исторический— либо доисторический продукт. Доистория есть предпосылка истории. Доистория содержится в истории в «снятой» форме.

Возьмем логику. Само собой разумеется, что логика есть исторический продукт. Это не мешает Энгельсу утверждать, что она имеет свои естественно-исторически, т.-е. доисторические, корни: «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: индукция, дедукция, следовательно, также абстракция (родовое понятие четвероногих и двуногих), анализ неизвестных предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), синтез (в случае проделок животных) и, в качестве соединения обоих эксперимент (в случае новых препятствий и при незнакомых положениях). По типу все эти методы, т.-е., все известные обычной логике средства научного исследования, вполне одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (развития соответственного метода) они различны. Основные черты метода одинаковы у человека и у животного и приводят к одинаковым результатам, поскольку оба оперируют или довольствуются только этими элементарными методами». («Архив» кн. II, стр. 40, заметка «Рассудок и разум». Разрядка наша. С. Н.). Итак, по Энгельсу, основные черты логического метода одинаковы или даже вполне одинаковы у человека и у животного. Формальная логика человека, продукт истории, коренится естественно-исторически в природной логике животного. Энгельс в этом вопросе, как в вопросе о морали, следует либералу Дарвину, который, проводя в двух главах под общим заголовком: «Сравнение душевных способностей человека и низших животных», приходит к заключению: «как ни велико различие душевных способностей человека и высших животных, это различие лишь по степени, а не по роду. Мы видели, что чувства и инстинкты, различные душевные волнения и способности, каковы любовь, память, внимание, любопытство, подражание, разум и т. д., которыми так гордится человек, могут быть найдены в зачаточном, а иногда даже в очень развитом состоянии, у низших животных» («Происхождение человека», пер. Филиппова, 3-е изд., стр. 114. Разрядка наша. С. Н.).

Стоит сравнить подчеркнутые нами места у Энгельса и Дарвина, чтобы убедиться, что марксист Энгельс целиком следует здесь либералу Дарвину. Энгельс говорит, что основные черты метода у человека и животного по типу вполне одинаковы, но различны только по степени, а Дарвин, что различие душевных способностей человека и низших животных[1]) есть различие по степени, а не по роду, т. е. не по типу.

Судя по данным тов. Рязанова, Энгельс начал готовить манускрипт «Диалектика и естествознание» в 1873 г., т.-е. через 1—2 года после выхода в свет «Происхождения человека». Под несомненным влиянием этой книги Дарвина Энгельс писал в своем манускрипте заметку «Рассудок и разум» (с рассуждением о естественно-исторической общности происхождения формальной логики человека и логики животного). Через несколько страниц следует не менее известный отрывок о Дарвине: «Struggle for life», где Энгельс, как и в письме к Лаврову, развивает свой взгляд, что «взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу» (стр. 44). «Взаимодействие тел природы — как мертвой, так и живой — включает в себя и гармонию, и коллизию, и борьбу, и кооперацию» (Письмо к Лаврову от 12 ноября 1875 г., «Летописи Марксизма» кн. V, стр. 34). А письмо к Лаврову, как мы помним, заканчивается утверждением, что «общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов в развитии человека из обезьяны». Из всего

[1]) Низших, по сравнению с человеком. *С. Н.*

контекста видно, что, по Энгельсу, социальные инстинкты играли и играют важнейшую роль в борьбе и сотрудничестве высших животных, а затем и человека.

Но если Энгельс, вслед за Дарвином, производит формальную логику, как и социальные инстинкты человека, от соответствующих душевных способностей высших животных, то не скажет ли тов. Фурщик, что Энгельс — либерал?

Итак, по Марксу и Энгельсу, т р у д, л о г и к а и м о р а л ь человека происходят е с т е с т в е н н о-исторически от... обезьяны, хотя они всецело, по своему специфическому качеству, продукт о б щ е с т в е н н о й, человеческой истории. Если труд и логика имеют такое демократическое, подлое происхождение, то почему же должно быть сделано исключение для морали? Что касается специально логики, то все дело нетрудно раз'яснить на популярном примере. Взять, например, тов. Фурщика, или его последователя тов. Дмитриева (одного из немногих философов, которые поддерживают... «этику» т. Фурщика). Как профессора логики они о б щ е с т в е н н о-исторически происходят от Деборина (т. Дмитриев — ученик и питомец т. Деборина[1]), а тов. Фурщик в критике механистов примкнул к т. Деборину). Сын—и с т о р и ч е с к и й продукт Деборина. Но е с т е с т в е н н о-исторически они происходят — д а ж е к а к п р о ф е с с о р а л о г и к и! — от обезьяны. Так следует по Энгельсу. Это не значит, что т. Фурщика или его заместителя, т. Дмитриева, можно отождествить с обезьяной. Ибо тот же Энгельс и там же утверждает, что д и а л е к т и ч е с к о е мышление присуще только человеку. Если качество рассудка (в гегелевском смысле — формальная логика) присуще человеку и животному, то качество разума (в том же гегелевском смысле — диалектика) присуще только человеку. Обезьяны даже самые развитые, не способны к диалектической мысли. У профессоров диалектической логики такая способность п р е д п о л а г а е т с я. Увы, на примере т.т. Фурщика и Дмитриева мы видели, что она не всегда о б н а р у ж и в а е т с я.

Чтобы покончить с вопросом о духовном родстве человека и высших животных, мы обращаем благосклонное внимание наших обоих профессоров диалектической логики на следующее место из Ленина: «История философии. Следовательно: отдельных наук, умственного развития ребенка, умственного развития животных, языка + психология + физиология органов чувств, кратко, история познания вообще, все области знания, вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика» (Лен. Сборник XII,

---

[1]) Увы, потомок, вырождающийся в сторону идеализма и формализма, в чем можно убедиться уже из первых строк его статьи: «Логика Гегеля и логика марксизма» (В. К. А.» № 35—36). Тов. Дмитриев пишет там, «что в н а с т о я щ е е в р е м я узлом всех проблем, которые определяют в и д, к о н с т р у к ц и ю, т и п п о с т р о е н и я н а ш е й м а т е р и а л и с т и ч е с к о й л о г и к и, является не столько вопрос о характере самих категорий, из которых должна состоять эта логика, а проблема п о р я д к а и х р а с п о л о ж е н и я... в общем, с теми или иными поправками, мы можем принять основные категории гегелевской об'ективной логики» (стр. 94—95). Тов. Дмитриев не догадывается, что «характер самих категорий» у Гегеля идеалистический, что теми или иными поправочками к о л и ч е с т в е н н о г о «порядка» нельзя еще «перевернуть» идеалистический характер логики Гегеля в материалистический характер логики марксизма. Тов. Дмитриев не понимает, что у него получается «порядок» без определенного «характера», т.-е. бесхарактерный порядок, а это уже настоящий беспорядок в логике тов. Дмитриева, эклектика и формализм, перерастающие в идеализм. О «характере» беспорядка в логике тов. Дмитриева можно судить еще и потому, что «с теми или иными поправками» он согласен принять только «категории гегелевской о б ' е к т и в н о й логики». А как быть с «с у б ' е к т и в н о й логикой» Гегеля, с «учением о понятии»? Принять с поправками, совсем выбросить или переработать материалистически? Сие остается тайной логики тов. Дмитриева.

стр. 315). Следовательно, по Ленину, нельзя построить теорию познания и диалектику без истории познания. **Теория познания должна быть концентрированным выражением всей истории познания**, в том числе истории умственного развития ребенка и животных.

В этих замечаниях Ленин обнаруживает поразительную конгениальность с Энгельсом: по Ленину, наш диалектический разум, включающий, как свой подчиненный момент, наш формально-логический рассудок, естественно-исторически происходит от логики высших животных. Поэтому теория познания и диалектика невозможны без изучения истории умственного развития ребенка и животных. А по Энгельсу, «духовное развитие ребенка представляет собой только еще более сокращенное повторение умственного развития тех же (наших животных. *С. Н.)* предков». «Диалектика природы», II, стр. 71). Ленин, как и Энгельс, в этом вопросе следовал либералу Дарвину. Цветы земли, наши дети, которые ведь тоже являются продуктом истории, в своем умственном развитии сокращенно воспроизводят умственное развитие наших обезьяноподобных предков. Это, может быть, оскорбляет чьи-нибудь родительские чувства, но это—естественно-исторический факт, отменить который бессилен даже сам Фурщик.

Новейший исследователь интеллекта человекоподобных обезьян Вольфганг Кёлер приходит к заключению: «Мы находим у шимпанзе разумное поведение того же самого рода, что и у человека[1]. Разумные действия шимпанзе не всегда имеют внешнее сходство с действиями человека, но самый тип разумного поведения может быть у них установлен с достоверностью при соответственно выбранных для исследования условиях» (Кёлер, «Исследование интеллекта человекоподобных обезьян», стр. 201). Кёлер на основании тщательно обставленных многолетних опытов и наблюдений над своими шимпанзе, пришел к заключению, что эти животные обнаруживают разумное, не только инстинктивное, а и сознательное поведение того же типа и рода, как и человек, т.-е. Кёлер буквально подтверждает выводы Дарвина и заметки Энгельса (разумеется, что с «Диалектикой природы» Кёлер не знаком). Он доказывает, что шимпанзе не только употребляют, но и изготовляют орудия, сознательно обходят препятствия, оперируют формами, короче, обнаруживают достоверные признаки зачатков разумного поведения. Кёлер говорит, что благодаря отсутствию языка и ограниченности важнейшего интеллектуального материала, т. н. «представлений», у шимпанзе нет и не могут быть обнаружены даже малейшие начатки культурного развития» (там же, стр. 205). А это и значит, что культура—специфическое качество человека. Кёлер заканчивает свое исследование указанием, что дальнейшее изучение вопроса требует сравнения психологии шимпанзе и ребенка. Не имея представления о работах Энгельса и Ленина, Кёлер выполняет в своей специальности их программу, он разрабатывает психологию животных и ребенка, как отрасль истории познания, и подготовляет тем самым один из важнейших элементов для теории познания материалистической диалектики. По своим политическим воззрениям Кёлер наверняка либерал или что-то в роде либерала, мелкобуржуазный демократ. Но своей работой по психологии животных он подтверждает диалектико-материалистическое учение Энгельса и Ленина о единстве и различии умственного развития человека и антропоидов. Стало быть, не только Дарвин или Каутский, но Энгельс, Ленин и все передовые естественники-психологи в роде Кёлера, подтверждают «либеральное» учение о естественно-историческом происхождении духовных качеств человека. Но если это верно в отношении всех духовных качеств человека, то почему же мы должны сделать исключение для морали?

[1]) Разрядка наша *С. Н.*

Отбрасывая учение о социальных инстинктах, Фурщик вступил в конфликт не с Дебориным, Каутским и Дарвином, но с Марксом, Энгельсом, Лениным и современной естественной наукой. Идеалистическая концепция т. Фурщика, его полное отрицание естественно-исторического происхождения нравственности из социальных инстинктов ведет к фидеизму, еле прикрытому историко-материалистическими фразами. В одном месте своего конспекта гегелевской «Истории философии» Ленин «выражается» по адресу Гегеля: сволочь идеалистическая! Боженьку жалко! Вот именно «сволочь идеалистическая», сидящая в царе природы, может все простить либералу Дарвину, но только не его утверждение, что наша «божественная» мораль происходит естественно-исторически от социальных инстинктов общественных животных. Мы не утверждаем, что т. Фурщик принадлежит к вышесказанной идеалистической породе, но его концепция об'ективно льет воду на мельницу фидеизма и идеализма. Его статья — продукт полурелигиозного, реакционного мышления, и приходится только удивляться, что с нею могли солидаризироваться «Большевики» и «Безбожники» (в кавычках и без кавычек, журналы и люди). И еще какие люди! Лучшие из лучших большевиков и безбожников в нашей партии...

III. „Ученая" фальшивка Фурщика—плагиат из Квесели и Кунова.

Скатываясь к фидеизму, идеализму и дуализму, раздвояя метафизически единство природы и общества на абсолютно оторванные друг от друга миры, М. Фурщик валит с больной головы на здоровую и обвиняет т. Деборина в раздвоении нравственного мира, в построении дуалистической этики. Фурщик приписывает Деборину утверждение, что нравственный мир раздвояется на доисторическое, априорное, неизменное нравственное чувство и изменчивые нравственные нормы, являющиеся продуктом истории. «Нравственное чувство, или чувство долга, с одной стороны, нормы — с другой». «Бросая Аксельрод в лицо: «нормы-то как раз чрезвычайно изменчивы и текучи» [1]), т. Деборин бьет не только Аксельрод, но разоблачает и себя. Ибо этим он говорит: одно дело нравственное чувство, которое неизменно, и другое дело — нормы, которые «как раз» текучи и изменичивы. Поистине замечательное «как раз»! («Большевик» № 6, стр. 63). Но «как раз» это умозаключение т. Фурщика свидетельствует, что он дает свое заключение по «делу» Деборина без... ума. Если нравственные нормы как раз чрезвычайно изменчивы и текучи, то сделать отсюда умозаключение к неизменности нравственного чувства может только человек, страдающий расстройством логики и русской речи. Если нормы-то как раз чрезвычайно изменчивы, то о нравственном чувстве можно отсюда умозаключить лишь то, что оно просто, а не чрезвычайно изменчиво. В «замечательной» статье т. Фурщика это местечко «как раз» поистине замечательное!

Обвинение т. Деборина в этическом дуализме М. Фурщик строит главным образом на следующей цитате: «Под нравственным чувством или чувством долга скрываются социальные стремления людей вообще. Таким образом определенные нравственные «нормы» являются как по своей форме, так и по содержанию исключительно продуктом данной формы общества. А самые эти «нормы» составляют совокупность правил (а не законов) весьма шатких и изменчивых... (многоточие принадлежит т. Фурщику. Мы сейчас увидим назначение этого многозначительного знака. *С. Н.*). В классовом обществе нравственные

[1]) У т. Фурщика слова Деборина переданы как раз весьма неточно: «Как раз нормы-то чрезвычайно изменчивы и текучи». *С. Н.*

стр. 315). Следовательно, по Ленину, нельзя построить теорию познания и диалектику без истории познания. Теория познания должна быть концентрированным выражением всей истории познания, в том числе истории умственного развития ребенка и животных.

В этих замечаниях Ленин обнаруживает поразительную конгениальность с Энгельсом: по Ленину, наш диалектический разум, включающий, как свой подчиненный момент, наш формально-логический рассудок, естественно-исторически происходит от логики высших животных. Поэтому теория познания и диалектика невозможны без изучения истории умственного развития ребенка и животных. А по Энгельсу, «духовное развитие ребенка представляет собой только еще более сокращенное повторение умственного развития тех же (наших животных. *С. Н.)* предков». «Диалектика природы», II, стр. 71). Ленин, как и Энгельс, в этом вопросе следовал либералу Дарвину. Цветы земли, наши дети, которые ведь тоже являются продуктом истории, в своем умственном развитии сокращенно воспроизводят умственное развитие наших обезьяноподобных предков. Это, может быть, оскорбляет чьи-нибудь родительские чувства, но это—естественно-исторический факт, отменить который бессилен даже сам Фурщик.

Новейший исследователь интеллекта человекоподобных обезьян Вольфганг Кёлер приходит к заключению: «Мы находим у шимпанзе разумное поведение того же самого рода, что и у человека[1]. Разумные действия шимпанзе не всегда имеют внешнее сходство с действиями человека, но самый тип разумного поведения может быть у них установлен с достоверностью при соответственно выбранных для исследования условиях» (Кёлер, «Исследование интеллекта человекоподобных обезьян», стр. 201). Кёлер на основании тщательно обставленных многолетних опытов и наблюдений над своими шимпанзе, пришел к заключению, что эти милые животные обнаруживают разумное, не только инстинктивное, а и сознательное поведение того же типа и рода, как и человек, т.-е. Кёлер буквально подтверждает выводы Дарвина и заметки Энгельса (разумеется, что с «Диалектикой природы» Кёлер не знаком). Он доказывает, что шимпанзе не только употребляют, но и изготовляют орудия, сознательно обходят препятствия, оперируют формами, короче, обнаруживают достоверные признаки зачатков разумного поведения. Кёлер говорит, что благодаря отсутствию языка и ограниченности важнейшего интеллектуального материала, т. н. «представлений», у шимпанзе нет и не могут быть обнаружены даже малейшие начатки культурного развития» (там же, стр. 205). А это и значит, что культура—специфическое качество человека. Кёлер заканчивает свое исследование указанием, что дальнейшее изучение вопроса требует сравнения психологии шимпанзе и ребенка. Не имея представления о работах Энгельса и Ленина, Кёлер выполняет в своей специальности их программу, он разрабатывает психологию животных и ребенка, как отрасль истории познания, и подготовляет тем самым один из важнейших элементов для теории познания материалистической диалектики. По своим политическим воззрениям Кёлер наверняка либерал или что-то в роде либерала, мелкобуржуазный демократ. Но своей работой по психологии животных он подтверждает диалектико-материалистическое учение Энгельса и Ленина о единстве и различии умственного развития человека и антропоидов. Стало быть, не только Дарвин или Каутский, но Энгельс, Ленин и все передовые естественники-психологи в роде Кёлера, подтверждают «либеральное» учение о естественно-историческом происхождении духовных качеств человека. Но если это верно в отношении всех духовных качеств человека, то почему же мы должны сделать исключение для морали?

---

[1]) Разрядка наша *С. Н.*

Отбрасывая учение о социальных инстинктах, Фурщик вступил в конфликт не с Дебориным, Каутским и Дарвином, но с Марксом, Энгельсом, Лениным и современной естественной наукой. Идеалистическая концепция г. Фурщика, его полное отрицание естественно-исторического происхождения нравственности из социальных инстинктов ведет к фидеизму, еле прикрытому историко-материалистическими фразами. В одном месте своего конспекта гегелевской «Истории философии» Ленин «выражается» по адресу Гегеля: сволочь идеалистическая! Боженьку жалко! Вот именно «сволочь идеалистическая», сидящая в царе природы, может все простить либералу Дарвину, но только не его утверждение, что наша «божественная» мораль происходит естественно-исторически от социальных инстинктов общественных животных. Мы не утверждаем, что т. Фурщик принадлежит к вышесказанной идеалистической породе, но его концепция об'ективно льет воду на мельницу фидеизма и идеализма. Его статья — продукт полурелигиозного, реакционного мышления, и приходится только удивляться, что с нею могли солидаризироваться «Большевики» и «Безбожники» (в кавычках и без кавычек, журналы и люди). И еще какие люди! Лучшие из лучших большевиков и безбожников в нашей партии...

III. „Ученая" фальшивка Фурщика—плагиат из Квеселя и Кунова.

Скатываясь к фидеизму, идеализму и дуализму, раздвояя метафизически единство природы и общества на абсолютно оторванные друг от друга миры, М. Фурщик валит с больной головы на здоровую и обвиняет т. Деборина в раздвоении нравственного мира, в построении дуалистической этики. Фурщик приписывает Деборину утверждение, что нравственный мир раздвояется на доисторическое, априорное, неизменное нравственное чувство и изменчивые нравственные нормы, являющиеся продуктом истории. «Нравственное чувство, или чувство долга, с одной стороны, нормы — с другой». «Бросая Аксельрод в лицо: «нормы-то как раз чрезвычайно изменчивы и текучи» [1]), т. Деборин бьет не только Аксельрод, но разоблачает и себя. Ибо этим он говорит: одно дело нравственное чувство, которое неизменно, и другое дело — нормы, которые «как раз» текучи и изменичивы. Поистине замечательное «как раз»! («Большевик» № 6, стр. 63). Но «как раз» это умозаключение т. Фурщика свидетельствует, что он дает свое заключение по «делу» Деборина без... ума. Если нравственные нормы как раз чрезвычайно изменчивы и текучи, то сделать отсюда умозаключение к неизменности нравственного чувства может только человек, страдающий расстройством логики и русской речи. Если нормы-то как раз чрезвычайно изменчивы, то о нравственном чувстве можно отсюда умозаключить лишь то, что оно просто, а не чрезвычайно изменчиво. В «замечательной» статье т. Фурщика это местечко «как раз» поистине замечательное!

Обвинение т. Деборина в этическом дуализме М. Фурщик строит главным образом на следующей цитате: «Под нравственным чувством или чувством долга скрываются социальные стремления людей вообще. Таким образом определенные нравственные «нормы» являются как по своей форме, так и по содержанию исключительно продуктом данной формы общества. А самые эти «нормы» составляют совокупность правил (а не законов) весьма шатких и изменчивых... (многоточие принадлежит т. Фурщику. Мы сейчас увидим назначение этого многозначительного знака. *С. Н.*). В классовом обществе нравственные

[1]) У т. Фурщика слова Деборина переданы как раз весьма неточно: «Как раз нормы-то чрезвычайно изменчивы и текучи». *С. Н.*

нормы одного класса прямо противоположны нравственным нормам другого класса, поскольку их социальные стремления противоположны» («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 13; у тов. Фурщика—«Большевик» № 6, стр. 62. Разрядка Деборина. *С. Н.*).

«Раньше всего» т. Фурщик иронизирует над т. Дебориным, что последний «самым серьезным образом различает между социальными стремлениями людей, как таковыми, и определенными социальными стремлениями». Мы тоже «раньше всего» отметим, что по Деборину определенные социальные стремления, социальные стремления различных классов, противоположны. Это значит, что в антагонистическом обществе социальные стремления людей вообще не существуют отдельно от определенных, классовых социальных стремлений. Фурщик же приписывает Деборину нелепость, будто «оба вида социальных стремлений имеют каждый свое особое выражение» и существование. Фурщик не подумал, что «социальные стремления людей вообще» есть такая же полезная абстракция, как «производство вообще» (Маркс, «Введение»), или «материя как таковая» (Энгельс, «Диалектика природы»). Производство вообще не существует отдельно от конкретных, особых отраслей и исторических форм производства; материя как таковая не существует отдельно от конкретных форм материи и движения. Только с помощью этих абстракций нельзя об'яснить ни одной конкретной формы производства или материи, но это все же полезные абстракции, которые фиксируют общее и тем избавляют нас от повторений. Но именно так т. Дебориным и понимается роль социальных стремлений людей вообще: «сами по себе симпатические чувства еще ничего не об'ясняют ни в поступках и в поведении людей, ни определенной их формы. Только данная организация общества об'ясняет нравственные чувства и воззрения, определенные нормы, действующие при данных общественных отношениях». («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 30). Без абстракции производства вообще (процесс труда, как производство потребительских ценностей, процесс труда, как вечная, естественная необходимость) нельзя и шагу ступить в историческом материализме. Без абстракции материи как таковой нельзя и шагу ступить в философском материализме. Без абстракции социальных стремлений людей вообще, без учения о естественно-историческом единстве нравственных чувств общественного человека и социальных инстинктов высших животных нельзя построить историко-материалистической теории происхождения нравственности.

А теперь вернемся к многоточию, наслеженному тов. Фурщиком в той самой цитате, на основании которой главным образом и строится обвинительное заключение против Деборина. Что же сказано у самого т. Деборина на месте многозначительного многоточия? Читаем слова, пропущенные Фурщиком: «Кто желает изучать и понять нравственные явления вообще, тот должен, разумеется, не «читать в своей душе», как это нам рекомендует Аксельрод, а заняться изучением организации данного общества, продуктом которого и являются нравственные воззрения и чувства[1]) людей этого общества» («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 13). Пропустив «как раз» это место, Фурщик с тем большей легкостью мог обвинить Деборина в раздвоении нравственного мира на неизменное нравственное чувство и изменчивые нормы. Но «как раз» пропуск такого места с точки зрения литературной этики — мне думается и партэтики — обычно расценивается как недобросовестное цитирование, ибо пропущенное место является решающим в нашем споре. В пропущенном месте Деборин прямо заявляет, что нравственные воззрения и чувства являются историческим продуктом данной формы общества. Стало быть, и нравственное чувство

[1]) Подчеркнуто нами. *С. Н.*

изменчиво; нравственные явления вообще, стало быть и социальные стремления людей вообще, коренятся в данной конкретно-исторической форме общества. Ergo: все обвинения т. Деборина в раздвоении нравственного мира покоится у Фурщика на сознательном извращении цитаты, на подлоге.

Мы выше привели ряд мест, свидетельствующих, что по Деборину нравственное чувство есть, по сравнению с социальными инстинктами животных, новое качество — продукт общественно-исторического процесса. Приведем еще несколько таких мест: «Все социальные инстинкты или чувства и покоящиеся на них нравственные законы, т.-е. социальные обязанности[1]) человека по отношению к данному коллективу, постепенно развились в историческом процессе общественной жизни». (Разрядка наша. *С. Н.*). Не только нравственные законы, нормы, обязанности, но и социальные инстинкты или чувства человека — продукт общественно-исторического процесса. Где тут сидят «открытые» т. Фурщиком у Деборина неизменное нравственное чувство и неизменный нравственный закон?

Сам Фурщик вынужден в конце своей статьи привести из конца статьи т. Деборина следующую, уже известную нам, цитату: «Сами по себе симпатические чувства еще не об'ясняют ничего ни в поступках и поведении людей, ни определенной их формы. Только данная организация общества об'ясняет нравственные чувства и воззрения, определенные нормы, действующие при данных общественных отношениях»[2]) (Разрядка наша. *С. Н.*). Фурщик говорит по поводу этой цитаты, что «в своих заключительных[3]) рассуждениях тов. Деборин делает попытку выйти из того тупика, в который его завела каутскианская теория морали, и об'яснить нравственные чувства и нормы из общественных отношений». Но мы видели, что не только в заключительных, а во всех своих рассуждениях от начала до конца т. Деборин рассматривает нравственные чувства и нормы, нравственные воззрения и чувства как общественно-исторический продукт (на 12 стр., на 13 стр., откуда Фурщик взял фальсифицированную им цитату и ровно пять тождественных формулировок на 30, 31 и 34 страницах статьи т. Деборина, в «П. З. М.» 1928 г., № 1).

Фальшивка сработана М. Фурщиком так грубо, что, по неосторожности он страницей раньше, до фальсифицированной цитаты, приводит из начала статьи т. Деборина вышеприведенное нами место: «Все социальные инстинкты или чувства и покоящиеся на них нравственные законы, т.-е. социальные обязанности человека по отношению к коллективу, постепенно развились в историческом процессе общественной жизни» («П. З. М.», стр. 12, «Большевик», стр. 61). Мы спрашиваем, кем нужно быть, чтобы после этого утверждать, что Деборин только в заключительных рассуждениях своей статьи пытается вывести нравственные чувства и нормы из общественных отношений. И, что не менее важно, как быть с фальсифицированной цитатой, где на месте фурщиковского многоточия у т. Деборина сидят, или вернее движутся, изменчивые «нравственные воззрения и чувства»? Как можно после всего этого утверждать, что «в особенности тов. Деборин считает нравственность продуктом животного царства в конечном счете, т.-е. доисторическим продуктом». Мы думаем, что вся «история» с мнимым раздвоением нравственного мира у Деборина есть «исторический продукт» теоретической недобросовестности и «как раз» чрезвычайной изменчивости, т.-е. неустойчивости, нравственных

[1]) Подчеркнуто автором. С. Н. («П. З. М.», там же, стр. 12).
[2]) «П. З. М.», стр. 30, и «Большевик», стр. 67.
[3]) Подчеркнуто нами. *С. Н.*

воззрений и чувств... т. Фурщика. При таких теоретических и моральных талантах, т. Фурщик, как вы ни садитесь, а в критики Деборина не годитесь!

Но Фурщик не годится и в критики «Этики...» Каутского. Мы выше показали, что этику Каутского следует критиковать за механистические срывы, за чисто-количественное толкование различий между социальными инстинктами общежительных животных и нравственными чувствами общественного человека. Вспомним, что по Каутскому зародыши нравственных чувств уже существуют в животном мире, что он говорит о морали животных; что, по его учению, социальные инстинкты животных в человеческой истории подвергаются лишь количественным изменением по степени их силы, их интенсивности и широте области их применения; что специфически человеческим, качественно-новым в морали являются только нравственные нормы и этические идеалы, которых у животных нет, в отличие от нравственных ощущений и чувств, которые у них имеются. Но разве все эти механистические ошибки Каутского дают право приписывать ему, как это делает Фурщик (а до него в полемике с Каутским делал социал-империалист Квессель) вечное, неизменное нравственное чувство? Критический социалист, бернштейнианец, идеолог немецкого социал-империализма, многолетний и пожизненный сотрудник ультра-ревизионистских «Sozialistische Monatshefte» по вопросам международной политики, Л. Квессель выступил против Каутского буквально с теми основными возражениями, которые составляют ядро статьи т. Фурщика. Опираясь на описание нравов дикарей у либеральнейшего профессора Бюхера, Л. Квессель доказывал, что у дикарей нет социальных инстинктов, совести, чувства долга и вообще нравственных чувств. Тем более нет и не может быть таких возвышенных, цивилизованных чувств у животных. Поэтому он отверг теорию Каутского, не желая брать себе обезьяну в роли воспитателя (так и называется первая статья Квесселя против «Этики...»—Каутского) [1]).

Вот теоретическое ядро возражений Квесселя: «Основной вопрос всякой этики скорее всего в том, являются ли живущие в нас нравственные чувства: отвращение к разбою и убийству, боязнь кровосмешения и других пороков, любовь к правде и справедливости, следование возвышенному голосу сострадания, человечности, стыда и чести — являются ли эти чувства, которые в целом образуют цивилизацию души [2]), продуктом животного мира или высоким приобретением культуры, потеря которого сделала бы людей снова тем, чем они когда-то были: кучками... дикарей» (Разрядка наша. *С. Н.*). Ответ Квесселя нам известен: «цивилизация души», нравственные чувства отсутствуют у дикарей, тем более у обезьян. Как поступил Каутский? Он в корне отбросил метафизическую постановку вопроса у Квесселя: нравственное чувство или продукт животного мира — или продукт культуры, или доисторический — или исторический продукт (формулировка Фурщика); Каутский отвечал Квесселю: «Я, разумеется, никогда не думал утверждать, что эти чувства являются продуктом животного мира» («Марксизм и этика», стр. 74). «Квессель создает здесь путаницу... я основы нравственных ощущений ищут уже в животном мире, но, разумеется, держусь того мнения, что отдельные нравственные нормы и чувства являются продуктами культуры, а не животного мира» (Там же, стр. 120. Подчеркнуто автором. *С. Н.*). Ясно? Каутский, автор «Этики...», ищет естественно-исторической основы нравственных чувств уже в животном мире, но нравственные нормы и чувства он считает историческими продуктами культуры,

---

[1]) См. сб. «Марксизм и этика», Л. Квессель, «Обезьяна в роли воспитателя»

[2]) Подчеркнуто Квесселем. *С. Н.*

а не доисторическими продуктами животного мира. Стало быть, не только «в особенности» Деборин, но даже Каутский, срывающийся в «Этике...» к механистическому пониманию различия между социальными инстинктами животных и социальными чувствами человека, не считает нравственных чувств доисторическими, априорными, вечными, неизменными формами (как это приписывает ему и «в особенности» Деборину М. Фурщик в своей недобросовестной или в лучшем случае невежественной критике «Этики...» Каутского и «в особенности» Деборина).

Теоретическую кульминацию статьи т. Фурщика составляет утверждение, что в учении о социальных инстинктах Каутский протаскивает вечный, неизменный, естественный, априорный, доисторический нравственный закон. «Вместо сократо-платоновско-кантианского априори Каутский ставит другое априори, натуралистическое». По Каутскому-де «Нравственные нормы — не что иное, как модификации одного и того же вечного, неизменного нравственного закона или первичного социального инстинкта». «Между Кантом и Каутским разница лишь в оттенках, но эти оттенки целиком остаются в пределах одного и того же идеалистического лагеря» [1]) («Большевик» № 6, стр. 55, 56, 57). Фурщик утверждает, что Каутский борется с кантианским трансцендентальным категорическим императивом, но протаскивает под видом социальных инстинктов свой собственный, натуралистический, каутскианский категорический императив. Специально и «в особенности» о т. Деборине, как это известно читателям «Большевика» и «Безбожника», Фурщик утверждает: «Исподтишка оставляется свой категорический императив в его каутскианской форме, т.-е. в виде нравственного чувства..., и одновременно штурмуется кантовский категорический императив» («Большевик», стр. 62), критикой аксельродовских об'ективных нравственных норм. «Аксельродовские «простые законы» нравственности остались, но их кантианское облачение заменено каутскианским». В этом т. Фурщик видит окончательный и «любопытный урок из полемики т. Деборина с Аксельрод-Ортодокс» («Большевик» № 6, стр. 68).

Посмотрим, откуда Фурщик позаимствовал центральный вывод своего обвинительного заключения против «Этики...» Каутского и «в особенности» Деборина. Даем слово духовному учителю Фурщика, бернштейнианцу Л. Квесселю: «Мы решительные противники «категорического императива», против которого, впрочем, все решительнее восстает все естествознание, но мы, тем не менее, не думаем, что мы его уже тем самым преодолеем, если докажем, что он продукт не духовного, а животного мира. Каутский, приписывая «категорическому императиву» другое происхождение, тем самым косвенно признает его действительность и существование и вместе с тем доказывает, что он сам все еще пребывает в кругу кантовских представлений» («Марксизм и этика», стр. 65. Разрядка наша. С. Н.).

Ленин считал, что в «Этике» Каутский, подобно Фейербаху и Энгельсу, критикует Канта слева, «с точки зрения, диаметрально противоположной юмизму и берклеанству», с точки зрения, тождественной «полному отрицанию всякого идеализма», а Квессель и его духовное чадо Фурщик утверждают, что Каутский протаскивает исподтишка свой категорический императив, оставаясь «все еще... в кругу кантовских представлений» (Квессель); что «между Кантом и Каутским... оттенки... в пределах одного и того же идеалистического лагеря» (Фурщик).

---

[1]) Подчеркнуто автором. *С. Н.*

Если по отношению к «Этике...» Каутского и к Деборину Фурщик подвизается как фальсификатор, то по отношению к Квесселю он поступает как плагиатор. Или, может быть, Фурщик незнаком с полемикой Квесселя—Каутского, тогда мы имеем любопытный пример конгениальности между заслуженным сотрудником «Социалистише Монатсгефте» Квесселем и начинающим сотрудником «Большевика» Фурщиком. Фурщик штурмует Каутского и «в особенности» Деборина аргументами критического социалиста, ревизиониста и социал-империалиста Л. Квесселя и либерала Бюхера. Это тоже ведь не мало «любопытный урок из полемики»... т. Фурщика с т. Дебориным.

Политическая подоплека выступления Квесселя против Каутского была разоблачена в свое время, тут же «на месте преступления» никем иным, как Каутским. Соц.-империалисту Квесселю важно было доказать между строк, что дикари (т.-е. туземное население колоний) лишены нравственных чувств, «цивилизации души», и нуждаются поэтому в опеке цивилизованных, культурных, т.-е. великодержавных, империалистических стран и народов. Квесселю важно было дать мимоходом этическое обоснование социал-империализму. В споре Квесселя с Каутским Квессель представлял собой критический социализм, ревизионизм, соц.-империализм и «социалистическую колониальную политику», а Каутский олицетворял собой революционный марксизм, марксистскую ортодоксию, интернационализм, в частности по вопросам колониальной политики. Вспомним, что дело происходило накануне знаменитого Штутгартского конгресса с не менее знаменитыми дебатами по колониальному вопросу. Мы не утверждаем, что Фурщик — социал-империалист, мы утверждаем только, что в оценке «Этики...» Каутского (и в «особенности» Деборина) он не особенно оригинален, что он просто ревизует Ленина и трогательно-конгениально совпадает с ультра-ревизионистом Квесселем. Вот и все.

Мы должны указать еще на один духовный источник, из которого Фурщик мог позаимствовать свою премудрость: на Кунова, заклятого врага и злобного критика всего Каутского, как довоенного, так и послевоенного.

Имея в виду Дарвина и Каутского, хотя и не называя их по имени, Кунов пишет, что в новейшей моральной философии нравы большей частью выводятся не из материальных условий общественной жизни, что «их существование рассматривается как действие или следствие неких заранее данных нравственных побуждений, инстинктов или чувств. Но все такие утверждения представляют собой голые конструкции». (Cunow, Die marxische Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie, II S. 274, 3-е изд.).

Но, возражает Кунов этим «новейшим моральным философам», «если какой-нибудь народ одарен от бога или природы нравственной идеей или определенным нравственным чувством, или нравственным инстинктом, то он ведь не может со своим культурным развитием менять свои нравы» (Там же, стр. 275. Разрядка наша С. Н.) Полемизируя с «марксистами-кантианцами», Кунов пишет: «Все эти попытки, находят ли они основу морали в каком-то врожденном человеку моральном чувстве или моральном ощущении, или же они ищут эту основу в конструированном мире чисто-интеллектуального воззрения, всегда исходят из... взгляда, что положительное конкретное содержание морали... т. н. эмпирическая мораль... есть только отражение неких вечных основных принципов, хотя в отдельности те или иные жизненные отношения могут оказать влияние на внешние проявления нравственности и особенное конкретное содержание отдельных моральных норм. «Как априорная (gegebene) основная причина

нравственности во всех этих случаях принимается особое нравственное стремление или инстинкт (Trieb), категорический императив...» (Там же, стр. 279—280). «Первичным и причиной (wirkendes) согласно этому взгляду является основной нравственный инстинкт (der sittliche Grundtrieb); положительное содержание... морали... есть лишь вытекающее из этого основного инстинкта следствие, вторичное» (Там же, стр. 280. Подчеркнуто везде нами. *С. Н.)*.

Если б мы не указали источника, читатель подумал бы, что мы продолжаем цитировать Фурщика. В действительности же дело обстоит несколько иначе: мы лишь выписали из Кунова целый ряд тезисов... Фурщика. Кунов, подобно Фурщику, одинаково резко отбрасывает учение о социальных инстинктах своих анонимных «новейших моральных философов» и категорический императив Канта; он почти отождествляет социальные инстинкты с категорическим императивом, ставит их рядом, бросает их в одну кучу и третирует их одинаково как некии априорные, первичные, неизменные, надисторические вечные основные принципы, законы, основания морали; он приписывает учению о социальных инстинктах раздвоение нравственного мира на неизменное нравственное чувство и изменчивые нравственные нормы — короче, он пишет в своем двухтомнике по марксистской социологии главу «Марксизм и этика» по... Фурщику. А Фурщик пишет свои возражения против Каутского и «в особенности» против Деборина по... Кунову: По Каутскому-де «нравственные нормы не что иное, как модификация одного и того же вечного, неизменного нравственного закона или первичного социального инстинкта» («Большевик» № 6, стр. 56). Фурщик утверждает также, что «в основе социальных обязанностей человеческой нравственности, по мнению т. Деборина, лежит первичный социальный инстинкт, что нравственность не является отражением общественного бытия, а заранее данной, т.-е. априорной» (Там же, стр. 61).

Но если так обстоит с историческим материализмом у Деборина «в особенности», то не лучше должно обстоять у автора «Этики и материалистического понимания истории» в частности. Фурщик и считает, что в «Этике» своим учением о социальных инстинктах «Каутский совершенно игнорирует основное положение исторического материализма, что общественное сознание отражает общественное бытие» («Большевик», стр. 51). Удивительно, как это Ленин мог игнорировать такое непозволительное отношение Каутского к основному положению исторического материализма и рекомендовать его «Этику...», как марксистскую, материалистическую работу. Если Ленин без помощи Фурщика не мог заметить идеалистического, антимарксистского характера учения о социальных инстинктах в «Этике...» Каутского (а ведь в этом учении—гвоздь книги!), то отсюда следует «еще один любопытный урок», что Ленин, рекомендуя «Этику...» Каутского, «совершенно игнорирует основное положение исторического материализма, что общественное сознание отражает общественное бытие». Никуда от этого вывода вы не уйдете, не могут уйти т. Фурщик и его школа в этике.

Мы сейчас окончательно убедимся, что общественное бытие Фурщика в качестве ортодокса, совершившего переворот в науке этики, отражает общественное сознание... Кунова: «И для области этики по воззрению Маркса действительно положение, что общественная структура образует реальный базис идеологии. А если это так, тогда превратный прием — искать основу морали и еще шире нравственности в т. н. врожденных нравственных ин-

стинктах или в нравственных законах, происходящих из разума» (Cunow, ibidem, стр. 294—295). Подобно Фурщику (гм!), Кунов неизменно бросает в одну кучу материалистическое учение о социальных инстинктах с кантовским категорическим императивом, и обвиняет их одинаково в игнорировании основного положения исторического материализма, что «общественная структура образует реальный базис идеологии». Фурщик «совершенно не игнорирует основного положения куновской этики. Кунов и Фурщик одинаково смешивают два различных вопроса: о естественно-исторических основах наших социальных инстинктов и общественно-историческом характере нравственности. Кунов не менее резко, чем Фурщик, настаивает на историческом характере нравственности. Как будто спор в этом, а не в том, допустимо ли для марксиста отрывать общество от природы, забывать о происхождении человека от обезьяны и колебать в вопросе о происхождении морали естественно-историческую основу марксизма. Фурщик, подобно Квесселю, не хочет иметь обезьяну своим нравственным воспитателем, он предпочитает ей... Кунова.

При сопоставлении «трудов» Кунова и Фурщика по этике получается не только тождество концепций, но и подозрительное сходство отдельных формулировок. Либо Кунов является отражением Фурщика, либо Фурщик — отражением Кунова. Но так как Кунов хронологически предшествует Фурщику на 9 лет (труд Кунова вышел в 1921 г., а «труд» Фурщика в 1930 г.), остается сделать еще один «любопытный урок из полемики» т. Фурщика с т. Дебориным, что Фурщик сделал у Кунова духовный заем, без указания источника. На языке литературной этики это называется плагиатом. Или, может быть, Фурщик не знаком с Куновым, тогда мы имеем не менее любопытный случай конгениальности Фурщика не только с Квесселем, но и с Куновым. Однако не слишком ли много конгениальности для одного человека?..

Фигура Кунова не нуждается в особых рекомендациях. Нашему читателю, конечно, известно, что он ультра-ревизионист и социал-империалист высшей марки. С точки зрения Кунова, нынешний Каутский страдает не столько от ревизионизма, сколько от недостатка ревизионизма. Для Кунова даже послевоенный Каутский слишком ортодокс, радикал и революционер. Что же касается специально-этических воззрений Кунова, то мы дорисуем его этический портрет только двумя штрихами: «на ряду с общепринятой общественной моралью существует также государственная, классовая, сословная, профессиональная, партийная мораль» (Подчеркнуто Куновым. *С. Н.;* стр. 302). По Кунову имеется общеобязательная, общепринятая, общественная мораль, которая существует рядом с «моралями» различных общностей внутри общества. Это, так сказать, из этической оперы Ортодокс-Аксельрод (общеобязательные, «об'ективные нравственные нормы» на ряду с классовыми нормами морали).

В чем же назначение морали по Кунову? Кунов в этом вопросе «не согласен» с Кантом. А именно: Кант сводит этическую проблему к установлению некой гармонии между личностью и обществом, ибо он не знает антагонизма между различными общностями внутри общества (напр., между классами). «По Марксу же существует противоречие (антагонизм) не только между индивидуумом и обществом, но также между существующими внутри общества различными общностями, равно как и между этими общностями и самим обществом. Проблема морали состоит не только в задаче установления известной гармонии между индивидуумом и обществом, она гораздо сложнее и труднее, ибо задача простирается до того, чтобы добиться примирения всех этих различных противоречий» (Там же, стр. 301). Краткий смысл этой длинной ти-

гады: этика должна примирить классовые противоречия, разумеется, общеобязательными нормами морали. Это — этический социализм, вполне тождественный этическому либерализму... Мы не утверждаем, что Фурщик разделяет все либеральные выводы из Куновской этики. Мы только констатируем, из какого «марксистского» источника Фурщик позаимствовал «свой» тезис, что «учение о социальных инстинктах в корне антимарксистское, в прямом смысле слова враждебное учению Маркса, Энгельса и Ленина о классовой борьбе». «И еще один любопытный урок из полемики» Фурщика с Дебориным: «этика» Фурщика предпочитает этику либерала Кунова «либеральной» «этике» Каутского, рекомендованной Лениным.

IV. Фурщик прорабатывает Плеханова, а заодно и... Ленина.

М. Фурщик прорабатывает тов. Деборина трижды: во-первых, в образе довоенного Каутского, во-вторых, в лице довоенного Плеханова и, наконец, только, в-третьих, и «в особенности», под видом самого Деборина. Самого же Деборина он рассматривает все время как инобытие Каутского и Плеханова. Посмотрим на претензии Фурщика к Плеханову. Плеханов писал в своих знаменитых примечаниях к «Людвигу Фейербаху» Энгельса, что «в основе нравственности лежит стремление не к *личному счастью*, а к *счастью целого*: племени, народа, класса, человечества. Это стремление не имеет ничего общего с *эгоизмом*. Напротив, оно *всегда* предполагает большую или меньшую степень *самопожертвования*. И так как социальные чувства могут передаваться от поколения к поколению и усиливаться путем естественного отбора (см. очень дельные замечания Дарвина на этот счет в его книге о происхождении человека), то самоотвержение может принять иногда такой вид, как будто бы оно было делом «автономной воли», чуждой всякой примеси «способности желания».

[«Но это бесспорное обстоятельство нимало не исключает *утилитарной основы* этой возвышенной способности. Если бы самоотвержение не было полезно данному обществу, классу или, наконец, данному животному виду в его борьбе за существование (напомним, что социальные чувства свойственны *не только* человеку), то оно было бы чуждо особям, принадлежащим к этому обществу, классу или виду. Вот и все]. Данная особь родится с априорной способностью к самоотвержению точно так же, как родится она [по вышеприведенному (в примечании шестом) замечанию Рейнке] с «априорной способностью к дыханию и пищеварению»; *но в этой «априорности нет ничего таинственного: она постепенно образовалась в длинном-длинном процессе развития»* (Последние слова подчеркнуты нами. *С. Н.*).

Цитируя это место (с пропуском целого ряда важнейших мыслей Плеханова, которые заключены нами в квадратные скобки), тов. Фурщик утверждает, что Плеханов отступает здесь от марксизма. А именно, Плеханов кладет здесь в основу нравственности натуралистическое априори — априорное стремление к счастью целого,—априорную способность к самоотвержению, к самопожертвованию, лежащую в природе человека, как социального животного. Вместо того, чтобы дать бой всякому априори, Плеханов же заменяет трансцендентальное априори Канта натуралистическим априори Дарвина-Каутского. «Марксизму же чуждо всякое априори, натуралистическое в том числе» («Большевик» № 6, стр. 58). Энгельс требует, чтобы от идеальных побудительных сил, которые сплошь и рядом определяют нашу волю, мы всегда шли «дальше к их движущим причинам», к историческим причинам, «которые отразились в головах людей в виде данных побуждений», а Плеханов де останавливается на идеальной побудительной силе, видя основу

нравственности в стремлении к счастью целого. «Г. В. Плеханов в сравнении «врожденной априорной способности к самопожертвованию», с «априорной способностью к дыханию и пищеварению» видит решение вопроса об основе нравственности» — иронизирует Фурщик над Плехановым. «По мысли Плеханова история остается в стороне в отношении основы нравственности, точно так же, как она остается в стороне в отношении пищеварения» (Там же, стр. 59). Между тем по Марксу исторично не только производство, но и потребление, ибо «предмет и способ потребления определяется производством, лежащим в основе истории» — аргументирует Фурщик против Плеханова на основании известных рассуждений Маркса о производстве и потреблении во «Введении «К критике политэкономии».

Прежде чем иронизировать над Плехановым, Фурщику следовало бы вдуматься и понять Плеханова. Но ни на то, ни на другое, он не способен, ибо Плеханов виноват уж тем, что Фурщику хочется кушать, хочется в образе Плеханова скушать Деборина, как инобытие Плеханова. Плеханов сравнивает «априорную способность к самопожертвованию» с «априорной способностью к дыханию и пищеварению». Совершенно верно, но эта последняя способность разве тождественна пищеварению и дыханию, т.-е. потреблению пищи и воздуха? Нет, она тождественна только органами пищеварения и дыхания, краткости ради скажем: желудку и легким, которые и являются носителями этой способности. А желудок и легкие столь же априорны, как и апостериорны. Они апостериорный продукт развития ребенка в чреве матери и априорные предпосылки самостоятельного пищеварения и дыхания с момента рождения ребенка. Социальные инстинкты и чувства, «априорная способность к самопожертвованию», «стремление к счастью целого» (вырабатывающееся уже у общежительных животных в процессе их естественно-исторического развития) — есть апостериорный продукт естественно-исторического процесса и априорная предпосылка общественно-исторического процесса развития нравственности. Априори само оказывается апостериори, т.-е. продуктом предшествующей естественной истории. «Но в этой «априорности» нет ничего таинственного; она постепенно образовалась в длинном - длинном процессе развития». Именно поэтому Плеханов говорит об «априорности» в иронических кавычках.

Вот этой тонкой и абсолютно-правильной мысли Плеханова Фурщик просто не замечает и гремит, что у Плеханова история остается в стороне от нравственности. Чего не понимает Фурщик? Что доистория есть тоже история. По Энгельсу величайшая заслуга Дарвина как раз в том и заключается, что он доказал «историческое развитие в природе». Как известно, Гегель, например, стоял в этом отношении бесконечно ниже Дарвина, ибо у Гегеля «природа неспособна к развитию во времени». (Энгельс, «Л. Фейербах»), т.-е. к историческому развитию.

Итак, история природы, естественная история, есть тоже история. Это во-первых. Во-вторых, откуда следует, что у Плеханова «общественная история остается в стороне от нравственности? Ведь Плеханов кладет в основу нравственности не стремление к счастью целого вообще, а весьма и весьма конкретного целого: племени, народа, класса, человечества. Казалось бы, что это все—конкретно-исторические категории. Наконец, в пропущенных Фурщиком местах Плеханов говорит, что основа нравственности,—возвышенная способность к самопожертвованию во имя целого,—сама имеет свою утилитарную притом конкретно-историческую основу: «Если б самоотвержение не было полезно данному обществу, классу или, наконец, данному животному виду в его борьбе за существование, то оно было бы чуждо особям, принадлежащим к этому обществу,

классу или виду» (Подчеркнуто нами. *С. Н.*). Читатель, не заинтересованный в извращении взглядов Плеханова, отлично видит, что у Плеханова «априорная» способность к самопожертвованию и стремление к счастью целого, есть в то же время апостериорный продукт истории данного общества, класса и вида (продукт естественной истории, поскольку речь идет о виде животных — и общественной истории, поскольку речь идет о племенах, народах, классах, обществе, человечестве. Заметим, что человечество есть тоже историческая категория. Эту категорию, к которой Фурщик может еще придраться, употребляет один очень видный «каутскианец» и «плехановец»: «человечество никогда не ставит себе неразрешимых задач» (Маркс, «Введение «К критике политэкономии»).

Фурщик эпически повествует: «Что тов. Деборин солидаризируется с Плехановым, повторяя вслед за ним, что «в основе нравственности лежит стремление к счастью целого» и что «это стремление предполагает большую или меньшую степень самопожертвования — ясно само собой» («Большевик», стр. 63) [1]. Увы, «ясно само собой», что и в этом месте фурщик подчищает цитату из Деборина. «После «целого» у Деборина сказано, как и у Плеханова, какого «целого», а именно: «племени, народа, класса, человечества» («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 19). В таком подчищенном виде Деборина, конечно, легче критиковать, особенно если «отвлечься», подобно Фурщику, от всего контекста, в котором до и после цитаты из Плеханова Деборин говорит о классовом характере нравственности в антагонистическом обществе: «Этика есть наука о нравственных воззрениях людей данного общества» (а не общества или целого вообще, т. Фурщик! *С. Н.*). Так как мы живем в классовом обществе, то нравственные (как и правовые) воззрения людей определяются в общем и целом их классовым положением в этом обществе (в этом классовом обществе, т. Фурщик. *С. Н.*). В основе нравственности, как говорит Плеханов, лежит стремление к счастью целого: племени, народа, класса, человечества (не целого вообще, а конкретно-исторического целого, т. Фурщик! *С. Н.*). Это стремление предполагает большую или меньшую степень самопожертвования. В первобытном племени, где нет частной собственности, господствует равенство и братство между его членами. В таком обществе нет противоречия между интересами личности и коллектива, поэтому личность не только не отделяет себя от коллектива, от целого, но отождествляет себя с ним. Отдельные члены этого коллектива всегда готовы пожертвовать собою во имя интересов целого. Иначе обстоит дело в современном буржуазном обществе, распадающемся на классы с противоположными интересами. Впрочем, то, что справедливо по отношению к буржуазному обществу, в основном справедливо и по отношению ко всякому классовому обществу» («П. З. М.» 1928 г. № 1, стр. 19).

Оказывается, что по Деборину основа нравственности, «априорное» стремление к счастью целого у общественного человека, носит от начала до конца исторический характер, один в бесклассовом, другой — в классовом обществе, в зависимости от конкретно-исторического характера самого этого «целого». Основой основы нравственности оказываются общественные отношения, в антагонистическом обществе — классовые отношения; все у Деборина обстоит благополучно, в полном марксистском порядке...

Что же делает Фурщик, сократив Деборина на «целое» содержание его действительных взглядов по вопросам этики? Ответ Фурщика очень прост: «Если в основе нравственности лежит «стремление к счастью целого», то...

---

[1] Мы еще раз напоминаем, что мы не несем никакой ответственности за стиль т. Фурщика. *С. Н.*

значит Деборин, Каутский и Плеханов стоят на позиции абсолютного добра. «Позиция Каутского, Плеханова и следующего за ним тов. Деборина логически ведет к либерально-слащавому тезису знаменитого поэта Ф. Шиллера: человек добр. И на самом деле, если человеку, как таковому, свойственно стремление к счастью целого и самопожертвование во имя этого счастья целого, то это и означает: человек добр. А это положение, как либеральное и мелкобуржуазное, в корне противоречит революционному марксизму» («Большевик», стр. 63 — 64) (Подчеркнуто нами. *С. Н.*).

Прежде всего мы заметим, что марксизм не утверждает и противоположного: человек зол. Фурщик, следуя Протагору («человек мера вещей»!), видимо, склоняется к мысли, что: человек зол. Во всяком случае тон всей статьи Фурщика свидетельствует, что человек зол, т.-е. что данный человек (Фурщик) зол... на Деборина. Но это между прочим. А главное, откуда Фурщик берет, что по Деборину стремление к счастью целого свойственно человеку, как таковому, т.-е. человеку вообще? Ведь у Деборина речь все время идет не о целом, как таковом, и не о человеке как таковом, не об абстрактном человеке и целом, а о человеке данного целого, данного общества, данного коллектива, данного класса.

Деборин, как и Плеханов, не утверждает, что человек добр; они только утверждают, что он нравственен с точки зрения данного коллектива, если он добр по отношению к этому коллективу. Более того, Деборин утверждает, что «нравственные поступки рабочего, направленные к укреплению солидарности его класса... хороши именно потому, что они безнравственны, т.-е. злы, с точки зрения класса угнетателей, класса эксплоататоров. Добро и зло существуют рядом, являясь противоположностями, друг друга обуславливающими («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 20; разрядка Деборина). Стало быть, по Деборину, как и по Энгельсу, человек нравственен, когда он добр по отношению к своему классу и — именно поэтому! — зол по отношению к враждебному классу. Добро и зло понимаются Дебориным как относительные противоположности; добро и зло не только противоположны, но и едины, они друг друга обуславливают и порождают, и являются у Деборина от начала до конца диалектическими историческими категориями. Как все это похоже на либерально-слащавый тезис Шиллера: человек добр! Деборин столь же похож на Шиллера, как Фурщик на Гегеля! По Гегелю «зло ведет вперед», а Фурщик вообразил, что злоба ведет вперед и на этом основании воображает себя марксистом и злобствует до потери чувства смешного (это — эстетическое чувство) и чувства правдивости при изложении и толковании взглядов Деборина (а это уже... этическое чувство и очень важное орудие об'ективного познания).

Фурщик со свойственной ему «тонкостью» слегка иронизирует над новоявленными учениками Шиллера, над Плехановым и Дебориным, разговаривающими о каком-то стремлении к счастью целого, о готовности к самопожертвованию и самоотвержению во имя этого целого. Во времена подполья партию по цензурным соображениям называли «целым». Ликвидаторы утверждали, что «целое» умерло, а большевики и меньшевики-«партийцы» (Плеханов!) боролись за это «целое», шли во имя «целого» на всякие жертвы, стремились к целости, т.-е. к счастью этого целого. И, несомненно, что партийным критерием нравственности, партэтики в те времена (как до и после них) у марксистов, — а не у ликвидаторов! — считалась готовность итти на самопожертвование во имя «целого», т.-е. во имя партии, как авангарда рабочего класса.

Эта способность жить, бороться и умереть за рабочий класс и его партию считается у нас «априорной» способностью, предпосылкой

для вступления в партию, но предполагается, что эта «априорная» способность есть апостериорный продукт всего политического развития данного индивида до его вступления в партию,— а затем уже эта апостериорно-априорная способность отдаться «целому» укрепляется, развивается и закаляется на протяжении всей истории пребывания члена партии внутри партии. Если «априорная» способность оказывается неспособной к дальнейшему историческому развитию у данного индивида, его, как шкурника, выгоняют из партии. Казалось бы, ясно? Вот как обстоит дело с априорной способностью к самопожертвованию во имя «целого» с точки зрения партэтики.

Недаром Ленин писал в «Тезисах об основных задачах II конгресса КИ», что осуществление пролетариатом его революционной гегемонии и диктатуры «невозможно без готовности и способности его на величайшие жертвы ради победы над буржуазией... И принципиальное, и практическое значение в этом отношении имеет опыт России, где пролетариат не мог бы осуществить своей диктатуры, не мог бы завоевать себе общепризнанного уважения и доверия всей трудящейся массы, если бы он не принес больше всего жертв и не голодал сильнее всех остальных слоев этой массы в самые трудные времена натиска, войны, блокады со стороны всемирной буржуазии» (т. XVII, стр. 238). Оказывается, что готовность и способность к самопожертвованию во имя целого, во имя трудящейся массы является по Ленину принципиальной и практической основой диктатуры пролетариата, и еще какой основой: основой, без которой невозможно осуществление диктатуры пролетариата. Тов. Фурщик, вы обязаны тут же на месте уличить Ленина в идеализме; ибо говорить, что осуществление пролетарской диктатуры невозможно без готовности и способности пролетариата на величайшие жертвы ради целого, ради трудящейся массы, «означает остановиться на идеальной побудительной силе» (как вы изволите упрекать Плеханова и Деборина по поводу их утверждения, что в основе нравственности лежит стремление к счастью целого и готовность к самопожертвованию во имя этого целого). Вы, конечно, скажете, что, вероятно, Ленин до этого вскрыл экономические и вообще исторические условия осуществления диктатуры пролетариата. И вы не ошибетесь в своем предположении. Но ведь Деборин и Плеханов и до, и после, и «во время» своего определения основы нравственности не мало говорит об исторических, социальных, классовых основах нравственности.

В чем же дело? А очень просто. Плеханов, Ленин, Деборин рассматривают нравственность и политику, т.-е. классовую борьбу, как диалектики, с точки зрения исторического, а не экономического материализма [1]), который прет наружу из всех рассуждений Фурщика об основах нравственности. Диалектико-материалистическое понимание истории считает экономику главной, но отнюдь не единственной силой исторического развития. Политика и идеология (в том числе готовность к самопожертвованию во имя целого) оказывают обратное влияние на свою экономическую основу. «Экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки» (Энгельс, письмо к Блоху). Но сказать, что надстройки во многих случаях определяют преимущественно форму исторической борьбы, означает, что надстройки являются

---

[1]) Мы говорим о Плеханове-философе. Плеханов-политик был поразительным не-диалектиком, софистом, метафизиком и вульгарнейшим экономическим материалистом, как до, так и после своего социал-патриотического падения. Те же методологические черты выступают у Плеханова в его ренегатских откровениях о «простых законах нравственности и права».

значит Деборин, Каутский и Плеханов стоят на позиции абсолютного добра. «Позиция Каутского, Плеханова и следующего за ним тов. Деборина логически ведет к либерально-слащавому тезису знаменитого поэта Ф. Шиллера: человек добр. И на самом деле, если человеку, как таковому, свойственно стремление к счастью целого и самопожертвование во имя этого счастья целого, то это и означает: человек добр. А это положение, как либеральное и мелкобуржуазное, в корне противоречит революционному марксизму» («Большевик», стр. 63 — 64) (Подчеркнуто нами. *С. Н.*).

Прежде всего мы заметим, что марксизм не утверждает и противоположного: человек зол. Фурщик, следуя Протагору («человек мера вещей»!), видимо, склоняется к мысли, что: человек зол. Во всяком случае тон всей статьи Фурщика свидетельствует, что человек зол, т.-е. что данный человек (Фурщик) зол... на Деборина. Но это между прочим. А главное, откуда Фурщик берет, что по Деборину стремление к счастью целого свойственно человеку, как таковому, т.-е. человеку вообще? Ведь у Деборина речь все время идет не о целом, как таковом, и не о человеке, как таковом, не об абстрактном человеке и целом, а о человеке данного целого, данного общества, данного коллектива, данного класса.

Деборин, как и Плеханов, не утверждает, что человек добр; они только утверждают, что он нравственен с точки зрения данного коллектива, если он добр по отношению к этому коллективу. Более того, Деборин утверждает, что «нравственные поступки рабочего, направленные к укреплению солидарности его класса... хороши именно потому, что они безнравственны, т.-е. злы, с точки зрения класса угнетателей, класса эксплоататоров. Добро и зло существуют рядом, являясь противоположностями, друг друга обуславливающими («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 20; разрядка Деборина). Стало быть, по Деборину, как и по Энгельсу, человек нравственен, когда он добр по отношению к своему классу и — именно поэтому! — зол по отношению к враждебному классу. Добро и зло понимаются Дебориным как относительные противоположности; добро и зло не только противоположны, но и едины, они друг друга обуславливают и порождают, и являются у Деборина от начала до конца диалектическими, историческими категориями. Как все это похоже на либерально-слащавый тезис Шиллера: человек добр! Деборин столь же похож на Шиллера, как Фурщик на Гегеля! По Гегелю «зло ведет вперед», а Фурщик воображает, что злоба ведет вперед и на этом основании воображает себя марксистом и злобствует до потери чувства смешного (это — эстетическое чувство) и чувства правдивости при изложении и толковании взглядов Деборина (а это уже... этическое чувство и очень важное орудие об'ективного познания).

Фурщик со свойственной ему «тонкостью» слегка иронизирует над новоявленными учениками Шиллера, над Плехановым и Дебориным, разговаривающими о каком-то стремлении к счастью целого, о готовности к самопожертвованию и самоотвержению во имя этого целого. Во времена подполья партию по цензурным соображениям называли «целым». Ликвидаторы утверждали, что «целое» умерло, а большевики и меньшевики-«партийцы» (Плеханов!) боролись за это «целое», шли во имя «целого» на всякие жертвы, стремились к целости, т.-е. к счастью этого целого. И, несомненно, что партийным критерием нравственности, партэтики в те времена (как до и после них) у марксистов, — а не у ликвидаторов! — считалась готовность итти на самопожертвование во имя «целого», т.-е. во имя партии, как авангарда рабочего класса.

Эта способность жить, бороться и умереть за рабочий класс и его партию считается у нас «априорной» способностью, предпосылкой

для вступления в партию, но предполагается, что эта «априорная» способность есть апостериорный продукт всего политического развития данного индивида до его вступления в партию,— а затем уже эта апостериорно-априорная способность отдаться «целому» укрепляется, развивается и закаляется на протяжении всей истории пребывания члена партии внутри партии. Если «априорная» способность оказывается неспособной к дальнейшему историческому развитию у данного индивида, его, как шкурника, выгонят из партии. Казалось бы, ясно? Вот как обстоит дело с априорной способностью к самопожертвованию во имя «целого» с точки зрения партэтики.

Недаром Ленин писал в «Тезисах об основных задачах II конгресса КИ», что осуществление пролетариатом его революционной гегемонии и диктатуры «невозможно без готовности и способности его на величайшие жертвы ради победы над буржуазией... И принципиальное, и практическое значение в этом отношении имеет опыт России, где пролетариат не мог бы осуществить своей диктатуры, не мог бы завоевать себе общепризнанного уважения и доверия всей трудящейся массы, если бы он не принес больше всего жертв и не голодал сильнее всех остальных слоев этой массы в самые трудные времена натиска, войны, блокады со стороны всемирной буржуазии» (т. XVII, стр. 238). Оказывается, что готовность и способность к самопожертвованию во имя целого, во имя трудящейся массы является по Ленину принципиальной и практической основой диктатуры пролетариата, и еще какой основой: основой, без которой невозможно осуществление диктатуры пролетариата. Тов. Фурщик, вы обязаны тут же на месте уличить Ленина в идеализме; ибо говорить, что осуществление пролетарской диктатуры невозможно без готовности и способности пролетариата на величайшие жертвы ради целого, ради трудящейся массы, «означает остановиться на идеальной побудительной силе» (как вы изволите упрекать Плеханова и Деборина по поводу их утверждения, что в основе нравственности лежит стремление к счастью целого и готовность к самопожертвованию во имя этого целого). Вы, конечно, скажете, что, вероятно, Ленин до этого вскрыл экономические и вообще исторические условия осуществления диктатуры пролетариата. И вы не ошибетесь в своем предположении. Но ведь Деборин и Плеханов и до, и после, и «во время» своего определения основы нравственности не мало говорят об исторических, социальных, классовых основах нравственности.

В чем же дело? А очень просто. Плеханов, Ленин, Деборин рассматривают нравственность и политику, т. е. классовую борьбу, как диалектики, с точки зрения исторического, а не экономического материализма [1]), который прет наружу из всех рассуждений Фурщика об основах нравственности. Диалектико-материалистическое понимание истории считает экономику главной, но отнюдь не единственной силой исторического развития. Политика и идеология (в том числе готовность к самопожертвованию во имя целого) оказывают обратное влияние на свою экономическую основу. «Экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки» (Энгельс, письмо к Блоху). Но сказать, что надстройки во многих случаях определяют преимущественно форму исторической борьбы, означает, что надстройки являются

[1]) Мы говорим о Плеханове-философе. Плеханов-политик был поразительным не-диалектиком, софистом, метафизиком и вульгарнейшим экономическим материалистом, как до, так и после своего социал-патриотического падения. Те же методологические черты выступают у Плеханова в его ренегатских откровениях о «простых законах нравственности и права».

сплошь и рядом определяющим условием, причиной и ближайшей основой формы, т.-е. закона содержания истории. Диалектика обязывает применить это положение Энгельса и к основе нравственности. Способность к самопожертвованию во имя данного целого является ближайшей основой нравственности данного целого, напр., класса. Разумеется, что эта ближайшая основа имеет свою более отдаленную основу, в конечном счете — экономическую, ибо класс в себе есть экономическая категория.

Стало быть, чтобы опровергнуть утверждение Плеханова и Деборина, что основой нравственности является готовность к самопожертвованию во имя целого, Фурщик должен потрудиться опровергнуть предварительно учение Ленина о диктатуре пролетариата и Энгельса о диалектическом взаимодействии экономики, политики и идеологии. Если бы Фурщик стал увертываться, что спор идет совсем об истории, а не об экономике, как основе нравственности, что он возражает главным образом против натуралистического, доисторического априори, против априорной способности к самопожертвованию во имя целого, как основе нравственности, — то и в этом случае Фурщику не уйти от преследований Энгельса. Мы почтительно обращаем внимание т. Фурщика на следующее место из письма к К. Шмидту: «Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе — религии, философии и т. д. (подчеркнуто Энгельсом. *С. Н.*) (до этого у Энгельса идет речь о государстве, политике и праве. *С. Н.*), то у них имеется доисторическое содержание, находимое и усваиваемое историческим периодом»... Что у философии имеется доисторическое содержание, нам уже известно из предыдущего: вспомним рассуждения Энгельса о логике животных—«основные черты метода одинаковы у человека и у животного» — индукция, дедукция, абстракция, анализ, синтез, эксперимент («Диалектика природы», стр. 40). Но в религии тоже имеется доисторическое, дочеловеческое содержание. В «Диалектике природы» Энгельс замечает очень тонко, что собака любит своего господина, как бога. Это значит, что в религии имеется нечто от собачьей преданности господину. Если религия, философия и т. д. имеют доисторическое содержание, усваиваемое историческим периодом, почему нельзя этого оказать относительно нравственности? Ведь она тоже относится к еще более высоким идеологическим областям и имеет все права на жительство в том «и т. д.», которое у Энгельса следует за религией и философией. Такое доисторическое содержание нравственности, усваиваемое историческим периодом, представляют собой общественные инстинкты, о которых мы уже знаем из письма Энгельса к Лаврову, что они были «одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны». История содержит доисторию в снятом виде. Нравственность содержит социальные инстинкты в снятом виде. Фурщику некуда податься, у него нет другого выбора, как либо метить в Деборина и попадать в Энгельса и Ленина, либо склониться перед авторитетом Энгельса и Ленина и оставить в покое Деборина.

V. Фурщик—духовное чадо Л. И. Аксельрод и Фр. Шиллера (а заодно и М. Адлера, Кунова, и Каутского).

«Нельзя толковать о праве и нравственности, не касаясь вопроса о так наз. свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между свободой и необходимостью» (Энгельс, «Анти-Дюринг», 2-е изд., 1929 г., стр. 102). Этика Фурщика тоже дает ответ на этот вопрос. Из алхимической реторты Фурщика Деборин выходит на этот раз сторонником абсолютного добра, свободы воли и кантианского категорического императива в коммунистическом обществе. Деборин пишет: «Кто стоит на почве абсолютного

добра в антагонистическом обществе, тот не понимает того, что он приносит зло, как раз наиболее угнетенным» («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 20. Подчеркнуто Дебориным. *С. Н.*). По этому поводу Фурщик замечает глубокомысленно: «Выходит, что стоять на почве абсолютного добра нельзя лишь по отношению к антагонистическому обществу. Это в корне неверно, это не марксизм. Марксизму чуждо понятие абсолютного добра. На почве абсолютного добра нельзя стоять и в отношении бесклассового общества. Добро относительно потому, что оно исторично» («Большевик» № 6, стр. 64. Подчеркнуто автором. *С. Н.*). «Выходит», что Фурщик просто не понимает критикуемого текста: увы, Деборин ставит логическое ударение не там, где это хочется Фурщику. Фурщик был бы прав, если б Деборин сказал: «Кто стоит на почве абсолютного добра в антагонистическом обществе» и т. д., тогда отсюда вытекало бы, что по Деборину в бесклассовом обществе можно стоять на почве абсолютного добра. Но Деборин сказал не это; логическое ударение у него направлено своим острием против абсолютного добра. Коммунистического общества Деборин здесь просто не касается, он и между строк не подымает вопроса, что будет с категорией абсолютного добра в коммунистическом обществе, он только утверждает, что в антагонистическом обществе нельзя стоять на почве абсолютного добра. Вот и все. «Выходит», что у Фурщика ничего не выходит.

А если уже поставить вопрос о категории абсолютного добра в коммунистическом обществе, то дело обстоит не так просто и метафизически, как это представляется Фурщику: что категория абсолютного добра абсолютно неприменима даже при коммунизме. Добро относительно не только потому, что оно исторично, но также и в особенности потому, что в антагонистическом обществе оно имеет классовый характер. В бесклассовом обществе добро будет историчным, но бесклассовым, общечеловеческим. Человек коммунистического общества будет добр ко всему человечеству, ибо в бесклассовом, безгосударственном и безнациональном обществе некому и не за что причинять зло. А это и будет приближением к абсолютному добру, абсолютному не в смысле неисторичности, а в смысле общечеловечности. Фурщик мыслит себе различие между абсолютным и относительным абсолютно-метафизически: это для него полярные противоположности. Для материалистической диалектики все противоположности относительны; различие между относительным и абсолютным добром так же относительно, как относительно различие между относительной и абсолютной истиной. Фурщик скатывается в этом вопросе к голенькому, абстрактному, абсолютному релятивизму.

Ленин определенно утверждает, что в коммунистическом обществе человек будет «добр»: «люди постепенно привыкнут[1]) к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения...» (т. XIV, ч. 2, стр. 370. Разрядка наша. *С. Н.*). Иначе говоря,: «Подлинно-человеческая мораль, возвышающаяся над классовыми противоречиями и над воспоминаниями о них, будет возможна лишь на такой стадии общественного развития, когда не только будет преодолена противоположность классов, но изгладится и след ее в практической жизни» (Энгельс, «Анти-Дюринг», 2-е изд., 1929 г., Гиз, стр. 85).

Фурщик ополчается на Деборина за то, что последний солидаризируется со следующим местом из «Этики» Каутокого: «основной закон чистого практического разума только тогда имеет смысл, когда в обществе, в котором мы

[1]) Разрядка Ленина. *С. Н.*

живем, возможно «всеобщее законодательство», т.-е. не противоречивая система требований к отдельной личности, и когда воля каждого свободна, и выполнение и невыполнение этих требований зависит исключительно от желания индивида» («П. З. М.» 1928 г., № 1, стр. 22). Фурщик утверждает, что Деборин вслед за Каутским скатился здесь к признанию действительности фантомов свободы воли и категорического императива в коммунистическом обществе. Фурщик считает рассуждение Каутского неверным от начала до конца, ибо: 1) «категорический императив не имеет смысла ни в каком обществе»; 2) «и в будущем обществе воля каждого индивида будет определяться общественными отношениями»; 3) «выполнение и невыполнение требований общества будет зависеть не только от желания индивида, но и от суб'ективных и об'ективных возможностей». На основании всей этой «богатой» аргументации, не меньше, чем на трояком основании, Фурщик приходит к ироническому заключению, что «плохого, рокового руководителя в марксизме выбрал т. Деборин в лице Каутского» («Большевик», стр. 64). (Читатель, конечно, хорошо помнит, что мы не отвечаем за стиль Фурщика. *С. Н.*).

Беда Фурщика в том, что ирония доступна ему только в ветеринарных дозах. Он совершенно не понял тонкой иронии, заключающейся в утверждении, что категорический императив может иметь смысл только в социалистическом обществе: это значит, что из категорического императива, пригодного для всех времен, он превращен в условный императив. Категорический императив есть абстрактный, формальный, нравственный закон для всех эпох, народов, стран и классов. Императив, пригодный только в одну эпоху, лишен категоричности. Императив, пригодный только в бесклассовом обществе, не соответствует назначению категорического императива — примирить социальные антагонизмы между индивидуумом и обществом, а самое главное между классами. Из трояского основания для иронии над Дебориным вылетело в трубу первое основание. Не веселей обстоит и со вторым основанием. Ведь утверждение, что в социалистическом обществе воля индивида будет свободна, нисколько не противоречит той истине, что эта воля будет детерминироваться общественными отношениями.

Энгельс как будто не был индетерминистом. Тем не менее, он считал, что социалистический «общественный строй будет... собственным, свободным делом», сознательным делом социализированных людей. «И это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы» («Анти-Дюринг», стр. 268). Точно так же думал и Маркс: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно материального производства... Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют... свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль вместо того, чтобы, напротив, он, как слепая сила, господствовал над ними; в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных и адекватных их человеческой природе. Но, тем не менее, это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвесть лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» (Капитал, т. III, ч. 2, стр. 291, изд. 5-е, 1930 г. Подчеркнуто нами. *С. Н.*). Коммунистическое общество будет истинным царством свободы, потому что оно обеспечит

все необходимые материальные условия для развития человеческой силы, которое является самоцелью! — чем это утверждение Маркса отличается от еретических мыслей довоенного Каутского и Деборина на сей предмет? Более того, Маркс утверждает здесь, что человек является и в коммунистическом обществе будет самоцелью! Ведь этим самым Маркс утверждает, что при коммунизме будет иметь смысл «основной закон чистого практического разума»: «Поступай так, чтобы человечество как в твоем собственном лице, так и в лице каждого всегда служило для тебя и целью, а не только средством». Последовательности ради Фурщик обязан обвинить Маркса в кантианстве! Ну, и стрелок: метил в Деборина, а попал в Маркса и Энгельса!

Фурщик считает допущение свободы воли индивида в коммунистическом обществе несовместимым с детерминизмом. Почему?.. Потому, что... Шопенгауэр, видите ли, понимает под свободой воли и свободой выбора независимость от об'ектов: «Человек определяет себя, независимо от наличных об'ектов, посредством мыслей, которые являются его мотивами». На этом основании—на основании Шопенгауэра! Фурщик приходит к заключению, что «допущение свободной воли... ведет к мистике, открывающей дверь настежь мракобесию, чертовщине» («Большевик» № 6, стр. 57). Запомним этот чертовски страшный вывод и раскроем «Анти-Дюринга»: «Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей. Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения с знанием дела» (стр. 103. Разрядка наша. *С. Н.*). Энгельс отвергает свободу воли в шопенгауэровском смысле, как воображаемую независимость от об'ектов, от об'ективных законов природы, и допускает свободу воли, как сознательный выбор решения, на основе познания необходимости. Свобода воли с точки зрения диалектического материализма означает способность действовать со знанием дела. Энгельс допускает свободу воли. Вывод? Фурщик должен обвинить Энгельса в «мистике, открывающей дверь настежь мракобесию и чертовщине». Фурщик не согласен ни с идеалистом Шопенгауэром, ни с диалектическим материалистом Энгельсом, потому, что проблему свободы воли сам он разрешает в духе механического, метафизического материализма XVIII в.: воля не свободна потому, что она определяется средой. Но кто отрицает свободу воли в диалектическом ее понимании, тот стоит на почве фатализма. Это и есть позиция Фурщика в вопросе о свободе воли.

Остается третье и последнее основание, которое стоит и падает вместе со вторым: «Выполнение и невыполнение требований общества будет зависеть не только от желания индивида, но и от суб'ективных и об'ективных возможностей». Разумеется, что и в коммунистическом обществе будет действовать закон причинности: не только исполнение, но и возникновение желаний, стремлений и целей индивида будет зависеть в конечном счете от материальных условий общественной жизни; и в коммунистическом обществе целесообразность будет подчиненным моментом причинности. Но у Каутского в «Этике» и у Деборина речь идет совсем о другом вопросе: следуя Марксу и Энгельсу, они утверждают, что в коммунистическом обществе воля каждого свободна, и выполнение и невыполнение этих требований зависит исключительно от желания индивида», а не от принуждения, т. Фурщик, ибо в бесклассовом обществе «люди постепенно привыкнут[1]) к соблюдению элементарных... правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата

[1]) Подчеркнуто Лениным. *С. Н.*

для принуждения, который называется государством» (Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 370) (подчеркнуто нами. *С. Н.*).

Согласно Энгельсу, Ленину и программе Коминтерна, в коммунистическом обществе не будет права, государства и какого бы то ни было принуждения. «На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами» («Анти-Дюринг», стр. 266). В затронутом вопросе мы как раз тем и отличаемся от теперешнего Каутского и от Кунова, что они не мыслят даже самого развитого социалистического общества без государства и принуждения. Даже такой левый с.-д., фразер, как М. Адлер, утверждает, что никакое общество, даже социалистическое в том числе, немыслимо без принуждения. Он различает порядок господства (Herrschaftsordnung) и порядок принуждения (Zwangsordnung). По М. Адлеру, всякое общество есть порядок принуждения, но только классовое общество есть порядок господства, социализм же не будет порядком господства, но будет все же порядком принуждения. Свободу воли индивида при социализме М. Адлер понимает, как моральное подчинение порядку принуждения: «Свобода индивида и порядок принуждения солидарного общества суть одно и то же» («Der lebendige Marxismus», стр 295. Разрядка автора. *С. Н.*).

М. Адлер не мыслит себе социализма без дубинки принуждения. Фурщик, видимо, сбивается на с.-демократическое понимание социалистического общества, как принудительного порядка, иначе он бы не бросился в бой против понятного для коммуниста утверждения, что при социализме воля индивида будет свободна (не в смысле независимости от об'ективных условий бытия, а в смысле полной независимости от какого бы то ни было принуждения, которого тогда просто-на-просто не будет). Плоховато обстоит у новоявленного «классика марксизма» по части знакомства с программой Коминтерна. До науки этики существует политграмота, в состав которой входит твердое усвоение программы Коминтерна...

Чтобы покончить с вопросом о коммунизме, мы позволим себе обратить просвещенное внимание Фурщика и его последователей на следующее «плехановско-деборинское» место: «коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих[1]) об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа[1]) и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик (Ленин, «Великий почин»). Ленин свидетельствует здесь, что материальным и моральным основанием коммунизма является самоотверженный труд на пользу «всему обществу в целом», а Фурщик, как мы помним, посмеивался над Плехановым и Дебориным за то, что они основанием нравственности считают стремление к счастью целого, предполагающее известную готовность к самопожертвованию и самоотвержению во имя этого целого. Даже пионеру должно быть понятно, что именно на этом основании у нас развертывается великий и величайший почин социалистического соревнования и ударничества, которые были бы немыслимы и реально невозможны без способности и готовности пролетариата к самоотверженному коммунистическому труду на пользу «всему обществу в целом», т.-е. трудящимся массам Советского Союза. Этика Фурщика приобретает поистине реакционное значение.

[1]) Подчеркнуто Лениным. *С. Н.*

Фурщик утверждает, что критикуемое им положение Каутского (о свободе воли индивида в бесклассовом обществе) «понятно только в устах суб'ективиста Каутского, сторонника «свободной воли», как «свободы выбора» («Большевик», стр. 64). В действительности же Каутский еще в «Этике...» отрицал свободу воли, признавая чувство свободы выбора одной из двух или нескольких возможностей, как необходимую психологическую предпосылку для сознательного решения и действия. Рассуждения Каутского на тему о свободе и необходимости грешат целым рядом отступлений от материалистической диалектики. Кто признает свободу выбора, тот, конечно, признает свободу воли. Поэтому Каутский поступает совершенно непоследовательно, допуская свободу выбора, да еще как суб'ективное чувство, как психологическую предпосылку действия, а не как реальный акт познания об'ективной необходимости, и отрицая свободу воли. Но основная ошибка Каутского не только и не столько в этой непоследовательности, сколько в том, что он не доработался до Энгельсовского диалектико-материалистического понимания свободы воли, как способности принимать решения и действовать со знанием дела, т.-е. на основании познанной необходимости. Фурщик не за это критикует Каутского, а за признание свободы воли, как свободы выбора.

Откуда Фурщик мог позаимствовать свою аргументацию? Открываем статью Л. Аксельрод об «Этике...» Каутского: «Каутский... признает свободу выбора... не подозревая того, что признание свободы выбора равносильно признанию свободы воли». Аксельрод отвергает и то и другое, как и приличествует «последовательному детерминисту», ибо Спиноза доказал, «что наши ощущения, наше мышление и наша практическая деятельность строго детерминированы неумолимыми законами внешней и внутренней природы. И тот, кто продумал и хоть до некоторой степени пережил «Этику» Спинозы, тот может с глубоким внутренним убеждением повторять за Шиллером: «Нет случайности; и то, что кажется нам случайным, то как раз происходит из глубочайших источников»» (Л. Аксельрод — сб. «Против идеализма», «Об «Этике» Каутского». Ср. сб. «Марксизм и этика», стр. 422). «Нравственное поведение определяется не свободной оценкой своих действий, но есть необходимый продукт всех общественных условий, действующих на индивидуум с той силой, какую древние греки приписывали судьбе, мойре» (Там же, стр. 424—425. Подчеркнуто нами. *С. Н.*).

Так вот оно что! Das ist des Pudels Kern! Вот в чем зарыта собака! Свободы воли и свободы выбора нет потому, что в мире господствует механическая причинность, исключающая об'ективную случайность. Л. И. Аксельрод рассуждает о свободе воли, как механистка. Фурщик вторит ей. Этика Фурщика подымает борьбу механистов против материалистической диалектики на новую ступень. Механисты отрицают об'ективную случайность. Следуя своей учительнице Л. И. Аксельрод, Фурщик отрицает об'ективную свободу, и что самое замечательное на основании... Шиллера! И нужно же было Фурщику со свойственной ему «тонкостью» иронизировать, что в вопросе о добре Каутский, Плеханов и Деборин стоят на позиции слащавого либерала Шиллера: человек добр. Оказывается, что Шиллером вдохновляется Л. И. Аксельрод, духовная мать Фурщика! «Выходит», что у Фурщика ничего не вышло и с Шиллером: не Деборин, а сам Фурщик оказался учеником ученицы Шиллера, увы, далеко не поэтической! Выходит, что роковую, хотя и поэтическую руководительницу в вопросах марксизма выбрал тов. Фурщик в лице своей мойры, т.-е. Л. И. Аксельрод!

Этика Фурщика смазывает роль воли в историческом процессе. Фурщик смазывает роль воли в истории, как механический детерминист. Материалистические диалектики—Маркс, Энгельс и Ленин—всегда подчеркивали

роль воли (конечно, детерминированной общественными отношениями): «Целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда» (Маркс, Капитал, т. I, гл. V, § 1. Разрядка наша. *С. Н.*). Энгельс писал, что только человек смог наложить на природу печать своей воли («Диалектика природы», 2-е изд., стр. 71). Ленин утверждал, что «революции осуществляют в моменты особого под'ема и напряжения всех человеческих способностей — сознание, воля, страсть и фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов» («Детская болезнь левизны», гл. X, т. XVIII, стр. 181. Подчеркнуто нами. *С. Н.*). Именно на этом основании механические детерминисты и экономические материалисты, в роде послевоенного Каутского и Кунова, обвиняют большевизм в историческом волюнтаризме. «В то время как у Маркса понятие исторической необходимости, а с ней и экономической зрелости, играет величайшую роль, большевистские теоретики мыслят, по существу, волюнтаристски... Экономическая теория развития просто заменяется психологической» (Cunow, Die marxsche etc.., I, S. 331—332, 3-te Auflage). Каутский пишет в этом же духе: «То, что называется теперь большевизмом или ленинизмом, имеет больше общего с Шаппером, чем с противостоящим ему Марксом»... Большевизм, по мысли Каутского, такое же волюнтаристское направление, как пресловутая «левокоммунистическая» фракция Виллиха-Шаппера, противостоявшая Марксу в «Союзе коммунистов» (ср. Каутский, M. G., II. B., S. 729). Перебежавший «слева» направо Троцкий, следуя Каутскому и Кунову, утверждает теперь, что темпы индустриализации и коллективизации превращены у нас в вопросы чистой воли.

Этика Фурщика, смазывающая роль воли в революции, приобретает в буквальном смысле этого слова реакционное, с.-демократическое, куновско-каутскианско-троцкистское значение. Особенно теперь, когда подхлестываемый самой острой классовой борьбой наш пролетариат и его партия напрягают все способности своей революционной воли, сознания и страсти, чтобы заменить слепую стихию распыленного крестьянского хозяйства сознательным планом массовой и сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса; когда общественный строй в сельском хозяйстве из слепой необходимости мелкобуржуазной крестьянской стихии мы начинаем превращать в ее противоположность: в сознательное, свободное дело самих коллективизирующихся производителей. Этика Фурщика, смазывающая роль самоотвержения во имя целого в морали и классовой борьбе, вдвойне реакционна именно теперь, когда успехи строительского социализма зависят непосредственно от самоотвержения и героизма масс на поприще социалистического соревнования и ленинского ударничества. Этика Фурщика втройне реакционна, ибо, отрицая метафизически свободу выбора, отрицая диалектическую свободу выбора, она, эта насквозь безвольная, дряблая, филистерская, социал-демократическая, оппортунистическая этика может послужить недурным основанием для теории самотека и всяческого хвостизма. Эта либерально-меньшевистская этика в корне враждебна большевизму, ленинизму, марксизму.

Если нет свободы выбора в диалектическом смысле, тогда нет морально-политической ответственности ни за что; тогда нельзя выбрать между ленинизмом и уклонами; тогда нельзя также выбрать между соблюдением и нарушением партэтики, программы и устава партии; тогда никто не отвечает за уклоны от ленинизма и за нарушение большевистской дисциплины. Но тогда и не к чему ЦКК. Согласен ли т. Ярославский, секретарь ЦКК, на все эти «консеквенции», с железной необходимостью вытекающие из «этики» Фурщика?

Отрицание диалектико-материалистической свободы выбора является философским основанием империалистического экономизма, деляческого

эмпиризма и всяческого капитулянтства пред трудностями строительства социализма в Сов. Союзе. Нет свободы выбора—империализм есть историческая, экономическая необходимость, нельзя бороться с империализмом, нужно защищать отечество в империалистической войне (Кунов, Давид, Плеханов, Каутский в 1914—1918 гг.). Нет свободы выбора у наций: при империализме самоопределение наций невозможно, при социализме оно не нужно, поэтому нелепо говорить о воле наций к самоопределению (Р. Люксембург, Пятаков, Бухарин). Нет свободы выбора у кулака: кулаку некуда податься, он должен врастать в социализм (Бухарин). Нет свободы выбора: узкие места—экономический факт, надо равняться на узкие места (Бухарин).

Нет свободы выбора у крестьян в Сов. Союзе при «режиме Сталина»: «Если крестьянство валит сейчас сплошь в колхозы, то не потому, что колхозы успели обнаружить пред крестьянством свою выгодность на деле, и не потому, что государство успело доказать крестьянину, что оно имеет возможность перестроить уже в ближайшее время крестьянское хозяйство на коллективных началах, а потому, что после ряда лет «либеральной» [1] сталинско-устряловской политики, крестьяне, т.-е., прежде всего, их верхние слои, настроившиеся на фермерско-капиталистический ход, внезапно уперлись в тупик. Ворота рынка оказались на замке. Потоптавшись перед ними в испуге, крестьянство шарахнулось в единственно-открытые ворота—коллективизации (Троцкий, «Бюллетень Оппозиции» № 2—3). Нет свободы выбора у Сов. Союза: без государственной помощи западно-европейского пролетариата, пролетарская диктатура в России осуждена на гибель; до пролетарской революции на Западе и без ее технической помощи подлинный под'ем социалистического хозяйства и построение социализма в Сов. Союзе невозможно (Троцкий).

Есть свобода выбора в диалектическом смысле!—отвечает большевизм на все эти теории. Он отправляет в мусорный ящик истории «империалистический экономизм» социал-патриотов и социал-пацифистов, с одной стороны, и доктринеров левого коммунизма—с другой. Точно так же поступает большевизм с троцкизмом и бухаринизмом: наша партия и КИ сделали свободный выбор в пользу ленинизма, отбросив прочь все с.-д. уклоны и течения, как левые, так и правые. Непонятно, как мог тов. Ярославский, имеющий колоссальный опыт и заслуги в борьбе с политическим ревизионизмом, солидаризироваться с капитулянтской, фаталистической этикой Фурщика, которая построена на отрицании диалектической свободы выбора? Как мог т. Ярославский солидаризироваться с этой философией всяческого оппортунизма?

VI Фурщик—в духовных батраках у К. Корша.

Чтобы пробрать Деборина, Фурщик превратил довоенного Каутского в антимарксиста и заправского идеалиста. Фурщик мажет в один черный цвет довоенного и послевоенного Каутского. Довоенного Каутского нужно критиковать; нужно вскрыть имеющиеся во всех довоенных работах Каутского зародыши послевоенного каутскианства. Но нельзя отождествлять Каутского-революционера, автора «Этики», «Социализма и колониальной политики», «Пути к власти» и других многочисленных ортодоксальных работ, рекомендованных Лениным, с Каутским—контрреволюционером и ультраревизионистом, с Каутским—автором антисоветских памфлетов и так наз. «Материалистического понимания истории». Фурщик делает это, подобно предтече Троцкого—Карлу Коршу (и подобно самому Каутскому, который прикидывается, что после 1914 г. ничего особенного с ним не случилось, что никакой измены марксизму с его стороны не было).

---

[1]) Троцкий говорит о политике т. Сталина таким же языком, как Фурщик об этике Деборина. *С. Н*

Ренегат Корш утверждает, что довоенный и послевоенный «каутскианизм» единожды суть и что «марксизм-ленинизм» и «каутскианизм», выросшие из одного исторического источника, из ортодоксии «марксистского центра» II Интернационала, обнаруживают «полное совпадение принципов старой и новой, социал-демократической и коммунистической школы современной марксистской ортодоксии» (K. Korsch, Marxismus und Philosophie, 2-te Auflage, S. 46—47). Желая «громче всех крикнуть», Корш утверждает, что марксизм Каутского, Плеханова и Ленина до войны носил одинаково «идеологический характер» догматической «ортодоксии», оторванной от реального, исторического движения рабочего класса. Такой же идеологический характер носит «советский марксизм», «ленинизм» Ленина и его эпигонов. (Там же, стр. 46). Именно поэтому «коммунистические теоретики выступают в защиту позитивного, прогрессивного характера марксизма II Интернационала» (стр. 47). Ренегат Корш утверждает, что «к радикально-буржуазным политическим воззрениям до- и послевоенного «каутскианизма» примыкает «ленинский большевизм, как в своем довоенном развитии (что бесспорно), так и в позднейшем развитии (что в настоящее время еще очень резко оспаривается обеими участвующими сторонами), которое было временно прервано союзом большевиков с леворадикалами в военный и революционный периоды 1914 — 1921 гг.» (K. Korsch, Die Materialistische Geschichtsauffassung, «Archiv von Grünberg», V. № 2, S. 256).

Критикуя, как он изволит выражаться, «партийно-коммунистических критиков» Каутского [1]), Корш ухитрился «найти» в их работах против Каутского «невольное подтверждение близкого родства между ленинистской и каутскианской разновидностью «марксистского центра», которое продолжает существовать в основах теории, вопреки всяким практическим противоречиям» (там же, стр. 258, прим. 85; разрядка Корша. *С. Н.*).

Фурщик слепо тащится за Коршем в своей грубой, симплистской, упрощенской критике довоенного Каутского и Плеханова. Но Корш ведает, что он творит, а Фурщик этого не ведает. Корш отождествляет ортодоксальный марксизм довоенного Каутского с послевоенным каутскианством, чтобы затем доказать мнимое тождество каутскианства и ленинизма. Корш рассматривает ленинизм, как некую разновидность центризма, каутскианства. Троцкий, следуя за Коршем, пока предпочитает говорить о тождестве ленинизма и троцкизма, но упорно «такает», что «сталинизм» есть центризм и каутскианство. Троцкий клевещет без устали о «либеральной» политике Сталина. Фурщик плетется в хвосте у Корша и Троцкого (Куда конь с копытом, туда и рак с клешней). Он тоже плюет на «марксизм», то-бишь «антимарксизм», довоенного Каутского. Он тоже разносит в пух и прах «либеральную» «Этику» Каутского, рекомендованную Лениным. И вся эта бессмыслица делается с той «осмысленной» целью, чтобы выставить Деборина, несгибаемого борца за философию Маркса, Энгельса и Ленина, как либерала и каутскианца в вопросах этики... Бедняга Фурщик, подобно Коршу, не понимает, что каутскианство есть новое качество, по сравнению с довоенным марксизмом Каутского, что «Этика» Каутского не была «каутскианской» этикой.

---

[1]) Пашуканис, Новейшие откровения К. Каутского («Unter dem Banner des Marxismus»); Новиков, Политическое завещание Каутского, «КИ» 1928 г. № 44—45 («Die Kommunistische Internationale» 1928, № 45); Месин, Новая ревизия исторического материализма («Unter dem Banner des Marxismus»).

Всем мало-мальски грамотным марксистам известно, как высоко Ленин всегда расценивал марксизм довоенного Каутского, хотя Ленину, более чем кому бы то ни было, видны были все слабости ортодоксии Каутского. В декабре 1906 года, через год после выхода «Этики» Каутского, в предисловии к известной брошюре того же Каутского: «Движущие силы и перспективы русской революции» Ленин писал: «Русские передовые рабочие давно знают К. Каутского, как своего писателя, умеющего не только обосновать и раз'яснить теоретическое учение революционного марксизма, но и применить его с знанием дела, с серьезным разбором фактов, к сложным и запутанным вопросам русской революции... Теперь втройне важно для всех социал-демократов внимательно прислушаться к мнению Каутского по основным вопросам русской революции» (т. VIII, стр. 80). Кстати сказать, в предисловии к «Этике» Каутский со страстью настоящего революционера писал о русской революции 1905/06 г., что «это было самое прекрасное время, но не из самых удобных для сочинения посвященного этике» («Этика», изд. 1906 г., стр. V). Далее, как Ленин относился к довоенному Каутскому после краха II Интернационала? В «Детской болезни левизны», в 1920 г., Ленин писал о ренегатстве Каутского, Бауэра и К°: «Полезным уроком могло бы (и должно было бы) быть то, что произошло с такими высокоучеными марксистами и преданными делу социализма вождями II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др. Они вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и других учили марксовской диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы) [1], но они в применении этой диалектики... оказались на практике такими недиалектиками... что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Гэда и Плеханова» (т. XVII, стр. 187).

Есть ли в этой традиционной большевистской, ленинской оценке довоенного Каутского хоть намек на грубую, ревизионистскую мазню ультра-троцкиста Корша и Фурщика по этому же вопросу? Как мог т. Ярославский, виднейший историк партии, учивший всех нас, как нужно бороться с троцкизмом, как мог т. Ярославский не заметить в «этике» Фурщика коршианской ревизии ленинских взглядов на марксизм довоенного Каутского? Непонятно... [2]).

---

[1]) Подчеркиуто нами. *С. Н.*

[2]) Поэтому мы уверены, что, сопоставив все нсточники, т. Ярославский с присущей ему большевистской прямотой и резкостью отмежуется от т. Фурщика. Это тем более необходимо, что ошибка в оценке этических взглядов т. Деборина обесценивает в не малой степени главное ядро известных выступлений т. Ярославского по вопросам философской дискуссии, а именно: ясную и резкую постановку вопроса о необходимости развертывания большевистской самокритики в лагере метариалистов-деалектиков. Мы надеемся, что «отдельные» ошибки, допущенные при этом т. Ярославским (в том числе утверждение, что у механистов имеются... отдельные ошибки, а у диалектиков система ошибок), будут исправлены самим т. Ярославским в порядке большевистской самокритики «гораздо резче, чем он это сделал» до сих пор. «Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные, и кто умеет легко и быстро исправлять их» (Ленин). В неудачной оценке ошибок механистов и диалектиков, т. Ярославский сделал существенную ошибку. Но механисты делают очень существенную ошибку, когда по случаю трений в лагере материалистов-диалектиков они пытаются сыграть роль третьего, смеющегося. Это не совсем умно или даже совсем неумно. Ибо т. Ярославский уже заявил, «что осудить ошибки механистов можно гораздо резче, чем он это сделал» («Безбожник» № 28). Когд т. Ярославский это сделает и в достаточно резкой форме, механисты, может быть, поймут, что им-то, во всяком случае, нечего радоваться по случаю... большевистской самокритики в лагере материалистов-диалектиков. От самокритики выиграют не механисты, а диалектический материализм. *С. Н.*

Дрянная в теоретическом, политическом и моральном отношениях «этика» Фурщика,—этот духовный продукт невежественного, воинствующего эклектизма и ревизионизма, последыш либерально-меньшевистской философии, этики и политики Квесселя, Кунова, послевоенного Каутского, Аксельрод-Ортодокс и Корша, находится в вопиющем противоречии как с теорией Маркса, Энгельса и Ленина, так и со всей исторической традицией большевизма. Состряпанная из обрывков исторического и философского идеализма, механического и экономического материализма, этика Фурщика представляет собой очередную ревизию диалектического материализма. Проникнутая насквозь дряблым, безвольным, социал-демократическим экономизмом и фатализмом, либерально - меньшевистская, кунов - каутскианско - коршистская этика Фурщика несовместима с марксистско-большевистской этикой, с философией и политикой нашей партии. Подбитая ветром легонького мещанского скептицизма и насмешечки над самоотвержением во имя целого, этика Фурщика, эта философия мелкобуржуазного индивидуализма, органически чужда социалистическому соревнованию, ленинскому ударничеству и коллективизации деревни. Насквозь реакционная этика Фурщика в корне враждебна социалистическому строительству.

«И еще один любопытный урок из полемики» тов. Фурщика с Дебориным: Фурщик говорит об этике Деборина таким же языком, как Троцкий о политике тов. Сталина («либеральная! каутскианская!»). Это совпадение тем более занятно, что тов. Сталин писал о Владимире Ильиче: «Я не знаю другого революционера, который так глубоко верил бы в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность его классового инстинкта, как Ленин» (Подчеркнуто нами. *С. Н.*). Фурщику остается об'явить тов. Сталина «либералом», ибо классовый инстинкт есть социальный инстинкт, а учение о социальных инстинктах есть, ведь, «либеральное», «антимарксистское», учение, которое «в прямом смысле враждебно учению Маркса, Энгельса и Ленина о классовой борьбе». Так говорил «сам» Фурщик. Что-то он скажет теперь? Если прав этот новоявленный «классик марксизма», тогда он, Фурщик, заслуживает орден Ленина... Не так ли, тов. Ярославский? Мы же думаем несколько иначе: что Фурщик за свои труды по этике вполне заслуживает орден... либерала, что говоря о революционном классовом инстинкте пролетариата, Сталин целиком следует Марксу, Ленину и Энгельсу.

О марксистском и эклектическом понимании этики.

И. Разумовский.

Я не знаю другого революционера, который так глубоко верил бы в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность его классового инстинкта, как Ленин.

Сталин.

Учение о социальных инстинктах в корне антимарксистское, в прямом смысле слова враждебно учению Маркса, Энгельса и Ленина о классовой борьбе...

М. Фурщик. О либеральном и марксистском понимании этики.

Вопросы этики вновь встали в центре внимания марксистской теоретической мысли и служат предметом оживленных дискуссий. Разумеется, это явление не случайно: оно теснейшим образом связано с потребностями реконструктивного периода, с обострением классовой борьбы, с теми особыми, новыми формами, в которых протекает у нас строительство социализма. Организация труда на началах ударничества и социалистического соревнования, коллективизация быта, производственное воспитание нового человека, роль партийной спайки и партийной дисциплины в этих новых условиях — все это вновь подымает «проклятые», «вечные» вопросы — о нормах поведения, о социальных обязанностях, о коммунистической нравственности.

Выпячивание на передний план этических вопросов всегда было характерным симптомом критических, переломных периодов в историческом развитии человечества. Революционные классы несут с собой новую мораль, в которую они облекают свои экономические, классовые интересы; представители реакции пользуются цветами морального красноречия для того, чтобы задержать движение махового колеса истории. Понимание вопросов этики рабочим классом имело в этом отношении то преимущество, что оно все время шло твердым научным путем, проложенным Марксом, Энгельсом, Лениным.

Ленин, вслед за Марксом и Энгельсом, закладывает теоретические основы новой, пролетарской морали, горячо возражая против всякого выведения ее из «идеалистических фраз» и «внеклассовых понятий». В основу ее Ленин кладет образование, развитие, об'единение и сплочение пролетариата на почве борьбы с капиталистическим строем.

«В основе коммунистической нравственности,— говорит Ленин,— лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма... Коммунистическая нравственность — это та, которая служит этой борьбе, которая об'единяет трудящихся против всякой эксплоатации, против всякой мелкой собственности... Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты ра-

ботаешь на другого, либо он на тебя... И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник... Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может... Для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной, солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплоататоров» [1]). Вслед за Марксом и Энгельсом, Ленин, таким образом, прекрасно учитывает ту диалектическую цепь различных моментов—воспринимаемой «с молоком матери» социальной психологии, привычек, настроений, понятий, отвлеченных принципов,—которые образуют всю сложную систему моральной надстройки в буржуазном обществе. Ибо только исходя из общих положений марксизма можно вполне понять и проследить исторический путь сплочения, об'единения и борьбы пролетариата, роль в ней стихийности и сознательности, революционных классовых инстинктов и революционной идеологии, — короче говоря, путь создания новой коммунистической нравственности.

К сожалению, на этом, казалось бы, прочном и едином фронте коммунистического понимания нравственности обнаружилась опасность. Ее сигнализирует появление статьи т. М. Фурщика «О марксистском и либеральном понимании этики» [2]). По форме критикуя точку зрения т. А. М. Деборина, тов. Фурщик, по существу, пересматривает основы марксистской методологии, извращает историю, и историю марксизма в частности, и вносит эклектическую путаницу в понимание целого ряда вопросов. Настоящая статья является вынужденным ответом — посильной защитой основных положений Маркса, Энгельса, Ленина. С выяснения этих последних мы и вынуждены начать.

1.

Марксистское понимание этики целиком вытекает из материалистического взгляда на историю, согласно которому идеи и категории людей суть «исторические, временные и преходящие продукты»: «люди, которые придают форму своим общественным отношениям в соответствии со своим материальным способом производства, придают форму (Gestalten) и своим принципам, идеям и категориям в соответствии со своими общественными отношениями» (Маркс). Но тем самым учение марксизма о нравственности теснейшим образом примыкает к основным положениям марксистской диалектической теории познания. Оно исходит из признания диалектического единства природы и общества при учете всего качественного отличия общественной жизни, оно исходит из диалектического единства эмпирического и рационального моментов в развитии общественного сознания. Оно полностью преодолевает как явно идеалистические, так и натуралистические блуждания всех предшествовавших теорий нравственности.

Эмпирические и сенсуалистические теории морали, получившие особенное развитие в воззрениях англо-шотландских и французских мыслителей XVII—XVIII вв., представляли собой ярко выраженный протест нового, идущего к власти класса буржуазии против отвлеченной, сугубо рационалистической, аскетически-христианской морали феодального общества, подавлявшей чувства и страсти буржуазного индивида. Вместо прежних абстрактных, чисто-рационалистических рассуждений христианских теологов о якобы прирожденных идеях «должного», новые моралисты обратились к свойствам человеческой организации: к действительным природным

---

[1]) Ленин, Соч., т. XVI, стр. 323—324.

[2]) См. «Большевик», № 6 за 1930 г.

эгоистическим инстинктам, к чувствам и страстям отдельного и н д и в и д у у-ма, к его пользе, выгоде и интересу. Уже Локк дает критику в р о ж д е н-ных и д е й также и в области нравственности, становясь в своем понимании добра и зла на релятивистическую точку зрения.

Наиболее последовательную позицию в борьбе с п р и р о ж д е н н ы м и нравственными идеями и принципами занимают однако философы-м а т е р и а-листы. Гоббс исходит из законов действительной человеческой п р и р о д ы, из стремления нашего организма к с а м о с о х р а н е н и ю, лежащего в основе наших ощущений, а следовательно, и наших чувств и воли: о щ у щ е-ние, сопровождаемое удовольствием или страданием, сознанием пользы или вреда — таков обычный источник наших представлений о добре и зле. Спиноза, основываясь на том же инстинкте самосохранения, стремится преодолеть вытекающий отсюда суб'ективный и относительный характер воззрений на добро: он выделяет и с т и н н о - п о л е з н о е, дающее победу внутри нас высоким и сильным страстям над более низменными страстями — именно все то, «что ведет к с о в м е с т н о м у о б щ е ж и т и ю людей». Ламметри также видит истинный источник морали в человеческих ч у в с т в а х. Мы отличаем от кратковременного удовольствия постоянное с ч а с т ь е: разум должен руководствоваться природой человека, но он неизбежно ведет нас к тому, что о б щ и й и н т е р е с мы ставим выше частного интереса, с ч а с т ь е общества выше собственного счастья. Согласно Гольбаху и н т е р е с есть е д и н с т в е н н ы й м о т и в ч е л о в е ч е с к и х п о с т у п к о в. Необходимость нравственности обусловлена природным р а з л и ч и е м между физическими и умственными способностями людей, вызывающими потребность в их с о в м е с т н о й жизни. Из собственного и н т е р е с а, при п р а-в и л ь н о м его понимании, вытекает необходимость быть п о л е з н ы м д р у-г и м людям и нравственная обязанность сводится к ч е л о в е ч н о с т и, к сознанию этой необходимости «сделать с ч а с т л и в ы м и существа, с которыми мы живем»... Гельвеций выводит «страсти» человека из его «чувственных о щ у щ е н и й», из п р и в ы ч е к и и н с т и н к т о в, из «с е б я л ю б и я». От природы человек отнюдь не порочен, но он подчинен своим и н т е р е с а м. Различие между людьми не вытекает из природы, но обусловлено в о с п и-т а н и е м, с о ц и а л ь н ы м и условиями... П р а в и л ь н о п о н я т ы й л и ч-н ы й и н т е р е с, подчиненный о б щ е м у и н т е р е с у, составляет основу морали...

Как известно, Маркс подчеркивал тесную связь, существующую между учением материалистов о нравственном праве на наслаждение, о природной непорочности людей, о роли опыта, привычек, воспитания и т. д. и д а л ь-н е й ш и м р а з в и т и е м с о ц и а л и з м а и к о м м у н и з м а, — их влияние на воззрения Фурье, Оуэна, Кабэ [1]. Причина такого плодотворного влияния заключалась у французских материалистов в их беспощадной критике н е и з м е н н о й нравственной «природы» человека, в их беспощадном анализе нравственных идей, совести, долга и т. д., причины которых они стремились отыскать в лишенном всякой нравственной окраске примитивном ощущении, инстинкте самосохранения и т. д. Нетрудно однако заметить, что прийти отсюда к выводам относительно «общих интересов», относительно пользы совместной жизни и т. д. эти философы могли только путем чисто-р а ц и о н а л и с т и ч е с к и х рассуждений. В своей социальной методологии названные философы материалисты вынуждены были совершать логический скачек, не умея связать между собой познаваемую при помощи о п ы т а физиологическую природу отдельного индивидуума, его «чувственное ощущение», его «инстинкт самоохранения» и т. п. и явно р а ц и о н а л и с т и-

[1] См. М а р к с и Э н г е л ь с, Св. Семейство.

чески привлекаемые ими соображения об «общем интересе», о добродетели, воспитании и т. д. Их материализм был механический, не видевший еще путей развития от ощущения к разуму,— к тому же нуждый представлению о специфической природе общественного бытия, отличного от естественного бытия отдельного индивида. Они не понимали диалектики превращения личных интересов в интересы всего общества в процессе общественной жизни!

Эти недостатки воззрений старого материализма в его понимании нравственности легко встречали возражения со стороны чистых эмпириков и некоторых идеалистических теоретиков морали. Рационализму последние противопоставляют законченный сенсуализм, разуму—противопоставляется чувство как единственно возможный источник морали. Основу нравственности, по их мнению, составляют не только эгоизм («самосохранение»), но и симпатия, социальное чувство, особый инстинкт общения, наравне с себялюбием свойственные вечной и неизменной природе человека. Такова — с разными вариациями — точка зрения Руссо, Шефтсбюри, Гетчисона, отчасти Юма, Адама Смита.

Она «биологизирует» само нравственное или социальное чувство, рассматривая его как нечто естественное, врожденное человеческой природе, как «божественный» инстинкт общения (Руссо).

Кант пытается итти в своей критике сенсуалистичной морали несколько иными путями. Логический скачек от наших ощущений к нравственным принципам — согласно учению Канта, совершенно неизбежен, так как между миром практического разума и нашего нравственного долга и миром теоретического познания — непроходимая, не могущая быть ничем заполненной пропасть.

Этика перестает быть у Канта отраслью познания; последнее возможно лишь по отношению к миру явлений. Источник нравственности не следует искать также и в чувстве, в инстинкте самосохранения, в эгоизме, в признании выгоды, удовольствия, счастья — короче говоря, в биологической и психологической природе человека. Все такие системы морали Кант называет догматическими, а самую мораль зависящую от внешних, чувственных побуждений, природных склонностей и т. д. такой же гетерономной, как и мораль, проникнутую религиозными догмами. Истинный источник нравственности — в независимой от теоретического разума и естественных чувств и склонностей «чистой» воле — в «доброй воле», повинующейся лишь внутреннему голосу долга. Самое моральное чувство есть чувство долга — оно отнюдь не эмпирично, оно априорно; оно укрепляется в человеке — в его умопостигаемой сфере — в противоположность его естественным склонностям. Моральные чувства всецело проистекают из сознания всеобщего нравственного закона, которому формально должны быть подчинены максимы (т.-е. внутренние правила, субъективные мотивы) наших поступков, каково бы ни было их конкретное содержание. Знаменитый категорический императив Канта и есть эта общеобязательная, неизменная априорная форма нашей воли, всякого нашего истинно-нравственного поведения. Свободный нравственный разум человека рассматривается совершенно оторванно от внешних условий и частных целей нашего поведения, как всеобщий руководящий принцип, как самоцель, как ни от чего другого независимый закон, имеющий общеобязательное значение.

Если эмпирические и сенсуалистические системы превращают мораль в биологическое явление, то Кант, в противоположность им, совершенно отрывает человеческую мораль от природных предпосылок, от условий внешней среды и от конкретно-исторической почвы, на которой складывались нравственные теории, системы и отношения. Он прово-

дит абстрактную *рационализацию* «нравственного чувства», «божественного инстинкта», к которому апеллировал еще Руссо, превращая его в сознание свободной и разумной воли, в сознание непреклонного долга, в безусловный, общеобязательный императив. Здесь сказался *формализм* кантианской этики, ее *пустота* и бессодержательность, ее соответствие лишь *интересам* той части буржуазии, идеологию которой выражал для своего времени Кант.

Критику кантианской этики с точки зрения еще более *реакционного* идеализма развивает Шопенгауэр; *революционно-диалектическую* критику формализма Канта начинает Гегель. Шопенгауэр отказывается признать источником нравственности *разумную* кантианскую «волю». Основу всех вещей составляет некое *волевое* начало, но неразумное, *слепое, бессодержательное*: оно проявляется как слепой «порыв» в низших силах неорганической природы, как *воля к жизни* в органических явлениях. В человеке же слепой *инстинкт*, обнаруживающийся как инстинкт самосохранения и размножения, сталкивается с нашим *представлением* о мире, доставляемым нам рассудочным знанием. Истинная добродетель, по Шопенгауэру, в противоположность эмпирической этики, заключается *не в признании*, но, наоборот, в *подавлении* эгоистического *волевого инстинкта*, в отказе от наслаждений; она основана на «*безграничном сострадании*» ко всем живым существам. Реакционно-пессимистический характер шопенгауэровской этики, абстрактно-мистический характер, который он придает простейшим жизненным стремлениям организма, резко противоположен бодрому, богатому содержанием воззрению Гегеля. Гегель вскрывает пустой формализм кантовой философии и, руководясь *диалектическим* методом, приходит к гораздо более глубокому пониманию этики, несмотря на все идеалистические черты его философской позиции. Выяснив истинный смысл свободы, как *познанной необходимости*, Гегель связывает нравственность с развитием *общественных, бытовых отношений*. Гегель показывает, что стремление к «добру», к «благу» является лишь одним из *моментов* жизненного процесса. Он превращает «зло» в *движущую* силу исторического развития, а стало быть и развития его *разумного познания*, приводящую нас к «добру», к «благу». Он показывает, как бесконечное переплетение множества мелких сил», «действие человеческих страстей», преследуемые людьми *частные* цели содействуют осуществлению *общих*, разумных, необходимых целей человеческого развития. И здесь, как в целом ряде других вопросов, Гегель вплотную подходит к диалектическому материализму, не умея еще переступить черты, отделяющей его идеализм от материализма.

Поэтому шаг *назад* по сравнению с Гегелем делает в вопросах этики Л. Фейербах. И это несмотря на то, что вслед за Гельвецием, Бентамом и др. представителями наиболее передовой части буржуазного общества он возвращается на эмпирическую почву *утилитарной* морали. «Мораль, — заявляет Фейербах,— в такой же степени *опытная наука*, как и медицина... Голос ощущения — первый категорический императив». Источник нравственности Фейербаха, как и другие утилитаристы, видит в *стремлении к счастью*, которое он отождествляет со стремлением к самосохранению и из которого он пытается вывести нравственные *обязанности* по отношению к другим людям. «Воля не является свободной, — глубокомысленно замечает Фейербах, — но она *хочет* быть свободной... только в смысле и волевого стремления к счастью, свободной от зла, каково бы оно ни было» (!).

Фейербах протестует против «выдуманной» Кантом абстрактной воли, отличной от стремления к счастью и превращенной им в «метафизическую» сущность. «Кант, по его остроумному выражению, написал свою мораль не-

для людей, а для предполагаемых разумных существ... для профессоров философии»... Фейербах совершенно не понимает Гегеля, который, по его словам, «соединяет самое несоединимое» и «делает ступенью или «моментом» *основное и существенное, неизменное и истинное, всеобщее*, в данном случае, *счастье*, как предмет воли» [1]).

Энгельс вскрывает все эти внутренние противоречия фейербаховской этики, ее отсталый характер по отношению к воззрениям Гегеля и в то же время дает ряд ценных указаний для понимания взглядов основоположников марксизма по данному вопросу. «Тот же самый Фейербах,—говорит Энгельс,—который на каждой странице приглашает нас погрузиться в чувственный, конкретный, действительный мир, становится до крайности отвлеченным как только ему случится коснуться каких-нибудь других *отношений между людьми*, кроме отношений между полами. Во всех отношениях между людьми он видел *только одну сторону — нравственность*. И здесь нас опять поражает удивительная бедность Фейербаха в сравнении с Гегелем. У Гегеля этика или учение о нравственности есть философия права и обнимает: 1) отвлеченное право; 2) *мораль*; 3) *бытовые нравственные отношения*, к которым относятся: семья, гражданское общество, государство. Насколько *идеалистична* здесь *форма*, настолько же *реально содержание*. Вместе с моралью оно заключает в себе всю область права, экономии и политики. У Фейербаха—как раз наоборот. По *форме он реалист*; за точку отправления он берет человека. Но он ни единым словом не упоминает об окружающем человека мире, и потому его человек остается тем же *отвлеченным человеком*, который фигурирует в религии... Он не живет в действительном, *исторически развившемся и исторически определенном* мире. Хотя он сносится со своими ближними, но его ближние так же отвлеченны, как и он...» [2]).

В немногих строках, посвященных этике Фейербаха, равно как и в своей критике «неизменных нравственных истин» и «всеобщих моральных стимулов» позитивиста Дюринга, Энгельс набрасывает все существенные черты марксистской методологии в области этики.

Утилитарная мораль Фейербаха была направлена в первую очередь *против формализма кантовской этики*, против отвлеченности бессодержательных категорических императивов Канта, бессильного по отношению к действительному миру, а потому совершенно бесполезного для трудящихся и борющихся за свое повседневное существование людей — «для поденщиков и дровосеков, для крестьян и ремесленников» [3]). Этот *абстрактный рационализм* кантовской этики и ее *историческую обусловленность* развитием определенных общественных отношений Германии Маркс и Энгельс вскрыли еще в ранний период своей литературной деятельности. В полемике против Штирнера Маркс и Энгельс подчеркивают, что «добрая воля» Канта вполне соответствовала состоянию Германии в конце XVIII и начале XIX вв., «*бессилию, подавленности и ничтожеству немецких буржуа*, мелочные интересы которых никогда не бывали способны развиться до общих *национальных интересов* класса», вытекающей отсюда их «*местной и провинциальной ограниченности*» и в то же время «*космополитической спеси*». Этика Канта не только глубоко *буржуазна* по своему социальному содержанию; помимо того она соответствует только *определенной исторической ступени* развития немецкой буржуазии и ее классовым интересам на этой сравнительно ранней ступени. Буржуазная «воля»

[1]) См. Л. Фейербах, Соч., т. I, Гиз, 1923 г., стр. 312, 313, 259, 261, 262, 296.

[2]) Энгельс, Л. Фейербах, стр. 53—54. Разрядка наша. (Гиз, 1928 г.).

[3]) Л. Фейербах, Соч., т. I, стр. 315.

на этой ступени мыслится только как абстрактное долженствование, а не как действительный классовый интерес. В то время как английская, французская, голландская буржуазия приходит уже к господству, революционизирует производство и подчиняет себе мировой обмен, коммерчески бессильные немецкие буржуа дошли только до «доброй воли». Кант удовлетворился этой порой «доброй воли» даже тогда, когда она оставалась без результата, осуществление этой «доброй воли», гармонию между ней и потребностями и наклонностями человека перенес в потусторонний мир...»[1].

Эту чисто-внешнюю, формальную независимость и всеобщность кантовского нравственного закона, «кажущееся противоречие между формой, в которой эти теоретики выражают интересы буржуа, и самыми этими интересами», Маркс и Энгельс об'ясняли, также исходя из общественных отношений тогдашней Германии, в частности из особого положения буржуазии в период абсолютной монархии. В то время как во Франции буржуазный либерализм опирался на действительные классовые интересы, Кант «отделил это теоретическое выражение интересов от самих интересов, превратил материально обусловленное направление воли в чистое самоопределение «свободной воли», воли самой по себе, как человеческой воли, сделав из нее таким образом чисто-идеологическое понятие и постулат нравственности». Точно так же были восприняты немецкой буржуазией и политические нормы, выдвинутые в Германии в период июньской революции и соответствовавшие еще неразвившимся экономическим отношениям. «Немецкие бюргеры признали эти нормы лишь как абстрактные идеи, как принципы действительные в себе, или благочестивые желания и фразы, как кантовские самоопределения воли человека каким он должен быть»[2].

Но, обнажив таким образом социальные корни как классового содержания, так и формальных особенностей кантовской этики, основоположники марксизма отнеслись не менее критически к абстрактной утилитарной морали Фейербаха, знаменующей собою следующий исторический этап в развитии немецкой буржуазии, уже начавшей сознавать свои классовые интересы. Энгельс жестоко издевается над абстрактной «всеобщностью» фейербаховского «стремления к счастью», над его индивидуалистической оторванностью от конкретных общественных отношений и условий классовой борьбы, и в то же время вскрывает истинные социальные корни этой морали, «скроенной по мерке нынешнего капиталистического общества».

Энгельс отнюдь не отрицает фактического наличия в человеческом индивиде и в отдельных общественных классах стремления к счастью. Но он показывает, что это «стремление» — подлинную утилитарную основу морали — нельзя рассматривать, исходя из индивида самого по себе, что стремление к счастью находит свое удовлетворение в «отношениях» людей, в их «деятельности», в «средствах» и «предметах потребления»—в общественных отношениях. Энгельс показывает, что «стремление угнетенных классов к счастью» глубоко противоречит «такому же стремлению господствующих классов», а потому приносилось всегда в жертву последнему. Энгельс далее решительно возражает против превращения Фейербахом этих фактических устремлений классов и отдельных личностей в абстрактный теоретический принцип морали, общеобязательный, неизменный, надклассовый, надисторический — «равное право всех людей на счастье». Энгельс доказывает,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Св. Макс, Гиз, 1930 г., стр. 159—160.
[2] Там же, стр. 160—161.

что принцип р а в н о г о «права» на счастье никогда не осуществляется в действительной исторической борьбе классов, будучи тесно связан с развитием класса буржуазии, с уничтожением его феодальных привилегий и провозглашения «равенства» в правовой области. Признак «равного права на счастье» в действительности превращает биржу в «храм возвышеннейшей нравственности», так как на бирже находят себе осуществление все принципы фейербаховской этической теории Здесь Энгельс в сущности только развивает известную мысль Маркса в первом томе «Капитала» об «Эдеме прирожденных прав человека», «свободе, равенстве, собственности и Бентаме», этом основоположнике буржуазной утилитарной морали!

Энгельс проводит полнейшую аналогию между буржуазной утилитарной моралью и кантианством. Мораль Фейербаха, говорит он, «выкроена для всех времен, для всех народов, для всех состояний и именно потому она не приложима нигде и никогда. По отношению к действительному миру она т а к ж е б е с с и л ь н а, как категорический императив Канта» [1]. Таково же отношение Энгельса и к «моральной догматике» Дюринга. Он решительно восстает против учения Дюринга о вечной, надклассовой, надисторической морали, не связанной с исторически определенными общественными отношениями, против дюринговых «аксиом» нравственности, построенных на абстракции «двух р а в н ы х воль», против того, чтобы «конструировать нравственность» из абстрактного понятия, а не из д е й с т в и т е л ь н ы х о б щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й». Энгельс показывает, как исторически р а з в и в а л о с ь требование равенства вместе с развитием буржуазного общества.

Для Маркса и Энгельса нравственность представляет собою надстройку над исторической совокупностью о б щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й, в с е ц е л о о б у с л о в л и в а ю щ и х к а к с о д е р ж а н и е, так и ф о р м у г о с п о д с т в у ю щ и х н р а в о в и н р а в с т в е н н ы х в о з з р е н и й. «Справедливость сделок, совершающихся между агентом производства,— говорит Маркс,—основано на том, что эти сделки как естественное следствие вытекают из отношений производства». Юридические формы не определяют, но «только в ы р а ж а ю т... с о д е р ж а н и е сделок», которое «является с п р а в е д л и в ы м, если оно с о о т в е т с т в у е т способу производства, адэкватно ему. Оно несправедливо, если противоречит ему. Рабство на основе капиталистического способа производства несправедливо; также и обман на качестве товара» [2]). То же говорит и Энгельс: «Нравственное сознание массы, об'являющей несправедливым тот или другой экономический факт, как это было когда-то с рабством или с крепостным трудом, доказывает, что данный факт отжил уже свое время, что появились новые экономические факты, в силу которых он становится невыносимым и должен рушиться» [3]). «Люди с о з н а т е л ь н о или б е с с о з н а т е л ь н о черпают свои правовые воззрения в п о с л е д н е м с ч е т е из практических условий, на которых зиждется их к л а с с о в о е п о л о ж е н и е — и з э к о н о м и ч е с к и х условий» [4])... Мораль феодальная, буржуазная, пролетарская выражает три различных ступени развития к л а с с о в о г о общества.

Но, разумеется, точка зрения марксизма ничего общего не имеет с нравственным релятивизмом и тем более нравственным нигилизмом, отрицающим

---

[1]) Э н г е л ь с, Л. Фейербах, стр. 55, 56, 57.

[2]) «Капитал», т. III, ч. I, стр. 324. Разрядка наша (Гиз, 1922 г.).

[3]) Предисловие Энгельса к «Нищете философии». Ср. «Анти-Дюринг», стр. 300, 301.

[4]) «Анти-Дюринг», «Моск. Раб.», 1924 г., стр. 109. Разрядка наша.

всякую нравственность и не видящим тех специфических черт, которые историческое развитие общественных отношений придает нравственным формам — в отличие от всех прочих видов надстройки. Нравственность представляет собой особую форму надстройки, охватывающую как фактические отношения людей, так и специфические, изменяющиеся на каждой исторически определенной ступени общественного развития формы общественного сознания. Нравственность в этом последнем смысле, равно как и философия, есть, по выражению Энгельса, — одна из «отраслей человеческого познания»[1]). Этика — особая, специфическая отрасль человеческого познания, изучающая общественное поведение людей, производящая оценку этого поведения с помощью понятий добра и зла, справедливости и несправедливости, выдвигающая стало быть некоторые, исторически определенные социальные обязанности, как мерило, «норму» «должного» поведения, исходящая из того или иного исторического представления о свободе или необходимости данного поведения. Но все эти специфические особенности нравственной надстройки и моральных воззрений также всецело обусловлены историческим развитием общественных отношений и также изменяются вместе с этими последними. Все категории этики суть социальные категории, категории исторические, преходящие и изменчивые: марксизм ничего общего не имеет с натуралистическим и догматико-рационалистическим воззрением на нравственность!

Как правильно указывает А. М. Деборин, необходимо отличать фактическую нравственность и ее «идеализацию», которая систематизирует и идеализирует практическую нравственность, возводит в законы, нормы, принципы то, что есть»[2]). Это различение фактической нравственности и отвлеченных нравственных теорий играет весьма важную роль. Больше того, оно позволяет нам материалистически подойти к вопросу об источнике нравственности и вместе с тем не упустить из виду диалектику посредствующих звеньев, из которых вырастает вся сложная моральная надстройка. И в этом именно видел Энгельс преимущество Гегеля над Фейербахом, весь реализм его этической концепции, несмотря на идеалистические формы. Благодаря исходному идеалистическому пункту Гегель превращает в раздел этики всю совокупность общественных отношений. Но важно то, что он восходит от отвлеченной морали к этим «бытовым отношениям», в которых коренится фактическая нравственность общества. Фейербах же, по словам Энгельса, видит во всех отношениях людей только одну их сторону — нравственность. Нравственность, фактическая нравственность — это определенная «сторона» самих общественных отношений; в другом месте Энгельс прямо говорит о «морали и праве», как об «общественных отношениях»[3]).

Разумеется, можно указать сравнительно ограниченную группу таких общественных отношений (самопожертвование и т. п.), которые можно было бы квалифицировать только как отношения нравственности, отношения, относящиеся исключительно к сфере моральной надстройки. В действительности во всей сложной совокупности общественных отношений — экономических, технических, юридических, правовых, эстетических, отношений потребления и т. д. — каждая область их имеет свою собственную структуру, и они квалифицируются как справедливое, «доброе» и «дурное» и т. п. лишь дополнительно — в той мере, в какой они проходят через

[1]) «Анти-Дюринг», стр. 110.
[2]) А. Деборин, Ревизионизм под маской ортодоксии, «Под Знаменем Марксизма» 1928 г., кн. I, стр. 7.
[3]) «Анти-Дюринг», стр. 173.

каждый раз особую, всецело обусловленную экономическими отношениями и классовыми интересами «нравственную форму» оценок.

Купец, продавая товар, буржуазный парламентарий, подкупая своих избирателей, штрейкбрехер, продавая рабсилу буржуазии действует, прежде всего, по законам рынка, согласно «технике» буржуазного избирательного права и т. п. И в то же время их поведение предстает перед нами в свете той или иной *нравственной* оценки. Помимо того, целый ряд моментов общественного поведения, в особенности в области т. н. быта, нравов, обычаев, традиций, моды и т. п., представляет для нравственной надстройки специфический интерес: мы имеем здесь дело очень часто с поведением, обусловленным непосредственно отнюдь не техникой экономической, политической и т. д. области. И в то же время имеем в них дело с так наз. *привычным* поведением, когда действия и поступки людей носят почти автоматический характер. И здесь для об'яснения промежуточных звеньев, связывающих экономическую структуру общества с областью *разумной* нравственной оценки, необходимо обратиться к понятию *социального инстинкта*, *социального чувства*, *стремления*, *побуждения*.

«Инстинктивное действие, — определяет Гегель, — распыляется в бесконечно разнообразном материале». Наоборот, «интеллигентное и сознательное действие» выделяет «содержание движущего» мотива из непосредственного единства с суб'ектом в предметность перед ним» (перед суб'ектом). «*Инстинктивный человек*, дикарь, — комментирует это место Ленин, — не выделяет себя из природы; *сознательный* человек выделяет...» [1]). Инстинкт, как *бессознательное* внутреннее побуждение, при котором действующее лицо не выделяет себя из природы и остается с ней всецело слитым, как нечто «стихийное», — «естественное» (naturwüchsig) — противополагается в этом отношении *разуму*, сознательному, целесообразному действию. В ранней своей работе о Фейербахе Маркс и Энгельс связывают понятие «сознания» с «отношением к среде»: «животное *не относится* ни к чему, для животного соотношение с другим *не существует как отношение*» [2]). В том же смысле Маркс говорит о «*первых животнообразных инстинктивных формах* труда», противопоставляя им труд, осуществляющий «*сознательную цель*», как форму труда, «составляющую исключительно достояние человека» [3]). Однако хотя Маркс проводит резкое различие между «наилучшей пчелой» и «самым плохим архитектором», легко заметить, что в данном месте «Капитала» он одновременно подчеркивает тесную *связь* между природой и обществом, возможность *исторического перехода* от естественной, «животнообразной» формы к разумной форме труда. К «глубоким первобытным временам» он относит наличие некоей «примитивной *инстинктивной формы*» *человеческого* труда.

Старые моралисты, типа Шефтсбюри и Руссо, противопоставляли рационалистическому пониманию морали «нравственное *чувство*» и «божественный инстинкт» как нечто врожденное человеческой природе, как *естественную* категорию. Позитивист Юм *ограничивает* область опытного и разумного познания, противопоставляя ей «слепой и могучий природный инстинкт», — также и в сфере морали. Кант создает на ряду с миром опытного абстрактного познания *особый* нравственный разумный мир. Неокантианцы совершенно ограничивают один от другого *естественные и нравственные* науки, природу и общество. Марксизм исходит из *единства природы и общества при всем их различии*

[1]) Конспект «Науки логики» Гегеля, Ленинский Сборник IX, стр. 40.
[2]) «Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 220.
[3]) «Капитал», т. I. Гиз, 1920 г., стр. 154.

Марксизм учитывает непрерывность исторического процесса, ведущего от природы к обществу, от инстинктивного человека к сознательному человеку, от животнообразных форм труда к его высшим целесообразным формам. И в то же время точка зрения марксизма глубоко чужда натуралистическому пониманию социальных явлений: она не упускает из виду и того качественного скачка в историческом развитии, который превращает нашего животного порядка в человека, его естественные побуждения в социальные чувства и инстинкты.

Еще в ранней своей работе о Фейербахе Маркс и Энгельс протестовали против метафизического разрыва между «историей людей» и «историей природы». Наши животные предки, писал позже Энгельс, в своей известной статье о «роли труда в человеческом обществе» — «были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, из необщественных животных предков»[1]). Эволюционная теория развития видов Ч. Дарвина — и в этом ее огромная заслуга — впервые ставит вопрос о социальных связях и соответствующих им социальных чувствах и инстинктах по-новому, она ищет происхождения этих чувств в природе, в животном мире, но она рассматривает социальные чувства уже не как нечто врожденное, «свойственное природе» человека или животного, но в процессе их исторического развития. Недостаток теории Дарвина и дарвинистов заключается, по мнению Энгельса, не в том, что она искала наличия общественных форм жизни и социальные чувства в животном мире, но, наоборот, в том, что в противовес этой идеи «гармонического сотрудничества» наблюдаем это и на низших ступенях развития, дарвинизм чересчур подчеркивал идею «борьбы за существование». А эта последняя идея представляла, по словам Энгельса, не что иное, как перенесение буржуазного учения Гоббса о «борьбе всех против всех» и теории народонаселения Мальтуса наследства из сферы общества в области органической природы!

«Обе эти концепции, — говорит Энгельс, — правомерны в известных узких пределах, но обе одинаково односторонни и ограничены... Взаимодействие живых существ включает сознательное и бессознательное сотрудничество, а также сознательную и бессознательную борьбу. Нельзя даже в растительном и животном мире видеть всегда только одностороннюю борьбу»[2]). Ту же мысль развивает Энгельс и в своей переписке с П. Л. Лавровым. «Я не могу согласиться с вами,—пишет он последнему,—что борьба всех против всех была первой фазой человеческого развития. По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны»[3]).

В то же время Энгельс не забывает и «существенного отличия человеческого общества от общества животных», которое «состоит в том, что животные в лучшем случае накопляют, между тем как люди производят. Но уже это одно капитальное отличие делает невозможным простое перенесение законов животного общества в человеческое общество»[4]). Очень лю-

---

[1]) Энгельс, Роль труда и т. д., «Архив Маркса и Энгельса», т. II, стр. 93. Разрядка наша.

[2]) См. стр. 21.

[3]) См. Письма Энгельса к П. Л. Лаврову, «Летописи Марксизма» кн. V, стр. 36. Разрядка наша.

[4]) «Происхождение семьи», изд. «Моск. Раб.», стр. 24—25.

бопытны в связи с этим и те указания, которые делает Энгельс, изучая наблюдения ученых, относящиеся к животным формам общения, и устанавливая наличие антагонизма между животной семьей, связанной ревностью самца, и более высокой формой общения, стаей: «Общества животных имеют, правда, некоторое значение для заключения о человеческих обществах, но только отрицательное... Животная семья и первобытное человеческое общество — вещи несовместимые»... Короче говоря, по мнению Энгельса, высшие формы общения в животном мире, в особенности формы, основанные «на об'единенной силе и коллективном действии стаи», уже сами по себе ведут к развитию за пределы животного царства [1]). Общественный инстинкт, хотя наблюдается и в животном мире, но представляет собою уже нечто враждебное простейшим биологическим инстинктам самосохранения и размножения. Общественный инстинкт—один из рычагов развития от животного к человеку.

Таким образом внутреннее диалектическое противоречие ранних общественных инстинктов состоит в том, что, развиваясь уже в пределах животного мира, социальные инстинкты выводят человека за эти пределы. Этим самым они глубоко отличаются от простых биологических инстинктов, в роде самосохранения и размножения, являясь и их продолжением и их развитием в иной форме. Социальные инстинкты—отнюдь не биологическая, но уже социальная категория. Представляя собой суб'ективное отображение низших форм человеческого общения и подготовляя переход к еще более высшим формам человеческого общества, основанным на разумных формах труда, социальные инстинкты должны уже «в себе» заключать, в потенции, известную долю сознательности. Они предполагают уже некоторое неясное сознание своей связи с общественным коллективом и своих обязанностей по отношению к нему. Последнее обстоятельство подчеркивают Маркс и Энгельс, говоря о самой низшей ступени сознания, о «начале сознания того, что индивид вообще живет в обществе», «бараньем или родовом», «чисто-стадном сознании»: «человек отличается от барана лишь тем, что его сознание заменяет ему инстинкт или что его инстинкт носит сознательный характер» [2]).

Социальные стремления или инстинкты в понимании Маркса и Энгельса таким образом не содержат в себе ровно ничего биологического, «натурального», «априорного», «врожденного человеческой природе». Ничего общего не имеют они с врожденным «божественным» инстинктом Руссо, ни с «мистической волей к жизни» Шопенгауэра. В таком смысле самое словосочетание «социальные инстинкты» было бы величайшей безграмотностью. Но дело в том, что на всем протяжении своего исторического развития — начиная с высших форм животного общества — социальные стремления представляют собой только суб'ективное отображение развивающихся и изменяющихся общественных отношений, их исторический и отражающий на себе все их изменения продукт.

Развитие классов превращает классы «в себе» с их стихийными устремлениями, с их классовым инстинктом («чутьем») в классы «для себя» — с отчетливо выраженными, осознанными классовыми интересами. Оно порождает различные, противоположные по своим устремлениям клас-

[1]) Там же, стр. 35.

[2]) «Архив Маркса и Энгельса», кн. 1, стр. 221. Известио, что некоторые современные зоопсихологи склонны рассматривать даже биологические инстинкты и интеллект высших животных не как резко разорванные, но переходящие друг в друга образования. См. В. Келер, Исследование интеллекта человекоподобных обезьян.

совые идеологии, классовые теории морали — оно порождает и новые, уже осознанные «мерила» оценок, добра и зла, справедливости и несправедливости,—различные нравственные нормы, нравственные идеалы. «Нравственный долг» есть не что иное, как то же, но лишь рационализированное, облеченное в форму абстракции нравственное чувство. Говорить о «социальных стремлениях людей вообще» и этим ограничиваться — как это делают буржуазные солидаристы — все равно, что говорить о «стремлении к счастью» вообще: это значит стать на абстрактную надисторическую позицию, чуждую действительным историческим формам, которые принимало развитие социальных чувств и инстинктов; это значит стать на чисто буржуазную позицию «прогресса социальных устремлений», «сотрудничества классов», гармонии классовых интересов и т. п.! Как социальные категории, общественный инстинкт есть категория историческая, стало быть изменяющаяся вместе с развитием общественных отношений — принимающая исторические и антагонистические формы родового, классового, сословного и т. д. инстинкта. Разумеется, каждая конкретно-историческая форма социальных побуждений представляет особое проявление общественного инстинкта, как некоторой общей категории: марксизм чужд не только абстрактной социологии, но и историческому эмпиризму!

Прослеживая страницы работ Маркса («Капитал») и Энгельса («Происхождение семьи» и др.), можно убедиться в том, какую важную историческую роль играют эти конкретно-исторические проявления социальных инстинктов и побуждений. Если в пределах рода можно еще говорить о сознательном стремлении, близком к биологическому и привязывающем, как «пуповиной», отдельного индивида к родовой общине, то в классовом обществе Маркс и Энгельс стремятся подчеркнуть антагонизм классовых инстинктов и социальных устремлений, сплачивающий общественные классы и приводящий к стихийным формам классовой борьбы. Целый ряд примеров, говорящих о классовом инстинкте буржуазии, о классовом революционном инстинкте рабочих, о собственнических инстинктах крестьянства и т. д.—вплоть до поповского инстинкта!—разбросаны по страницам их работ. Не мало соответствующих примеров — как мы увидим далее — можно найти и у Ленина...

Процесс превращения этих фактических социальных чувств и интересов, и вытекающих из них обязанностей перед общественной группой в отвлеченные принципы и нормы нравственности создает теоретическую мораль. Для моралистов, этих идеологических индивидов класса, имеет место «об'ективирование его занятия, благодаря разделению труда». Последнее приводит к тому, что фактические отношения становятся в моральном сознании свободными понятиями, идеями о «должном», принципами, нравственными «аксиомами» и т. п. Моральные теории, нравственные истины, как специфические формы данной «отрасли познания», таким образом в конечном счете также всецело обусловлены развитием общественных отношений и являются лишь несколько более отдаленными историческими продуктами этих последних. Общая историческая подкладка создает нечто общее в различных классовых теориях морали; выражая различные ступени одного и того же исторического процесса, эти теории в то же время являются ступенями на пути исторического развития и «в общем и целом прогресса» нравственности, как определенной «отрасли человеческого познания» (Энгельс).

Эту общую историческую подкладку параллельно сосуществующих и сменяющих одна другую теорий морали Маркс и Энгельс видели в экономике

антагонистического, классового общества, где нравственность всегда по своему содержанию была классовой нравственностью, где она всегда служила или к оправданию классового господства, или выражала возмущение угнетенного класса. Общие идеологические и фетишистские черты различных современных нравственных теорий также находят свои корни в экономическом развитии современного товарно-капиталистического общества, создающей представления о «свободе личности», о «равной справедливости», «выдвигающей требование равенства, равного права на счастье, создающей «добрую волю» Канта и «волю к жизни» Шопенгауэра, и принцип выгоды Бентама, и «биржевое» право на счастье Фейербаха... Различные ступени исторического развития общества товаровладельцев и различное положение в системе общественных отношений, общественных классов обуславливают развитие и специфических особенностей и классового содержания различных моральных теорий. На примере развития требования «равенства» Энгельс показывает этот путь развития классовой морали. Он показывает, например, как у пролетариата, в самом начале его исторического развития, требование равенства является лишь «стихийной реакцией» против социального неравенства, лишь «простым выражением революционного инстинкта». В дальнейшем оно развивается уже, как реакция против буржуазного требования равенства и выражает уже «широкие, более или менее правильные требования» — в основном сводящиеся к упразднению классов... [1]).

Нравственность истинно-человеческая, всеобщая, стоящая выше классовых противоречий, к которой взывал Кант, немыслима в антагонистическом обществе. Она неизбежно превратится в пустую абстрактную теорию, типа кантовской этики, в пустую «моральную» форму, не могущую охватить противоречивое содержание фактических отношений и в конечном счете отражающую лишь классовое положение ее автора. «Всеобщий» нравственный закон Канта предполагает возможность «всеобщего законодательства», т.-е. отсутствие классовых противоречий, а потому он неприменим в пределах классового общества. Но он предполагает не только «всеобщее законодательство», но в сущности абсолютную свободу личности, полную ее независимость от каких бы то ни было общественных условий, и необходимость ее действия наперекор естественным склонностям и желаниям. Поэтому, если строго следовать идее Канта, то его нравственный закон не имеет смысла ни в каком решительно обществе.

Это не значит однако, что человечество в своем развитии не может возвыситься до «всеобщего законодательства», в смысле непротиворечивой системы требований, пред'являемых обществом индивиду и осознаваемых этим последним, не как внешняя необходимость, а как разумная, идущая по линии собственных склонностей и развития человеческой личности необходимость. В этом смысле «истинно-человеческая» нравственность становится возможной лишь при коммунизме, «на такой ступени развития общества, когда не только будет устранена противоположность классов, но изгладится и всякое воспоминание о ней в практической жизни» [2]).

Маркс в нескольких беглых замечаниях вскрывает тот глубокий смысл, который он вкладывает в понятие свободы как познанной необходимости в будущем обществе. «Царство свободы, — говорит он, — начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей

[1]) «Анти-Дюринг», стр. 123—124.
[2]) Там же, стр. 110.

оно лежит по ту сторону собственно материального производства». В области материального производства, по словам Маркса, мы всегда остаемся в «царстве сознательной необходимости», которое только расширяется вместе с общественным развитием. Здесь, в этой области, свобода может заключаться лишь в сознательном, рациональном регулировании ассоциированными производителями своего обмена веществ с природой: «в том, что они совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях наиболее достойных и адэкватных их человеческой природе». «Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое может расцвести на этом царстве необходимости как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие» [1]).

Царство необходимости не исчезает при коммунизме,—однако только на этом необходимом материальном базисе расцветает истинное царство свободы, заключающееся в развитии человеческой силы, как самоцели, в возможности свободной деятельности, независимой от внешних целей. Мысль Маркса не в бровь, а в глаз ударяет по тому вульгарно-механическому пониманию, которое превращает человеческую нравственность будущего в голые «технические нормы»! «Время труда всегда остается,—пишет в другом месте Маркс,—даже когда меновая ценность исчезла, творческой сущностью богатства и мерилом издержек, требуемых для его производства. Но свободное время, время, находящееся в нашем распоряжении, есть само богатство—отчасти для пользования продуктами, отчасти для свободной деятельности, не определяющейся, подобно труду, принуждением внешней цели, которая должна быть достигнута, достижение которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью,—называйте это как угодно»... [2]).

Этика марксизма представляет собой только одну сторону целостной марксистской идеологии. Развитие воззрений марксизма на вопросы этики теснейшим образом связано с историей классовой борьбы пролетариата, в частности с развитием его взглядов на роль революционной теории и ее отношение к классовому инстинкту рабочей массы. В особом, специфическом разрезе мы имеем здесь тот же основной вопрос о соотношении революционной организации и широких масс рабочего класса, партии и класса.

Марксизм-ленинизм определяет эти взаимоотношения, как «взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой» (Ленин). Как совершенно правильно и четко раз'ясняет эту мысль Ленина тов. Сталин:

«Это значит, во-первых, что партия должна чутко прислушиваться к голосу масс, что она должна внимательно относиться к революционному инстинкту масс, что она должна изучить практику борьбы масс, проверяя на этом правильность своей политики, что она должна, следовательно, не только учить, но и учиться у масс. Это значит, во-вторых, что партия должна изо дня в день завоевывать себе доверие пролетарских масс, что она должна своей политикой и своей работой ковать себе поддержку масс, что она должна не командовать, а убеждать прежде всего, облегчая массам рас-

---

[1]) «Капитал» т. IV, ч. 2, стр. 357.

[2]) Теории прибавочной стоимости, т. III, 1924 г., стр. 213.

познать на собственном опыте правильность политики партии..., что она должна, следовательно, быть руководителем, вождем, учителем своего класса»[1]). «Без этих неуловимых моральных нитей, связывающих партию с беспартийными массами, партия не могла бы стать решающей силой своего класса»[2]).

В установлении правильного соотношения между социальными чувствами эксплоатируемой рабочей массы и руководящей пролетарским движением социалистической, коммунистической идеологией проявилась вся гениальность ленинской диалектики. Социальные чувства эксплоатируемого класса, его настроение, его классовый, революционный инстинкт, возникшие на основе определенных общественных отношений капитализма, для Ленина все это — социальные, стало быть, исторические, развивающиеся категории. Развитие классового сознания пролетариата представляет собой не эволюционный, бесконечно-медленный процесс, не простой количественный рост, но постоянные качественные изменения, в котором революционная теория, партийная дисциплина и работа, непосредственная революционная борьба играют исключительно важную роль. Но именно потому развитое классовое сознание пролетариата не может быть порождено непосредственно экономическими отношениями, но в известном смысле вносится в его классовую борьбу «извне», вместе с теорией революционного марксизма, представляющей собою продукт сложного исторического развития.

Такое понимание было совершенно чуждо теоретикам меньшевистского типа или типа Л. Д. Троцкого. Известная теория преклонения перед «стихийностью», выдвинутая в свое время «экономистами», не только недооценивала значение революционной идеологии, но, как это показал Ленин, недооценивала и революционной активности масс. «Экономисты», полагая, что идеология вырабатывается рабочими массами самостоятельно, в процессе их движения, непосредственно из их экономических отношений, тем самым подменяли частными, минутными интересами общие интересы рабочего класса, формулированные революционной теорией. В то же время они гипостазировали «стихийное» сознание пролетариата, как «об'ективный элемент», как своего рода «вечное», неизменное, «априорно» данное пролетариату свойство: они не хотели видеть, что лишенное воздействия революционной теории классовое сознание пролетариата идет по пути подчинения его буржуазной идеологии.

Характерна в этом отношении эклектическая позиция Троцкого. Троцкий, с одной стороны, всецело занимал линию «тактики-процесса», взывая к «об'ективным тенденциям» развития, горячо возражая против «идеализма», «утопизма», «рационализма», «отвлеченной силы классовых интересов» у большевиков-«якобинцев». С другой стороны, он считал русский пролетариат «неспособным давать уроки» своей интеллигенции. Он видел лишь «медленное развитие... уровня пролетарской сознательности». Все дело в том, что «стихийное» сознание пролетариата, его «революционное чутье», к которому иногда апеллирует Троцкий, его классовый инстинкт, он склонен рассматривать, как некое «априорное», от природы данное, а потому почти неизменное, почти неподвижное «свойство» рабочего класса: инстинкт Троцкий понимает всегда, как своего рода природный, чуть ли не биологический инстинкт, в который общество может внести лишь частичные изменения. Троцкий согласен, например, с утопистом Фурье, который строил свои фаланстеры «на правильном и разумном использо-

---

[1]) И. Сталин, К вопросам ленинизма. Разрядка наша.
[2]) И. Сталин, Об основах ленинизма. Разрядка наша.

вании и сочетании человеческих инстинктов и страстей... Мы берем людей такими, какими их создала природа и какими их отчасти воспитало, отчасти искалечило общество» [1]). Следует заметить, что ту же типично-буржузную точку зрения занимал Троцкий и в вопросе о крестьянстве, о его сознании: отсюда недоверие Троцкого к крестьянской «стихии», к массам вообще.

Я сказал — типично-буржуазную точку зрения, потому что ее одновременно, в вопросе о крестьянстве, занимало и мелкобуржуазное народничество, верившее во врожденные «коммунистические инстинкты» русского крестьянства, и либералы типа П. Струве, обвинявшие большевиков в том, что они использовывают «безумство стихии», «темные социальные инстинкты» крестьянства, и социал-демократы, доказывавшие «неспособность» крестьянства воспринимать идеи социализма—«невосприимчивость его к коммунии», как позже выразил ту же мысль Н. И. Бухарин.

В противоположность этому Ленин доказывал, что «стихийный элемент представляет собою, в сущности, не что иное, как зачаточную форму сознательности». Отбрасывая всякое преклонение перед «стихийностью», Ленин считал необходимым «поднимать стихийность до сознательности». В то же время Ленин вслед за Энгельсом глубоко верил в «скрытый социализм» масс, в революционную целесообразность классового инстинкта пролетариата. В период войны он радовался тому, что «пролетариат своим классовым инстинктом схватывает ту истину, что защита отечества в империалистической войне есть измена социализму». Он бичевал ренегатов социал-демократии за то, что они «действовали фактически наперез революционным инстинктам и стремлениям, всегда тлеющим в глубине массы угнетенного класса». Он издевался над социал-демократами типа Деймига, которые боялись масс, обвиняли их в «путшизме» и наивно думали, что массы могут подняться «сразу и вполне организоваться» [2]). Наконец, «хозяйский, собственнический инстинкт» крестьянина Ленин рассматривает тоже, не как особенность крестьянской «природы», но как социальное явление, как историческую особенность его сознания, сочетающуюся с революционной стороной,— сознания, могущего быть измененным, подлежащего «переделке»...

Это историческое, а отнюдь не биологическое рассмотрение инстинктов, чувств, побуждений различных общественных классов, понимание подлинной роли этих социальных инстинктов и стремлений в развитии более высоких форм сознания и, наоборот, обратного влияния высших форм идеологии на развитие «стихийных» начал, тлеющих в массе, является таким образом совершенно необходимым ингредиентом учения Маркса и Ленина. Последнее важно учесть для того, чтобы правильно оценить и это общее теоретическое значение, которое имела в свое время постановка К. Каутским вопроса о роли общественных инстинктов и чувств и более специальное значение—в области уже непосредственно этической—критика Каутским абстрактной кантианской нравственной идеологии и грубо

---

[1]) См. Л. Троцкий, Наши политические задачи; Вопросы быта. «Революционное чутье» Троцкий в одном месте сравнивает с «мышечным ощущением в физическом труде»; в других местах он говорит об «условных общественных рефлексах», об «общественной нервной энергии» и т. п. Троцкий всюду стремится подчеркнуть неподвижность быта, роль бессознательного», которое он хочет изучать при помощи фрейдистского психоанализа. С этим у Троцкого тесно связано непонимание своеобразия этапов на пути развития коммунистической культуры (См. Троцкий, Культура переходного периода, Литература и революция).

[2]) Ленин, Соч., т XIII, стр. 503; т. XV, стр. 501; т. XVI, стр. 233, и др.

натуралистических представлений о нравственности, как о некоей «биологическом» свойстве культурных буржуа!

В конце прошлого и начале текущего столетия рост немецкого рабочего движения начал вызывать все усиливающееся беспокойство буржуазии. Принципу классовой борьбы пролетариата нужно было противопоставить «моральные» принципы. Образовалось особое общество «этической культуры», поставившее своей целью этизировать классовую борьбу. Этика Канта, это столь характерное для буржуазного общества, общества товаровладельцев, мировоззрение с ее вечным и неизменным нравственным законом, с ее «всеобщим законодательством», должна была внушать рабочим веру в неизменность капиталистического строя, должна была доказывать им «безнравственность» забастовок и классовой борьбы. Конструируя особый, совершенно оторванный от природы, «умопостигаемый» нравственный мир, этическая и социальная методология кантианства закрывала путь действительному историческому изучению общественного развития, происхождения нравственности и ее классового характера. В защиту классовой нравственности против целой кучи либеральных буржуазных профессоров немало полемических копий пришлось сломать в этот период и Францу Мерингу и Каутскому.

Но не лучше были и буржуазные противники «категорического императива», натуралисты типа проф. Фореля, которые видели в нравственности природное свойство человеческого мозга лишь на высокой — очевидно, буржуазной! — ступени развития культуры. Последнее вполне гармонировало с теорией, выдвинутой буржуазным экономистом К. Бюхером, согласно которой первобытный человек был жестоким, эгоистическим индивидуумом, чем-то в роде современного капиталистического индивида,—разве что лишенным «нравственности». Эта теория должна была нанести решительный удар марксовой теории первобытного коммунизма!.. И в одном, и в другом случае — отрыв общества от природы, полное отсутствие исторического подхода к вопросам этики, сознательная или бессознательная апелляция в этом вопросе к исторически ограниченной этике буржуазного общества, как некоей высшей ценности—таковы были характерные черты этической методологии, противопоставлявшей себя марксизму. Работа Каутского об этике (1906 г.) имела целью дать отпор всем этим либеральным устремлениям, дать критику буржуазной этики.

Центристское течение в германской социал-демократии, представляемое Каутским, как известно, очень рано начало обнаруживать известную беззаботность в вопросах теории, в особенности в области философии марксизма, в которой Каутский никогда не занимал строго-ортодоксальной позиции, считая возможным «примирить» общественную теорию Маркса с буржуазной философией. Оно проявляло нерешительность в полемике против ревизионистов, уклончиво обходило вопросы о государстве и его судьбе в революции: оно начало скатываться к оппортунизму еще в предвоенный период. Но в годы написания «Этики» Каутский находился, так сказать, в зените своей марксистской ортодоксии. Если еще в 1904 г. Каутский был склонен — вслед за Розой Люксембург!—поддерживать меньшевистскую концепцию организационного вопроса в спорах русской с.-демократии, если уже в 1910 г. он пытается занять промежуточную (центристскую) позицию в дискуссии между баденскими оппортунистами и Розой Люксембург,— обнаруживая достойное с.-д. «партаппаратчика» недоверие к массе, — то в период первой российской революции Каутский близко подходит к большевистскому пониманию ее движущих сил. Названные годы в деятельности Каутского,— нашедшие свое завершение в его «Путь к власти»,—имел в виду впоследствии Ленин, когда в «Государстве и рево-

люции» вспоминает, «чем обещала быть с.-д.»... Ленин еще в 1909 г. говорит о «ярко-революционном крыле Каутского». Каутский ведет удачную борьбу и с правыми и с «левыми» по целому ряду теоретических и тактических вопросов. Вся его большая и ценная теоретическая работа в этот период в основном более всего близка тактическим потребностям пролетарской борьбы. Все это не могло не получить своего отражения и в книжке Каутского об этике, и последнее обстоятельство нужно иметь в виду, несмотря на то, что в этой работе мы уже находим зародыши тех методологических ошибок Каутского, которые получили свое развернутое выражение сейчас, в его «Материалистическом понимании истории».

Исходным пунктом и опорой для критики Каутским кантианской этики явилось учение Дарвина о возникновении общественных чувств в животном мире. Маркс и Энгельс недаром оценивали учение Дарвина как «естественно-истинную опору исторической классовой борьбы»[1]). Этой «опорой» для Маркса и Энгельса была отнюдь не теория «борьбы за существование», развиваемая дарвинизмом, как это иногда полагают. Подчеркивание момента «борьбы» об'ясняется, согласно Энгельсу, влиянием на дарвинизм воззрений Гоббса и Мальтуса, об'ясняется перенесением в естествознание буржуазной методологии общества. Последняя сторона дарвинизма несомненно вполне соответствовала основным принципам буржуазного либерализма и учению о всемогуществе конкуренции, принципам «выгоды» и «пользы» Бентама, laissez faire, laissez passer. Но в учении Дарвина основное место занимала другая, подлинно-научная, произведшая революционный переворот во всей буржуазной науке сторона, глубоко противоречащая либеральному пониманию дарвинизма. Теория Дарвина о развитии естественных органов, на которую часто ссылается Маркс, рассматривая развитие техники, его учение об естественном отборе, столь подтверждающее диалектику необходимости и случайности, его теория развития естественных видов из простейших форм, его учение о происхождении человека — все эти великие открытия Дарвина наносят сильнейший удар буржуазному представлению о неизменности человеческой природы и человеческого общества, буржуазному телеологическому представлению об общественной жизни. Даже подчеркивание им роли «борьбы» в животном мире сыграло свою горькой сатиры на буржуазное общество. Конечно, идеалистические моменты в воззрениях Дарвина и его натуралистическое понимание истории мешали ему полностью осознать роль общественного труда в процессе «очеловечения» обезьяны. Но учение Дарвина о развитии общественных инстинктов в животном мире, несмотря на все его психологические и натуралистические черты, сыграло важную роль в развитии материалистического взгляда на общество, так как оно позволило перебросить мост между двумя до сих пор отделенными мирами — природой и обществом.

Социальные дарвинисты и такие чрезмерно боязливые ученики Дарвина как Эрнст Геккель и Оскар Шмидт всячески стремились подчеркнуть либеральные моменты в учении Дарвина и всячески доказывали его аристократический консерватизм и враждебный социализму характер. Но более проницательные ученые типа Вирхова сразу почувствовали, что внутренний демократизм и историзм дарвинова учения, что его пессимизм по отношению к буржуазному обществу делает его чересчур близким именно к социализму. По этому последнему пути и пошел старый дарвинист Каутский. Начав в своей книжке с критики Канта, — критики далеко недостаточной, а местами и просто ошибочной, с точки зрения последовательного марксизма, — Каутский излагает почти без всяких

[1]) Письмо Маркса к Лассалю, 16 января 1861 г.

полемических комментариев взгляды Дарвина — под заголовком «Этика дарвинизма» — и переходит в дальнейшем к изложению марксистского взгляда на общество и нравственность. «Этика дарвинизма» является по мнению Каутского вполне достаточной для об'яснения происхождения нравственного чувства, долга, кантовского императива. Этика же марксизма нужна лишь для об'яснения нравственного идеала! Уже самое такое ничем неоправданное и совершенно неверное «разделение» материала приводит Каутского к ряду явно ошибочных положений. Каутский чрезмерно «очеловечивает» животный мир, целиком перенося туда ряд таких сложных нравственных комплексов и переживаний (верность, правдивость и т. д.), которые могли развиться лишь на почве отношений человеческого общества. Каутский чрезмерно биологизирует кантовский нравственный закон, сначала забывая об его исторически-классовом смысле и превращая его в простое внутреннее чувство долга, а затем в этом последнем виде усматривая в нем не более, как своеобразный «животный инстинкт»: Каутский не видит противоречивости развития, процесса борьбы биологических и общественных инстинктов, как стимула развития человеческого общества из животного мира, — на который указывает Энгельс.

Однако, несмотря на все эти — и многие другие, на которых мы не можем подробно останавливаться, серьезнейшие методологические погрешности, книга Каутского явилась ценным вкладом в марксистскую литературу своего времени. Критика Каутским кантовского императива политически была направлена против неокантианского, этического социализма, проповедовавшего ослабление классовой борьбы и соглашение с буржуазией. Каутский с другой стороны шел по правильному пути, ища уже у общественных животных те предпосылки общественных чувств, которые получили свое преобразование и дальнейшее развитие уже на основе человеческих общественных отношений и тем самым возвращался на точку зрения материалистического единства природы и общества. Серьезное политическое значение, которое имела в свое время уже самая постановка вопроса Каутским о социальных инстинктах в марксистской литературе, становится очевидной, когда мы знакомимся с той оживленной полемикой, которая немедленно вспыхнула по поводу книги Каутского[1]). В то время как появление ее приветствовали диалектические материалисты (А. Деборин и с оговорками, о которых дальше, Л. Аксельрод), ее форменным образом встретили в штыки и правые и «левые» ревизионисты — и вульгарные материалисты, и этические социалисты неокантианского толка.

Махровый оппортунист Людвиг Квессель обвинял Каутского именно в том, что, приписывая категорическому императиву животное происхождение, Каутский тем самым косвенно признает его действительность. Ссылаясь на Фореля и Бюхера, Квессель доказывал, что чувство долга не есть низкое животное влечение, но представляет собой продукт развития большого мозга, возможного лишь в культурном обществе; уже потому не следует искать общественных чувств у животных, что даже первобытные дикари являются воплощенными эгоистами, чуждыми альтруистических чувств. В своем ответе Квесселю Каутский раз'ясняет, что он под нравственным законом понимает чувство долга, чувство солидарности, социальный инстинкт, и что только через понимание общества мы приходим к по-

[1]) Интересный материал собран по этому вопросу в сборнике Я. Розанова, Марксизм и этика, 2-е изд., 1925 г.

ниманию нравственности»[1]. Вместе с тем Каутский показывает, что отрицание Квесселем общественных чувств у первобытных людей и у их предков, общественных животных, превращение их инстинктов и чувств в чисто-биологическое явление ведет к отрицанию марксовой теории первобытного коммунизма; что это отрицание в сущности остается на точке зрения буржуазного понимания этики как системы высших и общеобязательных понятий.

«Австромарксист» Отто Бауэр атаковал Каутского с точки зрения более откровенно, этического социализма. Бауэр также считает «небезопасным сводить этические явления к явлениям животного мира». «Убеждение, что социализм наступает, еще не делает меня борцом за него», заявляет Бауэр: необходима еще «точка зрения нравственной оценки», что отсутствие таковой ведет к скептицизму и т. д. Мы не будем здесь останавливаться на этих обычных для кантианцев рассуждениях Бауэра. Укажем лишь, что в своем ответе Бауэру Каутский на ряду с правильными методологическими положениями допускает и явно ошибочные и идет по линии уступок этическому социализму. Каутский, в противоположность Бауэру, понимает, что категорический императив Канта носит не только формальный характер, но тогда лишь имеет смысл, когда он связан с существованием определенного общественного строя. Вместе с тем Каутский пишет: «Тот, кто убеждается в возможности и необходимости социалистического способа производства, легко убедится также и в том, что критерий способности к всеобщему законодательству очень хорошо подходит к нему и признает за пролетарской этикой пальму первенства». Решение кантианца в пользу той или иной этики будет находиться в зависимости от его взглядов на социальный механизм» и т. д.[2]).

Таким образом создается представление, что Каутский как бы считает кантианский императив применимым к социалистическому обществу и, стало быть, этим косвенным путем поддерживает этическое обоснование социализма. Между тем если и можно говорить о «всеобщем законодательстве» при социализме в смысле существования там непротиворечивой системы элементарных правил человеческого поведения, то это вовсе не будет «всеобщим законодательством» в смысле этики Канта, с разрозненными автономными «волями» и стоящей над ними и противоречащей их естественным стремлениям идеологической моралью. В подлинно кантианском смысле категорический императив не применим к социалистическому обществу, потому что его источником является общество товаровладельцев, современное буржуазное общество.

Как же отнеслись к работе Каутского представители диалектического материализма? И здесь нужно прямо сказать, что уже тогда в критике Каутского среди них сразу наметилось два основных течения. Одно течение — последовательно-материалистическое, продолжавшее традиции старого материализма в обосновании «утилитарной» морали, но в новом социальном ее понимании, глубоко отличное от абстрактно-фейербаховского «эвдемонизма», тесно связывающее развитие нравственности с развитием «общественных отношений. Оно приняло положительные моменты установки Каутского в этом вопросе, вместе с тем подчеркнув и его ошибки. Другое течение пошло по линии идеалистических уступок кантианству и на этом строило свою «критику» Каутского. Первое представлено А. М. Дебориным, второе — Л. И. Аксельрод.

[1]) Сб. «Марксизм и этика», стр. 100, 97.
[2]) Там же, стр. 382.

А. М. Деборин в своей статье «Об этике Мандевилля и социализме Канта» (в «Neue Zeit») приветствовал основные положения Каутского, идущие по линии материализма. Однако тут же рядом он дает тонко замаскированную критику Каутского в вопросе о применении категорического императива Канта к обоснованию социализма. «Как только, — писал А. Деборин, — мы его теорию переведем на язык практики и спросим, как Кант сам понимал свою теорию и как он применял свой нравственный закон к практике, то кантовский «социализм» выступает перед нами в полной определенности... Кантовский нравственный закон... выражает сущность либерализма. Кантовское учение — «это философия либерализма». Тов. Деборин показывает, что если кантовский нравственный закон считать «социалистическим», то его нельзя согласовать с кантовской теорией права [1]).

Ответом на эту статью Деборина — характерно, что в ответ именно на эту статью! — явилась пространная критика Л. И. Аксельрод «Этики» Каутского. Еще в «Философских очерках» Аксельрод мы встречаем по этому вопросу более или менее двусмысленные положения. Она видимо соглашается с тем, что можно «дать кантовской отвлеченной формуле социалистическое толкование»; она говорит, что нужно раньше стать марксистом, «чтобы придать отвлеченной нравственной формуле Канта конкретный смысл научного социализма»! [2]). В своей критике Каутского, если внимательно проследить ее внутренний смысл, Аксельрод идет все по той же линии признания об'ективности и общеобязательности кантовского императива. Так, Аксельрод критикует понимание Каутским правового «закона» как суб'ективного регулятора, как чувства «долга». Правильно осуждая отдельные ошибки Каутского в вопросе о свободе и необходимости, Аксельрод вместе с тем не дает отчетливого представления о свободе в марксистском смысле как о познанной необходимости, как об особой форме этой необходимости, как о подлинно об'ективной категории нашего общественного бытия и поведения. Наконец, изложение позиции старых материалистов приводит Аксельрод вместо классовой точки зрения на мораль к «унаследованным нормам нравственного поведения» общечеловеческого характера. «Принадлежность к одному и тому же обществу, государству, — писала Л. И. Аксельрод, — заинтересованность в материальном благосостоянии этого общества, которое так или иначе хотя бы в минимальной, относительной степени простирается и на часть низших неимущих классов»... «общие национальные цели, выступающие в моменты угрожающей опасности со стороны внешних врагов всей нации» и т. д. и т. д., — «словом, бесконечное множество форм проявления социального бытия спаивают личность с обществом, и на почве этой органической тесной связи возникают общечеловеческие альтруистические чувства и обобщение нравственной морали, сохраняющие в силу своего общего характера постоянное значение, являясь звеньями в великой цепи нравственного процесса истории человечества» [3]). Итак, «прогресс нравственности» не в смысле развития общественных чувств и норм, отражающих все более высокие общественно-экономические уклады, но в смысле создания общеобязательных норм, связывающих все классы общества, нации и т. д.

Легко заметить, что уже здесь Л. Аксельрод говорит тем языком «простых законов права и нравственности», к которому она вместе с Г. В. Пле-

[1]) А. Деборин, О этике Мандевилля и «социализме» Канта. Сб. «Философия и марксизм», стр. 73—74. Разрядка наша.

[2]) Л. Аксельрод, Философские очерки, 1906 г., стр. 119—120.

[3]) Л. Аксельрод, Об этике Каутского. Сб. «Марксизм и этика», стр. 403

ханowым пришла, когда вспыхнула империалистическая война. Все дальнейшее развитие полемики в советском марксизме идет по этим двум основным линиям. Существуют некоторые абсолютные, общеобязательные нормы, обязательные для всего общества, проявляющиеся и в нарушениях их отдельными классами, обязательные, «если (?) они не противоречат классовым революционным задачам», общеобязательные уже потому, что они существуют об'ективно, реально,—такова одна буржуазно-либеральная точка зрения, которую защищает в ряде своих работ Л. Аксельрод. Существуют нравственные нормы, всецело — и по содержанию, и по форме — вытекающие из общественных отношений, из классового строения общества, выражающие в классовом обществе в конечном счете интересы определенных классов. Социальные, т.-е. племенные, классовые, сословные и т. д. чувства, настроения, стремления, инстинкты представляют лишь более или менее сознательное, суб'ективное выражение тех же общественных отношений и об'ективных классовых интересов. В зачаточных, «стихийных» формах составляя основу эмпирической, фактической нравственности—отношения, нравы, поступки людей,—они получают помимо того отвлеченное, рациональное выражение в моральных системах, системах «норм». Последние оказывают известное обратное воздействие на фактические отношения, — в той мере, в какой они представляют собой, как и всякое идеологическое выражение классовых интересов, ступени исторического познания человека. В то же время они бессильны перед действительностью, поскольку они фетишистски от нее отрываются, подобно пустому формализму кантовой этики.

Об'ективное существование этих классовых норм еще не обозначает их общеобязательности. Нравственный мир человека не оторван от его бытия и находит в нем свои социальные корни, свое социальное содержание и форму, равно как и общественное бытие человека не оторвано от природы и находит в ней свои естественные предпосылки, преобразующиеся и развивающиеся в процессе общественного развития. Такова точка зрения последовательного диалектического материализма.

Переходный период ставит перед философией марксизма ответственную задачу—выявить специфические особенности пролетарской этики и ее отношение к старой идеалистической морали. Методологическая четкость становится в данном отношении особенно необходимой. Здесь, как и всюду, марксистская мысль должна была исходить из тех немногих, но недвусмысленных указаний, какие мы находим разбросанными в работах Ленина. Следует заметить, что появление новой литературы по этому вопросу в советский период и соответствующие дискуссии в значительной мере помогли уяснению проблемы. Так, в ценной работе т. Е. Б. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» ставится вопрос о том, что все системы современной идеологической морали,— а стало быть и «общеобязательный» кантовский императив,—представляют собою не что иное, как отражение в своих формальных особенностях общественных отношений товаропроизводящего общества и несут его отпечаток на своих понятиях и «принципах». Все виды современной морали—и буржуазной, и пролетарской—лишь потому имеют «нечто общее», т.-е. напоминают одна другую по своим формальным особенностям, что они отражают некоторый единый, общий исторический фон. Исчезновение этих абстрактно-идеологических (т.-е. фетишизирующих) моментов из пролетарской морали (чувство «долга», понятие справедливости и т. д.) и мощное развитие социальных чувств в их «неприкрытом» виде всецело связаны с отмиранием порождающих их общественных отношений, с отмиранием товарной формы, с

исчезновением господствующего в этих отношениях фетишизма — в противоречивом процессе строительства новых социалистических отношений. Своеобразная форма абстрактной этики — таким образом, не простой фантом, но такой же неизбежный исторический продукт общественного развития, как и выражаемое ею социальное содержание — определенные классовые интересы и их суб'ективное выражение в социальных чувствах, инстинктах, настроениях.

Этот социальный, исторический характер и содержания и формы нравственности было совершенно необходимо подчеркнуть в виду появления двух противоположных, но одинаково ошибочных концепций пролетарской этики. В одной из них, представленной с одной стороны Н. И. Бухариным, а с другой — Е. А. Преображенским, нашла свое проявление механистическая тенденция, с которой диалектикам пришлось выдержать борьбу во всех решительно областях. В сфере морали для нее характерны были рационалистический подход и механическое понимание взаимоотношения абстрактной формы морали и содержащихся в ней классовых норм. Н. И. Бухарин полагал, что марксизм должен отбросить этику в виду ее фетишистской сущности и рассматривать классовые нормы поведения пролетариата лишь как технические правила поведения, нужные для коммунизма. «Пролетариат, — писал тов. Бухарин, — не может быть проводником капиталистического фетишизма. Для него нормы его поведения есть тоже не технические правила, как для столяра, который делает табуретку. «Этика» превращается у него мало-по-малу в простые технические правила поведения, нужные для коммунизма, и потому по существу перестает быть этикой. Ибо самое существо этики в том и состоит, что это есть нормы, которые охвачены фетишистской оболочкой» [1]). Также и согласно тов. Преображенскому, «рассуждая строго научно, нельзя говорить теперь о пролетарской морали или пролетарской этике, когда дело идет просто о пролетарских классовых нормах». Термин «пролетарская мораль» — рассуждает «строго научно» т. Преображенский — применим к пролетариату лишь в ранний утопический период его развития! [2]).

Взгляды тов. Бухарина на вопросы этики тесно связаны с его общемеханистической установкой и с его теорией общественного равновесия. Нравственные и правовые нормы суть для тов. Бухарина дополнительные условия равновесия общества: в буржуазном обществе таким дополнительным условием равновесия и классового господства служит этический фетишизм. Стоит только сбросить «греховное белье» — употребляя выражение тов. Бухарина по другому поводу — этического фетишизма, и «голенькие» классовые нормы пролетариата превращаются в простые технические правила. Короче говоря, повторяется та же история, что и с бухаринским «законом трудовых затрат». Абстрактно-идеологические, формальные элементы морали оказываются у него чем-то внешним по отношению к скрывающимся под ними классовым нормам, социальные же нормы превращаются им в технику поведения, как полагается «условиям равновесия» общества с природой. Правда, тов. Бухарин вынужден указать, что и «пролетариат не сразу освобождается от фетишизма товарного общества», но совершенно очевидно, что он не понимает всей исторической обусловленности пролетарской этики, обусловленности всего ее содержания и формы всей совокупностью общественных отношений. Тов. Бухарин не понимает, с другой стороны, различия между технической и социальной целесообразностью: он совершенно сбрасывает со счетов целую специфическую область общественного созна-

[1]) Н. Бухарин, Теория исторического материализма, стр. 278.
[2]) Е. А. Преображенский, О морали и классовых..., стр. 58.

ния, область нравственных оценок, которая не тождественна вовсе простой технической оценке, но включает в себя всю совокупность чувств, мыслей, идей, обязанностей, развивающихся в целостную коммунистическую идеологию.

Таким же рационалистическим, чуждым историзма подходом оказалась, как мы видели, и установка «троцкистского» идеолога, тов. Преображенского. Для тов. Преображенского не существует коммунистической этики, осознанный классовый интерес пролетариата исключает для него всякое представление о нравственной оценке: классовые нормы в переходный период «не прикрыты», моральную терминологию нужно по-просту «ликвидировать»! Если точка зрения тов. Бухарина вполне гармонировала с богдановско-бухаринской постановкой вопроса о пролетарской культуре, лишенной исторического понимания путей развития этой последней, то взгляды тов. Преображенского только отображали полное отрицание троцкизмом пролетарской культуры на пути развития коммунистического общества.

С другой стороны, главным образом в западно-европейском ревизионизме обнаружилась прямо-противоположная, явно идеалистическая тенденция в понимании этики, тесно связанная с проникновением фрейдизма и интуитивизма в социальную науку. Небезызвестный бельгийский ревизионист Гендрик де-Ман выступает с протестом против рационального познания; он выдвигает на первый план сферу «бессознательного», область чувств, инстинктов, переживаний, как особую психическую субстанцию, прирожденную человеку и не подлежащую исследованию при помощи социальной методологии Маркса. Такими прирожденными инстинктами и предпосылками нравственности являются, по де-Ману, инстинкт собственности, чувство владения, которые заложены изначала во всякой человеческой природе, независимо от различия классов. Таким же стадным инстинктом, глубоко заложенным в сфере бессознательного, является и классовая солидарность рабочих. Марксизм, по мнению де-Мана, должен использовать эти природные инстинкты человека, апеллируя не к экономическому развитию, но способствуя развитию в рабочем классе моральных чувств с помощью проповеди «нравственного закона» [1]). Близкую к де-Ману позицию заняла и Генриетта Роланд-Гольст в своей выпущенной в 1925 году работе о «Коммунизме и морали». Возражая против «рационалистического утилитаризма» тов. Преображенского, против буржуазного, по ее мнению, воззрения на мораль как на «цель, оправдывающую средства», Роланд-Гольст стремится соединить дарвинизм с фрейдизмом, превратить учение Дарвина о социальных инстинктах в прирожденный человеку социальный инстинкт, в некое «космическое чувство единства». Это «космическое», подсознательное чувство единства всего человеческого рода, имевшее место, по мнению Роланд-Гольст, еще у первобытных людей и исчезнувшее при коммунизме, должна воскресить коммунистическая мораль, которая в сегодняшнем эксплоататоре и угнетателе учит нас видеть завтрашнего товарища по труду (?!).

Марксизм ничего общего не имеет с мистическим «единством» людей, с этим биологическим и фрейдистским пониманием социальных чувств и инстинктов. Старая материалистическая традиция делает марксизм гораздо более близким социальному утилитаризму, но, разумеется, в его правильном, социально-историческом понимании, которое одинаково враждебно как буржуазному пониманию утилитарной

[1]) См. статью тов. Деборина, Новый поход против марксизма, «Летописи Марксизма» кн. I, 1926 г.

морали ,так и вульгарно-механическому воззрению типа тт. Бухарина или Преображенского. Диалектический материализм решительно выступил против всякого натуралистического понимания социальных чувств и побуждений, равно как и против недооценки рациональных моментов пролетарской этики, против умаления роли коммунистической идеологии. «Внешняя действительность и общественные условия,— писал в ответе де-Ману А. М. Деборин, — действуют определенным образом на чувства или аффекты рабочего. На основе этих чувств возникают известные представления идеи, которые дают направление воле: иначе говоря, рабочее движение, как определенная «чувственная и волевая реакция пролетариата против эксплоатации и угнетения, нуждается в ясных представлениях и идеях, т.-е. в об'ективном изучении действительности. Представления и идеи, т.-е. теория, освещают рабочему классу его путь, придают его аффективным и волевым реакциям целесообразные формы»... «На одних чувствах далеко не уедешь, чувства также должны быть осмыслены» [1]).

Последняя работа А. М. Деборина, направленная против кантианского идеализма Аксельрод [2]), ценна тем, что она подводит некоторые итоги этому развитию взглядов революционного марксизма на этику, набрасывает общие линии ее правильного понимания. Тов. Деборин проводит отчетливое различие между эмпирической, фактической нравственностью и абстрактной, идеологической моралью. Тов. Деборин подчеркивает социальную обусловленность и той и другой стороны этики, то обстоятельство, что «для Маркса и Энгельса нравственность, как и все идеологические формы, является продуктом общественной деятельности человека и определяется в конечном счете развитием производительных сил». Тов. Деборин показывает вместе с тем специфические особенности нравственных норм, источник их в социальных чувствах или инстинктах, развившихся в историческом процессе общественной жизни, в коллективных формах общественного труда. Тов. Деборин подчеркивает, наконец, противоречивость социальных норм в классовом обществе, тесную связь их с интересами определенных классов. Нравственную оценку нельзя противопоставлять причинному об'яснению социальных явлений,— писал А. М. Деборин. «Нравственное сознание составляет часть самой действительности... Нравственное сознание пролетариата есть не что иное, как определенная идеологическая форма отрицания одних отживших экономических фактов и признания новых, нарождающихся фактов, как говорит Энгельс» [3]).

«Только через противоречия, — указывал в другом месте тов. Деборин, — общество идет к солидарности, через строгую организацию и подчинение — к общественной организации, не знающей насилия, подчинения, принуждения. Для того, чтобы люди привыкли, как говорит Ленин, соблюдать элементарные правила общежития, необходима не проповедь моральных идей, а самовоспитание и изменение человека в связи с необходимыми экономическими преобразованиями общества» [4]).

3.

Терпеливый читатель, которого мы, вероятно, порядком утомили всем предшествующим пространным изложением, спросит: при чем же тут тов. М. Фурщик и его статья? Сейчас, под конец, мы можем обратиться непосредственно к самому тов. Фурщику и, нужно сказать, сделаем это без большого опоздания. Потому что все основные положения нашей статьи—

[1]) А. Деборин, Новый поход против марксизма.

[2]) А. Деборин, Ревизионизм под маской ортодоксии, «Под Знаменем Марксизма» № 1, 1928 г.

[3]) Там же, стр. 2—3

[4]) А. Деборин, Ленин как мыслитель, 1924 г., стр. 84.

от начала до конца — в корне противоречат ложной позиции, занятой тов. Фурщиком!

Тов. Фурщик задался целью доказать urbi et orbi, т.-е. партии и всему Советскому Союзу, что тов. Деборин является послушным учеником Каутского, что Каутский — на всех этапах своей деятельности — равно как и Плеханов в вопросах этики стояли на точке зрения априорных, врожденных социальных инстинктов, будучи в этом отношении не менее послушными последователями Шопенгауэра и «либерала Чарльза Дарвина», и что последнему врожденные социальные инстинкты были нужны для обоснования либерально-пацифистской теории нравственного прогресса. В угоду столь хитроумному замыслу тов. Фурщик естественно вынужден прежде всего исказить подлинную историю и представить в совершенно извращенном виде историю марксизма,— в частности, развитие его воззрений в вопросах этики.

Начнем с «либерала Дарвина». Превратить Дарвина в дюжинного либерала с его «филистерской ограниченностью», а его учение о социальных инстинктах в животном мире, изложенное в знаменитом «Происхождении человека», изобразить как проповедь либерализма — значит по-просту поставить марксизм в скандально-глупое и смешное положение перед учеными-естественниками! Прежде всего таким путем создается несовсем верное представление об историческом либерализме, который — по крайней мере в его классическом виде — с его ярко выраженным индивидуализмом, бентамизмом, принципом конкуренции, laissez faire и т. д. был очень далек от слащавой пацифистской болтовни. Вульгарно-экономические теории «гармонии» интересов покоятся не на солидаризме, но на бентамовском принципе «пользы»: солидаристские идеи проникают в либерализм главным образом уже к концу столетия. Еще небезызвестный Джон Ст. Милль выясняет «пределы власти общества над индивидуумом». На явно индивидуалистической и рационалистической точке зрения в понимании первобытного человека стоит и Спенсер, с которым полемизирует в одной из своих ранних статей Каутский (тов. Фурщик сам об этом упоминает). Буржуазно-либеральная сторона дарвинизма — как это неоднократно указывал Энгельс — заключалась вовсе не в его теории социальных чувств и общественных связей в животном мире, а как раз наоборот в его мальтузианско-гоббсовской «борьбе за существование» — что и стремились выпятить на первый план в свое время Э. Геккель и т. н. «социальные дарвинисты». Дарвинизм в действительности был для своего времени революционной и демократической по своему духу теорией. Маркс зря не стал бы называть его «естественно-научной опорой исторической классовой борьбы». Уже то обстоятельство, что Дарвин выдвигает примат общества над индивидуумом, имело огромное теоретическое значение, несмотря на все идеалистические ошибки Дарвина. Не меньшее значение имел историзм Дарвина, связавшего в некое единое целое жизнь природы и общества. В своей теории общественных связей в животном мире Дарвин шел явно наперекор господствующей либеральной индивидуалистической и рационалистической доктрине. То обстоятельство, что стихийное «материалистическое мышление» сочеталось у дарвинистов с элементами идеализма, с отсутствием «ясного представления» о роли труда в происхождении человека, не мешало Энгельсу ссылаться именно на Дарвина в вопросе об общественных животных, предках человека (см. «Диалектика природы», «Архив Маркса и Энгельса», кн. II, стр. 89 — 93). Подлинного, исторического Дарвина марксизм не отдаст ни буржуазным дарвинистам, ни ультра-левым критикам типа тов. Фурщика!

Не лучше обстоит дело и с оценкой, данной тов. Фурщиком воззрениям

Плеханова. Нет никакого сомнения, что Г. В. Плеханов в некоторых случаях, как выражается тов. Фурщик, «сдавал» не только политические, но и теоретические позиции революционного марксизма. Но ряд несомненных ошибок, допущенных Плехановым и в теории познания, и в области исторического материализма [1]), не дает еще нам никаких оснований зачислять марксиста Плеханова в его лучших работах по ведомству вульгарного «априоризма». Здесь, при самом критическом отношении к Плеханову, нужны большая осторожность и внимательное отношение к ходу мысли Плеханова. А ведь тов. Фурщик критикует не позднейшие попытки Плеханова примирить Канта с Гинденбургом, но его классические работы — те самые, которые Ленин относил к «лучшему», что имеется в литературе по философии марксизма. Какими способами ухитрился тов. Фурщик превратить Плеханова в «априориста» и «натуралистического метафизика», мы расскажем потом. Пока же только заметим, что как непомерные восхваления Плеханова-теоретика, так в равной мере и ура-«революционная» его критика — обе эти тенденции идут по линии явно вульгарного понимания истории марксизма.

Наконец, далеко не все благополучно у тов. Фурщика и по части критики Каутского; и здесь, к сожалению, тов. Фурщик не удержался от соблазна пойти по очень легкому пути искажения истории. Тов. Фурщик берет за одну скобку, сваливает в одну кучу все и всяческие высказывания Каутского на всех этапах теоретической деятельности последнего. Едва ли можно будет нас обвинить в особых симпатиях к современному Каутскому, Каутскому-ренегату, Каутскому «Материалистического понимания истории»—с его явно выраженными идеалистическими моментами. Но, как мы уже показали, на определенном историческом этапе Каутский умел занимать весьма близкую к революционному марксизму позицию,— в частности в период писания «Этики»,— позицию очень часто более правильную, чем позиция левых социал-демократов типа Розы Люксембург. Несомненно, беззаботность Каутского в вопросах философии, путь его теоретического развития — от «Дарвина» и т. д.— все это неизбежно привело Каутского и в его «Этике» к ряду ошибочных, идеалистических и волюнтаристских формулировок. Но мы должны расценивать «Этику» Каутского не на основании отдельных формулировок, а по основной ее политической и теоретической тенденции. Что Ленин видел все методологические ошибки Каутского, не хуже некоторых современных критиков, но что он тем не менее расценивал основную тенденцию Каутского в «Этике» как материалистическую, в этом нет никакого сомнения. В составленной им библиографии марксизма Ленин прямо и в первую очередь рекомендует книгу Каутского «по историческому материализму и этике»: В «Материализме и эмпириокритицизме» мы читаем, что« Каутский в своей «Этике» критикует Канта тоже с точки зрения, диаметрально противоположной юмизму и берклеанству», при чем критика Канта Каутским причисляется Лениным к линии «всей школы Фейербаха, Маркса и Энгельса». Превращая Каутского «Этики» в юмиста, в откровенного шопенгауэровца и т. д., тов. Фурщик явно недооценивает соответствующих указаний Ленина.

Правильный исторический подход к Каутскому требует от нас не только изучения зародышей оппортунизма, содержащихся в его ранних работах, но также и выяснения той положительной роли, которую могли иметь работы Каутского в истории марксизма. Между тем тов. Фурщик идет здесь в своей критике Каутского всецело

[1]) См., напр., нашу статью «Плеханов и исторический материализм» в «Под Знаменем Марксизма», 1928 г.

по пути, проложенному троцкистско-коршианским течением в Германии. Не понимая сущности каутскианского «центризма», как исторически возникшего на определенном этапе и переходного к современному ревизионизму течения. «Ультра-левые» давно стремятся представить в возможно худшем освещении позицию Каутского в лучшие моменты его революционной работы, чтобы таким путем провести аналогию между каутскианским и ленинским «центризмом». Критика тов. Фурщика повторяет почти слово в слово критику Карла Корша, который в своей последней, напечатанной в прошлом году, работе о Каутском также полагает, что теория социальных инстинктов — и в Этике»! — «отражает пацифистски-эволюционные общественные воззрения критика Каутского», и что признание современной партийно-коммунистической критикой известных марксистских заслуг прежнего Каутского только подтверждает продолжающее иметь место в основных чертах теории близкое родство между ленинской и каутскианской разновидностями «марксистского центризма»[1])!!! Комментарии излишни...

Но тов. Фурщик ревизует не только историю марксизма, он ревизует и марксистскую теорию, — притом далеко не в маловажных ее пунктах. Это относится прежде всего к вопросу о взаимоотношении природы и общества.

Как известно, Маркс и Энгельс, начиная со своих ранних работ, стремятся уничтожить пропасть между природой и обществом, созданную идеалистической философией, и утвердить их единство. Они стремятся разрешить то идеалистическое представление, согласно которому «это не обособленные друг от друга вещи, точно человек не есть историческая природа и не имеет перед собой природной общественной истории»[2]). «Мы замечаем, — писал Энгельс, — что мы ни в коем случае не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, как кто-нибудь находящийся вне природы — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей, внутри нее находимся, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем постигать и правильно применять ее законы»[3]). Природа, как общество, имеет свою историю, в которой развиваются биологические свойства человека. Природа не только подготовляет биологические предпосылки исторического развития общества, но и в каждый момент исторического развития осуществляется единство биологического и общественного человека. Развитие биологического человека вовсе не заканчивается в преддверии истории общества, но непрерывно продолжается в обществе. Его организм непрерывно закрепляет и воспроизводит воздействие внешней среды, — в том числе и ее общественные воздействия. Нет ни одного врожденного свойства человека, в смысле его исторической неизменности, не только социального, но и биологического. Нет, строго говоря, стало быть, даже априорных биологических инстинктов, не только что общественных. Но наследование и накопление определенных свойств очевидно должны играть определенную роль в развитии видов. В противном случае каждому отдельному индивиду пришлось бы сначала проходить всю длинную шкалу и биологического и социального развития. Поэтому хотя ни в природе,

[1]) «Archiv Grünberg'a» 1929, Karl Korsch, Kautsky und die materialistische Geschichtsauffassung, S. 257—258.

[2]) «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» кн. I, стр. 217. Разрядка наша.

[3]) Энгельс, Роль труда в очеловечении обезьяны, «Архив Маркса и Энгельса» кн. II, стр. 103. Разрядка наша.

ни в обществе нет решительно ничего «априорного», историческое развитие рода и вида всегда является чем-то «априорным», т.-е. предварительной предпосылкой по отношению к развитию данной, отдельной особи!

Эту простую мысль и хотел выразить Плеханов, когда он говорит, что данная особь родится с «априорной способностью к самоотвержению», точно так же как родится она с «определенной способностью к дыханию и пищеварению»; но в этой «априорности» нет ничего таинственного; она постепенно образовалась в данном процессе развития»[1]). То же самое имеет в виду Плеханов, когда он не отвергает «инстинктов и чувств, составляющих последствия физиологической наследственности» (вторая обвинительная ссылка тов. Фурщика). Плеханов полагает, что человеческий индивид не рождается каждый раз законченным биологическим индивидом и в то же время он не рождается с совершенной «tabula rasa» по отношению ко всяким социальным чувствам. Он считает, что на протяжении многих тысяч лет общественная жизнь человека не могла не выработать в нем некоторых хотя бы самых общих социальных побуждений,—прежде всего сознание подчинения своей личности общественному целому и необходимость такого подчинения, и что способность к такого рода чувствам также закрепляется в процессе наследственного накопления свойств. Мы знаем, что среди биологов вопрос о наследовании приобретенных признаков вызывает до сих пор много споров, хотя никто не отрицает влияние среды на наследственную изменчивость организма. В этой области несомненно есть еще очень много неясного. Можно спорить с Плехановым по этому вопросу. Но было бы странно обвинять его в натуралистической «метафизике»...

Однако тов. Фурщику все мерещатся Шопенгауэр, «априоризм», «врожденные» способности — от страха глаза велики! — и он старается отыскать у Плеханова и Деборина «биологизм» там, где налицо наиболее глубокое диалектическое понимание единства общественной и естественной жизни. Тов. Фурщик в то же время не видит и специфического отличия категорий социальной жизни. Тов. Фурщик не понимает, что когда в марксизме речь идет о социальных инстинктах, чувствах, побуждениях, то в это понятие вкладывается некоторый уже иной смысл, иное содержание. Дело, конечно, не в слове «инстинкт», но в этом новом содержании! Сочетание понятия «социальный» с инстинктом в биологическом смысле — чем занимались некогда, напр., наши отечественные струвисты и народники, говоря то о «темных», то, наоборот, о «коммунистических» инстинктах крестьян — было бы, конечно, величайшей безграмотностью — и это обстоятельство в свое время отмечал Ленин. Но тов. Фурщик не понял мысли Маркса о том, что человеческий «бараний инстинкт» есть в зародыше уже «сознательный инстинкт». Социальный инстинкт или социальное чувство (так именно понимает его тов. Деборин) есть прежде всего социальная, историческая категория, возникающая на почве общественных отношений и изменяющаяся вместе с данными, исторически определенными общественными отношениями. В классовом обществе — и на это указывает уже и Каутский! — общественные чувства, инстинкты, побуждения существуют, конечно, не «вообще», но в определенных исторических формах классового инстинкта, классового чутья, классового чувства. На заре истории человечества общественное

[1]) Плеханов, Примечания к «Людвигу Фейербаху» Энгельса. Разрядка наша.

чувство возникает тоже, конечно, не как deus ex machina; оно развивается из некоторых биологических инстинктов, имеющих место в животном мире (прежде всего инстинкт размножения, рода и т. д.). Но уже у общественных животных, как мы это показали раньше, развитие общественных, стадных инстинктов идет противоречивым путем, в борьбе с другими более ранними и основными биологическими инстинктами. На почве общественных отношений человеческого общества все эти исторические предпосылки общественности преобразуются и получают дальнейшее конкретно-историческое развитие, всецело определяемое характером общественных отношений.

Тов. Фурщик признает только биологические инстинкты. Спрашивается, как же быть с понятием классового инстинкта, революционного инстинкта, собственнического инстинкта буржуазии и т. д., о которых неоднократно говорят Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин? Значит—это все тоже биологические инстинкты? В таком случае мы далеко не уедем от «рефлексологии» и «фрейдизма» Троцкого, взглядов типа Роланд-Гольст, де Мана. Или мысль тов. Фурщика такова: нет социальных инстинктов вообще, а могут быть только классовый и т. д. инстинкт. В таком случае тов. Фурщик явно скатывается на позиции исторического эмпиризма и релятивизма.

Что т. Фурщика безошибочный инстинкт или метафизическая мысль—трудно различить, где здесь кончается «предрассудок», а где начинается «рассудок»!—ведет в об'ятия эмпиризма, для иллюстрации этого положения статья тов. Фурщика дает богатый материал. Тов. Фурщик всячески возражает против деления нравственности «на два этажа» — на «нравственный закон» — под которым, как мы видели, Каутский понимает наличие при различных общественных формах нравственного чувства, — и на нравственные нормы, определенные для каждой отдельной общественной формации. Он решительно протестует против того, «что тов. Деборин самым серьезным образом различает между социальными стремлениями людей как таковыми и определенными социальными стремлениями». По его мнению, это ничего другого не означает как то, что во временных, преходящих «нравственных нормах» проявляются, выступают наружу априорные социальные инстинкты, т.-е. надисторический «нравственный закон». «Марксизм по мнению тов. Деборина,—развивает свою мысль тов. Фурщик,—«не отрицает» существования совести, долга, самопожертвования как таковых. Но ведь это все равно, что сказать, что марксизм «не отрицает» существования плода как такового, который обнаруживается-де в яблоке, груше, миндале и т. д.» [1]).

Прежде всего необходимо заметить, что в статье тов. Деборина, цитированной т. Фурщиком, нет никаких самопожертвований и долга как таковых, нет социальных стремлений «как таковых», нет ничего «априорного» и «надисторического», которое якобы «выступает» наружу. Вся эта словесность всецело принадлежит самому тов. Фурщику. Тов. Деборин говорит совершенно другое: что под нравственными чувствами скрываются «социальные стремления вообще» и что эти наличные на всех стадиях человеческого развития чувства и стремления всегда обнаруживаются, т.-е. проявляются в форме «определенных правил поведения» [2]). Тов. Фурщик не видит существенного различия, которое отличает марксизм от гегельянства, от

[1]) М. Фурщик, О марксистском и либеральном понимании этики, «Большевик» № 6, стр. 62, 68. Разрядка наша.

[2]) См. ст. тов. А. Деборина, Ревизионизм под маской ортодоксии, «Под Знаменем Марксизма», стр. 13.

средневекового реализма и абстрактной социологии: тов. Фурщик не понимает того единства общего и особенного, которое проявляется во всякой социальной категории. Немыслимо говорить об определенных социальных стремлениях без того, чтобы предполагать наличия вообще социальных стремлений, как немыслимо говорить о рабочем классе без признания существования в обществе классов вообще. И в то же время общее существует и проявляется только в особенном, в каждый раз определенной форме: социальные стремления существуют не «как таковые», но лишь в форме определенных социальных стремлений, требований, правил и т. п. Совершенно неверно и то «разделение», которое тов. Фурщик приписывает тов. Деборину: что якобы социальные стремления людей у т. Деборина «скрываются», а «определенные социальные стремления являются исключительно продуктом данной формы». Неясно — тут не без умысла, конечно! — куда относит тов. Фурщик свое «исключительно» — к данной форме общества или же к определенным стремлениям. Но ясно во всяком случае, что тов. Фурщик совершенно не понял того, что тут же рядом тов. Деборин говорит о социальном содержании и социальной форме нравственности. Нравственное чувство имеет место на самых различных ступенях развития человеческого общества, потому что всюду под нравственным чувством, сознанием и т. д. скрывается социальный характер стремлений людей, обусловленный наличием их отношений, как общественных отношений и обнаруживающийся всегда в определенных, конкретно-исторических его проявлениях. Нравственное чувство характеризует собой форму всякой нравственности, форму каких бы то ни было нравственных требований («норм»), являющихся социальным содержанием этой формы. Но нравственные нормы,— говорит т. Деборин,— «являются как по своей форме, так и по своему содержанию (слушайте, тов. Фурщик!) исключительно продуктом данной формы общества».

Спрашивается, куда же девались все придуманные тов. Фурщиком социальные стремления «как таковые», «априорный» кантовский закон в каутскианском облачении, «двойная бухгалтерия» и т. п.? По т. Деборину не только содержание норм, но и их форма — нравственное чувство — всецело вытекает из характера общественных отношений и исторически определяется этими последними! Тов. Фурщик безнадежно путает: путает «вообще» с «всеобщим» и «априорным», которое ему всюду мерещится и которое он всюду храбро атакует, попадая порою в конфузное положение старой памяти рыцаря печального образа... Между тем отрицание «общего» в марксизме ведет не к меньшим ошибкам, чем отрицание своеобразия «особенного». Это отрицание общего гораздо ближе к кантианству, чем это думает тов. Фурщик.

Тов. Фурщик упорно и неуклонно твердит на каждой странице своей статьи о необходимости выводить нравственность из общественных отношений. Святая истина, тов. Фурщик! Она буквально десятки раз повторяется в статье т. Деборина, очевидно в предвидении того, что злонамеренные критики все же ухитрятся ее не заметить! Опять не знаем — что тут обнаружилось, «рассудок» или «предрассудок» тов. Фурщика? Но все дело в том, что, начав с этих «азов» марксистского понимания нравственности, нужно уметь охватить всю цепь посредствующих звеньев, образующих идеологическую форму морали — от низших социальных чувств и побуждений вплоть до отвлеченной идеологии. Нужно показать, как все звенья этой надстройки определяются общественными отношениями. Тов. Фурщик не показывает этого уже по отношению к социальным побуждениям. Он их вообще игнорирует при изучении нравственности; они,

по его мнению, не играют никакой серьезной роли в отношениях людей. Сказать, как делает тов. Деборин, что эти социальные побуждения «связывают» отдельных людей в одно целое», и что общество без них немыслимо, «не может жить» — значит, по т. Фурщику, превратить социальные побуждения «в основное условие существования общества», положить в «основу общества» [1]). А между тем именно Энгельс говорит о «связующих аффектах» — в письме к Лаврову. А между тем никто иной, как Маркс указывал в своем «18 брюмера», что помимо основного условия, материальных условий существования, различные части буржуазии «вместе с тем связывали» различные чувства, симпатии, предрассудки и т. д., и «что этого никто не думает отрицать». В одном месте Маркс позволяет себе упомянуть даже о «моральной структуре» наций, конечно, определяемой их экономической структурой. Тов. Деборин говорит об общественных отношениях, связанных с определенным уровнем производительных сил, как основе нравственности: тов. Фурщик ухитряется разглядеть тут «духовные отношения». Но еще Пер Гюнт, как напоминает Плеханов, просил троллей примять ему глаз... Уж больно зорок наш критик!

Самое интересное однако, это то, что тов. Фурщик сам не выводит морали из общественных отношений, он не выводит из них идеологической морали. «Категорический императив, нравственный закон, — вещает т. Фурщик, — не являются действительным актом, а идеологической философской придурью»... Это — «результат отделения сознания от лежащих в его основании индивидуумов и их действительных отношений. Поставленное на голову отношение между бытием и мышлением (слушайте, слушайте! *И. Р.*) порождает такие идеи, как абсолютный, надисторический нравственный закон, свободную волю и т. д. [2]). Ясно, как день, что сам сверхматериалист т. Фурщик выводит кантову этику не из общественных отношений буржуазного общества, но из ложной философской «идеи»: он видит в ней не необходимый исторический продукт буржуазного общества, но «философскую придурь»...

Мы не хотим этим сказать, что у тов. Фурщика тут же рядом не было и более правильных формулировок. Но это только показывает его непоследовательность. На эти ошибки мы указали только потому, что понимание морали тов. Фурщиком, как это ни странно, в отдельных пунктах соприкасается со взглядами тт. Бухарина и Преображенского. Нельзя называть кантовский идеализм просто «философской придурью», а нужно правильно оценить и его социальные корни и его историческую роль в развитии буржуазного общества. Нельзя вывести пролетарскую мораль непосредственно из изменяющихся общественных отношений — различных в период капитализма, в период империализма и т. д. Но чтобы правильно вывести пролетарскую мораль, как некое единое целое, из общественных отношений и капитализма и переходного периода — важен учет пролетарской идеологии, определяемой всем историческим развитием общественных отношений! Иначе мы не различим общих и частных интересов пролетариата. Иначе мы окажемся в вопросах этики «хвостистами», то фаталистически приемлющими все, вытекающее из данных общественных отношений, то прагматически приспосабливающимися к изменчивым общественным отношениям.

Что у тов. Фурщика в его понимании этики не без этого фаталисти-

---

[1]) М. Фурщик, цит. ст., стр. 60—61.
[2]) М. Фурщик, цит. ст., стр. 53.

чески-релятивистского душка, показывают его рассуждения о свободе воли, свободе выбора. Отметим прежде всего, что Фурщик совершенно безосновательно приписывает т. Деборину те самые уступки этическому социализму, за которые т. Деборин сам критиковал Каутского в своей статье «Об этике Мандевилля». Тов. Деборин, наоборот, в цитируемом тов. Фурщиком выражении показывает неприменимость кантовского императива ни к одному обществу, а стало быть и к социалистическому. Во-вторых, совершенно дико предполагать, чтобы т. Деборин понимал свободу воли в кантовском смысле, в смысле выполнения и невыполнения требований, зависимого исключительно от желания индивидуума. Но сам т. Фурщик, несмотря на все свои ссылки на диалектику, явно упрощенно понимает отношение марксизма к свободе воли, выбора и т. п. Он полагает, что не может быть «абсолютного соответствия» между об'ективным и суб'ективным, т.-е. необходимостью и свободой. Между тем, свобода, как познанная необходимость, вовсе не есть просто идеологический «фантом», суб'ективная иллюзия. Тов. Фурщик здесь явно поддерживает механистическую установку Л. И. Аксельрод. Поиски наличия или отсутствия «соответствия» — это агностицизм, перенесенный в вопросы свободы и необходимости. Свобода, как познанная необходимость, есть уже особая форма этой необходимости, с особым отношением подчиненных необходимости индивидуумов к этой необходимости. И этой реальностью свободы в названном смысле и обеспечивается наше активное участие в развитии общественной необходимости. Точно так же и в свободе членов коммунистического общества Маркс видит прежде всего весьма реальное отношение: свободное время, используемое для развития индивидуальной силы как самоцели. История повторяется: борьба с механистами в вопросах случайности, вторичных качеств и т. д. возобновляется в новой форме...

Быть может, это колеблющееся между фатализмом и релятивизмом своеобразное воззрение на этику сказалось в тех неописуемых превращениях, которые т. Фурщик совершает над цитатами из Деборина, в полном извращении мысли в контексте и т. п. «критическом» и «полемическом» арсенале?

Ограничимся только одним примером. Тов. Фурщик цитирует слова Деборина, «что марксизм констатирует тот факт, что нравственность в современном обществе носит классовый характер», и на этом обрывает свою цитату. Это, по словам Фурщика, «заключительная формулировка» т. Деборина: по сему поводу делается вывод об об'ективизме т. Деборина в вопросах классовой морали. «От констатирования мол столько же может измениться в человеческом обществе, сколько от наблюдения астрономом лунного затмения». Между тем в действительности у Деборина этими словами только начинаются обширные соображения о пролетарской морали и целая глава о буржуазной морали. Тов. Деборин приходит к тем же самым ленинским формулировкам о «борьбе за укрепление и завершение коммунизма», которые хочет противопоставить ему т. Фурщик.

* * *

Каковы же общие выводы?

Различные симптомы, с самых различных сторон, свидетельствуют о том, что после победы над механистами в нашем советском марксизме начало оформляться новое, своеобразное, эклектическое течение, пы-

щееся примирить элементы механистического понимания с внешне-диалектической» фразеологией. Оно спешит «сражаться», надеясь таким путем предупредить возможность быть «сражаемым». Оно проявляет себя в «воинственных» вылазках, в роде только что разобранной. Оно начинает ритику и ревизию марксизма с самого опасного, этического конца. Глубокий и действенный лозунг, выдвинутый нашей партией и лишь недавно вновь блестяще сформулированный т. Сталиным—лозунг борьбы на два фронта предполагает уменье «выбирать в каждый данный момент основное звено движения»[1], вокруг которого сосредотачивается вся наша теоретическая работа и теоретическая борьба. Только с точки зрения этого основного звена — борьбы за диалектическую методологию — может быть правильно поставлено освещение и механистических и идеалистических ошибок, могут быть правильно оценены роль и философская позиция отдельных товарищей. Эклектизм в корне извращает лозунг борьбы на два фронта, заменяя его старым-престарым: с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, нельзя не признаться... Нельзя отрицать ошибок механистов, нельзя же во всем признать правоту философов-диалектиков. Нельзя согласиться с Аксельрод, но как же можно отказать в удовольствии обвинить Деборина в либерализме и каутскианстве! Короче говоря, каждая сторона должна «ошибаться», чтобы правым оказался сам эклектик... Статья т. Фурщика лишний раз показывает, что на почве такой «критики» возможны новые серьезные опасности: воинствующему эклектизму должен быть дан самый решительный отпор. Потому что за ним, в конечном счете, скрывается все та же механистическая и идеалистическая ревизия марксизма,—ведущая к троцкизму, к коршизму, к старому «экономизму», к правому оппортунизму, к чему угодно, только не к ленинизму.

И еще один вывод. Статья тов. Фурщика была напечатана в «Большевике» по явному недосмотру редакции. Ответственность за это всецело падает на нас, философов-коммунистов, которые до сих пор сделали очень мало для того, чтобы создать серьезный, выдержанный философский отдел в теоретическом органе нашей партии!

[1] И. Сталин, Головокружение от успехов.

Крестьянство как социально-экономическая категория в условиях строительства социализма[1]).

В. Кирпотин[2]).

Моя тема касается одного частного вопроса из общего учения о классах в марксизме-ленинизме. Почему мы эту тему ставим? Во-первых, потому, что эта тема имеет существенный общественный интерес, и не только теоретический, но и практический. Теоретический ответ на вопрос — почему мы крестьянство именуем классом в наших условиях? в каком смысле мы теперь называем крестьянство классом?—принесет нам свою пользу в политической практике. Во-вторых, тема эта привлекает к себе очень живой интерес как теоретических кадров, так и партийного актива. Может быть, это об'ясняется тем, что в среде пишущих и говорящих на тему о крестьянстве как о классе в переходном периоде до сих пор не установилось полного единомыслия.

Как известно, определение социальной природы крестьянства не вызывает никаких трудностей, когда мы имеем дело с законченным, с оформленным общественным строем. Известно, что при феодализме крестьянство представляет собой основной класс. Известно также, что при капитализме крестьянство не представляет собой класса, а представляет собой совокупность различных социальных слоев, в той или иной мере антагонистических по отношению друг к другу. Значительно труднее определить социальную природу крестьянства тогда, когда мы имеем дело с общественной формацией, в которой протекают процессы разного социального порядка, перекрещивающиеся в самом крестьянстве, в его экономике, в его социальной природе. Вот пример:

Накануне русской буржуазно-демократической революции капитализм уже проник в сельское хозяйство, но в то же время в сельском хозяйстве были еще очень сильны крепостнические пережитки. По сути дела в сельском хозяйстве мы имели два разных социальных процесса. С одной стороны, в сельском хозяйстве уже развивался капитализм, а с другой стороны, там существовали еще крепостнические отношения. Двойственный характер социального процесса в крестьянском хозяйстве приводит к тому, что на вопрос о том, является ли крестьянство классом в России накануне буржуазно-демократической революции, приходилось отвечать двояко, приходилось отвечать противоречиво. Поскольку мы брали взаимоотношения крестьянства с помещиками, постольку крестьянство представляло собой единый класс, несмотря на то, что оно внутри себя было дифференцировано. Поскольку, однако, мы брали крестьянство вне отношений к помещичьему классу, постольку крестьянство уже единого класса не пред-

[1]) Доклад, читанный в ленинградском отделении Коммунистической Академии в апреле с. г.

[2]) Статьей т. Кирпотина редакция начинает обсуждение этого вопроса на страницах журнала. **Ред.**

[illegible]ию. Иначе и быть не могло, потому что это противоречие в природе крестьянства свидетельствовало как раз о том, что Россия стояла накануне буржуазно-демократической революции.

По отношению к существовавшим еще крепостническим пережиткам, по отношению к существовавшему еще классу крепостников-помещиков все крестьянство, несмотря на внутренние различия, в нем являлось еще классом и выступало в революции как класс. По отношению к крепостникам крестьянство могло еще выступать как единое целое, но внутри себя оно было уже разорвано на части. Уже существовал и кулак, и середняк, и полупролетарий-бедняк. Внутри самого себя крестьянство накануне буржуазной революции не является классом, а является совокупностью различных классовых слоев. Ленин в статье «Аграрная программа русской социал-демократии» писал: «В тех случаях и отношениях, где еще царит этот (крепостнический) порядок и поскольку он еще царит, врагом его является все крестьянство как целое. Против крепостничества, против крепостников помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться классом, именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т.-е. классом-сословием. Мы ставим в кавычки слово «крестьянство», — продолжает далее В. И. Ленин, — чтобы отметить наличность в этом случае, не подлежащего никакому сомнению противоречия. В современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой русской жизни. Это не сочинение, а живое диалектическое противоречие. Поскольку в нашей деревне крепостническое общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, постольку крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). Поскольку сохраняются еще крепостные отношения, постольку крестьянство продолжает еще быть классом, т.-е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостнического общества» (т. IX, стр. 289, изд. 1923 г.).

Разрешение этого противоречия, о котором говорит здесь В. И. Ленин, давалось, конечно, также не логикой, а давалось реальным развитием самой жизни.

Победа буржуазно-демократической революции разрешала это противоречие. Устранение помещичьего землевладения, устранение крепостнических пережитков в сельском хозяйстве, оставляло в социальной жизни крестьянства противоречия только капиталистического порядка. Крестьянство переставало быть классом безоговорочно, без всяких обусловливаний.

Для нашего дальнейшего изложения чрезвычайно важно запомнить ленинский метод определения социально-экономической природы крестьянства в сложных, противоречивых условиях: при переплетении процессов, характерных для двух разных общественных укладов, определение крестьянства само получает двойственный, противоречивый характер.

У нас процесс развития не пошел так же «нормально», как он шел в Франции, Англии, Германии. У нас буржуазно-демократическая революция переросла непосредственно в социалистическую революцию. Социалистическая революция в наших условиях привела не к социалистическому землепользованию, а к осереднячению крестьянства. Земля, и помещичья и кулацкая и всякая иная, делилась по едокам, следовательно, примерно, относительно, поровну. При этом земля делилась и между всеми кулаками, которые не выступали в качестве открытых контрреволюционеров, которые не попадали под карательные действия диктатуры пролетариата. В результате у нас после Октябрьской революции в сельском хозяйстве образовался класс крестьян, в котором почти исчезли крайности. Ленин, когда говорил об основных классах в нашей стране в эпоху после победы Октябрьской революции

в деревне, имел в виду прежде всего два основных класса — класс победителей пролетариев и класс крестьян-середняков. Почему середняков? Потому, что тогда в деревне, после победы социалистической революции в самой деревне, после раскулачивания, после комбедов, почти не было крайностей, деревня была относительно однородной. Все крестьянское население за немногими сравнительно исключениями в социальном отношении представляло собой одну категорию — класс середняков. «Вы знаете,—говорил Ленин на с'езде транспортных рабочих (март 1921 г.),— что русская деревня за это время выровнялась. Убавилась доля крупных посевщиков и беспосевщиков, увеличилось хозяйство середняцкое. Наша деревня стала за это время более мелкобуржуазной». Вот это подровненное крестьянство, с каким Советская Россия вступила в полосу новой экономической политики и есть тот второй класс крестьян, о котором Ленин говорил на исходе военного коммунизма и в начале нэпа. Середняцкое крестьянство (а таковым было почти все крестьянство на пороге нэпа) было вторым классом в СССР, в тот период нашей истории. «Это самостоятельный класс,—продолжал Ленин цитированную нами мысль,—тот класс, который, после уничтожения, изгнания помещиков и капиталистов, остается единственным классом, способным противостоять пролетариату» [1].

Класс середняков, после разгрома помещиков, после разгрома капиталистов-кулаков, в обстановке военного коммунизма, в обстановке умиравшего товарного хозяйства, в обстановке закрытых рыночных отношений был классом, социальная природа которого определялась в общем однозначно: речь идет не о «двойной душе», т.-е. не о двойной социальной природе самого середняка, а о том, что середняка, пока он является середняком, приходится определять применительно к одной общественной формации: середняк простой товаропроизводитель — это мелкий буржуа, хозяйчик, по терминологии Ленина. «Это мелкая буржуазия, мелкие хозяева, это то, что в России больше всего является продуктом подавляющего перевеса крестьянского населения. Главным образом, это мелкие хозяева и мелкое земледелие. На девять десятых они таковы и иными быть не могут... чем скорее (эта сила, крестьяне-середняки) переходила к своему хозяйству на общенародной земле, чем решительнее расправлялась с небольшим меньшинством кулаков, тем скорее она сама превращалась в хозяйчиков» [2]).

Хотя социальная природа середняков в рассматриваемый нами период определялась однозначно, без всяких «постольку поскольку», тем не менее следует помнить, что каждый середняк, каждый простой товаропроизводитель двойственен по своей природе, он является одновременно и собственником, и тружеником, и торгашем, и работником. Требуя от пролетариата уменья разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-спекулянта, указывая, что в этом разграничении вся суть социализма, Ленин не забывал указывать, что обе стороны следует различать не только на различных полюсах дифференцированного крестьянства, но в природе самого середняка: «Пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника, крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта.

В этом разграничении — вся суть социализма.

Разграничение, указанное здесь, очень трудно, ибо в живой жизни все свойства «крестьянина», как они ни различны, как они ни противоречивы, слиты в одно целое» [3]).

При этом, даже при военном коммунизме, даже не будучи само еще

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 178.

[2]) Там же, стр. 177.

[3]) Ленин, т. XVI, стр. 352

капиталистическим, среднее крестьянство остается питательной базой для капитализма, оно беспрестанно порождает капитализм. «Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни, базу капитализма. На этой б а з е к а п и т а л и з м сохраняется и возрождается вновь в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом» (Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, 7/XI-19 г.).

Не только кулак различается от бедняка, как капиталист от труженика, но каждый крестьянин-середняк отличается двойственной природой, и эта двойственная природа именно и составляет специфическую природу крестьян-середняков.

Мы должны помнить, что раскулачивание 1918 года не дало социалистического сельского хозяйства. Раскулачивание 1918 год было социалистической революцией. Революция совершалась деревенской беднотой и деревенским пролетариатом под руководством и в союзе с городским пролетариатом, при нейтрализации середняков против кулаков. Такая расстановка сил есть расстановка сил социалистической революции. Учитывая при этом всю совокупность процессов, которые протекали в городе, мы должны, сказать без всяких оговорок, что Октябрьская революция в деревне была социалистической революцией. Однако противоречие тут заключалось в том, что эта социалистическая революция не дала социалистического земледелия. Она сделала деревню более мелкобуржуазной, как писал Ленин.

Середняка, попадающего в обстановку рыночных отношений, экономические процессы рынка разбивают на-двое, они о т д е л я ю т его собственническую природу от его труженической природы. Так двойная природа, которая заложена в каждом отдельном середняке, в процессе проникновения капитализма в деревню, расщепляется и сосредотачивается по-разному на разных полосах классово-расчлененной деревни. Середняк середняку рознь; в обстановку рынка середняки вступают с разной хозяйственной устойчивостью, хотя все они и простые товаропроизводители. Попадая в обстановку конкуренции рынка, часть середняков, наиболее хозяйственно устойчивых, всплывает наверх и переходит в класс капиталистов, другая часть, менее устойчивых, превращается в пролетариев.

Совершенно естественно, что и в советских условиях, при введении нэпа, эта двойственная природа крестьянства начала приводить к тому, что на одном полюсе стал расти крестьянин-собственник, а на другом полюсе постепенно образовывалась категория крестьян-тружеников, пролетариев или полупролетариев.

Поскольку после введения нэпа в советской деревне начался процесс капиталистической дифференциации (а первоначально этот процесс шел весьма интенсивно), постольку, конечно, крестьянство и в наших советских условиях не представляло и не представляет по отношению к этой капиталистической дифференциации одного класса. Там, где есть дифференциация, там нет единого класса крестьян, там есть различные социальные слои, различные группировки с антагонистическими интересами. Там, где есть дифференциация, там есть кулак, а раз есть кулак—значит, есть бедняк, есть полупролетарий. Даже середняк тоже как-то своеобразно выстраивается на этой лестнице. С одной стороны, он нанимает рабочую силу, а с другой стороны — выделяет из своей среды рабочую силу. Поскольку идет процесс дифференциации, постольку мы в нашей советской деревне не имеем единого класса, а имеем совокупность различных социальных слоев, совершенно аналогично тому, как это было при капитализме.

Некоторые товарищи хотят этим ограничиться при определении социальной природы крестьянства в наших советских условиях. С их точки зрения, социальная природа крестьянства в советских условиях одинакова с со-

циальной природой крестьянства в капиталистических условиях. С их точки зрения и советское крестьянство является по существу только суммой различных социальных классов, хотя они и делают при этом оговорку, что по Ленину, исходя из относительно высокого удельного веса середняков в нашей даже дифференцирующейся деревне, можно и середняков считать вторым основным классом нашего строя. Но ни в каком истмате не написано, и не может быть написано, что простое количество является классообразующим моментом. Только на том основании, что середняков много, их еще нельзя считать основным классом.

Товарищи, определяющие классовую природу советского крестьянства только на основании процессов дифференциации, забывают, что в советской деревне происходят процессы не только по Марксу, но и по Ленину. В советской деревне происходит не только процесс дифференциации, но и процесс консолидации основных масс крестьянства, происходит процесс коллективизации бедняков и середняков — выполняется ленинский кооперативный план построения социализма в деревне. Кто пытается дать определение социальной природы советского крестьянства, игнорируя эти кардинальной важности обстоятельства, тот обращен лицом к прошлому, тот не видит должным образом ни нашего настоящего, ни уже наступающего будущего.

Когда марксисты относят бедняка и середняка в капиталистически дифференцирующейся деревне к разным социальным слоям, они исходят из тенденции развития, из его лимита, из его предела, ибо тенденция, лимит, предел развития есть закон этого развития. Середняк — мелкий буржуа, простой товаропроизводитель, хозяйчик. Бедняк живет уже не только от плодов рук своих, приложенных к собственным средствам производства, но и от продажи своих рук, от работы по найму. Он наполовину уже не собственник, а пролетарий, он полупролетарий. Но полупролетарий есть вместе с тем полусобственник, иначе он не был бы полупролетарием, а был бы уже пролетарием в полном смысле этого слова. Меж тем несомненно, что Ленин относил бедняка, полусобственника-полупролетария к пролетариату, рассматривал его как силу социалистической революции, отделяя его в классовом отношении от середняка, который был еще собственником в полном смысле этого слова, по отношению к которому перед пролетариатом в социалистической революции первоначально стояла только задача его нейтрализации.

Беднота по Ленину — это «класс наемных рабочих с наделом». «К представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа крестьянских дворов..., т.-е. всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян» [1]). О том же самом писал Ленин в брошюре «К деревенской бедноте»:

«Это все деревенская беднота. Это все безлошадные и однолошадные крестьяне. Это все деревенские пролетарии и полупролетарии. И какая масса такого народа на Руси... Это все отхожие рабочие. Это крестьяне только по названию, а на самом деле наймиты, рабочие. Они все должны об'единиться в один союз с городскими рабочими, и каждый луч света и знания, попадающий в деревню, будет усиливать и укреплять этот союз» [2]).

Почему Ленин относил бедняка, полусобственника-полупролетария к пролетариату? Почему он не считал его в одном классе со всем крестьянством, или хоть в одном классе с середняком? Потому, что он исходил в своих суждениях из законов капиталистического развития, потому, что при капитализме крестьянство не класс, а сумма разных классов, потому, что он исходил, как и Маркс, из тенденций капиталистического развития. «Такова тенденция того общественного строя, в котором преобладает капи-

[1]) Ленин, Соч., т. III, стр. 133.
[2]) Там же, т. IX, стр. 339.

талистический способ производства. При изучении существенных отношений капиталистического производства можно допустить (потому, что это, вообще теория, все более и более становится фактом, потому, что это является сознательной целью, и потому, что только при этом условии производительные силы труда достигнут наивысшего развития), что весь мир товаров, все сферы материального производства—производства материального богатства—подчинены формально или реально) капиталистическому способу производства. При этом предположении, которое выражает собою определенную цель (лимит) и которое, стало быть, все более и более приближается к реальной действительности, все рабочие, занятые в производстве товаров, являются наемными рабочими, а средства производства во всех отраслях противостоят им, как капитала» [1]). Тенденция капиталистического строя по отношению к крестьянству такова, что середняк все более и более размывается, что середняк, которого законы капиталистического развития заставили выйти на рынок в качестве продавца рабочей силы, уже, как правило, наверх больше не поднимется, его ближайшее будущее состоит в том, что он из бедняка уже окончательно превратится в пролетария. Поэтому, учитывая это ближайшее его будущее, бедняка можно без всякой ошибки противопоставить всякому другому собственнику как уже рабочего, хотя и рабочего еще с наделом. Исходя из тенденции ближайшего будущего, «забегая вперед», Ленин выделял бедняка из класса собственников и определял его как класс деревенских пролетариев. «Если нам скажут, что мы забегаем вперед,— писал Ленин по поводу определения результатов капиталистического развития в деревне, выставляя такое, «забегающее вперед», утверждение,—то мы ответим на это следующее: Перед тем, кто хочет изобразить какое-либо живое явление в его развитии, неизбежно и необходимо становится дилемма: либо забежать вперед, либо отстать. Середины тут нет. И если все данные показывают, что характер общественной эволюции именно таков, что эта эволюция зашла уже очень далеко, если при этом точно указаны обстоятельства и учреждения, задерживающие данную эволюцию... тогда в подобном забегании вперед нет никакой ошибки» [2]).

Исходя из тенденции, из закона, из лимита капиталистического развития в деревне, Ленин относил середняков и бедноту к разным общественным классам.

Но тут возникает новый вопрос: одинакова ли тенденция, одинаков ли лимит развития для советской деревни и для деревни капиталистической? Тот же ли путь развития мы имеем в нашей советской деревне, что и в деревне капиталистической? Конечно, нет. Наш лимит развития, наша тенденция развития для середняка-крестьянина и для бедняка совсем иная, чем для капиталистической деревни. Кулак в советских условиях—капиталист, лютый враг рабочего класса и социализма. Ничего общего с крестьянством, как основным классом в нашей стране ,он не имеет„ сельскохозяйственный рабочий и в наших советских условиях есть пролетарий, но о бедняке мы уже не можем сказать, как при капитализме, что он является сочленом того же класса, что и рабочий.

Мы хотим привести бедняка-крестьянина, полупролетария (а значит, и полусобственника) к социализму, но каким путем? Не разоряя его, не пролетаризируя его, а переводя его частное производство и частную собственность в товарищескую. Как полупролетарий бедняк идет в авангарде строительства социализма в деревне, как полусобственника мы его ведем к социализму особым путем.—Мы хотим привести его к социализму через кооперацию. Лимит, тенденция развития советской деревни иные, чем в капиталистической де-

[1]) К. Маркс, Теории прибавочной ценности, т. I, стр. 276—277.
[2]) Ленин, т. III, стр. 259.

ревне. Мы никогда в советской деревне не допускали свободной игры капиталистических сил. Совершенно естественно поэтому, что навстречу процессу дифференциации, перекрывая его, пошел в советской деревне процесс консолидации крестьянства. Об этом говорил Молотов на XV с'езде. В советской деревне шел и отчасти идет еще сейчас процесс дифференциации, но в то же время бедняк, как правило, не пролетаризируется окончательно. Даже при индивидуальном ведении хозяйства, еще накануне массовой коллективизации, до сплошной коллективизации, часть бедняков превращалась в середняков. При этом надо помнить, что лимит развития, тенденция развития и для бедняков и для середняков один и тот же. Мы оказываем, конечно, в различной степени поддержку бедняку и середняку, но путь развития в наших условиях тот же самый, как для бедняка, так и для середняка: через кооперирование, через обобществление мелкой собственности не только середняцкой, но и той мелкой собственности, которая есть еще у бедняка, у полупролетария—мы ведем их обоих к социализму. А раз в наших условиях путь развития один и для середняка и для бедняка,—значит в то же время должен быть, при всех различиях, и один социальный признак, об'единяющий эти две группы крестьян. Этим единым социальным признаком, на базе которого определяется путь и бедняка, и середняка к социализму, есть мелкая собственность. С этой точки зрения мы должны сказать, что в наших советских условиях бедняк и середняк являются членами одного класса. Когда мы говорим, что двумя основными классами в нашей советской стране являются пролетариат и крестьянство, то это значит, что мы имеем в виду пролетариат и сельскохозяйственных рабочих, во-первых, и, во-вторых, — класс бедноты и середняков.

Несомненно, что в этом определении есть известное противоречие. Противоречие заключается в том, что в советской деревне, как я говорил, мы имеем не только процесс консолидации, но мы имели и имеем в то же время и процесс дифференциации крестьянства. Но тут нам приходится отвечать таким же образом, как отвечал Ленин накануне буржуазно-демократической революции, сталкиваясь с двумя разными процессами в царской деревне. Да, это безусловно противоречие, но это противоречие самой жизни, и противоречие это не может быть разрешено логикой, оно должно быть разрешено реальным, общественным развитием.

В нашей советской деревне тоже имеется два разных социальных процесса: процесс капиталистической дифференциации и процесс консолидации крестьянства, при которой бедняк до того, как превратиться в пролетария, через свою собственность, путем коллективизации, особыми путями, одинаковыми с теми путями, которыми идет середняк — приближается к социализму. Бедняк идет в колхоз охотней, чем середняк, он авангард колхозного движения, он опора партии в ее политике в деревне, но он, так же как и середняк, переходит к социализму не непосредственно, а посредственно, через кооперирование.

Поскольку мы в советской деревне имеем этот двойной социальный процесс, постольку мы при определении крестьянства как класса сталкиваемся с известными противоречиями самой жизни. В отношении к капиталистической дифференциации наше советское крестьянство не представляет единого класса, в отношении к этому процессу бедняк и середняк члены разных классов, но в отношении к процессу консолидации и коллективизации крестьянства бедняк и середняк являются одной социальной категорией. И тот и другой идут к социализму не через экспроприацию, а через кооперирование мелкой собственности. Тот батрак, который вошел в колхоз и получил взнос хотя бы от государства за счет экспроприированного кулака, в добавление к своим малым крохам, не есть, конечно, уже пролетарий. Вошедший в колхоз батрак есть член класса колхозного крестьянства, т.-е. бедняцко-середняц-

кого крестьянства. Ему не надо превращаться окончательно в пролетария, чтобы притти к социализму, и он пойдет и идет уже к социализму своим колхозным путем. При этом следует, однако, твердо помнить, что колхозное крестьянство, резко видоизменяет свою природу, но об этом в дальнейшем.

Когда-то т. Бухарин выдвинул положение, что у Ленина будто бы было два плана построения социализма в СССР. Первый план, план начала нэпа, был рассчитан на союз социализма с госкапитализмом против мелкого индивидуального земледелия, а второй план, план предсмертных статей Ленина, был рассчитан на союз социализма и мелкого земледелия против капитализма. Такая точка зрения неверна. Ленин никогда не рассчитывал на союз социализма и госкапитализма против середняка, ибо опора на капитализм (даже в форме госкапитализма) против середняка означала бы для середняка путь капиталистической диференциации, и только: лимитом развития для основной массы середняков стал бы пролетарий, по пути разорения, пролетаризации пошло бы при таком, будто бы ленинском, плане развития середнячество. Меж тем и в самом начале нэпа, при его введении, Ленин исходил из того, что развитие середняцкой массы деревни должно пойти по пути к социализму. Реальная действительность подтвердила правоту ленинского плана. Навстречу процессу дифференциации, замедляя его, перекрывая его, в советской деревне пошел процесс консолидации основных масс крестьянства. «Процесс усиления середняцкой части и некоторого сокращения бедняцкой части абсолютно ясно выражен в жизни деревни, он доказан цифрами. Это результат тех особенностей, которые для нашей деревни создались на основе коренных изменений социально-экономического и культурно-политического развития нашей деревни при диктатуре пролетариата. Это и есть то, что является принципиально новым в развитии по сравнению с ее дореволюционным прошлым» (из речи т. Молотова на XV с'езде ВКП). В советской деревне шел, а отчасти и сейчас еще идет процесс дифференциации, однако в советских условиях бедняк, как правило, не пролетаризируется и не пролетаризировался окончательно. Даже при индивидуальном ведении хозяйства бедняк частично превращался обратно в середняка. Лимит для бедняка, для полупролетария советской деревни находится не в конце процесса его окончательной пролетаризации, а в конце процесса кооперирования, коллективизации. Бедняк, одинаковым путем, как и середняк (что не мешает большей степени поддержки бедняку, чем середняку, со стороны органов советской власти), через кооперирование, через сложение средств производства, которых не лишился еще совсем и бедняк, идут к социализму. У бедняка и у середняка один лимит в развитии, они идут одним путем развития к социализму (ленинский кооперативный план), приспособленным к собственнической стороне природы не только середняка, но и бедняка, к социализму. Следовательно, в наших советских условиях второй основной крестьянский класс нашего строя образует совокупность и середняков и бедняков. Мелкая и мельчайшая собственность крестьянства (т.-е. середняцкая и бедняцкая собственность) не уничтожаются, а переделываются.

Обобществленная собственность середняков и бедняков и в колхозе, в этой уже социалистической ячейке сельского хозяйства, сохраняет следы своего происхождения. Пролетариат владеет средствами производства через власть, через свою диктатуру в государстве, распоряжается ею в национальном масштабе, бедняки и середняки владеют средствами производства даже при передаче их в неделимый фонд колхоза, как владельцы пая, как участники производственно-кооперативного об'единения. Поскольку мы рассматриваем социальную природу советского крестьянства с точки зрения задержки и преодоления его дифференциации, с точки зрения процессов его коллективизации и развития его к социализму—мы должны сказать, что оно является единым классом, классом бедняков и средняков. Кулак есть капиталист, его бу-

ревне. Мы никогда в советской деревне не допускали свободной игры капиталистических сил. Совершенно естественно поэтому, что навстречу процессу дифференциации, перекрывая его, пошел в советской деревне процесс консолидации крестьянства. Об этом говорил Молотов на XV с'езде. В советской деревне шел и отчасти идет еще сейчас процесс дифференциации, но в то же время бедняк, как правило, не пролетаризируется окончательно. Даже при индивидуальном ведении хозяйства, еще накануне массовой коллективизации, до сплошной коллективизации, часть бедняков превращалась в середняков. При этом надо помнить, что лимит развития, тенденция развития и для бедняков и для середняков один и тот же. Мы оказываем, конечно, в различной степени поддержку бедняку и середняку, но путь развития в наших условиях тот же самый, как для бедняка, так и для середняка: через кооперирование, через обобществление мелкой собственности не только середняцкой, но и той мелкой собственности, которая есть еще у бедняка, у полупролетария—мы ведем их обоих к социализму. А раз в наших условиях путь развития один и для середняка и для бедняка,—значит в то же время должен быть, при всех различиях, и один социальный признак, об'единяющий эти две группы крестьян. Этим единым социальным признаком, на базе которого определяется путь и бедняка, и середняка к социализму, есть мелкая собственность. С этой точки зрения мы должны сказать, что в наших советских условиях бедняк и середняк являются членами одного класса. Когда мы говорим, что двумя основными классами в нашей советской стране являются пролетариат и крестьянство, то это значит, что мы имеем в виду пролетариат и сельскохозяйственных рабочих, во-первых, и, во-вторых, — класс бедноты и середняков.

Несомненно, что в этом определении есть известное противоречие. Противоречие заключается в том, что в советской деревне, как я говорил, мы имеем не только процесс консолидации, но мы имели и имеем в то же время и процесс дифференциации крестьянства. Но тут нам приходится отвечать таким же образом, как отвечал Ленин накануне буржуазно-демократической революции, сталкиваясь с двумя разными процессами в царской деревне. Да, это безусловно противоречие, но это противоречие самой жизни, и противоречие это не может быть разрешено логикой, оно должно быть разрешено реальным, общественным развитием.

В нашей советской деревне тоже имеется два разных социальных процесса: процесс капиталистической дифференциации и процесс консолидации крестьянства, при которой бедняк до того, как превратиться в пролетария, через свою собственность, путем коллективизации, особыми путями, одинаковыми с теми путями, которыми идет середняк — приближается к социализму. Бедняк идет в колхоз охотней, чем середняк, он авангард колхозного движения, он опора партии в ее политике в деревне, но он, так же как и середняк, переходит к социализму не непосредственно, а посредственно, через кооперирование.

Поскольку мы в советской деревне имеем этот двойной социальный процесс, постольку мы при определении крестьянства как класса сталкиваемся с известными противоречиями самой жизни. В отношении к капиталистической дифференциации наше советское крестьянство не представляет единого класса, в отношении к этому процессу бедняк и середняк члены разных классов, но в отношении к процессу консолидации и коллективизации крестьянства бедняк и середняк являются одной социальной категорией. И тот и другой идут к социализму не через экспроприацию, а через кооперирование мелкой собственности. Тот батрак, который вошел в колхоз и получил взнос хотя бы от государства за счет экспроприированного кулака, в добавление к своим малым крохам, не есть, конечно, уже пролетарий. Вошедший в колхоз батрак есть член класса колхозного крестьянства, т.-е. бедняцко-середняц-

кого крестьянства. Ему не надо превращаться окончательно в пролетария, чтобы притти к социализму, и он пойдет и идет уже к социализму своим колхозным путем. При этом следует, однако, твердо помнить, что колхозное крестьянство, резко видоизменяет свою природу, но об этом в дальнейшем.

Когда-то т. Бухарин выдвинул положение, что у Ленина будто бы было два плана построения социализма в СССР. Первый план, план начала нэпа, был рассчитан на союз социализма с госкапитализмом против мелкого индивидуального земледелия, а второй план, план предсмертных статей Ленина, был рассчитан на союз социализма и мелкого земледелия против капитализма. Такая точка зрения неверна. Ленин никогда не рассчитывал на союз социализма и госкапитализма против середняка, ибо опора на капитализм (даже в форме госкапитализма) против середняка означала бы для середняка путь капиталистической диференциации, и только: лимитом развития для основной массы середняков стал бы пролетарий, по пути разорения, пролетаризации пошло бы при таком, будто бы ленинском, плане развития середнячество. Меж тем и в самом начале нэпа, при его введении, Ленин исходил из того, что развитие середняцкой массы деревни должно пойти по пути к социализму. Реальная действительность подтвердила правоту ленинского плана. Навстречу процессу дифференциации, замедляя его, перекрывая его, в советской деревне пошел процесс консолидации основных масс крестьянства. «Процесс усиления середняцкой части и некоторого сокращения бедняцкой части абсолютно ясно выражен в жизни деревни, он доказан цифрами. Это результат тех особенностей, которые для нашей деревни создались на основе коренных изменений социально-экономического и культурно-политического развития нашей деревни при диктатуре пролетариата. Это и есть то, что является принципиально новым в развитии по сравнению с ее дореволюционным прошлым» (из речи т. Молотова на XV с'езде ВКП). В советской деревне шел, а отчасти и сейчас еще идет процесс дифференциации, однако в советских условиях бедняк, как правило, не пролетаризируется и не пролетаризировался окончательно. Даже при индивидуальном ведении хозяйства бедняк частично превращался обратно в середняка. Лимит для бедняка, для полупролетария советской деревни находится не в конце процесса его окончательной пролетаризации, а в конце процесса кооперирования, коллективизации. Бедняк, одинаковым путем, как и середняк (что не мешает большей степени поддержки бедняку, чем середняку, со стороны органов советской власти), через кооперирование, через сложение средств производства, которых не лишился еще совсем и бедняк, идут к социализму. У бедняка и у середняка один лимит в развитии, они идут одним путем развития к социализму (ленинский кооперативный план), приспособленным к собственнической стороне природы не только середняка, но и бедняка, к социализму. Следовательно, в наших советских условиях второй основной крестьянский класс нашего строя образует совокупность и середняков и бедняков. Мелкая и мельчайшая собственность крестьянства (т.-е. середняцкая и бедняцкая собственность) не уничтожаются, а переделываются.

Обобществленная собственность середняков и бедняков и в колхозе, в этой уже социалистической ячейке сельского хозяйства, сохраняет следы своего происхождения. Пролетариат владеет средствами производства через власть, через свою диктатуру в государстве, распоряжается ею в национальном масштабе, бедняки и середняки владеют средствами производства даже при передаче их в неделимый фонд колхоза, как владельцы пая, как участники производственно-кооперативного об'единения. Поскольку мы рассматриваем социальную природу советского крестьянства с точки зрения задержки и преодоления его дифференциации, с точки зрения процессов его коллективизации и развития его к социализму—мы должны сказать, что оно является единым классом, классом бедняков и средняков. Кулак есть капиталист, его бу-

дущее—это экспроприация его средств производства бедняцко-середняцкими массами деревни. Сельскохозяйственный рабочий, идущий в совхоз, есть пролетарий. А основная масса крестьян, есть второй основной класс нашего строя.

Конечно, такое определение крестьянства, как класса, содержит в себе повторяю, не подлежащее сомнению противоречие, но, употребляя метод и термины Ленина, мы можем сказать, что это противоречие не доктрины, а противоречие самой жизни. Поскольку в советской деревне имелись и имеются процессы дифференциации, постольку вообще нельзя говорить о крестьянстве, как об одном классе, постольку бедняк и середняк—члены разных классов в деревне, но поскольку в советской деревне идет процесс консолидации и коллективизации основных бедняцко-середняцких масс деревни, постольку и середняк и бедняк составляют один класс. Противоречие это не выдуманное, а реальное, диалектическое противоречие, которое ведет вперед, которое будет разрешено и разрешается на путях социалистической переделки крестьянства, на путях на этот раз уже полной ликвидации классового строения общества.

Да, класс крестьянства в наших советских условиях есть класс середняков и бедноты, но в то же время беднота и середняки не одно и то же; по отношению к капиталистическим процессам, даже зачаточным и даже остаточным это разные социальные группы. Явление это и надо уметь понять во всем его противоречии и по отношению к все нарастающему колхозному движению, уничтожающему кулачество как класс, закрывающему путь дифференциации, и по отношению к имевшим и имеющим место в советской деревне процессам капиталистической дифференциации, даже в их остаточной форме. С точки зрения процессов капиталистической дифференциации середняк и бедняк члены разных социальных слоев, с точки зрения доминирующего в наших условиях пути развития они члены одного класса.

Колхозное движение полностью подтверждает такое толкование крестьянства, как класса. В колхозы идут и бедняки и середняки, в колхозах сохраняется еще различие между бедняками и середняками, но в колхозах уже нет класса людей, лишенных средств производства, как и нет класса людей, владеющих индивидуально основными средствами производства. В колхозе наемный труд запрещен, и не только декретом. Наемный труд в колхозах преодолевается на деле. Поэтому колхоз и является уже социалистической хозяйственной ячейкой.

«Чем определяется тип хозяйства? Очевидно, отношениями людей в процессе производства. Чем же иным можно определить тип хозяйства? Но разве в колхозе имеется класс людей, являющихся собственниками средств производства, и класс людей, лишенных этих средств производства? Разве в колхозе имеется класс эксплоататоров и класс эксплоатируемых? Разве колхоз не представляет обобществления основных орудий производства на земле, принадлежащей, к тому же, государству? Какое имеется основание утверждать, что колхозы, как тип хозяйства, не представляют одну из форм социалистического хозяйства?» (Сталин, «К вопросам аграрной политики»).

Учитывая тенденцию развития, мы устанавливаем революционную перспективу своей деятельности. Мы не деляги, мы строители нового общества, мы не можем жить и работать без широких революционных горизонтов, без равнения на нашу конечную цель—на коммунизм. Об этом прекрасно говорил тов. Сталин в своих работах по ленинизму. С точки зрения пути развития, своеобразие которого опирается на теперешнее отношение к средствам производства (собственники и полусобственники, идущие своим особым путем, под руководством пролетариата к социализму), бедняки и середняки являются членами одного, основного для нашего строя класса. Но т. Сталин в то же время предупреждал, что одно равнение на будущее, без умелого подготовления этого будущего практической работой, превращается в сладкую

...овщину, а чтобы быть дельным практиком, нужно видеть не только тенденцию развития, но и уметь определять степень этого развития на сегодняшний день, видеть противодействующие ему процессы, понимать его противоречия, точно указывать «обстоятельства и учреждения, задерживающие данную эволюцию» (Ленин). Поэтому при определении современного крестьянства нельзя удовлетворяться только тем, что бедняк и середняк члены одного класса, нужно при этом помнить, что, с точки зрения процессов дифференциации, это группы с разным социальным положением, что, даже входя в колхоз, они приносят с собой различия, которые не могут сразу исчезнуть, что и в колхозах сохраняется известное имущественное неравенство и т. д. Поэтому в своей речи т. Сталин, давая приведенную нами характеристику социальной природы колхозов, в то же время оговаривает имеющиеся даже внутри колхоза противоречия:

«Конечно, в колхозах имеются противоречия. Конечно, в колхозах имеются индивидуалистические и даже кулацкие пережитки, которые еще не отпали, но которые обязательно должны отпасть с течением времени, по мере укрепления колхозов, по мере их машинизации».

Но в то же время т. Сталин указывал, что, с точки зрения побеждающей тенденции, колхозы, несмотря на скрытые в них противоречия, являются носителями социалистического пути развития и соответствующих социальных отношений:

«Но разве можно отрицать, что колхозы в целом, взятые с их противоречиями и недостатками, колхозы, как хозяйственный факт, представляют в основном новый путь развития деревни, путь социалистического развития деревни в противоположность кулацкому, капиталистическому пути развития? Разве можно отрицать, что колхозы (я говорю о колхозах, а не лжеколхозах) представляют при наших условиях базу и очаг социалистического строительства в деревне, выросшую в отчаянных схватках с капиталистическими элементами»?

Определение социальной природы крестьянства, учитывающее оба процесса, происходящие в советской деревне, и процесс дифференциации и процесс коллективизации, процесс некапиталистического развития мелких и мельчайших собственников деревни противостоит теории правых и «левых».

Тов. Бухарин проповедывая взгляды о союзе с крестьянством вообще, о врастании кулака в социализм и т. д. Такая неправильная неленинская трактовка союза с крестьянством не учитывает процессов дифференциации, имеющих место в советской деревне, во-первых, а, во-вторых, исходит из того, что крестьянство является вторым основным классом в условиях строительства социализма в том же самом смысле, в каком Ленин говорил о крестьянстве, как о классе, по отношению к крепостничеству (см. мысль т. Бухарина в «Политическом завещании Ленина» о сочетании пролетарской революции с крестьянской войной в строительной форме).

Против крепостничества, гнет которого тяготел и над кулаком, крестьянство было единым классом, включая кулаков, середняков и бедняков. Это определение не забегало вперед, а несколько отставало от жизни, но это было вполне закономерно, ибо оно учитывало реальные социально-экономические отношения, доминировавшие еще над развившимися в деревне капиталистическими отношениями. Но при определении крестьянства как класса в наших советских условиях конституирующим признаком является та крестьянская собственность, которая способна подвергнуться социалистической переделке. Совершенно очевидно, что не только с точки зрения имеющих место в советской деревне процессов дифференциации, но и с точки зрения путей развития к социализму, кулак относится к капиталистам, к непримиримым врагам социализма. Только мелкие и мельчайшие собственники, середняки и бедняки, способны

к развитию по кооперативному плану Ленина. Так ставит вопрос Владимир Ильич в тех своих статьях последнего периода своей жизни, на основании которых т. Бухарин пытался обосновать положение о необходимости союза с крестьянством в том самом смысле, в каком Ленин и Маркс говорили о сочетании пролетарской революции с крестьянской войной, только в строительной форме. Сочетание пролетарской революции с крестьянской войной (т.-е. с выступлением всего крестьянства, включая и кулаков) было возможно только в революции, направленной еще и против крепостничества. Тащить же с собой кулака в социализм нельзя ни по духу, ни по букве марксизма. Из статей Ленина последнего периода совершенно отчетливо видно, какие элементы крестьянства он имел в виду, когда писал о крестьянстве, как о втором основном классе нашего строя.

В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин пишет: «В нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян»... В статье «О кооперации» расшифровывается, какие слои крестьянства Ленин имеет в виду, когда говорит о крестьянстве, как о втором основном классе СССР. Союз рабочего класса с крестьянством, это «союз пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян».

Для всякого, знакомого с терминологией Ленина, известно, что мелкие и мельчайшие крестьяне—это и есть середняки и бедняки. По Ленину класс крестьян в советских условиях—это бедняки и середняки; кулаки в советских условиях, так же, как и в капиталистических странах, составляют часть класса капиталистов, врагов социализма. В то же время, пока в советских условиях еще имеет место дифференциация, до тех пор остается в силе лозунг Ленина, определяющий позицию партии по отношению к разным слоям расслаивающегося крестьянства: «Уметь достигать соглашения со средним крестьянством, ни на минуту не забывая о борьбе с кулаком и прочно опираясь на бедноту» (Ленин). Ведя ленинским кооперативным путем бедняков и середняков, как единый класс, к социализму, рабочий класс прочно опирается на бедноту. Почему? Да потому, что интересы бедноты прочно связывают ее с рабочим классом и в процессе дифференциации, и в процессе коллективизации. Беднота, как правило, не может колебаться поэтому в сторону капитализма. Организация бедноты есть организация сил социализма в деревне при всех и всяческих условиях. Интересы же середняков с точки зрения их ближайшего будущего, с точки зрения уроков недавнего прошлого совпадают с интересами пролетариата и бедноты, но в процессе дифференциации, при наличии и экономических различий с беднотой, при наличии еще кулацкого земледелия в деревне, середняк, и сохраняя союз с рабочим классом, способен к весьма заметным политическим колебаниям. Лишь под руководством рабочего класса, лишь при инициативе бедноты середняк вместе с беднотой переустраивает индивидуальное отсталое земледелие в передовое коллективное. Поэтому правые теории (как и правая практика, игнорирование работы с беднотой) мешают социалистическому переустройству деревни, помогают капиталистическим элементам крестьянства. Правильное представление о природе крестьянства как класса, со всеми заложенными в нем противоречиями, необходимо для того, чтобы ни на минуту не забывать о том, что кулак является врагом социализма даже в и «строительных» условиях, что вести крестьянство к социализму можно лишь через организацию бедноты.

В то же время понимание того, что в наших условиях и середняки, и бедняки составляют класс, развивающийся через коллективизацию к социализму, делает нас бдительными по отношению к троцкистским или полутроцкистским теориям, рассматривающим середняка, как врага социализма.

Троцкий не понимает, что середняк принадлежит к тому классу кре-

крестьянства, который пролетариат в условиях своей диктатуры может вести к социализму. Поэтому Троцкий рассматривает середняцкие колхозы не только не как социалистические формы хозяйства, но и как источники нарождения нового кулачества. В статье своей «Положение партии и задачи левой оппозиции» от 23/III-30 г. Троцкий пишет:

«Жизнеспособное меньшинство колхозов, представляющее важный шаг вперед, отнюдь еще не равносильно «социализму». При нынешних своих средствах производства, в условиях товарного производства колхозы будут н е и з б е ж н о в ы д е л я т ь н о в ы й с л о й к р е с т ь я н - э к с п л о а т а т о р о в. Административный разгром внеколхозных кулаков не только не перерывает экономической ткани крестьянства, но и не может помешать развитию кулачества внутри колхозов. Это прежде всего обнаружится на многих из тех артелей, которые будут иметь наибольший хозяйственный успех. Объявляя колхозы социалистическими предприятиями, нынешнее руководство обеспечивает тем самым маскировку внутренних колхозных кулаков»...

Мы же вместе с Лениным считаем, что середняк может, под руководством рабочего класса переделывать свою природу в сторону социализма, и что колхоз есть уже социалистическая форма хозяйства. Поэтому мы и ведем середняка в колхоз, убеждая и поощряя его. Лишь не веря в способность середняка переделать на социалистический лад свою природу, можно пытаться насильно, наперекор его собственным желаниям гнать его в колхоз.

Чтобы вести середняка к социализму, н у ж н о у м е т ь п о н и м а т ь и е г о р а з л и ч и е и е г о с х о д с т в о с б е д н я к о м. При условиях капиталистической дифференциации вернейшей и первейшей опорой социализма в деревне является бедняк. Лишь организуя самостоятельно бедноту, лишь ведя непримиримую борьбу с кулаком, можно создать реальные условия для соглашения с середняком, для руководства середняком. Через бедноту пролетариат руководит середняком и направляет его против кулака и кулацкого земледелия. Но, овладев доверием середняка, пролетариат не насильем, не голым администрированием гонит его к коллективизации, а на реальном опыте показывает ему выгодность и преимущества социалистического пути развития. В колхозах, вместе с бедняком, он дает ему возможность безболезненно для него переделать свою собственническую природу. Кооперативный план Ленина рассчитан на построение социализма путями, приемлемыми для класса мелких и мельчайших крестьян. В многолетних боях с троцкизмом партия научилась бережному отношению к середняку. Партия поэтому сравнительно легко и быстро исправила антисередняцкие загибы при коллективизации. Главная же опасность для сегодняшнего дня состоит в том, чтобы не забыть, что вести «мелких» крестьян к социализму можно, лишь опираясь на организацию «мельчайших» крестьян, крестьян-бедняков.

Такова двуединая задача, стоящая сейчас перед партией по отношению к крестьянству. Исходя из различий в нем, самостоятельно организовывать его бедняцкую часть, исходя из единства бедняков и середняков в одном классе, вести их одним добровольным путем к социализму.

Наиболее веские аргументы против включения в класс крестьянства периода строительства социализма и бедняков и середняков были выдвинуты в работе К. А. Попова «Марксизм и вопрос о крестьянстве в пролетарской революции» («Прибой», 1928 г.). С точки зрения К. Попова Ленин, говоря о крестьянстве как о классе в эпоху строительства социализма, имел в виду исключительно середняков.

К. А. Попов, обосновывая свое мнение о социальной природе крестьянства в условиях строительства социализма, приводит суждения Ленина, относящиеся или к поравненной осередняченной деревне времен кануна нэпа, или же к процессам дифференциации в советской деревне, и только. Но он почему-то в этом контексте обходит высказывания Ленина, относящиеся к бу-

дущему крестьянства в советских условиях, хотя бы из статей: «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «О кооперации». В этих своих работах, как мы уже показали выше, Ленин выделяет и середняков и бедняков, как собственников (мелких и мельчайших), не эксплоатирующих наемного труда, как второй основной класс нашего строя, идущий под руководством рабочих к социализму.

Все те формулы, которые приводит К. А. Попов, относятся или к тем периодам, когда в деревне мы имели только капиталистический процесс развития, или к крестьянству, каким оно стало непосредственно после победы социалистической революции, т.-е. относится к крестьянству поравненному.

Попробуйте применить цитаты о капиталистической дифференциации деревни к нашему времени без всяких добавлений. Попов по существу это и делает, когда он говорит о социальной природе крестьянства в период строительства социализма. Сможем ли мы с ними разобраться в нашей советской действительности? Всякий скажет, что нет.

К. А. Попов указывает, что труд по найму у бедняцкого крестьянства—главный источник его существования, минимум половина источников его существования. Поэтому бедняк не может относиться к тому же классу, как середняк. Все это правильно, но в наших условиях только этим ограничиваться нельзя.

Для того бедняка, который пошел в колхоз, не продажа рабочей силы, не пролетарские источники дохода—являются главным источником существования. Кто предполагает, что бедняк в колхозе будет получать главные средства для существования от продажи своей рабочей силы, а не будет достаточно обеспечен в самом колхозе, как и середняк, тот не имеет правильного представления о нашей действительности. Улучшение положения бедняка в колхозе и ставит перед нами такой вопрос, как регулирование отхода. Это поставит перед нами очень скоро вопрос о социалистическом регулировании и распределении рабочей силы. А между тем, колхозное крестьянство—еще класс. Вчерашний бедняк в колхозе еще не пролетарий и не производитель бесклассового социалистического общества. А тем не менее нельзя сказать, что в колхозе он живет, главным образом, на средства от продажи своей рабочей силы.

Формулировка Попова (данная им, правда, в 1927 г.) целиком глядит назад, обращена спиной к современности. Он не учитывает тех процессов, которые характерны сегодня, которые характерны были и для того периода нашего развития, когда бедняк не только пролетаризировался, но когда бедняк частично поднимался вверх, превращался в середняка. Для того бедняка, который превращался в середняка, работа по найму становилась все время уменьшающейся величиной, как источник существования, а увеличивающейся величиной становился тот источник, из которого существует и середняк. Надо это учитывать? Безусловно. Различать бедняка и середняка необходимо, но необходимо в то же время усматривать, какими путями идет развитие бедняцкого хозяйства у нас. Тов. К. Попов берет указание Ленина на III конгрессе Коминтерна о том, что у нас имеются только два основных класса — пролетариат и крестьянство.

«Внутреннее политическое положение Советской России,—писал Ленин в тезисах о тактике РКП для III конгресса, — определяется тем, что мы видим в первый раз во всемирной истории существование в течение целого ряда лет только двух классов: пролетариата, который воспитан десятилетиями очень молодой, но все же современной, крупной машинной промышленности, и мелкого крестьянства, составляющего огромное большинство населения». Приводя эту ленинскую цитату, тов. К. Попов задает себе вопрос, почему Ленин, говоря о двух основных классах, говорит только о пролетариате и крестьянстве, почему он не говорит о деревенской бедноте?

«Но почему же он не говорит о деревенской бедноте? Потому,—отвечает т. К. Попов,—что речь идет о к л а с с а х, а эта беднота не класс, это промежуточная социальная группа, между двумя классами одной стороной упирающаяся в пролетариат, а другой—в среднее крестьянство» (стр. 107).

Тов. Попов указывает, что беднота — это не пролетариат и не мелкая буржуазия, а нечто промежуточное. Между тем, Ленин не боялся, как мы указывали, относить бедноту к пролетарским слоям населения и делать из нее движущую силу социалистической революции в деревне. Еще в 1919 году Ленин писал, что беднота — это «пролетарий и полупролетарий, как принято говорить в экономической науке» (т. XVI, стр. 29). Это первое. Во-вторых т. Попов указывает вот на что: так как Ленин говорил о классах, а не о промежуточных группах, поэтому он в произведенном выше контексте бедноту упустил. Но что же тогда выходит? Беднота всегда по т. Попову промежуточная группа, следовательно, там, где Ленин говорит о классах, то он, стало быть должен всегда бедноту опускать, игнорировать ее и т. д. Меж тем фиксирование внимания на классах и классовой борьбе никогда не мешало Ленину всегда подчеркивать особую роль и значение бедноты.

Тов. К. Попов нападает на след правильного об'яснения, когда он указывает, что о кулаке Ленин не говорил на III конгрессе потому, что кулак тогда не представлял значительной силы, значительной величины. Это правильно. Потому-то Ленин и говорил о крестьянстве на III конгрессе, как о классе, что он имел в виду, что почти все крестьянство в основном и целом было тогда середняцким. Но раз не было кулаков, значит не было и дифференциации, а раз не было дифференциации, значит не было бедноты. К. Попов говорит, что Ленин о бедноте не писал потому, что речь шла о классах, а беднота—это промежуточная группа, кулак же не представлял для Ленина интереса в виду своей малой величины. Но ведь, если нет кулака, то значит нет дифференциации, а если есть дифференциация, то значит есть кулак. Опять же, обратно, если нет кулака, нет дифференциации, а нет дифференциации—значит нет бедноты Выходит, что Ленин говорил о крестьянстве, как о классе середняков, на III конгрессе, еще не учитывая тех процессов, которые развились в деревне только в п о с л е д с т в и и, вместе с развитием нэпа. Он говорил об осередняченном крестьянстве.

Подводя итоги, т. Попов считает, что социальная группировка крестьянства в советской деревне не изменилась по сравнению с тем, что было при капитализме. По сути дела все, кто защищает точку зрения, аналогичную с точкой зрения Попова, должны сказать, что социально-экономическая природа крестьянства в советских условиях та же, что и в условиях капиталистических.

Тов. Попов так и пишет: «Социальные группировки деревни, остающиеся в наследство от капиталистической эпохи, сохраняют при диктатуре пролетариата на длительное время (на долгий ряд лет) свою прежнюю природу, при чем центральное место занимает мелкое (или, по нашей терминологии, среднее) крестьянство, как «самостоятельный класс», способный противостоять пролетариату. Но диктатура пролетариата, перевертывая все социальные отношения, доставшиеся в наследство от капитализма, в корне меняет и тенденции развития социальных группировок деревни» (стр. 108). Тенденций развития К. Попов и не сумел применить при определении социальной природы советского крестьянства. И о социальной природе крестьянства, а не только о тенденциях его развития Ленин весьма категорически заявлял: «Классы остались, но к а ж д ы й видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата» [1]). Каждый видоизменился. А т. Попов пишет о социальных группировках в деревне, остающихся в наследство от капиталистической эпохи,

---

[1]) Ленин, т. XVI, стр. 354.

сохраняющих и при диктатуре пролетариата на долгий ряд лет свою прежнюю природу. На вопросы о социальной природе крестьянства, в условиях строительства социализма, ответ может быть только такой: поскольку в советской деревне происходит процесс капиталистической дифференциации, постольку крестьянство не является классом. Но поскольку в советской деревне идет процесс консолидации крестьянства, идет процесс коллективизации крестьянства через собственность и бедняка и середняка,—постольку и бедняк и середняк являются одним классом простых товаропроизводителей, через собственность развивающихся к социализму, переделывающих свою природу, чтобы стать в будущем производителями бесклассового общества.

Еще одно замечание. Иногда приходится сталкиваться с мнениями, что пролетариат и крестьянство не являются основными классами в нашей стране. Есть точка зрения, по которой у нас три основных класса: пролетариат, крестьянство и буржуазия.

Такая точка зрения неверна. Конечно, буржуазия не является в наших условиях основным классом. Она остаточный класс. Рост ее стеснен. Политически оформиться буржуазия не может. Хозяйственно она подорвана. Она не определяет характера хозяйственной эволюции нашей страны. А, ведь, когда мы говорим об основных классах, то мы говорим о таких классах, которые определяют путь социального развития. Иногда поэтому другие товарищи говорят, что крестьянство не является основным классом у нас. Если, мол, говорить строго научно, то в нашем строе основным классом является только пролетариат, а крестьянство, собственно говоря, неизвестно что такое. И эта точка зрения неверна. Пролетариат, и видоизменивший свою природу, есть особый класс, который своим особым путем строит социализм, строит его путем индустриализации, расширения промышленности, путем усовершенствования форм социалистического труда и т. д. С другой стороны, и крестьянство идет к социализму, но идет оно к социализму путем не пролетарским, а своим о с о б ы м путем, приноровленным к его—мелкособственнической—природе. Наличие для крестьянства о с о б о г о пути развития к социализму на основе его собственной классовой природы и делает из крестьянства этот второй основной класс нашего строя. Конечно, оба эти класса по отношению друг к другу не антагонистичны. Вот классическое определение классов, данное Лениным. «Классами называются большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы—это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного богатства».

Во всех общественных формациях основные классы антагонистичны по отношению друг к другу. В нашем строе основные классы не антагонистичны друг к другу, а соединены друг с другом союзом. Поэтому при определении природы основных классов нашего строя в их взаимоотношении, последний пункт ленинского определения уже не применим. В этом заключается то новое, что свойственно нашей классовой структуре. Между пролетариатом и буржуазией, между беднотой и кулачьем, при союзе бедноты с середняками, идет и сейчас еще лютая и непримиримая борьба. Лишь раздробив хребет капиталистам, как классу, можно построить бесклассовое общество. Но между основными классами нашего строя нет непримиримой классовой вражды, они—союзники между собой, хотя пролетариат и борется за переделку собственнической природы крестьянства. Почему к взаимоотношениям наших основных классов неприменим тот пункт определения Ленина, где говорится о полярности и антагонистичности основных классов в обычном классовом обществе.

Потому, что наше общество есть общество диктатуры пролетариата, потому, что «скачок», ведущий к социализму, у нас не впереди, а уже позади. Наши основные классы уже настолько видоизменили свою природу (крестьянство при вступлении в колхозы), они так видоизменили и видоизменяют свою хозяйственную роль, что сейчас они уже готовы для того, чтобы при создании соответствующих условий внутри и вне наших границ, растаять как классы. Пролетариат сейчас — это уже не есть рабочий класс в старом смысле этого слова, это уже не класс угнетенных, обездоленных, не владеющих средствами производства людей. Простое распространение, качественно-количественное увеличение пролетариата, а, с другой стороны, усовершенствование его теперешних форм труда расширяет и количество и качество элементов социализма в нашей стране. В видоизмененном виде, в других пропорциях, при другом исходном пункте и другом пути развития все вышесказанное относится и к *крестьянству, об'единенному в колхозы*. Крестьянство в колхозах, конечно, еще класс, но это уже не вполне класс. Почему? Потому, что колхоз есть грубая, первоначальная форма уже социалистического хозяйства в земледелии. Рост коллективизации, его об'ема и степени процессов обобществления даст нам в конечном счете социалистических производителей в земледелии.

Классы видоизменились. Прежние определения классов уже не годятся в полном об'еме к взаимоотношениям наших основных классов, но сейчас мы имеем еще два основных класса, из которых одним является пролетариат, а другим — бедняцко-середняцкое крестьянство.

Ответственный редактор А. М. Деборин.
Редакционная коллегия: А. А. Максимов, М. Н. Покровский, Я. Э. Стэн, А. К. Тимирязев.

Главлит № А—54829. Тираж 7500 экз.

Типография газеты „Правда“, Москва, Тверская, 48.